
В НОМЕРЕ

Поэзия

Евгений ЭРАСТОВ	
НОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА	4
Никита БРАГИН	
ТЫ ЗНАЕШЬ, Я ЖИВУ НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ...	8
Игорь ГОЛУБЬ	
ВНУТРЕННЯЯ СТОЛИЦА	13

Проза

Олег РЯБОВ	
МЕДВЕДИХА МУСЯ	18
ГАЗОВЫЙ БАЛЛОНЧИК	24
РИСУНОЧЕК ПИКАССО	28
МАМА В ПОДАРОК. Святочный рассказ	32
Игорь ОЗЁРСКИЙ	
ДЕТИ ПУСТЫНИ	35
Николай ГОРИЦВЕТОВ	
ПРИХОЖАНИН	40
Александр МУЛЕНКО	
КОШЕРНЫЕ ЧАСЫ	44
Арсений ГОНЧУКОВ	
ПОДЖИГАТЕЛИ	54
Сергей ЛИТЯЖИНСКИЙ	
СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ	61
Вероника ВОРОНИНА	
БЕЛОЕ КРУЖЕВО, РОЗОВЫЙ ШЕЛК	77
РОДОВОЕ ДРЕВО	79

Поэзия

Валерий СУХОВ	
КРЫЛЬЕВ МАТЕРИНСКИХ ОБЕРЕГ	82
Дмитрий ЛАРИОНОВ	
НА РАССТОЯНИИ СЛЕЗЫ	86
Андрей ПОПОВ	
КТО СТОИТ НАД МОЕЮ ДУШОЮ?...	90

Проза

Евгений МАКАРОВ	
ЛЕХА-ДУРДИЗЕЛЬ.	93
Геннадий ЁМКИН	
ИСТОЧНИК. Повесть	102
Павел ПОНОМАРЁВ	
КРЫСИНАЯ НОРА	118
Александр КАШТАНОВ	
МИЛЕДИ	123

Андрей ГОРЬКОВЧАНИН	
ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО	127
Владимир АВЕТИСЯН	
КАРАЧУН	134
Наталья КУЗНЕЦОВА	
НОВАЯ ДЕНЬГА	148

Студия слова

Литературная мастерская Захара Прилепина в Нижнем Новгороде

Валерий МАККАВЕЙ	
ЛЮСЬКА.	155
Виктория ЧИКАРНЕЕВА	
СИЛЬНЕЕ И БЫСТРЕЕ	159
Алиса ОРЛОВА. Стихи	165
Сергей МИХЕЕВ. Стихи	168
Анастасия БЕЗДЕТНАЯ. Стихи	171
Дмитрий ВИЛКОВ. Стихи	172
Вера КАРАВАНОВА. Стихи	173
Игорь ЗАЙЦЕВ. Стихи	174
Лейла ОREN. Стихи	175

Публицистика

Александр ЛОМТЕВ	
ВСТРЕЧИ. Из дневников одинокого путника	177
Протоиерей Михаил РЕЗИН	
ВОСТОЧНАЯ КАЗНЬ.	185
ГРИБЫ	189

Вехи памяти

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА	
В ПРЕДЧУВСТВИИ ВСЕЛЕНСКОЙ ГАРМОНИИ: Ф.И. ТЮТЧЕВ И И.С. ТУРГЕНЕВ В год юбилеев русского поэта и русского писателя	194

Литпроцесс

Николай ПЕРЕЯСЛОВ	
МИР В КАЛЕЙДОСКОПЕ О романе Юрия Козлова «Враждебный портной»	214
Елена КРЮКОВА	
НАКАЗАНИЕ БЕССМЕРТИЕМ О книге Арсения Гончукова «Доказательство человека»	218
ВЕЧНАЯ ЗИМНЯЯ СТРАННИЦА-РУСЬ О книге Марианны Дударевой «Россия: зимний путь» (2023)	228

Поэзия

Евгений ЭРАСТОВ

Родился в 1963 году в Горьком. Окончил Горьковский медицинский институт и Литературный институт им. А. М. Горького. Доктор медицинских наук.

Автор семи поэтических и четырех прозаических книг, а также более двухсот публикаций в периодике. Произведения переводились на английский, немецкий, испанский, македонский и болгарский языки. Лауреат премий Нижнего Новгорода (2008), Нижегородской области им. А.М. Горького (2014), имени Ольги Бешенковской (Германия, 2014), литературной премии имени Марины Цветаевой (Татарстан, Елабуга, 2014), литературной премии имени Николая Рыленкова (Смоленск, 2022) и многих других, победитель нескольких международных поэтических конкурсов.

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

НОЧНАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

* * *

Как Петя и Гаврик в Одессе рябой,
В палящее солнце и море влюбленный,
Я так был доволен своею судьбой!
Я мидии чистил в Аркадии сонной.

На стройных шелковицах – стайки галчат,
В приморских садах – разжиревшие розы,
В степи аккерманской цикады трещат,
Мадам Стороженко кричит на привозе,

Закройщик Паценкер кроит лапсердак,
И августом пахнут созревшие дыни.
Страны олигархов, страны доходяг –
Вы мне не поверите! – нет и в помине.

Неужто все это привиделось нам?
Сгибались биндюжников потные спины,
Мятежный «Потемкин» блуждал по волнам,
А нынче чубастый мираж Украины,

Горилки нажравшись, пугает бродяг.
А ласточка, вспомнив свой дом глинобитный,

Червонный менять и не думает флаг
На тот, опереточный, жовто-блакитный.

И Вечный огонь, словно факел, горит
Над городом русской поруганный славы,
И дюк Ришелье на бульваре стоит,
И едет по площади Пушкин кудрявый.

* * *

Где ты, море? Кричи не кричи –
Не увидать твой очертанья.
Но проснувшись в холодной ночи
Я твою ощущаю дыханье.

Пахнет йодом и солью вода,
Над водой – волшебство голубое.
Умереть, но вернуться туда,
Где безмолчен голос прибора.

Где, прикрытый туманом сырым,
С каждым годом все с новою силой
Кровоточит отрезанный Крым –
Указательный палец России.

1996

Русский язык

Молодой, коренастый, зеленый,
Как ты быстро прорвал перегной –
Голубой глубиной окрыленный,
Слишком дикий и слишком родной.

В черноземе по самые плечи,
Рвешься в небо упрямой листвою,
Отстранив иноземных наречий
На корню одичавший привой.

Как ломали тебя и давили!
Прижимали листвою к земле.
Шевелил ты ветвями тугими,
Выпрямлялся в поруганной мгле.

Каждой веткой – погнутой, побитой
Первозданные ловишь струи,
И вплетаются в землю санскрита
Праславянские корни твои.

Литераторов бойкие стайки
Реют в кроне твоей дотемна.
Так в саду одряхлевшей хозяйки
Разрастется порой бузина...

Ночная переключка

Скажи мне, кто твой друг, а я скажу – кто ты.
Какая тьма вокруг! Лишь ели да кусты.

От Золотых Ворот дорога прямо в ад.
Воскликнешь: «Кто идет?» А я шепну: «Твой брат».

Блистательная роль. Неисправимый бред.
Ты крикнешь мне: «Пароль!» А я скажу: «Ответ».

Давно почил закон. Кругом крысиный писк.
Промолвишь ты: «Дракон!» Отвечу: «Василиск».

Как в зеркале дрожит чистейшая слюда!
Ты спросишь: «Кто бежит?» А я шепну: «Вода».

Ты помнишь марш-бросок, карательный отряд?
Спрошу: «Попал в висок?» Ответишь мне: «Снаряд».

Мучительная дрожь. Утопанный насест.
Ты спросишь: «Что несешь?» А я скажу: «Свой крест».

Томление в груди. Слияние дорог.
Попросишь: «Не ходи». Отвечу: «С нами – Бог».

Лебединый пруд в Алушке

Два вопросительных знака
Плавают в тихом пруду.
Спят кипарисы во мраке,
Как в Гефсиманском саду.

Над кипарисами теми
Вечные звезды зажглись.
Словно Пространство и Время
Здесь воедино слились.

Света поток негасимый
Льется от Божьих Палат.
Дай мне терпенья и силы!
Мне не вернуться назад.

В звездном божественном свете
Я у последней черты.
Пусть же, как лебеди эти,
Помыслы будут чисты.

Горная вьется дорога,
В даль неземную маня.
Я уже жду у порога.
...Ты не отвергнешь меня?

* * *

Ребристый лес, волнистый дол,
Болотная трава.
Там чистотел и суходол,
Там кровь моя жива.

Там серебрится в поле лен,
И много лет подряд
Цикорий, лютик и паслен
С ромашкой говорят.

Я не забуду никогда
Свой разговор с травой,
И край, где мертвая вода
Становится живой.

Я с той страной давно знаком,
Я сам из этих мест,
Где всё стоит над родником
Простой дубовый крест.

Там ковшик с ледяной водой,
Там тополь на юру,
Там пахнет греза резедой,
Там я с тобой умру.

Никита БРАГИН

Родился в 1956 году в Москве. Окончил геологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН (Москва).

Автор одиннадцати сборников стихов, лауреат Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами» (2019), конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020).

Член Союза писателей России. Живет в Москве.

ТЫ ЗНАЕШЬ, Я ЖИВУ НЕ В ПЕРВЫЙ РАЗ...

Паром на Шексне

Шексна почти что недвижима,
и небо в серости сырой,
и клочья выхлопного дыма
плывут над вспененной водой.

А север веет непогодой,
дождём с зари и до зари...
Печальна русская природа,
как на неё ни посмотри.

В ней не веселие, а воля,
и не успех в ней, а судьба,
и не цветник, а просто поле,
не винограды, а хлеба.

Вглядись в её простор былинный,
в туман, ползущий по реке...
Уже зардела кисть калины
горячей кровью на руке.

Серебряные ночи

Когда серебряные ночи
раскинутся над белым светом,
когда душа твоя захочет
узнать вопросы и ответы,
и статуй мраморные пальцы
поглядят равнодушный воздух —

тогда усталому скитальцу
откроется, что значит «поздно».

Всё это — прошлое, и ты в нём
случаен и совсем не нужен —
здесь ты скрываешься от ливня,
а там заказываешь ужин,
и вдоль извилистых каналов
пойдёшь мечтательно, без цели,
и вдруг почувствуешь, как мало
узнали, слышали, успели...

Как мало было слов и строчек,
как мало было лет и вёсен,
но много скорбных многоточий,
и нескончаемая осень,
и те же склепы старых зданий,
и лестниц стертые перила,
и омуты воспоминаний
о том, что не с тобой случилось.

Но для тебя — совсем родное,
от колыбели до кончины,
и солнечное, и земное,
все следствия и все причины...
Так в улетающем трамвае
ты узнаёшь тот самый взгляд,
и счастье душу разрывает,
как целый век тому назад.

Дантес

Дантес (не Жорж, конечно, а Эдмон),
увы, в Россию так и не поехал, —
не довелось обить собольим мехом
его карету и его вагон.
Не стали перестраивать столицу,
не появился золотой клозет,
не слышно было криканья газет,
не дождалась Россия инвестиций...

Не оттого ли праведная месть
у нас реализуется в похмелье,
и справедливость не бывает целью,
она — мечта, и очень редко — весть.
Не оттого ли вера нам дороже
закона? Нам бы каяться, да красть,
и проклинать предателей и власть,
оплакивая Русь в предсмертной дрожи...

А если с оборотной стороны
на это посмотреть? Усни в Париже,

и ночь на струны памяти нанижет
видения любимой старины,
а утром ты в намоленном соборе,
где отпевали Бунина, стоишь
и чувствуешь, как трепетная тишь
таит в себе вздыхающее море...

Россия, как ни мало здесь тебя,
но всё тобою соткано и спето.
Разлуки нет и не было. За это
я принимаю, веря и любя,
твой дивный мир, что надвое расколот,
твой страшный путь исканий и потерь,
былое и рождённое теперь,
молений жар и размышлений холод.

Не пустит корень Франция в Москве,
Дантесу в Петербурге быть Геккерном,
коньяк не возят в нефтяных цистернах,
газетный вой не заповедь молве!
Флоберу Пушкин показался плоским, —
я нахожу, что Центр Помпиду
и неуклюж, и грязен, но иду
на выставку Дали. Вот как всё просто!

Рождённый дважды

Всё время слышу, как вокруг твердят,
что плохо всё, что жизнь не удалась,
и некто, полувыбрит и поддат,
клянёт погоду, родственников, власть, —
всё, что припомнит, разве только Бога
не упомянет (он же атеист),
и всё никак не вырулит к итогу,
зануден, пустословен, голосист...

Угадываю жадное желание
иметь в запасе жизнь, а лучше две,
прожить одну, а дальше — знать заранее
все прикупы (и джокер в рукаве!).
Желанье знать таблицу лотереи,
листы вакансий, ценовой разброс,
исчислить всё и разрешить скорее
квартирный или половой вопрос.
Но, выслушав, я снова промолчу
и свой секрет, как робкую свечу
ладонями от сквозняка закрою.
Не по плечу мне, да и не хочу
в распивочной разыгрывать героя.

Ты знаешь, я живу не в первый раз,
я мог бы целый год плести рассказ

о людях, знаменитых и не очень,
о городах, державах и эпохах,
включая всё, что льется между строчек,
все капли, растворённые в потоках
прожитой жизни. Тот бесценный опыт,
казалось мне, способен уберечь
мою судьбу от нежеланных встреч,
от всех невзгод, пожаров и потоков...

Но отчего же, помня каждый шаг,
я повторяю прежние ошибки,
шагаю неуверенно и зыбко,
смотрю не там, и делаю не так?
Я вновь теряю дорогих друзей,
и в горькой ссоре расстаюсь с родными,
и, словно варвар, заплутавший в Риме,
иду в Макдоналдс, миновав музей...
Ступаю на знакомую тропинку,
и через миг — в неведомом краю...
Произношу молитву без запинки,
а после — продаю и предаю...
И не спасает память от безвременья,
ведя по лабиринту в темноту,
но снится белокрылое парение
твоей любви, поющей на лету,
и каждый раз по-новому рождаясь,
она меня зовёт издалека —
цветок сансары, строчка золотая,
туман, росинка, ручеек, река...

* * *

Всё воздушней, всё скорее
через реки и холмы
от апостола Андрея
до апостола Фомы,
от распаханного поля
и соснового венца
до жемчужины в неволе
и железного кольца...
Дух любви и дух сомнений,
с вечной скорбью вечный спор,
по полям туман и тени,
в небесах молчанье гор...
От ручья до океана
в тихой музыке дождя
обезумевшие страны
незаметно обходя,
Ты всё видишь, Ты всё знаешь,
Ты опять прощаешь нам,
но с отравой кровь земная
делит души пополам,

по артериям и венам
растекается огнём,
то позором, то изменой
искушая день за днём.
Разум злобен, сердце немо,
страсть слепа и горяча...
Ты простишь и эту немощь –
самому бы не прощать,
самому надеть рубаху,
что как снег белым-бела,
самому пойти на плаху
за слова и за дела,
а потом с Тобой далёко
через горы и леса,
где, куда ни глянет око,
края отчего краса,
где Твоё благословенье
в подорожнике росой,
где откроется спасенье
душеньке босой.

Игорь ГОЛУБЬ

Родился в 1984 году в Калининграде. Окончил Балтийский федеральный университет им. И. Канта по специальности «журналист». Редактор и издатель молодёжного литературно-публицистического журнала «Веретено», составитель и издатель антологии молодёжной поэзии России «111».

Автор семи поэтических сборников, трёх сборников рассказов. Публиковался в журналах «Подъём», «Бельские просторы», «День и ночь», «Нижний Новгород», «Волга – XXI век», «Дальний Восток» и других, в альманахах «Образ», «Молодой Петербург», «Кострома». Лауреат литературной премии «Молодой Петербург» (2018).

Член Союза писателей России. Живет в Калининграде.

ВНУТРЕННЯЯ СТОЛИЦА

* * *

Отказаться от глупой телесности,
Оставляя земные дела,
Купола позовут потемневшие,
Золотые мои купола,

Ведь куда б меня жизнь ни направила,
В слабом сердце шкатулка пуста,
И крещусь я, быть может, неправильно,
И вообще недостоин креста,

Но в момент, когда мог обезбожиться,
Пустота изнутри отползла,
Хоть и глупостей делал я множество,
Не со зла, видит Бог, не со зла,

Научи, златоглавая стражница,
Разобраться в добре или зле,
Иногда мне до одури кажется,
Что и нету меня на земле,

Но не зря на кресте за нас мучился
Божий сын – попрощайся с тюрьмой,
Прозвучит колокольная музыка,
И отыщешь тропинку домой,

Пообступят и черти, и лешие,
Но куда бы тропа ни вела,
Позовут купола потемневшие,
Золотые мои купола.

* * *

Тих, забыт и очень прост
Сельский маленький погост,
Запищит случайный дрозд –
От людей отвык,
Где-то там, повыше – рай...
У реки собачий лай,
За оградкой невзначай
Ухнет грузовик,

Всюду травы, только на
Мрачных плитах – имена,
Одного взяла война,
А другого – рак,
Третья рано умерла,
Всюду цифрам нет числа,
Здесь почти что полсела
Укрывает мрак,

Здесь никто не одинок.
Только выцветший венчик
На траве у пыльных ног –
Заболит в груди,
За спиной, тих и строг,
Голос деда как звонок:
– Что же ты застыл, сынок?
Мимо проходи.

* * *

Ревели старые качели,
Когда до облаков летели,
И музыку цедил металл –
Я эту музыку впитал,

И ты до облаков летела,
И веса не было у тела,
А юбка прыгала твоя,
И неба морщились края...

Скажи, куда всё это делось –
Та красота и легкотелость?
И почему сейчас мертво
Тех детских игр волшебство?

Я вырос – пиррова победа...
Кому теперь могу поведать –
Во мне который год подряд
Качели старые скрипят...

* * *

Тепло весеннее всё реже,
Его характер незнаком...

Вот выпал снег на побережье,
И он мешается с песком,

Вот чайки резкое сопрано –
Замашки радиозвезды,
И мы с тобой следы собрали,
Разбросанные у воды,

А там, где музыка погасла
И волны нас сожрать могли б –
Кивки случайного баркаса
И тихие молитвы рыб,

Там солнце в серой куртке пляшет
И свежий ветер всё острей,
Но оттого, что мы на пляже,
Снег тает чуточку быстрее.

* * *

Всё в свете солнечном видней –
Пустая полка, пыль на ней
И грани пыльного предмета,
Где тоньше кажется примета,
И оттого она ценней,

Видна неровность потолка,
И люстры глянцево, пока
Мелодия большого света
Порывистой, чем тишина
На гранях пыльного предмета.

Но если света снова нет,
Сольётся с тишиной предмет
И с пылью медленно сольётся,
И потому всего важней
Мне в этом мире солнце.

* * *

Когда проснёшься – в комнате светло,
И свет течёт сквозь сонное стекло,
Ко всем предметам, дремлющим в тени,
Холодные ладони протяни,

Оттенков и цветов скорей коснись,
Как кислород, как солнечная кисть.
Как маленький жучок в слепой смоле,
Останься на изменчивой земле,

Иди вперёд, большую грусть терпя,
Что мир рванёт куда-то без тебя,
Ну а пока вверх молчит радар,
И просыпаться – самый ценный дар.

* * *

Лиха ошибочность вещей,
А иногда приятна даже,
Дыру внутри себя зашей,
И можно ошибаться дальше,

Всё это будет, и пока
Одна из чаш не опустела –
Скорее в путь, до тупика,
До сухости в колодце тела,

Всё это будет, а пока
Очередной ошибки ради
Пусть боль сорвётся с языка
И обоснуется в тетради,

И снова подведёт чутьё,
Ошибка будет неизменной –
Но кажется почти священной
Непреднамеренность её...

* * *

Кажется, вот же – бери, владей
(Выстоять, сохраниться!),
Я берегу тебя от людей,
Внутренняя столица,

Все переулки твои уча,
Строя дома и дамбы,
Я ни единого кирпича
Слабого не отдал бы,

Ты мне давно и отец, и мать
(Переросло в причуду),
Если придут тебя штурмовать,
К штурму готовым буду.

Будут повсюду слова стелить
(Слово горчит и вяжет),
Нету внутри у тебя столиц –
Друг безразлично скажет.

Что ж, мы секреты не выдаём,
Глупо беречь печали,
И не такое с тобой вдвоём
В прошлом перемолчали!

Часто дорога в тупик вела,
Выжил – и слава богу.
Раз ты во мне до сих пор цела,
Значит, и я не дрогну.

* * *

Посв. Дмитрию Филиппову

Ты стоял у проёма – спокойный, печальный, нескладный,
И седой военком на тебя исподлобья смотрел,
Не случайным решением, не глупостью, не пропагандой
Ты себя оторвал от привычных занятий и дел,

Нет, в тебе не шумела дворянская чья-то порода,
Так росток пробивается через сплошной глинозём –
Ты обычный пацан, беспокойное семя народа,
От которого мы с тобой корни пустили вдвоём.

Я сижу у стола и слова чередую некстати,
Потому что глаза твои хуже любого суда,
Я лежу на полу, потому что мне мягкость кровати –
Как пощёчина всем, добровольно ушедшим туда...

Никому на земле этой бури слепой не хотелось,
Ты её называешь преградой, другие – судьбой,
Я лежу на полу и пытаюсь найти в себе смелость,
Чтоб хотя б на минуту в бою оказаться с тобой.

Только утром сырым на зарыпанном стареньком ЗИЛе
Забрала тебя буря, как прочих когда-то Чечня,
Я запомню, мой брат, как тебя в ранний час увозили,
А у злого забора рыдала большая родня...

Если ангелы есть – то пускай тебе станут подмогой,
Если ангелы есть – пусть тебя одевают в броню,
Может, ранней весной, вот такой же тревожной дорогой
Я тебя по колдобинам пыльным ещё догоню,

Нет ни злобы во мне, нет ни страха, ни тени протеста,
Только где-то внутри разгорается боль, леденя,
Потому что сейчас, может быть, ты летишь туда вместо
Меня...

Проза

Олег РЯБОВ

Поэт и прозаик. Родился в 1948 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт имени А.А. Жданова. Работал в Научно-исследовательском радиофизическом институте (занимался проблемами поиска внеземных цивилизаций), облкниготорге, издательстве «Нижполиграф».

Главный редактор журнала «Нижний Новгород», редактор-издатель альманаха «Земляки», директор издательства «Книги». Член Российского Союза антикваров, Национального Союза библиофилов.

Автор многих книг стихов и прозы и многочисленных журнальных публикаций. Участник антологий «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов. XX–XXI», «Антология военной поэзии». Лауреат ряда литературных премий: города Нижнего Новгорода в области литературы (трижды), имени Шукшина «Светлые души» (Вологда), Б. Корнилова (Нижний Новгород); финалист премии «Ясная Поляна» (2013) за книгу «Четыре с лишним года. Военный дневник», шорт-листер премии «Золотой Дельвиг» (2013) за роман «Когиз», премии имени И. Бунина (2012) за сборник стихов «Утки не возвратились». Лауреат XIV Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2023) за книгу за книгу «Свинцовая строчка». Награжден медалью Пушкина.

Член Союза писателей России. Живёт в Нижнем Новгороде.

МЕДВЕДИХА МУСЯ

Иван Савельевич и Мария Степановна были стопроцентно деревенскими жителями. И родились они в Сватове, и жизнь прожили тут, никуда не отлучаясь, и фамилия у них была Сватовы – а тут чуть не половина деревни такую фамилию носит. Бывает такое. А вот откуда у деревни такое название – непонятно: то ли посвятили кого-то из неё когда-то, то ли она была когда-то не Сватово, а Святово, Святое озеро, которое и на карте есть, совсем недалеко от деревни, если по прямой, через лес. Насчет названий, то и про некоторые большие-то города ничего не известно – ученые решить не могут по поводу их происхождения, ругаются.

Было и Ивану Савельевичу и Марии Степановне уже далеко за семьдесят, и кто из них в этом, преклонном по деревенским меркам, возрасте старше, уже не выясняется. Хотя правды ради надо отметить, что была Мария Степановна постарше своего Ивана Степановича на пару годков, и жили они вместе уже почти тридцать лет. Общих детей они не нажили, а их первые сыновья от первых их семей (были у них та-

кие) разлетелись по стране, офицерами стали и не появлялись в родной деревне никогда – телефонный звонок раз в месяц батьке или мамке, и всё! Правда, небольшую денежку на поддержание ежемесячно присылали.

Жили по старинке, натуральным хозяйством: картошка, лук, свекла, морковь, чеснок свои, да и лес в этих краях всегда накормит. В наших северных районах лес – кормилец: грибов белых засушат, груздей, рыжиков насолят, брусники намочат, клюквы заморозят, малины наварят. Охотники два-три раза за зиму заедут, по привычке у стариков останутся, на полу переночуют, колбаски, тушёнки оставят в благодарность, а то так и лосятинкой или кабанятинкой свежей одарят при удаче охотничьей. А потом, и пенсия у всех местных была неплохая по меркам деревенским: совхоз-миллионер когда-то при советской власти здесь был, зарплаты человеческие платил.

В деревне избу содержать одному трудно: всегда есть в доме проблемы и заботы мужские и женские, и часто так сходятся уже взрослые люди, образуя пары и не для создания новой семьи, а для жизненного удобства, по необходимости. Иван Савельевич мужик рукастый был, в совхозе механиком служил, и Мария Ивановна женщиной хозяйственной была, до самой пенсии фельдшерил, когда-то курсы заканчивала. И знали они друг друга с детства, и симпатии даже, может, любовные у них когда-то были. Хорошая из них получилась пара, в деревне только доброе о них говаривали.

Скотину они уже не держали – силы не те, да и нужды не было, только с десятков кур бегали по огороду. А крытый скотный двор был теперь завален разным хламом: пустыми коробками, старыми ведрами, даже два тележных колеса как-то там оказались.

Иван Савельевич нежно звал свою хозяйку Мусей, а та его по-простому Ваней.

Так вот, у Муси были свои деревенские секреты.

Ваня-то простой был, словно как городской: поймает сома на пуд и всем рассказывает, что за излучиной реки есть яма, так вот в той яме в этом году сомы завелись; наедут со всей округи за тридцать верст, со всей реки рыбаки на ту яму и ловят сомов. А нормальный деревенский житель не такой – идет он навстречу с полной корзиной лисичек, спросишь у него: «Где лисички брал?» – он тебе махнет в другую сторону и скажет: «Вон там, в оврагах, их море!» Пойдешь – а там, в оврагах, только сучки да мухоморы! Вечером встретишь его на улице – он спросит: «Ну, как – набрал лисичек?» Обзовешь его! А он тебе посочувствует: «Вот и мне посоветовали туда, в овраги идти, а я не послушал!»

Так вот, у Муси были свои деревенские секреты: знала она лучше всех, когда и где клюкву и бруснику брать, когда рыжики пойдут, а когда слой белых будет, и места у неё свои были. Пойдут бабы по клюкву: все по банке трехлитровой наберут, а Муся ведро. То же дело и с брусникой. Как-то незаметно-незаметно от баб-то всех Муся оторвётся, и нет её. А через два часа возвращается к своим – у неё уже ведро. А чаще, ещё по молодости, вообще она одна ходила, и мест её никто не знал.

И ведь ничего и никогда Муся не боялась, ни разу за всю жизнь не заблудилась, а места у нас в Поветлужье заповедные: тайга до самого полярного круга. И зверя никакого Муся не боялась, а у нас в Поветлужье одних медведей несколько сотен штук по учету официально. Юрка, наш егерь, только на своем участке насчитал в том году одиннадцать берлог. А Мусе хоть бы что: сидит с бабами на скамеечке около

избы и говорит: «Ни разу не боялась, а сталкивалась и с рысью, и с медведями, и с кабанами, один раз даже на росомаху наткнулась здоровенную, больше кобеля дворового, – и ничего. Боюсь я только встретиться с медведихой, которая с медвежатами».

Так вот ведь – напороочила. Пошла она как-то, уже в конце августа, за рыжиками в сосошник молодой, там сосны-пятилетки росли, молодые ещё, на том же поле, которое ещё при совхозе льном засевали. В траве эти рыжики, как золотые кружочки, лежат, а кое-где и кустики брусники висят. Резала Муся эти золотые кружочки, резала и не заметила, как почти наткнулась на здоровенную медведицу, которая своего медвежонка выгуливала. Уселась со страху Муся в траву, и медведица уселась – лапой подправляет своего медвежонка, чтобы тот бруснику ел. Муся встала было, и медведица встала на задние лапы – Муся снова со страху села. Потом медведица с медвежонком ушла, а Муся встать не может – ноги отнялись. Так и сидела часа два, потом на четвереньках поползла к дому, а потом уже только встала и побежала. А знаете, как бегают старухи, которым за семьдесят, – вперевалочку.

Рассказала дома Муся всю свою историю Ване – тот только дурой её обозвал.

– А что ты дурой-то меня обзываешь? А что я делать-то должна была?

– Не знаю, – отвечал ей Ваня, – наверное, дома сидеть.

– Вот и я не знаю. А только знаешь, пока мы с этой медведихой смотрели друг на дружку целый час, показалась она мне очень разумной, ну прямо как ты. Она смотрела на меня как человек, как женщина уставшая, как мамаша. Я даже в какой-то момент её с собой сравнивала и думала, что она – это я! Ваня, а вот почему я родилась не медведихой, а ты не медведем?

– Не знаю! Только медведи до семидесяти лет не живут, а вот мы с тобой дожили, и уже больше, и неплохо мы с тобой жизнь прожили. В общем, медведем я не хочу.

– А я хочу.

Муся умерла уже под осень. Легко умерла. Ваня утром растапливал русскую печку, когда услышал, как она его позвала

– Ваня, открой форточку или окно – что-то душно.

Ваня открыл форточку, пахло морозцем. Он подошел к постели: Муся захрапела, закрыла глаза, Ваня попытался взять её на руки, позвал её:

– Муся!

Муся молчала, у неё вывалился язык.

Хоронили просто, по-деревенски. Оба сына приехали: и Мусин, и Ивана Савельевича; они, сыновья, тоже знали друг друга с детства – два подполковника, здоровые, красивые, пятидесятилетние мужики. Они приехали на двух служебных «уазиках» с воинскими номерами, каждый сам за рулем – кто-то в области им посодействовал. Гроб привезли из района, из соседнего села Богоявления, что за три километра от Сватова, пришел батюшка, отец Феофилакт, – службу провел, отпел усопшую прямо в избе и на могиле, на деревенском кладбище, отслужил. Посидели за столом, стол собрали подруги Мусины, выпили самогонки, помянули. Сыновья оставили Ивану Савельевичу денег, съездили в район, подписали какие-то бумаги и уехали через три дня.

И девятый день отметили, Иван Савельевич подсутился, женщины деревенские помогли. И сороковины отметили. Отец Феофилакт при-

ходил оба раза и оба раза служил, и за столом вместе со всеми сидел, и самогонку пил вместе со всеми. После застолья сорокового дня Иван Савельевич раздал всем присутствующим, как положено, расписные хохломские ложки, которых у Муси была какая-то прорва (нравилась она ей), и попросил женщин прийти на следующий день, чтобы разобраться с носильными вещами Муси: что-то раздать, а что выкинуть.

И началась у Ивана Савельевича жизнь непонятная: он раньше-то прекрасно всё знал – что надо сейчас сделать, а что потом, и не надо было его подгонять. Просто раньше, пока хозяйкой была его Муся, он ждал этого напоминания, толчка, и только поле этого принимался за работу. А теперь он не был уверен в принятии самых простых решений: что надо сделать и в какой последовательности, что срочно, а что подождёт. Пропал куда-то стержень уверенности, на котором строится смысл жизни мужской. Хорошо, что картошку выкопал в августе, ещё при Мусе – она велела. А вот свеклу и морковь забыл за горем и тоской, которая наваливалась на него теперь часто и внезапно. Понимал он совершенно отчетливо и рассудочно, что глупеет попросту: вот три дня подряд думал, а нужна ли ему теперь будет морковь и свекла, которые он пока что не выкопал, и не очень уверен был довольно долго, что будет их копать. Три дня думал, прежде чем выкопал. Выложил рядами на солнце, прохладное октябрьское солнце не грело, но просушить корни морковные и свекольные надо – а оно могло.

Наутро, затопив печь, Иван Савельевич через двор вышел на участок, где располагался огород, и с удивлением обнаружил, что ночью его усадьбу кое-кто навестил. И главное, навестил его медведь, крупный медведь, что было видно по отпечаткам лап, а в особенности глубоких борозд от огромных когтей, которые косолапый оставил на сырой земле. Эти борозды и впечатляли, и ужасали: медведь выходит к людям, в деревню, только если он болен или если он задумал что-то нехорошее. Это нехорошее медведь уже сделал: сожрал ровно половину разложенной для просушки моркови.

Первой мыслью Ивана Савельевича, и это было естественно и правильно, сообщить егерю Юрке, который в соседнем селе жил, о том, что медведь посетил деревню и сожрал приличный запас моркови. И тут что-то тормознуло Ивана Савельевича. Он, спустя некоторое время, даже не смог себе объяснить, что же его тогда остановило – просто тормознуло. Себе он рационально объяснил, оправдываясь, что не хотелось видеть у себя в доме егеря Юрку, который будет просить налить самогонки, а потом, может, ещё и стрелять в медведя будет, если тот заявит к нему на огород снова. Но на самом деле – и в этом Иван Савельевич себе не мог просто признаться: вспомнил он, как его Муся проговаривала, что хочет стать медведем. Или, точнее, медведихой – она так говорила.

На следующий день история повторилась: медведь сожрал на этот раз половину разложенной для просушки свеклы. Причем сожрал он именно половину, с математической точностью, хоть линейку приложи – так ровно эта половина была отмерена. Было раннее осеннее утро, пасмурно, Иван Савельевич стоял над остатками своей свеклы в раздумьях. И что-то кольнуло его: он поднял голову, и смутно почудилось ему – за сломанной изгородью участка, за луговиной, которую он когда-то ежегодно косил, заготавливая своей скотине сено на зиму, а теперь за ненадобностью позволяет косить соседу; там он сквозь пред-рассветные сумерки разглядел стоящего вполоборота от себя большого

медведя. За сто, а может и больше, чем за сто метров, стоял медведь и смотрел на Ивана Савельевича; тут он мог поклясться, что они с этим медведем встретились взглядами и не отрываясь смотрели друг на друга. И снова Ивана Савельевича что-то кольнуло, на этот раз его кольнула мысль, что этот медведь – та самая медведиха, о которой проговаривала когда-то его Муся.

К отцу Феофилакту в Богоявление Иван Савельевич собрался быстро, а больше и не у кого было просить совета, если задуматься, – а посоветоваться хотелось. Бутылку самогонки, настоящей на малине, собираясь в гости, извлек он из Мусиных запасов. Сам он самогонку не гнал и не пивал, но Муся любила настаивать на разных ягодах и травах исключительные напитки и при случае угощать, кого надо, а потому у неё были свои поставщики этого деревенского варева. Оделся потеплее – зима вот-вот должна была объявиться по всем приметам. Ну, и что важно, повезло: отец Феофилакт был дома с женой, с детьми и в цивильной домашней одежде.

Батюшка сразу определил, что у его раннего посетителя что-то не складывается в жизни, да и по рассказам деревенских прихожан он уже знал о непростом душевном состоянии Ивана Савельевича. Уселся на кухне. Матушка загнала детей, а их у отца Феофилакта было трое, в дальнюю комнату, а сама отправилась куда-то якобы по делам. Разговор долго не клеился, виляя вокруг да около, несмотря на то что вино было пригублено. В конце концов, отец Феофилакт напрямую спросил:

– Давай, сын мой Иван, а проще – Иван Савельевич, не крути, говори, спрашивай, а то напьемся мы, а дело не сделаем. Бутылку-то и я ведь смогу выставить.

– Ты ответь мне, батюшка, – вот и нас, у православных, есть вечная жизнь загробная, и у индусов, или у буддистов тоже есть вечная жизнь, но в виде реинкарнации. То есть у них души людей переселяются в животных, или в деревья, или ещё в кого-то там. Так я говорю? Правильно излагаю?

– Правильно, только ведь всё зависит от прижизненной веры твоей и от силы веры твоей. Вот ты православный, и православие сильно общиной своей, и жизнь вечная тебе дана будет по тому, как ты жизнь свою прожил. Смотри: твоя Муся умерла, и все вместе мы похоронили её, и помянули все вместе, и на девятый день все вместе были, и на сороковой – мы, православные, сильны общиной, тем, что мы вместе. А вот у католиков во главе угла человек, личность человеческая, там сосед, друг, брат – на втором месте. А вот мусульманин попадает в рай, если он за свою веру в бою погибнет. А реинкарнация в буддизме происходит всегда. А что тебя это так взволновало?

– А могла моя Муся, точнее душа её, переселиться в медведя?

– Нет, конечно, – она же буддизм при жизни не исповедовала. Сорок дней прошло, и твоя Муся в раю. Успокойся, и давай теперь спокойно выпьем, точнее – помянем её, не чокаясь.

Когда назад возвращался Иван Савельевич, сильный снег пошел, и похолодало, а снег так прямо не простыми хлопьями сыпал, а вьюгой настоящей заметал, такой, что и дорогу-то не видно местами было. Не успокоил Ивана Савельевича разговор с батюшкой Феофилактом, а ещё больше разнудрил. Да и надо было сначала свёклу с морковью в подпол занести, а потом уже по гостям ходить и вино пить. Домой пришел затемно. В избе холодно было, нетоплено – пришлось печку затопить. Но и, пока слушал он огонь, в печке гудящий, и к языкам пламени при-

сматривался, не проходила тревога. Снова вышел через двор на участок свой: на огороде стояла медведица и смотрела на Ивана Савельевича – теперь-то он знал, что это медведица, та самая медведиха. Послышалось, что ли, ему: не рывкнула медведиха, не завывала, а тихо-тихо пробормотала: «Ваня!»

– Подожди, – ответил вполголоса.

Он зашел в избу, надел ватник, валенки, шапку и пошел в огород. Медведихи не было. Иван Савельевич перелез через поваленную ограду и пошел по её следам, иногда ему казалось, что большой силуэт медведихи мелькает впереди, и он воодушевлялся. Иногда мелькала мысль: а куда он идет и зачем?! Но он эту мысль сразу же отбрасывал, потому что казалось, что такие сомнения и раздумья могут поломать что-то, открывшееся ему только сейчас, и это открывшееся только ему и предназначается, а все сомнения могут уничтожить начисто новую истину.

Снег всё валил и валил. В лесу он уже с трудом разбирал следы и просто шел в надежде, что медведиха-то и ведет его, куда надо. В конце концов, он устал перелезать через поваленные деревья и проваливаться в какие-то ухабы. У большой ямы, образовавшейся под комлем лежащей сосны, он остановился. «Раз я тут остановился, то, значит, и должен тут остановиться», – решил про себя, забираясь в яму. Неожиданно пришла мысль, что эта нора – старая берлога какого-то медведя, а может, и моей медведихи, раз она меня сюда привела. Очень спокойно и сладко он быстро уснул.

Нашли Ивана Савельевича случайно грибники уже на следующий год летом в пяти километрах от Сватова. Лисы и росوماхи изрядно погрызли труп, но по одежде и по времени гибели – всё говорило о «потеряшке» Иване Савельевиче. Похоронили его по православному обряду, и отец Феофилакт в своей молитве за упокой упомянул о скорбящей душе Ивана Савельевича, нашедшей своё место на том свете.

ГАЗОВЫЙ БАЛЛОНЧИК

(Из цикла «Жмуркин и Криворотов»)

Это удивительно, как быстро забываются самые что ни на есть удобные и необходимые удобства, которыми мы годами незаметно пользовались. Чернильницу и перочистку, конечно, многие вспомнят хотя бы потому, что они служили людям не одно столетие и в классических литературных произведениях они уже увековечены, а вот плейер, газовый баллончик или пейджер – я вот уже и не помню, какой он был из себя, этот пейджер. А «скарабей» – приспособление для снятия галош? А «Голос Америки», который мы слушали по ночам? Но я вернусь к газовому баллончику.

Что первое пропало с наступлением девяностых, так это чувство безопасности: вспоминаются и стволы автоматов, торчащие из раскрытых окошек «жигулей», и популярная в те годы песня «Братва, не стреляйте друг в друга», и в ежедневных сводках сообщения о перестрелках и новых разборках на улицах больших городов с печальными результатами. Пацаны в кожанках, костюмах «Адидас», не снимая ондатровых шапок, сидели во всех ресторанах города. Позабылось! А ещё массово стали появляться решетки на окнах, стальные двери, электрошокеры, которыми непонятно как надо было пользоваться, газовые пистолеты и баллончики, которые дамы любили носить в своих сумочках.

Миша Жмуркин и Илья Криворотов в тот год заканчивали свои институты и вступали в новую жизнь: точнее, Криворотов уже закончил свое образование на филфаке и учился работать на телевидении в качестве стажера-репортера, а Жмуркин, успешно освоив курс привилегированного физтеха, ещё только готовился к защите диплома. Они были друзьями со школы, настоящими друзьями, и настоящая дружба, в которую многие не верят, находила в этой паре верный пример.

Только мифические случаи дружбы обходятся без общих интересов и основываются на какой-то метафизике; у моих друзей очень рано определился такой объединяющий интерес: они любили выпить. Нет, я говорю не про алкоголизм и не про бытовое пьянство – было что-то интеллигентно-аристократическое в их увлечении: они заранее договаривались о встрече в каком-нибудь кафе, заказывали бутылочку вина, столичные салатики, этикие домики из картофельного пюре, покрытые листиками куриного филе и политого майонезом, и проводили так целый вечер за различными посторонними и ничего не значащими разговорами. Одной бутылочкой дело, конечно, не обходилось – бралась и вторая, и третья.

В тот воскресный вечер они отдыхали в «Нижегородском кафе». Заведение это располагалось в центре города и славилось не только кухней, но и если не избранным, то уж точно особым обществом, которое

собиралось здесь по вечерам. И буфетчица Циля Львовна, и официанты Гоша и Ганна хорошо знали Криворотова и Жмуркина, обслуживали их трепетно. В тот вечер друзья дегустировали мадеру, двухгодичную мадеру. Жмуркин был недоволен.

– Ну что ты морщишься, Миша? Ну какая тебе разница: двухгодичная мадера или трёхгодичная?

– Огромная, Илья! Двухгодичная мадера имеет привкус жженой пробки, а у трехгодичной, настоящей, совершенно особый букет. Это же важно в самом начале процесса. Вот в прошлом году был я в Крыму с нашей какой-то студенческой бригадой, и пили мы постоянно там их «Портвейн крымский». У них там, в Крыму, наверное, сто винзаводов, и все они кроме каких-то своих прекрасных марочных вин гонят этот «Портвейн крымский», и у всех у них привкус ёлки. То есть не ёлкой, конечно, они, все эти портвейны, пахли, а хвоей какой-то – наверное, ихней крымской туей. Как на нашем винзаводе «фруктовку» гнали из гнилых яблок, добавляя туда какую-то спиртовую эссенцию, так и они гонят этот свой «крымский портвейн» на всех своих заводах из гнилого винограда, добавляя туда какой-то экстракт с хвойным запахом. Вот и получается, что кайф нормальный и приход, а только после, на трезвую – похмелья нет, а во рту привкус ёлки ихней этой, туи в смысле, целый день.

– Значит, ты в этом деле теперь специалист.

– Так мне и про мадеру двух- и трехгодичную всё так правильно в Крыму растолковали.

После второй бутылки мадеры, когда и салатики-то были уже на исходе, а друзья задумывались уже о третьей, но ещё не определились, у Ильи возникло желание:

– Миша, пойду-ка я прогуляюсь до «шурика» – мне надо отлить.

– Пойдём вместе, я тебя провожу. Ты не обратил внимания, что сегодня женский туалет закрыт на ремонт, и в мужской надо ходить по очереди, предохраняя вход от желающих дам. И что за дуры – туда вату свою бросают, а потом жалуются, что засорилось. Пошли – я тебя постерегу.

В вестибюле в тот момент толпилось несколько человек: кто-то одевался, кто-то раздевался, дверь в дамский туалет была закрыта придвинутым вплотную креслом.

Со словами «Дежурь и никого не пускай» Криворотов зашел в нужную дверь.

Когда он уже закончил свою ответственную процедуру и осматривал себя в зеркало, дверь довольно шумно и уверенно распахнулась: ввалился крупный и весёлый мужчина на полголовы выше Ильи и довольно солидного веса. Плохо ориентируясь в происходящем, но будучи в приподнятом и активном состоянии, Криворотов не задумываясь вытащил из кармана баллончик со слезоточивым газом, которые уже вошли тогда в моду, направил на вошедшего и заорал так, что было слышно всем в вестибюле:

– Я же сказал, чтобы никого ко мне не впускали!

Мужчина очень уверенно вывернул Илье руку, как-то моментально отобрал у него баллончик, который так и не поучаствовал в конфликте, и так же громко, как и Илья, крикнул в открытую дверь:

– Генка, тут хулиган какой-то! Забери его к себе, пока я поспею.

При этом он просто вытолкнул Илью в вестибюль. Держась уже не очень уверенно на ногах, Илья попал чуть ли не в объятия к небольшому пареньку в кожанке и в кепке, лицо того украшал ещё и багровый шрам – рожа совершенно бандитская, какими их показывают в кино.

– Дружок, иди за наш стол, посиди, подожди, мы сейчас подойдем, – и этот, со шрамом, ткнул пальцем в глубину зала.

Илья растерялся, он, покачиваясь, пошел в конец зала к указанному столику, Жмуркин, почему-то улыбаясь, посматривал на него, сидя за своим столиком, а официантка Ганна успела, вытаращив глаза и кося в сторону, шепнуть:

– Это автозаводские бандиты, банда Генки Балбеса. Ой-ой-ой!

К столику, за которым уже сидели трое в кожанках и шапках, да два стула были пусты, подошли почти враз и Илья, и те двое из вестибюля – здоровый и второй с бандитской рожей. Двое уселись, а Илья, как провинившийся мальчишка, остался стоять.

– Ганка-официантка нам сказала, что ты журналист – так, что ли? – спросил тот, что со шрамом и которого, должно быть, и звали Генкой Балбесом.

– Журналист я, – ответил Илья.

– И что же ты хулиганишь? К солидным людям в туалетах пристаешь? Чего тебе надо было от Коли?

– Да я и не приставал.

– Не темни! Да еще с такой дурой ходишь, – он вытащил из кармана баллончик Ильи. – В твоём возрасте и положении надо уже вот с такой ходить.

Генка распахнул кожанку, за поясом торчала рукоятка пистолета Макарова.

– Не видел такого?

– Видел он, видел такой, – ответил за Илью Жмуркин.

Он подошел как-то незаметно и тихо – никто на него даже не обратил внимания.

– Мы вот с такими теперь ходим, – и Михаил вытащил из внутреннего кармана своего пиджака здоровенный пистолет.

– Это что такое? – спросил Генка.

– Это итальянская «беретта», американский армейский револьвер, – ответил спокойно Жмуркин.

– А ты кто такой?

– Я? Я простой студент.

– Ну так вот, студент, мы тут сегодня просто отдыхаем, и настроение нам не надо портить. Просто скажите Ганне, что вы хотите пару бутылочек коньяку нам проставить.

– Хорошо. Ганна, – обратился Михаил к официантке, которая невдалеке прислушивалась к разговору, опасаясь конфликта, – принеси ребятам пару бутылочек коньячку за мой счет. Я подожду. Мы подождём.

Жмуркин с Криворотовым остались молча стоять, а пятеро бойцов, сидевших за столиком, так же молчали, недоуменно переводя взгляды то друг на друга, то на стоявших друзей. Вскоре две бутылки оказались на столе.

– Ну, вот и ладушки, отдыхайте. А вы нам за наш столик пришлите по-братски бутылку «мадеры» – мы коньяк сегодня не пьем, – и друзья, развернувшись, пошли к себе.

– Откуда у тебя такая штуковина? – спросил Криворотов у Жмуркина, когда они сели за свой столик.

– Да, это – «сталкер», американский газовый пистолет, сделанный в форме итальянской «беретты», которая стоит в США на вооружении, – разрешение мне дядька сделал. Давай быстро расплатимся, и надо уходить. Чувствую я, что тут сегодня еще и продолжение будет, – не хочется мне в этом продолжении принимать участие. И запомни: оружием,

любимым оружием пугать не надо, нельзя – его можно только применять. Не важно, атомная бомба это или рогатка, ножик перочинный или газовый баллончик. И хулиганы, и бандиты, и военные это знают.

– Но вы же сейчас с этим самым Генкой?

– А мы не угрожали друг другу – мы просто похвастались.

Продолжение у истории было. Еще с вечера официантка Ганна, которая жила в одном доме со Жмуркиным и знала того с детства, позвонила и сообщила, что пьяный Николай, что повздорил в туалете с Криворотовым, использовал всё же в тот вечер газовый баллончик: там же, в туалете, прыснул он в лицо шестилетнему мальчику, который туда зашел туда вместе с мамой пописать, и выжег ему глаз. Вызывали милицию, скорую помощь, отвезли мальчика в больницу, но потом успокоили – зрение не пострадало и полностью восстановится. А под конец Генка Балбес, бригадир этой банды, выяснил у Ганны адрес Криворотова и Жмуркина.

Криворотов зашел домой к Жмуркину часов в восемь утра, перед работой. Пили кофе, обсуждали на трезвую голову вчерашнее происшествие, когда раздался звонок в дверь – на площадке стоял вчерашний здоровяк, выкинувший Илью из туалета.

– Поговорить надо, перетереть кое-что, – пройдя в прихожую и не здороваясь, начал он, – вчера там неприятность произошла.

– Знаю я уже про все твои неприятности. И то, что ты ребёнка чуть не изувечил, и что менты вас прихватили, и про то, что вы с Генкой любите со всех понемногу соскоблить. Чего ты хочешь?

– Дело у ментов заведено, проблемы будут у всех: и у тебя, и у этого, – гость кивнул на Криворотова, – у Генки свои прихваты есть везде, и у ментов тоже. Надо только забашлять. С вас две штуки баксов, и всё в ажуре будет. Так как?

– Тебя как зовут, Коля? Так вот, Коля, ночью дядька мой из Москвы приехал, мамин брат. Давай я его сейчас разбужу?

Жмуркин открыл дверку одежного шкафа, стоявшего в прихожей: на вешалке висела генеральская шинель с погонами генерал-лейтенанта КГБ. Жмуркин шутя снял с полки генеральскую папаху с советской кокардой и напялил её на себя.

– Ну так что – будить мне дядьку? У него и к тебе, наверное, тоже вопросы появятся.

– Ладно, не надо, замяли, – почесал голову незваный гость и вышел, не прощаясь, на лестничную площадку.

– Чего-то я ничего не понимаю! Какой дядька? Откуда у тебя шинель такая? – спросил Криворотов у Михаила.

– Да купил её по случаю на барахолке, чудак какой-то продавал. Сейчас же новую форму ввели, но старикам разрешили из уважения к прошлым советским заслугам в старой ходить. Кто-то скурвился, а кого-то воспоминания греют. У меня товарищ есть в Москве, Володя Чуйко, так у него дядька был генералом милиции. Однажды тот оставил свою шинель у Володьки дома, а сам уехал на такси без шинели. Шинель так и осталась висеть у них, а жулики однажды вскрыли дверь и залезли к ним, хотели ограбить, но, увидев ментовскую генеральскую шинель, передумали. Он теперь постоянно на видном месте держит эту шинель. Вот и я подумал, что такая красавица шинель и мне, может, когда пригодится – взял да купил.

РИСУНОЧЕК ПИКАССО

(Из цикла «Жмуркин и Криворотов»)

Когда люди дружат не год, не два, а хотя бы с десятков лет, то кажется, что всё они друг про друга уже знают и ничего интересного и полезного дать друг другу не могут, кроме доброго совета. И это плохо – дружба превращается в рутину. Куда заманчивее режим, в котором сохраняются какие-то небольшие детали и секреты, которые открываются всю жизнь; возможно, надо реже общаться или вести более активный образ жизни, приобретая новые навыки и коллекционируя события. Хотя всё это спорно.

Илья Криворотов и Миша Жмуркин над этим не задумывались, просто они умели удивлять и радовать друг друга при встречах, делясь впечатлениями от совершенно безумных командировок, в которых удаётся побывать иногда настоящим репортерам. Да и без командировок, если быть просто любопытным и наблюдательным, жизнь преподносит очень много интересного.

Потому, безусловно, для друзей и пара бутылок пива и бутылка вина, которые они позволяли себе при встречах, не были самоцелью: они были скорее поводом для радостного общения. Когда-то, в детстве, в школьные годы, они учились в одном классе и жили в одном дворе, в соседних домах, а вот теперь, после многих лет, судьба их вновь разместила под одной крышей телецентра, хотя и служили они в разных ведомствах: Илья на телевидении, а Михаил на радио.

Жмуркин сидел у себя в кабинете один после эфира, в который раз прорабатывая сюжет следующей передачи, когда к нему заглянул чуть растрепанный Криворотов с двумя бутылками вина.

– Привет, старик, – невнятно пробурчал Илья, – вот, были мы тут на полужакрытом мероприятии, снимали репортаж, и презентовало мне руководство местное на память две бутылочки прекрасного полусладкого вина фирмы «Шене». Давай употребим. Мой оператор куда-то торопился и уехал на нашей машине, а я решил тебя порадовать. Ты же любишь «Шене»?

– Конечно! Надо быть дураком, чтобы не любить «Шене». Они ведь там не только эту бутылку с кривым горлышком придумали, но и качество пока что держат.

– Тогда доставай стаканы.

Скинув куртку и выставив на журнальный столик бутылки, Илья аккуратно уложил свое большое тело в низкое обширное кресло для гостей. Беседа сразу заладилась, хотя приобрела необычный оборот.

– Знаешь, старик, о чём я сегодня задумался? – начал Жмуркин, разлив по стаканам неожиданную жидкость. – Часто я начинаю сожалеть о некоторых делах, которые сотворил в молодости и которые уже не исправить.

– Ты о чём?

– А о том, что ничего плохого я вроде бы и не сделал, а может, сделал даже что-то хорошее, а получилось нерационально.

– В смысле?

– А в том смысле, что начал я сожалеть о некоторых небольших подарках, которые я когда-то делал, не задумываясь, разным государственным структурам, а теперь жалею. Вот подарил я когда-то нашему литературному музею Максима Горького два письма Шолохова – не было у них в музее ни одного автографа Шолохова! Позвонил я им – они обрадовались. Подарил – они поблагодарили, спасибо сказали, а потом, через полгода, директриса счастливая такая мне позвонила и доложила, что ездила она на какой-то юбилей Шолохова в станицу Вёшенскую и подарила мои письма местному музею Шолохова. А те письма любопытные были, мне их отказала одна моя знакомая старушка, у которой папа был врачом, не простым врачом – в Кремлёвке служил. Спас он когда-то сына Михаила Александровича, когда ещё работал в какой-то провинциальной клинике то ли в Ростове, то ли в Краснодаре. Сын у Шолохова был лётчиком, и вот он разбился где-то там на юге. В смысле разбился-то самолёт при испытаниях, а сын Шолохова только весь переломался, ну весь, но выжил, и Михаил Александрович в письмах умоляет буквально этого доктора спасти сына, обещает золотые горы, вплоть до упоминания, что он может и в Кремле что-то для того доктора сделать нужное и важное, если потребуется. Вот такие письма были, а я их профукал – точнее, я их в наш музей дарил безвозмездно, а они оказались в станице Вёшенской, в которой я и не бывал ни разу.

– Да, некрасивая история!

– Да письма – хрен с ними, не жалко. А вот рисунок Пикассо у меня был, так его жалко вдруг почему-то теперь стало.

– А откуда у тебя рисунок Пикассо? Что ты мне его не показывал?

– Да ты его сто раз видел. У меня в спальне напротив кровати висели в рамках деревянных небольшие два рисунка – Пикассо и Модильяни. У Пикассо там – башка быка и фигура матадора, а у Модильяни – две обнажённых женских фигуры.

– Не помню, ни разу не видел.

– Какой-то ты невнимательный. Мой дед после войны был в звании комиссара НКВД. Когда война закончилась, то, в принципе, не возвращалось всем нашим солдатам-победителям и офицерам, а генералам тем более, захватить к себе на родину кое-что из трофеев. Солдатики часы карманные или губную гармошку в карман могли сунуть, младшим офицерам полагалось полвагона, старшим – вагон, а генералы да маршалы составами упаковывались: и сервизы, и ковры, и мебельные гарнитуры, и концертные рояли, – и Германия, и Австрия, и Венгрия, и Чехословакия на год были отданы на разграбление. Тысячи вагонов с трофейным барахлом пришли с запада к нам сюда. А через пару лет опомнились и начали соответствующие органы помаленьку отбирать всё трофейное добро у генералов и передавать в дома отдыха да в санатории. Мой дед самолично участвовал в этих обысках и реквизициях, а с ним ходила по пятам, по этим квартирам генеральским, и моя бабуля: с сумкой холщовой и в кацавейке бархатной ходила она следом за моим дедушкой. И в каждой квартире какую-нибудь безделушку, или картину, или статуэтку прихватит, в сумку свою сунет. Вот так и эти два рисунка оказались сначала у неё, а потом уже она их мне и подарила.

Так вот, когда Антонова из Пушкинского музея выделила собрание работ из частных коллекций в отдельный музей, уж не знаю, как филиал

он сейчас Пушкинского или это стало отдельной структурой, я позвонил ей – благо у меня был повод. К тому же узнал я, что они эту коллекцию работ из частных собраний в скором времени планируют на экспозицию в Италию везти. По обмену по какому-то.

– А что за повод?

– Когда-то, давным-давно, она проводила у себя в Пушкинском музее нашумевшую выставку, про которую только ленивый не слышал, – «Москва – Париж». Я тогда ещё маленький был, двенадцать или тринадцать лет. Мы с мамой в то время в Москве были и вместе с группой товарищей из МВД на открытие этой выставки попали. Ты же знаешь, что мой двоюродный дядька тоже генералом был, – он это и организовал. Антонова тогда всем нам по альбому шикарному, к выставке приуроченному, подарила – прямо у себя в кабинете дарила. А я ещё детской наглости тогда набрался и попросил её на память подписать. Этот альбом и сейчас у меня дома лежит. Я тебе его покажу. Разыскал я телефон Пушкинского, звоню Антоновой, напоминаю ей про альбом, она понимает, что не из простого народа я. Самое главное, Илья, – она меня вспомнила: не всем же она альбом тот подписывала, а мальчишку тринадцатилетнего тем более запомнила. А ещё я ей рассказываю, про эти два моих рисунка. Она заинтересовалась и говорит: «Привозите!»

– И чего – ты так просто повёз?

– Ну конечно. А что?

– А то, что нам этих двух бутылок теперь не хватит, если ты запросто Пикассо и Модильяни раздариваешь.

– Нет, не так просто! Привёз я им туда, в Пушкинский, эти два рисунка свои, собрались эксперты ихние с учеными званиями, поговорили про что-то умное и подтвердили подлинность. А Антонова спрашивает: «Михаил Петрович! А как же мы с вами расплачиваться будем – у музея сейчас денег нет, и когда будут – неизвестно». А я ей говорю, что не надо мне никаких денег, подарю я рисунки вам, только хочу я на открытие этой вашей выставки в Италию попасть в качестве спецкора газеты «Культура», которым я и являюсь, – и корочки свои ей показываю. «Заманчиво, конечно, – говорит она, – да не знаю, получится ли». И ты знаешь, Илья, получилось!

Экспозиция там, в Риме, наверное, две недели готовилась – расставляли, развешивали, каталоги готовили, а мы прилетели как раз в день открытия, и всё я успел: и пофотографировать, и интервью у кого надо взять. Только не за этим я в Италию летел. Хотелось мне побывать в театре «Ла Скала», на какой-нибудь классной настоящей опере и чтобы с хорошими исполнителями. Гостиница плохонькая, в которой нас разместили, – хотя в центре. И вот вечером я разузнал, что на следующий день там у них «Аида», да ещё с Пласидо Доминго. А была запланирована обзорная экскурсия для всей нашей делегации. Только положил я с прибором на эту экскурсию. После обеда направился я в наше российское посольство и говорю, что мне надо встретиться с третьим секретарем. А ты же знаешь, а если нет, то знай, что третьи секретари почти всех российских наших посольств – резиденты разведки. И не скрывает этого никто. Говорю, что мне нужен Абросимов Сергей Николаевич. Там на воротах люди умные, опытные – лишнего не спрашивают.

– А ты что, уже знал, что третьего секретаря зовут Сергей Николаевич?

– Конечно! Я же готовился. И вообще запомни: хорошая память на лица и имена нужна всем жуликам и разведчикам, это их профессиональная необходимость.

– Так мы с тобой не жулики и не разведчики.

– Э-э, нет, брат! Мы с тобой журналисты, а это куда выше, чем какие-то разведчики и жулики, потому что нам с тобой приходится иной раз бывать и в той и в другой шкуре! Запомни. Так вот, встречаюсь я с Сергеем Николаевичем и говорю, что так, мол, и так, приехал я освещать выставку, жаль, что вас на открытии не было, планировал я с вами там познакомиться. А надо мне кровь из носа попасть на сегодняшний спектакль в «Ла Скала». Показываю я ему свои корочки, предписание. Смотрит Сергей Николаевич на меня внимательно так, ничего не говорит, молчит. Потом спрашивает: «А ваши полномочия?» Теперь уже я молчу. А что я отвечу? А он вдруг: «Подождите», – и уходит. Минут через двадцать выходит ко мне молодой человек и выносит пропуск, красивый такой. Говорит: «В шесть часов будьте у посольства, вас отвезут на машине. Это ложа нашего посольства – вы там будете один. После спектакля вас также встретят и отвезут в гостиницу». Так что, Илья, побывал я в «Ла Скала», только пел не Пласидо Доминго, а Марио Бьянко, но это тоже шикарно.

– Так тебя встретили на машине после спектакля?

– Встретили. Только отвезли не в гостиницу, а напрямиком в аэропорт, и портфельчик мой из гостиницы они успели забрать, и курточку мою сунули мне в руки, и посадили на самолет. По пути в аэропорт не разговаривали, так и молчали угрюмо: мол, если ты такой умный, то сам понимаешь, что происходит.

– А как же билеты?

– Не знаю! Провели меня через дипломатический коридор. А в Москве так же встретили и мимо таможни провели на выход. Там меня уже ждала машина, посадили: думал – прямо сразу на Лубянку повезут. Так нет – высадили у ближайшего метро и сказали: «Ждите, Михаил Петрович, с вами свяжутся». Так вот, уже который год жду. Я думаю, что теперь я по-настоящему невыездной. Хотя что толку, если девяносто девять процентов выездных в «Ла Скала» не попадают.

– Да, накуролесил ты. А что же произошло, что тебя в театр проводили, в ложу дипломатическую посадили, а потом выкинули, как нашкодившего щенка?

– А то и произошло, что, пока я сидел в театре, они наверняка позвонили в Москву; там быстренько выяснили, кто я такой и чего можно ожидать от меня, и приказали выслать меня срочно по дипломатическому каналу на Родину. Придумали какой-нибудь форс-мажорный вариант, чтобы без сучка и задоринки проскочило. В принципе я ожидал такого развития.

– А ты хоть трезвый был? А что с рисунком Пикассо? Как его судьба?

– Не знаю. И был я, конечно, трезвый. Какое это имеет значение? Хотя жалко немного – хорошие рисуночки были. Я же с этого и начал.

МАМА В ПОДАРОК

Святочный рассказ

Он недолго раздумывал, где ему удобнее материализоваться: на опушке Марьиной Рощи и потом важно и даже с помпой войти в город через Сахарный Дол, предварительно заманив туда какой-нибудь ерундой журналистов для освещения всей акции, или в центре города, в каком-нибудь небольшом скверике, а может, даже во дворе среди старых домов.

— Что-то в последние годы вся эта моя материализация или превращение стало занимать у меня пусть и небольшое, но время, а раньше моментально получалось. То ли стареть начал, то ли проблемы технологического характера: всем понятно, что в эфире потрясающее количество всякой дряни теперь носится, а такое видоизменение требует чистоты не только внутренней, нравственной, но и чтобы в окружающем мире соответствующее качество присутствовало. По причине того что сейчас злоба и корысть в воздухе совершенно безнадзорно и безнаказанно гуляют, то как результат — переход из волнового состояния в материальное становится процессом. А любой процесс характеризуется временными параметрами — следовательно, возможности волшебства или совершенно пропадают, или значительно сокращаются; вообще-то время как философская категория для волшебника не существует, точнее, не должно существовать. И как бы кто ни фантазировал и ни заливал фантазии свои через край, но я, Дед Мороз, — просто волшебник, и всё!

Старик, притопывая валенками, бубнил себе под нос всю эту ахинею, ни к кому не обращаясь. Уже больше минуты он стоял за старыми гаражами в глухом школьном дворе, по колено в снегу, в центре города и ждал, когда у него образуется нормальная дедморозовская борода, хотя бы до пояса. А то торчит какое-то недоразумение в виде редких рыжих волосиков, которые, правда, на глазах росли, курчавились и седили, образуя серьёзные заросли. Но вот — в течение минуты он стал похож на классического персонажа с любой картинки: в красном халате, с красным мешком и с посохом. Не было только Снегурочки!

— Слава тебе господи, что эта девчушка потерялась куда-то сегодня! И откуда она вообще у нас взялась? Говорят, что её Сталин выдумал и узаконил — а зачем? С ней бы я вообще ничего не успел. Раньше за пяток минут успевал несколько миллионов детишек поздравить, превращаясь всюду моментально и ненадолго в стандартных и почти реальных фантомов — знай только перепрыгивал с одного часового пояса на другой. А теперь стали появляться сложности с этими переходами! Хотя и удобства некоторые появились, которыми можно воспользоваться, например интернет. Ведь можно же на девяносто процентов упростить задачу с поздравлениями детей, если переложить её на весь руководящий блок страны.

Причем я имею в виду не только чиновников различного уровня, но и олигархов, которые по определению связаны с руководством страны и которые разбогатели все на инсайдерской информации, а также и всех остальных состоятельных людей. База данных с краткой характеристикой на каждого из них имеется, мы все знаем, где она существует — в ФСБ, а для такого благого дела, которым я занимаюсь, можно и государственными секретными сведениями попользоваться. Только вот — как убедить?

Пряником их не поманишь — не поверят!

А вот если напугать — поверят!

И поверили! Главное — президент поверил, что детишек должны взрослые поздравлять и подарки им дарить, а не какие-то Деда Морозы. Только таким образом дети будут верить, что их детство зависит от взрослых, а не от волшебника. Дед Мороз должен чудесами заниматься да, может, немножко нос со щеками пощипать кое-кому зазевавшемуся. А вот за президентом и все остальные потянулись: и федеральные министры, и генералы, и губернаторы, да все мало-мальски значимые чиновники и руководители. Только всё равно мало этого: всё равно всю оставшуюся армию детишек обслуживать мне приходится.

Ну, и главное — добрых волшебников на свете не бывает, иначе все люди на Земле всю свою жизнь как сыр в масле и катались бы, и никаких проблем у них не было бы. Все волшебники, как и вся нечистая сила, своими непредсказуемыми действиями столько проблем создают, что правильнее, конечно, нас считать злыми. Ну да надо делом заниматься...

Старик махнул своим огромным тяжелым с виду посохом, и с него в разные стороны разлетелись тысячи, а может, и миллионы ярких искр, которые не гасли, а тут же превращались в горящие звёзды и разлетались во все стороны.

— Ну вот с фантомами моими определились — они и навещают всех ребятишек, которые их ждут и приготовили для такого дела под ёлками коробки и башмаки для подарков, а кто-то и за окном повесил торбочку в надежде. А сам я должен выполнить неприятное пожелание или даже просьбу, коллективную просьбу — хорошо, что она с грехом пополам, а всё же дошла до меня. Такую просьбу, что и президент не справится: две девочки Юля и Катя, двойняшки десяти лет, и их младший пятилетний братишка Саша попросили меня на Новый год вернуть им их маму, добрую и обязательно трезвую. А такое и президенту не под силу! Сейчас пройду по центральной улице, полюбуюсь на весёлый, предпраздничный народ, а потом сразу и займусь. Противно, конечно — не люблю я пьяных женщин, но надо хоть один новогодний подарок самостоятельно сделать.

Даже центральные улицы даже больших городов перед самым-самым наступлением Нового года вызывают удивление — огней много, а людей мало. Да и те, кто попадался навстречу моему Деду, куда-то спешили. Зато мой Дед Мороз не спешил — прогулявшись до центральной площади, где стояла главная ёлка, он с уверенностью оценил, что город к празднику готов. Старик незаметно, но сильно стукнул посохом о брусчатку и, трансформировавшись в завьюженный свиток снега, исчез.

Его даже не ждали, даже не надеялись в маленькой трёхкомнатной квартирке на первом этаже девятиэтажного панельного дома в дальнем Нагорном микрорайоне. В подъезде пахло кошками, перила были

выломаны, а лампочка не светила. Хотя свет на площадку пробивался сквозь неприкрытую дверь одной из квартир.

Женщина неопределённого возраста – ну, может быть, лет тридцати или тридцати пяти, сидела в углу центральной комнаты, прямо на полу с закрытыми глазами и, раскачиваясь, что-то мычала. Она была пьяна и неопрятна!

На старой обшарпанной кушетке, а может, это был когда-то и диван, прямо напротив пьяной женщины сидели две напуганные девочки, обнимая маленького мальчика с заплаканными глазами. Старик понял, что попал «по адресу», да и не мог он ошибиться – ни разу в жизни он ещё не ошибался! Все трое подняли головы на старика, когда он обратился в комнате в полной своей красоте и сиянии, но в их глазах, полных разочарования и страха, не мелькнуло даже искорки надежды или удивления. Если вся их жизнь была страшным сном, то и появление у них в доме настоящего большого и красивого Деда Мороза тоже казалось сном, но они пока что не могли решить каким: страшным сном или прекрасным!

А наш старик сразу же подошел к сидящей на полу и бормочущей что-то невнятное женщине и взял её за ухо своими крепкими и ледяными пальцами.

– Ты кто? – с трудом приоткрыв глаза, спросила женщина и уже совсем неуверенно, скорее по привычке, пробормотала: – Дай бухнуть чего-нибудь!

Дед Мороз приподнял за ухо женщину над полом и чуть-чуть потряс её – послышался звон разбитой стеклянной посуды. Дети с удивлением смотрели на происходящее, им не сразу стало понятно, что происходит у них на глазах, и пока что не очень верилось в чудо. А вот женщина, увидев Деда Мороза в полной амуниции, всё поняла: поняла, что тут всё серьёзно и по-взрослому.

– Тебе больше нельзя, тебе надо заниматься детьми, своими детьми. Я тебе помогу, – сказал старик.

– Я знаю, что нельзя. Я и не буду, – смиренно ответила женщина.

– Тогда бери мой мешок и собери быстренько праздничный стол – там всё для этого есть.

Женщина вдруг уверенно, самостоятельно встала на ноги, поправила платье, причёску, осмотрела себя в небольшом стареньком и исцарапанном настенном зеркале и, неожиданно улыбнувшись и что-то вполголоса про себя напевая, стала разбирать мешок Деда Мороза. Она прямо на глазах разбурчалась и оказалась очень даже интересной и хозяйственной. А в мешке, как специально подобрано, находилось всё, что требуется для встречи семейного Нового года: и лимонад, и конфеты с печеньем, и мандарины, и торт, и даже два подсвечника со свечами, и даже небольшая живая ёлка, уже украшенная шарами, сосульками и разноцветными сверкающими гирляндами.

Девочки Юля и Катя, сидевшие на диване, как маленькие окаменевшие фигурки, замерли с открытыми ртами, глядя на маму, а у мальчика Саши тут же высохли слёзы и также открылся рот. Потом все трое медленно-медленно повернулись к Деду Морозу, но тот уже готовился покинуть своих заказчиков, постепенно растворяясь в своем волшебном эфире и теряя очертания.

Игорь ОЗЁРСКИЙ

Родился в 1989 году в Москве. Окончил Московскую государственную юридическую академию им. О.Е. Кутафина. По профессии – адвокат. Советник министра культуры Московской области.

Автор романа «Безымянные» (лауреат всероссийской литературной премии «Гипертекст», 2023), книг «Философия смерти» (2010) и «Трилогия сатанизма. Одиночество. Деструктивность. Любовь» (2014). Рассказы публиковались в журналах «Аврора», «Бельские просторы», «Кольцо А», «Турист». Живет в Москве.

ДЕТИ ПУСТЫНИ

Говорят, у мира не существует края, может, это и вправду так. И чем дольше я бегу, тем больше убеждаюсь в этом. Здесь, в пустыне, возникает ощущение, будто ей никогда не будет конца. И, пока мы верим в это, всё так и есть. Однажды меня сравнили с чёрной дырой, а потом я узнал, что чёрные дыры – это мёртвые звёзды, одна из которых – центр нашей Галактики. Выходит, что в эпицентре всего находится смерть, а миры вращаются вокруг неё, как и сейчас пустыня вращается вокруг меня.

Я слышал предположение, что Вселенная многомерна и, когда человек умирает, реальность раздваивается: возникает одна, где человека больше нет, и другая, в которой он продолжает жить. Сейчас, когда нахожусь среди изъеденных беспощадным солнцем песков, мне кажется, что такое когда-то произошло и со мной. В одну из забытых ночей я умер, будучи ещё ребёнком. Помню, что перед сном жевал жвачку и забыл вытащить её изо рта. Сложно сказать, что стало причиной смерти: может, жвачка попала в дыхательные пути или случилось что-то ещё. Только помню, как утром болел живот и как сильно из-за этого злилась мать.

Мать... обычно я не использую такое слово. От него веет холодом. Но именно холод в то время окружал меня. Следовало ещё тогда заметить, что после той ночи события развивались довольно странно. Словно подлинной реальностью была та, где меня не стало, а эта оказалась жалкой на неё пародией.

Откровения приходят внезапно, и чаще всего это случается, когда мы остаёмся наедине с собой. Выходит, что там – в подлинном мире – я давно мёртв. Глубоко в земле лежит тело мальчика, и совершенно неважно, какое слово ему по душе больше: мать или мама. Ведь ни то ни другое произнести он уже не сможет никогда. И, вероятно, если бы мама знала, что случилось той ночью, скорее всего, она бы так не злилась.

От размышлений меня отвлекает блик. Это значит, впереди вода. Подбегаю ближе и уверяюсь, что это действительно так; ведь в пустыне увидеть можно многое, но, к сожалению, сложно сказать, что из этого существует на самом деле, а что нет. Пятилитровая пластиковая бутылка с надписью «Оазис», покрытая пылью, стоит у дороги и напоминает морской буёк, плавающий в песчаных волнах.

Сверяюсь с часами и понимаю, что со старта марафона прошло уже больше десяти часов, а позади пролегает восемьдесят километров пустынных барханов. Но до конца остаётся куда больше.

Много пить нельзя, хотя очень хочется. Стенки пищевода будто ссохлись и слиплись. Наполняю флягу водой и делаю несколько небольших глотков. Желудок скручивается в спазме, совсем как тогда, в детстве. В этот момент в памяти всплывает один рассказ. Это странно, ведь с тех пор, как я однажды прочёл его на уроке литературы, больше не вспоминал о нём.

Повествование было о мальчике, который не хотел есть мерзкую, на его взгляд, кашу, и отец пристыдил сына историей про голодные времена войны. Рассказ мне не понравился и оставил дурное послевкусие. Почему люди прививают детям чувство стыда за события, отношения к которым те совсем не имеют? Нельзя возлагать на детей ответственность за пороки прошлого, ведь всякая ответственность находится исключительно в руках взрослых. И если ребёнок не хочет есть невкусную кашу, то дело не в том, что плох ребёнок. Всё с точностью до наоборот: плох тот родитель, что не обеспечил ребёнку иного. Дети не приходят в мир по собственной воле. Они как джинны из волшебных ламп, найденных в песках пустыни. И родители хотят, чтобы дети исполняли их желания, но только откуда берётся у взрослых такое право? Жизнь – это выбор родителей, не детей. Некоторые предпочли бы не рождаться вовсе.

Ставлю баклажку с водой на место и продолжаю бежать. Солнце в зените, и вся вода, что я выпил, мгновенно выходит через поры, укутывая тело тонкой пеленой прохлады.

Перед стартом некто меня спросил:

– Зачем вы бежите? Куда-то или от чего-то? Или, быть может, к кому-то или от кого-то?

Думаю, преподаватель русского языка ответил бы, что нельзя так злоупотреблять наречиями. Возможно, он прав, а возможно, и нет. Вероятно, есть смысл ставить под сомнение любое утверждение, даже аксиомы, что якобы не требуют доказательств. Ведь только в таком случае рождаются смыслы. При этом нас заставляют думать, что многие смыслы уже определены, хотя никто не может с абсолютной уверенностью утверждать, что это именно так. Эйнштейн как-то сказал: «Каждый с детства знает, что то-то и то-то невозможно, но всегда найдётся неведжда, который этого не знает. Он-то и делает открытие». Я не совершал открытий, но знаю наверняка: Эйнштейн тоже любил наречия.

Солнце стремится к закату, и мышцы на ногах сводит судорогой. Жалкие остатки влаги полностью покинули поры, сделав кожу шершавой и грубой. Но пустыня безжалостна не только к людям. Справа и слева из песка торчат обглоданные жарой кустарники. Среди сухих ветвей я замечаю движение. Будто по ту сторону, в тени скелетов когда-то пылающих густой листвой растений, бежит зверь. И если это пума, значит, совсем скоро реальность для меня раздвоится вновь.

Какой бы зверь ни таился за сухими ветвями, безобидным он быть не может. Суровые земли порождают опасных хищников. Кактусы отпускают шипы, хвосты скорпионов наполняются ядом, а смертоносные пауки роют в песке ловушки.

Все они – голодные дети пустыни. Именно о них писал Ницше: «Всё, что нас не убивает, делает нас сильнее». Дети пустыни познали это на себе сполна. Но теперь и я один из них. И пусть у меня нет хвоста с острым смертоносным жалом, а кожу не защищают твёрдые шипы, я обладаю бóльшим – тем, что находится глубоко внутри. Душа, скажете вы... может быть. Только мною она ощущается иначе – пустота. И я заполняю её движением. Для этого не нужны ни яд, ни шипы, ни когти. Стремясь заполнить самих себя, люди способны на очень многое, а счастье... Счастье эфемерно и довольно коротечно, подобно пузырькам в бокале просека.

Кусты становятся реже, и сквозь них я вижу волкособа и то, как ярко сверкают его глаза в лучах закатного солнца, а большие ноздри втягивают сухой воздух.

Волкособ. Опаснее этого зверя в пустыне нет никого. Другие животные обычно сторонятся людей, волкособ же подходит к человеку как собака, но кидаётся на него как волк. Гигантские клыки способны разорвать кожу и распотрошить плоть за считанные мгновения.

Но волкособ не спешит приближаться ко мне. Бежит на небольшом расстоянии с точно такой же скоростью, с какой бегу я, и даже на меня не смотрит. Взгляд волкособа уверенно устремлён вперёд, словно зверь абсолютно точно знает, куда ему нужно попасть.

Хотел бы и я обладать подобным знанием.

Порыв ветра доносит до меня резкий сладковатый запах разгорячённой шерсти. Поворачиваю голову и всматриваюсь в волкособа. Он очень похож на пса, что когда-то жил в доме моей бабушки. Когда я оставался у неё на ночь и ложился спать, пёс ставил тяжёлые лапы на край кровати и очень глубоко дышал, отчего матрац ходил туда-сюда. Огромный пёс укачивал меня, пока я засыпал. К сожалению, того пса давно не стало, и мне грустно оттого, что я оказался в той реальности, где его нет.

Солнце медленно опускается, и теперь невозможно различить линию горизонта: небо окрашивается в шершаво-песочный цвет и сливается с плавными изгибами барханов. Температура воздуха быстро падает.

Позади больше сотни километров, а волкособ продолжает сопровождать меня. В его компании чувствую себя иначе. Словно зверь одним своим присутствием заполняет пустоту внутри меня. Или же он сам носитель подобного – одинокий ребёнок пустыни, блуждающий среди песков.

Уже темнеет, и пора сделать привал. И, хоть каждая частичка тела умоляет меня об отдыхе, останавливаться совсем нет желания. Обдумывая парадокс, начинаю понимать, в чём дело. Если остановлюсь, а волкособ побежит дальше, вновь окажусь один.

Одиночество. Вот от чего так сильно хочется бежать. И как же я не понял этого раньше? Вероятно, у нас не всегда получается в точности осознать причину собственных действий. Просто совершаем их, интуитивно ощущая в них потребность.

Но, как бы я ни хотел бежать, силы покидают тело. Перехожу на шаг, и, на радость мне, волкособ тоже сбавляет скорость. Останавливаюсь, и зверь останавливается вместе со мной. Солнце уже скрылось, перемешав меж собой небо и землю, отчего вся палитра пространства заполнилась чёрным.

Пока я укладываю в рюкзак тёмные очки и шапку и пытаюсь отыскать налобный фонарь, барханы затягивают свою гулкую ночную песню. Воздух наполняется жужжанием тысяч невидимых духовых инструментов. Волкособ склоняет голову набок, будто бы критик, оценивающий талант художника.

Сидя на всё ещё горячем песке, я наблюдаю звёзды: они одна за другой вспыхивают в черноте неба. В такие моменты сильнее всего ощущаю непривычную для левой руки тяжесть кольца. По привычке пытаюсь нащупать кольцо на безымянном пальце правой руки, но вспоминаю, что его там нет. Песня барханов становится громче, и среди заунывных звуков мне слышится такой родной звонкий смех. Кажется, вот-вот в ночи промелькнёт тень шелковистых чёрных волос и засверкают, как звёзды, наполненные светом и жизнью большие глаза. Но мираж исчезает, как только на небе показывается луна. В её тусклом свете ловлю на себе пристальный взгляд волкособа. Его обесцвеченные темнотой глаза наполняют печаль, словно зверь способен читать мои мысли. Хотя откуда нам знать, о чём думают волкособы? Но сейчас мы оба, в глубине пустыни, окутанные густым сумраком ночи и согреваемые лишь холодным светом луны и тревожной музыкой барханов, сливаемся в единое целое. Во мне пустота зверя, а в звере пустота меня.

«Ты – это я», – сказала она мне как-то. Но тогда было сложно в полноте мере понять значение этих слов. Теперь же всё ясно: любить человека, как любишь себя самого. И, когда её не стало, не стало и меня. Только вот очередной парадокс: меня не стало, но я всё ещё здесь.

Встаю и продолжаю бежать. И, хоть мой организм всё ещё обессилен, истощение идёт на пользу, ведь, как известно, чем сильнее страдает тело, тем меньше боли испытывает душа. Закон равновесия, чёрт бы его побрал. Так всякие смыслы обретают форму; так обручальное кольцо может быть на пальце только одной руки.

Позади осталось больше двухсот километров, но волкособ не отстаёт ни на шаг. Совсем скоро первые солнечные лучи избавят пустыню от гнетущих чёрных оков, только я не хочу, чтобы ночь уходила. И не только из-за предстоящей жары, но и потому, что в песне барханов всё ещё слышу звуки, такие близкие моей душе.

А когда солнце взойдёт, её смех прервётся.

Как прерывается рано или поздно абсолютно всё.

Вдруг песня пустыни замолкает. Ночная музыка отчего-то прекращается прежде, чем восходит солнце. В это мгновение пространство пронзает утробный прерывистый вой, напоминающий крик диких кошечек. Но я догадываюсь, что принадлежит он кому-то другому, и вижу, как на загривке волкособа дыбом поднимается шерсть.

Волкособ сбавляет скорость, а в его груди зарождается рык. Неужели они так близко? Прослеживаю за взглядом зверя и замечаю четыре горбатых силуэта, огибающих ближайший бархан: ключья шерсти на толстых шеях, обрубленные тупые морды и грузные тела на длинных нелепых ногах.

Гиены бегут как-то странно, будто бы боком. Но как бы они ни бежали – направляются прямо ко мне. И спастись от них невозможно. Можно вызвать помощь по радиации, только какой в этом смысл? Когда придут рейнджеры, трапеза гиен подойдёт к концу.

Волкособ встаёт передо мной и грозно расставляет лапы. Теперь только он отделяет меня от четырёх страшных хищников, что пришли полакомиться человеческим мясом.

Четыре. В китайской культуре это число означает смерть.

Гиены жадно смеются, и их усеянные зубами пасти наполняются густой слюной. Они обходят волкособа с разных сторон, но зверь продолжает защищать меня. Он оголяет огромные белые клыки, а бурлящий дикий рык приглушает истеричный вой гиен.

Одна гиена срывается с места и пытается ухватить волкособа за лапу. Он уворачивается и наносит ответный удар. Белые клыки вспарывают чёрную морду зверя, и песок окропляется первыми каплями крови.

Остальные гиены разом кидаются в атаку. Пространство и время, звуки и запахи – всё, что можно слышать, созерцать и чувствовать, мгновенно смешивается в единую тягучую массу. Ударом лапы волкособ отбрасывает одну из гиен, в то время как другая пытается подлезть под него, чтобы вцепиться в не защищённое шерстью брюхо. Подбегаю и ударяю её ногой. Мгновение – и массивные челюсти зверя смыкаются на моём запястье. Ощущение, будто руку сжимают стальные тиски. Гиена начинает крутить головой, чтобы выдернуть из суставов кости, но волкособ хватает её за ухо и делает рывок. Раздаётся хруст и сдавленный стон. Хватка ослабевает, гиена выпускает из пасти окровавленную кисть и медленно опускается на песок.

Численность хищников по-прежнему превышает нашу. Одна из гиен успевает прокусить волкособа лапу. Вторая вновь кидается под него и метит зубами в брюхо. Успеваю толкнуть её в бок, отчего зубы хищника хватают лишь воздух. Я защищаю волкособа, в то время как волкособ спасает меня.

Ещё одна гиена падает замертво, но это стоило нам с волкособом одной его лапы и моей ноги. Теперь силы равны. Я использую всё, что есть в рюкзаке, да и сам рюкзак, для атаки. Отвлекаю животных свистком и стараюсь бить в нос и глаза.

Одна из гиен сбивает меня с ног и придавливает к земле. Кажется, что весит она целую тонну. Пытается вцепиться в шею, но я подставляю руку. Лучевая кость ломается под натиском её челюстей. Гиена начинает трясти головой, ещё немного, и я потеряю сознание. Нащупываю свободной рукой свисток и всаживаю гиене в глаз. Полный злости и боли вой пронзает утренний воздух пустыни. Гиена убегает туда, откуда пришла, за ней, хромая, устремляется вторая. На сплошь залитом кровью песке остались лежать два обездвиженных смертностью тела.

Ноги меня не держат, и я продолжаю сидеть. Адреналин вежливо уступает место боли. Достаю флягу и выпиваю немного воды. Мне всегда казалось, что вода – антоним смерти. Ведь именно она источник всей жизни на земле. Но вода тоже отнимает жизни. И теперь, находясь здесь, в пустыне, понимаю, что жизнь и смерть, в сущности, одно и то же. Две сестры, что держатся за руки слишком крепко, и разлучить их не дано никому.

Вновь вспоминаю жвачку и ту роковую ночь. Теперь погибшему мальчику не так одиноко, ведь с ним моя жена и огромный пёс, что сторожит их сон. В сущности, мы просто поменялись местами, а я... Я лишь тень, растворившаяся в миражах пустыни.

Волкособ опускается рядом и преданно смотрит в глаза. Достаточно одного движения, чтобы коснуться рукой густой серой шерсти. Но я не спешу. И не потому, что опасаясь его клыков. Нет... Этот зверь не причинит вреда. Просто боюсь, что, когда протяну руку, пальцы найдут лишь воздух. Ведь в пустыне увидеть можно многое, но, к сожалению, сложно сказать, что из этого существует на самом деле, а что нет.

Николай ГОРИЦВЕТОВ

Родился в 1987 году в Москве. Окончил Университет Российской академии образования (УРАО) по специальности «Философ. Преподаватель философии».

В 2020 году вышла книга «Чугунные крылья». Печатался в «Литературной газете» и в сборниках под редакцией «Литературной газеты». Живет в Москве.

ПРИХОЖАНИН

На остановке Рыбин ждал троллейбуса, идущего до учреждения под названием «Парк легенд». Там занимались, в частности, бизнесом. Находился «Парк легенд» на территории бывшего ЗИЛа. Подошёл троллейбус, идущий пока не туда. В его окне Рыбин отметил девочку, которую посчитал хорошенькой и решил добавить в свой список, где у нее оказался номер двести двадцать девять за текущий год. Рыбин не затем разъезжал по Москве, чтобы высматривать симпатичных девочек. Он просто работал в должности курьера и должен был доставить документы в тот самый «Парк легенд». Девочек он отмечал попутно. Но, с другой стороны, это отмечание больше значило для его состояния, чем сама работа.

Отметил Рыбин не только девочку, но и сам троллейбус, выглядевший так, как в его детстве. В детстве Рыбин обожал троллейбусы за их мелодичное гудение и специфический запах. А сейчас он и предположить не мог, что через несколько лет Москва откажется от троллейбусов. Ради электробусов.

Вообще Рыбин с детства был эстетом – человеком, обострённо воспринимающим красоту. Это всё-таки помогало ему сохранить остатки рассудка. Но присущ эстетизму и серьёзный минус – он делает человека только созерцателем, зрителем окружающего мира, но к деятельности побуждает мало. Если только вдохновляет. Вот Рыбин занимался живописью. Ему обещали выставить его пейзажи в каком-нибудь парке, но исполнение этого обещания затянулось.

Раздав все бумажки и приехав домой, Рыбин первым делом бросился к своему чёрному блокноту и добавил туда в список увиденных сегодня девочек. Выглядело это добавление так: «228. «Автозав.», там же. 229. В тролл.» Сокращения использовались с целью экономии бумаги. Рыбин вёл подсчёт, как он это называл, чарующих моментов. И делал он

из этого списка хит-парады, чарты месяцев и лет. Этим он отдалённо компенсировал отсутствие семьи. Отмечал он не только красивых девочек и девушек, но и особые ситуации, которые только для него особые, другой не заметит. А пометка «там же» означала, что в районе метро «Автозаводская» Рыбин встретил уже много очаровашек – и маленьких, и взрослых.

И при всём при этом Рыбин также являлся православным христианином. Отнюдь не с детства он таковым являлся, а после неудачи с поступлением в вуз. Вуз Рыбин сначала выбрал технический. Всё-таки знания там преподносят более практичные. Потерпев неудачу, парень как-то потерял себя, перестал чувствовать своё назначение. Потом весьма неплохо окончил художественный факультет. Но работа тем не менее вот такая. Как он говорил: «Устроился на должность бродяги». А в религии он нашёл способ познать своё назначение, просветиться истиной и любовью.

Явился Рыбин однажды на исповедь, через пару дней после указанной поездки. Рад был парень тому, что у него быстро получилось снова исповедаться, чтобы завтра причаститься. Да и батюшка, к которому Рыбин стоял в очереди, оказался улыбчивым; к нему подходили пока что старушки, а он им всем с улыбкой кланялся. А Рыбин собирался сообщить о своих проблемах с молитвой.

– Каюсь, батюшка, – начал Рыбин. – Мне молиться бывает трудно, концентрация плохая. И вообще, в молитвах и прочем утрачивается свободная потребность, я делаю это просто чтобы... себя помучить как-то. Хотя, бывало, я один раз почувствовал умиротворение в храме. Правда, не в этом – не в обиду будь сказано этому храму, – а в сельской местности. Там так народу мало, просторно, и на улице небо кажется ближе, я как будто...

Рыбин взглянул на священника и оборвался. У того уже не было ничего похожего на улыбку. Только испуг. И притом какой-то детский – с расплывшимися губами, как у пятилетнего малыша, случайно наткнувшегося на фильм ужасов. И батюшка ещё как-то особенно сжимал в руках нагрудный крест. Затем затараторил:

– Ты перед Богом всегда кайся, говори: «Господи, помилуй мя, грешного» и не повторяй больше грехов, понимай, что это противно Богу. Господи, помилуй нас, грешных. Как зовут тебя? Давай, Кирилл, наклоняй голову.

Рыбин спокойно наклонил голову под епитрахиль. Его пока не волновало, кого там в нём увидел батюшка, главное было поскорее исповедаться – и гора с плеч.

Теперь мы ненадолго выйдем из черепной коробки Рыбина, чтобы объяснить кое-что, чего он не понял.

Для этого батюшки Рыбин стал разрушать христианскую картину мира. И не какими-то утверждениями, а самым своим существованием. Тот был уверен, что не существует людей, на которых молитва действует плохо, и теперь ощутил своё, как служителя церкви, бессилие.

А через пару месяцев Рыбин устроил в том храме вошль. Оттого, что не получалось возле распятия прочитать «Отче наш». Он простоял целый час и стал звонить матери, чтобы увела его из храма. Сначала он звонил ещё на улице и на уговоры матери прийти домой так, не прочитав молитву, он взбешённо отвечал:

– Никуда я не приду!

Он ещё потряс ветвями, оплетшими церковную ограду. И в этот момент на него через ограду посмотрел другой парень из числа тех, кто ставил свечи к распятию, возле которого Рыбину не удавалось прочитать «Отче наш». И посмотрел тот парень с ненавистью. Его взгляд будто говорил, что такие психи не должны появляться на свет. И что самое интересное, тот ещё при этом изображал из себя христианина.

Рыбин решил закончить молитву. В храме наводили порядок к приезду какого-то высокого церковного чина. Одна женщина стала протирать икону зубной щёткой, сняв оклад. Затем обратился мужчина в годах:

– Молодой человек, отойдите немножко.

– А меня скоро уведут отсюда, – без стеснения ответил Рыбин, чему никто значения не придал. Сконцентрироваться на главной молитве христиан так и не получалось, и он снова стал звонить матери, на этот раз не выходя из храма. Снова мать не понимала, куда и зачем надо прийти, и Рыбин стал говорить громко и раздражённо.

– Молодой человек, с телефоном – на улицу!

– Меня должны увести отсюда!!! – провопил срывающимся голосом Рыбин, разбил телефон об пол и выбежал из храма. В церковь он брал дешёвый телефон, без интернета, чтобы не завлекал по дороге.

Сбежав по ступеням храма, Рыбин развернулся, встал на колени, вытянул руки к небу, к кресту и так же провопил:

– О, сколько терзаний тебе ещё надо?!! – парень стал биться головой об асфальт, выкрикивая: – На, Бог! На, Бог! На, Бог!

Ещё бы чуть-чуть, и треснул бы череп, но Рыбин почувствовал чьё-то приближение, подумал, что это поп, и с рёвом вскочил, чтобы схватить его за горло.

– Чё, дурак что ль? – это оказался проситель милостыни, отошедший от ворот. Рыбин открыл свои безумные глаза.

– Дурак!!! – недалеко за воротами он заметил замерших детей, пришедших в парк на экскурсию, вытаращенные глаза и подобие улыбки у одного из них. – Проклятый!!!

Разносилось эхо по всему пустынному заснеженному парку. Рыбин выбежал за ворота храма, а этой экскурсии, не издававшей ни звука, крикнул уже тише:

– Смотрите, нормальные!

Оказавшись дома, он принял увеличенную дозу лекарства, поспал, а проснувшись, необычайно спокойно и быстро, по своим меркам, прочитал «Отче наш». А на лбу его красовалась багровая шишка.

* * *

За последующие годы ничего в жизни Рыбина кардинально не изменилось – семьи не появилось, работа оставалась той же. Только если творчество своё он слегка продвинул – появились его пейзажи на выставках и в сообществах «ВКонтакте». Однажды, испытывая свою смелость, он бросился с ледяного склона, сломал себе ребро об корягу и прекратил работу на несколько месяцев.

А считать чарующие моменты перестал – надоело, слишком пустое занятие. Но и без счёта он всё равно отмечал очаровательных девушек и девочек, больше последних. Некоторые маленькие симпатяшки, отличавшиеся бойкостью, заметив взгляд Рыбина, отвечали ему или при-

творной улыбкой – на, мол, улыбнись, раз пялишься, – либо рожицей. Такая бойкость особенно восхищала Рыбина.

И снова Рыбин находился в церкви летним вечером. Туда пришла с родителями маленькая девочка, а он и на неё стал смотреть. Но в результате вышло совершенное нечто, можно сказать, чудо. Малышка в косынке, подойдя к нему сзади, лучезарно улыбнулась. Рыбин сначала подумал, что это опять притворно. Но когда малышка пошла от родителей обратно мимо него, он разглядел, что всё-таки нет – улыбка искренняя, радостная.

Долго потом Рыбин размышлял об этой улыбке. Чем он мог её вызвать? Неужели так по-доброму смотрел? Может, со стороны малышки была жалость? Нет, жалостливый взгляд – грустный и, может, испуганный, а здесь явилась именно что чистая радость. Так радостно улыбаться маленький ребёнок может либо близким, либо лучшим друзьям. Но чтобы незнакомому дядьке – это удивительно. И если на него, Рыбина, так посмотрел незнакомый ребёнок – это дорогого стоит. Это значит, что он не такое уж и ничтожество, что есть в нём что-то светлое. Только вот как это светлое откопать получше, чтобы и взрослым оно было заметно? Вот в чём проблема из проблем.

Поздно дошло до Рыбина значение этой улыбки, но когда дошло – он ненадолго исполнился восторгом и умилением. Если бы он мог сделать хоть что-нибудь приятное для этого милейшего на земле человечка – ему никакого счастья больше и не надо было бы. Ну, почти. Он бы излечился, и всё остальное пошло бы легко.

Он, кстати, знал и имя девочки, ибо её позвала мама: «Маруся, Маруся!» В связи с этим он стал молиться за неё, добавив в число благодетелей младенца Марию. (В молитвах дети называются младенцами до семи лет, а дальше – отроками и отроковицами.)

И всё-таки, что же в нём, Кирилле Рыбине, заключено такого необыкновенного, почему от него священник задрожал, а ребёнок улыбнулся?

И теперь на вопрос «Видел ли ты когда-нибудь ангела?» Рыбин сможет ответить: «Видел, но только во плоти».

Вот только не встречалась ему больше Маруся.

Александр МУЛЕНКО

Родился в 1961 году в Новотроицке. Служил в стройбате. Выполнял огнеупорные, каменные, кровельные и отделочные работы в строительстве в Межгорье, Нежине, Новотроицке. обучал строительным специальностям осужденных в колонии строгого режима.

Автор книг «Волшебное озеро», «Остров Иванушкина Миши», «Счастье в яме», «Должник. Амнистия. Ни свежего чая, ни курить», «В преддверии праздника».

Живет в Новотроицке.

КОШЕРНЫЕ ЧАСЫ

Он заходил навеселе и бойко рассказывал о своих неудачах, выпрашивая деньги, которые тут же пускал на ветер. Однажды я оплатил ему вытрезвитель.

– Ты понимаешь, – признался Юрка. – Я фараона уронил.

Мы говорили о милиции враждебно.

– Как это было?

– Эти архангелы меня заковали и потянули по липкому снегу. Ноги мои не шли. Я поскользнулся... Тот самый, который меня держал, мусорило опрокинулся со мною. Уже потом, в каталажке, он мне упрямо всю ночь доказывал, будто я сопротивлялся. Эти самые ментавры, Саня, их было двое, меня обобрали, а утром вдогонку выписали штраф. Позычь мне восемьдесят рублей.

Это были большие деньги. Я работал огнеупорщиком, а Юрка продавал сигареты в маленьком магазинчике. Он шельмовал, скрывая доходы, забывая про кассовый аппарат. Барыши мой приятель пропивал.

Я протянул сторублёвку.

Друган умчался и вернулся с бутылкой водки. В вытрезвителе он, конечно, не объявился.

– А как же невыплаченный штраф? – рассердился я.

– Штрафы, Саня, необходимо платить, – согласился Юрка. – Но ты же мне товарищ? Дай ещё одну сторублёвку. Я завтра верну.

– Не дам. Мы сегодня отправимся в твой любимый трезвяк и попробуем рассчитаться.

Была суббота.

Увидев незнакомого человека, дежурные растерялись. Они решили, что ограбленный ими Юрка привёл с собою юриста. Я потребовал квитанцию об уплате штрафа.

– Вот этого я уронил, – гордо прошептал мне мой товарищ, сверля глазами громилу в милицейском мундире.

Тот уткнулся в бумаги, застеклённые на столе, но огрызнулся:

– Я за такие деньги, которые ты нам этой ночью предоставил, готов падать весь день без парашюта.

Я не юрист, я простой работяга. Я не прижучил этого солдафона.

С Юркой мы вместе росли и враждовали с другими дворами. После окончания учёбы в школе мой одноклассник подался в мореходку, однако на флоте долго не задержался и однажды, вернувшись из кругосветки, стал великим комсоргом. Кто его подтолкнул на эту должность, я не пытал. Я верил в его заслуги. Но вот наступили продажные времена, и комсомол себя исчерпал. Мой приятель оказался в Москве. Однажды мне показали его визитку. В столице Юрка трудился столоначальником.

– Живут же на белом свете! – вздохнула Марина.

Мы вспоминали общих знакомых, обсуждали их жизненные потуги, успехи. Уже прошли финансовые реформы, деноминация рубля, но зарплату задерживали по году.

– Это ж мой лучший друг, – признался я Марине.

В душе затаилась надежда, что когда-нибудь Юрка вернётся из Москвы и вспомнит обо мне.

– Саня, – он скажет, – ты устал, я тебе помогу. Ты никогда не будешь больше огнеупорщиком, ты тоже станешь столоначальником, как и я. Будешь ездить на шахматные турниры, куда захочешь – в любое время года.

И Юрка вернулся.

Я уже покинул металлургию. Ишачил на северах. Платили мне неплохо. Пытаясь найти дорогу в богатое рабство Тюмени, многие неудачники просили мою подсказку. В Сибири предоставляли временное жильё и талоны на обеды.

– Я хочу поехать с тобою вместе, – признался Юрка при встрече.

– А я почему-то думал, что ты предложишь мне податься в Москву. Ты же успешный человек?

Уже потом я узнал от его матушки, что мой приятель сошёлся с женщиной и переехал к ней из Москвы в Саратов. В тот самый закрытый город, где находится ядерный центр России. В какой-то момент семейной жизни Юрка ударился в беспробудное пьянство и потерял документы. Жена ли его, сожительница, я уже не узнаю, эта женщина прогнала друга. Ютился в старом пустующем вагончике около пропускного пункта с надеждой, что подружка его простит и заберёт обратно в тепло, к себе, к совместной жизни. Но этого не случилось. Похолодало, пришла зима. Караульные солдаты помогали бездомному соседу, кормили, вызвали мамку из Новотроицка. Старушка тут же приехала к сыну и увезла его к себе домой – полуживого, ослабшего. В тепле её ребёнок очухался и окреп. Теперь вот искал работу.

– Саня, я буду горбатить так же, как и ты, я тебя не подведу.

Начальник подрядной организации не был сварливым человеком, но, принимая Юрку в свою шарашку, сердито заметил:

– Ты, Сашка, уже второго такого специалиста ко мне приводишь. Будешь работать сам – и за него, и за себя.

– Я, Анатолий Геннадьевич, и за тебя горбачу. Такая моя ишачья доля.

– Ты неисправимый марксист, – съязвил начальник.

Около года мы с Юркой выживали на северах – грязные, измотанные работой.

Когда наши гастарбайтерские поездки закончились, я купил себе квартиру и воротился в металлургию.

– Хочешь пойти со мною вместе? Я помогу тебе оформить четвёртый разряд огнеупорщика.

– Нет, – отмахнулся Юрка.

– Ты разве боишься высоты?

Моя очередная работа была связана с ремонтом промышленных дымовых труб.

– Нужно ежедневно рано утром вставать и постоянно трудиться.

– Ты же ни разу не прогулял, не проспал, не заболел, работая в моей бездомной бригаде на Нефтехиме! Или мы тебя хоть раз обманули?

– Ты, Саня, меня ни разу не обманул. Моя мамка мне постоянно говорила и говорит: «Ты слушайся Сашу, не подведи его, не пей много водки».

Ох, уж эти мамы! Моя мне тоже говорила о том, что новый директор нашего комбината Сергей Филиппов – мой ровесник, что он трудолюбив, успешен и спасает от кризиса всю Россию. Так писали газеты.

Свою мамку Юрка уважал и боялся огорчить. Когда она находилась где-то рядом, товарищ меня одёргивал, предугадывая всякую нецензурность. «Потише, Саня, потише. Не матюгайся». Без мамки, на воле, он не был таким щепетильным и выражался, не церемонясь, как и я.

В Тюмени я видел непьющего Юрку. Но на родине он сорвался и в запойные дни шатался в поиске ночлега, не желая идти домой. Сверх меры поддатый горемыка, заикаясь, успокаивал свою маманю по телефону: «Мамочка, ты не волнуйся. Я буду у Саши». Она ему отвечала: «Хорошо» и следом просила меня не обижать её сына. Я становился гарантом их временного покоя.

Своё ничтожество я не осознал. Спустился на время с дымовых труб, обул вибамы, оделся в пуховики и отправился в горы как восходитель, чтобы на собственной шкуре испытать непомерные тяготы, воспетые в стихах. И преуспел. Мой первый наставник меня заметил. Он предложил совершить совместные восхождения в Доломитах.

– Через год я пойду на «шестёрку», но будет время и с тобою позаниматься.

Я испугался дороговизны этого путешествия, однако инструктор меня обнадёжил.

– Это недорого.

– И сколько?

– Триста долларов.

– Такого не может быть.

Этот человек – известный учёный и спортсмен. Он повторил:

– Триста долларов, Саша, и паспорт. Ты отдаёшь его мне для оформления визы и медицинской страховки.

– Это правда?

– Не сомневайся. Мы заключили с гидами из Европы взаимный договор о том, что они принимают нас в своих альпийских лагерях, а мы принимаем их в Крыму и на Кавказе. В нашем клубе есть микроавтобус. Деньги понадобятся лишь для покупки в Европе их бензина и продуктов. Такие таможенные законы.

Через пару дней я получил зачётную книжку спортсмена в квартире этого великого мастера. Он предложил мне покушать вместе с ним.

– Борщ и арбуз. Александр, другого нет.

Я постеснялся и жалею об этом.

– Моё предложение поехать со мною вместе в Доломиты остаётся в силе!

С его стороны это было большое доверие. Я вернулся домой и спустя полгода накопил тысячу долларов.

Но поездка в Альпы не состоялась. Паспорт я так и не оформил и вместо Италии отправился в горы Алтая на русские рубли. Валютная заначка осталась до лучших времён.

Юрка устроился к Серову на базу вторсырья и очищал от жира шкуры убитых домашних животных. Как экспедитор он за ними и с ними мотался на хозяйской машине по деревням.

Однажды Юрка представил нового босса.

– Ты же знаешь, это – Серов.

Они пришли ко мне домой. Я тут же насторожился:

– А как же, в детстве мы жили в одном дворе и читали одни и те же книги.

– Ещё играли в шахматы и ходили в походы, – добавил Серов.

Я догадался, что мои товарищи появились не для того, чтобы про это вспоминать.

– Мне нужно тысячу долларов, – выдал Юрка. – Саня, я знаю, что ты мне ни копейки не дашь, но Серов, наш общий приятель, это, как и ты, – непьющий человек, и к тому же он – бандит. Честное слово бандита в России прочнее стали. Серов напишет тебе расписку и будет моим гарантом.

– Не называй меня бандитом, – откликнулся Серов, но подтвердил: – Я верну эти деньги, Саня.

На них Юрке купили подержанную «шоху». Её подшаманили, запалили, покрасили, оформили технические бумажки, и мой приятель «занялся мясом». Он закупал его у сельчан, привозил на рынок и сбывал продавцам. Теперь уже Юрке хватало денег не только на водку. Для фарты он приобрёл себе дорогие часы, принарядился и вне работы повсюду появлялся в пиджаке, словно барин. Случалось, он тараторил мне про опасности в своей новой шофёрской жизни.

– Повсюду обледеневшая дорога, Саша. Пуржит. Прицеп юлит, словно хвост у барса. Его заносит то вправо, то влево. В прицепе – мясо. Того и гляди, окажешься в кювете в разбитой машине или хуже того...

Он замолчал.

– И что же хуже того на этом свете?

– Ну, предположим, из ночи навстречу неожиданно выскочит автобус или фура какого-нибудь богатого барыги, перевозящего грузы. Бац-бац друг в друга, и тогда мне с ними веками не рассчитаться.

Когда его лыко уже почти не вязало, Юрка ругал ненасытные государственные конторы.

– Этому двести, этому триста, этому полухатку. За каждую справочку на лапу подай или угости: мента ли, санитаря ли, директора рынка. Кому-то из них необходимо побольше деньжат, а кому-то чуть-чуть поменьше. Не ошибиться б. Это, Саня, издержки моей рискованной работы...

Через год я напомнил ему о долге.

– Вы деньги-то мне вернёте?

Как обычно Юрка, будучи пьяным, явился ко мне заночевать, спасая мамку от лишних переживаний.

– Серов мне на это вчера ответил: «Зачем ему деньги?»

– Его расписка ещё цела.
 – Я ему про это тоже объяснил.
 – А он?
 – «А что мне его расписка? – спросил у меня Серов и предложил: – Давай его, Юра, кинем». В суды он не пойдёт, ума у него не хватит. Продажны наши суды, ленивы без подогрева.

– А если пойду?
 – Тогда на этот случай... Саня, дай, подушку.
 Он достал из кармана брюк пистолет системы Макарова, бросил его мне под ноги на ковёр, разделся и, засыпая на диване, досказал:

– Если нет человека на этом свете, Саня, то ему никто ничего не должен. Серов мне приказал тебя убить.

Без лишних переживаний Юрка мгновенно уснул, а я беспокойно ворочался в соседней комнате с боку на бок на поломанной койке, под которую вместо ножки была подложена стопка книжек, и переживал, прислушиваясь к каждому вздоху друга.

Утром в прихожей зазвонил телефон. Полусонный, я босиком помчался к трубке и едва не наступил на пистолет. Кошерные Юркины часы валялись рядом с ним. Их хозяин ещё не очухался. В комнате пахло его невымытым телом. Чтобы спросонок случайно не повредить чужие часы ногами, я их поднял и убрал в ящик тумбочки, на которой трезвонил телефонный аппарат.

– Алло! Это кто?

– Это Колька.

Мне честь не велика. Я без отдачи не нужен. Значит, что-то случилось.

Николай – человек из мира шахмат. Будучи пацанами, мы познакомились в Доме пионеров. Шёл шахматный турнир. Николаю очень хотелось сыграть в нём, но команду его школа не выставила, и залётного мальчишку окружили местные шишкарки. Я заступился за Кольку. Впоследствии он никогда меня не предавал, но, попадая в конфликтные ситуации, просил мою помощь. Даже получая по мордасам, мы оставались надёжной силой, способной к сопротивлению любому двору. Когда я отправился на воинскую службу в голодный ракетный край, Колька присылал мне посылки с гостинцами. Потом его уупекли в сумасшедший дом в Круторожино, и вернулся он оттуда инвалидом и шизофреником. С больным человеком тут же перестали общаться все его вчерашние друзья и подружки. Только я оставался его защитником, готовым в любую минуту прийти на помощь и отдать свою жизнь за товарища или отнять её у врага – без страха перед законом, без всякой клятвы. Кто был из нас служебной собакой, а кто её хозяином, я не гадаю.

Бухали...

Колька женился. Полуслепая супруга пилила его за пьянство. В такие дни, как и Юрка, он уходил из дому ко мне, откуда опять же по телефону для форса отчитывал подругу:

– Да, я напился. Ирина, я напьюсь ещё много раз. Да-а, я ушёл из дому. Я так хочу. Я сегодня буду у Сани. А ты не огрызайся в телефонную трубку. Я ж твой муж. Я могу вернуться обратно домой и тебя избить... Ты позвонишь моему отцу?

В преддверии женитьбы последнего сына его родители поменяли трёхкомнатную квартиру на две полуторки и доживали в одной из них один на один. Нелюбовь, питавшая брак у стариков, обострилась. Мамка у Кольки умерла. Папашка остался один. Свою невестку он не лю-

бил, но боялся за сына и почитал своим долгом общаться с его женой. Старик доживал в той же самой хрущёвке, где находилась моя квартира. Я на первом этаже, он на четвёртом.

– Сейчас мой папаша заявится сюда, но ты его к себе не впускай, – приказывал Колька.

– В мою-то квартиру? Он – ветеран войны. Как я ему могу отказать?
 – Вот так и откажи. Гони его погромче и матом. Этот человек изводил мою мать за то, что я – психический урод.

Когда озабоченный Колькин родитель спускался и робко стучался, я под шипение друга всё-таки отправлялся в прихожую и с другой стороны двери прислушивался к тому, что творится на лестничной площадке. С собою наедине или с кем-то из прохожих старикан разговаривал обо мне.

– Это тот самый Саня. Он лучший шахматный игрок во всей округе. Он пишет ядовитые рассказы, которые печатают в толстых литературных журналах. Саня ходит с друзьями в горы по выходным. В прихожей у него висит ледоруб. Я боюсь этого человека. Что я ему скажу, когда откроет? Он же меня пошлёт...

Через какое-то время, не дождавшись гостеприимства, Колькин папашка уходил к себе домой. Он поднимался по лестничной клетке, шлепая тапочками, вздыхая о пропащем сыне, – ветеран Сталинградской битвы.

Утренний Колькин звонок меня напугал. Мой друг задыхался.

– Алло...

– Что-то произошло? Опять? А-а? Колька, ты почему молчишь?

– Немедленно приезжай, – выдавил мой товарищ. – Это не телефонный разговор.

Его голос звучал как в те далёкие детские годы, когда мы дружно ломали границы враждующих дворов. В нём была тревога.

– Куда приехать?

– На Западный. В Дом культуры.

Здание отдали в аренду торгашам, и управляли им рэкетиры, поделившие город. Злачное стало место. Там набивали стрелки непокорным предпринимателям. Только и было слышно повсюду, что в этом бывшем Доме культуры кого-то унизили или обложили долгами, угрожали физической расправой, после чего многие молодчики пропадали бесследно, другие бегло распродавали имущество и уезжали в чужие края. Кто-то сопротивлялся. Однажды в этом Доме культуры взорвали передний вход и побили фасадные витражи. Поставить новое остекление оказалось не по карману ни арендаторам, ни управе. Но всё-таки кто-то подсутился, и стенные пробоины заложили кирпичами. С тех пор архитектурный ансамбль стал похожим на закрытый со всех сторон средневековый несказочный замок, ожидавший новой атаки дикарей. Мне предстояло в него явиться на помощь другу.

Я накинул пуховик, поднял чужой пистолет и, проверив наличие в нём патронов, отправился в логово новых русских агрессоров. Колька поджидал меня около входа, растрёпанный, жалкий, как и все душевнобольные, глядя широко открытыми безумными глазами, хрипя.

– Скорее, Саня.

Чтобы не сплеховать в лихую минуту, я нащупал в кармане предохранитель. Николай потянул меня за рукав, и мы полетели по коридорам. В растворе полуоткрытых встречных дверей мелькали стеллажи, на них лежали коробки с товарами, в просветах было видно, как витала

в комнатах пыль. Местами немзыкально басили уверенные барские голоса, доходившие до крика, возвышающие начальство.

В просторном классе, куда мы примчались, за учебными столами сидели важные особы. Перед ними лежали раскрытые тетрадки. Одного человека я узнал. Он работал в поликлинике и не был бандитом. Я успокоился, разделся. Свою верхнюю одежду положил на подоконник и забыл про пистолет.

Вошла румяная дама. Колька представил меня как нового члена учебного процесса.

– Я уже второго друга привёл, Наталья Семёновна. Вы его зафиксируйте в моё коммерческое дело.

– Хорошо, – ответила дама, и представление состоялось.

Под её диктовку ученики строчили материал. На перемене я узнал, что многие из них имели высшее образование, но в поиске лёгкого богатства подались в сетевой маркетинг. Их не смущало то, что порою их училка не к месту употребляла обороты речи, часто грешила тавтологией. Набор высокопарных слов у неё чередовался с уличным сленгом. Междометия, их тоже было немало, не украшали процесс этой говорильни. К концу второго урока я окончательно убедился в том, что эта дама – не гуманитарий.

– Я золотая, – повторяла она безумно. – Я стану бриллиантовой. Я вас научу, как можно быстро разбогатеть.

Были озвучены адреса фирм, поставлявших продукцию из Европы, оглашена система ценообразования, обещаны бонусы за вовлечение в торговые сети новых коммерсантов, раскрыты удивительные секреты общения с покупателями. На третьем уроке последовало предложение продолжить учёбу на платном мероприятии. Я не выдержал.

– Вы кто по профессии?

– Я маркетолог.

– А раньше кем вы были?

– К чему такие вопросы?

– Я плохо воспитан.

– Отвечу... Я и раньше торговала. Но у прилавка. Сегодня это делают мои продавцы, а я вовлекаю в бизнес всё новых и новых членов.

– У вас большое образование?

После этой бестактности на меня зацыкали соседи. Почуввав мою агрессию, ведущая рассердилась.

– Я не имею российского образования, я имею международный диплом от компании МЛМ. Работа в ней – это самый верный и быстрый способ разбогатеть.

– Но если все люди займутся маркетингом, то кто же будет производить товары и, скажем, лечить людей?

Желая поддержки, я поглядел на врача, на Кольку. Они безучастно глядели мимо меня, не выпуская авторучек.

– Разве плохо лечить людей?

В этот момент я спекулировал словесами не хуже депутата Государственной думы, и люди, присутствующие в классе, ополчились против меня.

– Ну и что из того, что у неё нет верхнего образования? Зато она богата, – заголосила какая-то солидная женщина, – у меня за спиной – аспирантура и диссертация, а я, как простая училка, не знаю, на что живу.

Её поддержала подруга, с виду попроще.

– Ты, наверное, самый умный? Я всю свою жизнь отработала медицинской сестрой. Объясни, на что мне такая работа? Этому клизму поставь, тому катетер, третий от боли орёт. Он без меня не может перевернуться на кровати. А в конечном итоге – пустой кошелек. Мне внукам не на что конфеты купить.

Мужчины тоже ругали меня не меньше женщин, с трудом подбирая цензурные словеса.

– Где твоя родина, лепила?

– Ты кто такой?

– Откуда взялся?

– Скажите, кто его привёл? – угрожающе слышалось отовсюду.

– Вон отсюда! – приказала ведущая.

Только на улице я обнаружил, что моя верхняя одежда осталась в учебном классе, и вернулся, чтобы её забрать. Мужчина, который обозвал меня лепилой, взял с подоконника мой незавидный пуховик и швырнул его ко мне. Курка упала на пол. Из кармана вылетел пистолет. Злорадство, до этого стоявшее в помещении, сменилось молчанием. Я слышал, как бьётся моё тяжёлое сердце, Колькины хрипы из дальнем угла и стук проезжающего на улице трамвая.

– Порешил бы я вас, да мараться неохота.

Это было последнее и чужое, что я сказал на этой встрече.

Когда я вернулся домой, Юрка уже проснулся и передвигался по залу на четвереньках, заглядывая под мебель.

– Ты что-то ищешь?

– Саня... Ты не видал мой пистолет?

– Тот самый, из которого ты вчера хотел меня пристрелить?

– Откуда ты про это знаешь?

– А ты уже про это не помнишь?

– Наверно, я очень много выпил.

– Когда мы выживали с тобою в Тобольске, однажды ты во время массовой драки спрятал в кладовку все ложки, вилки и ножики.

– Чтобы не было лишней крови.

– Вчера я сделал то же самое и припрятал твой пистолет, чтобы не было лишнего огня.

– Это не мой пистолет. Это пушка Серова. Я должен её отдать.

– Я очень этому рад. Когда вы вернёте мне мои деньги, я верну вам вашу пушку, а пока что мне ведь, Юра, тоже хочется кого-нибудь убить.

– Саня, ты пойми. Я охранник. Серов меня уволит, не рассчитавши. Отдай мне его волыну.

– А ты меня возьмёшь и убьёшь? Или ты вчера про это нечаянно пошутил?

– Нет, Саня, это была не шутка. Твою судьбу решили во время пьянки.

– За тысячу долларов?

– Саня, мне негде жить, верни мне оружие. Я сегодня дежурю на проходной. Если Серов меня прогонит с работы, то я поселюсь в твоей квартире.

– Я тебя к себе не впущу, я буду отстреливаться.

– Я тебя умоляю. Саня...

– Ты, Юрка, хотел меня убить. Это после нашей совместной тобольской нищеты, моего молока и коврижек?

По выходным я играл на деньги в шахматном клубе. Турниры проходили организованно, и у меня появились живые копейки на молоко

и печенюшки. Вместе с Юркой мы поедали всё это на пустующей детской площадке – пройдохи и бродяги. Как ещё назвать?

Я отдал ему волюну.

Спустя неделю Юра вернул тысячу долларов. Он заявился в парадном костюме, помолодевший.

– Вот твои деньги, Саня, и проценты с их оборота. Как обещал.

– В чулке, поди, пролежали всё время и не помялись?

– Я честно признался Серову, как ты меня обезоружил и отправился с его волюной наперевес на разборки в коммерческую помойку на Западном. Серов очень долго смеялся. Он рассказал про это своим друзьям, хозяевам замка. Бандиты решили тебя не убивать и за полдня собрали тысячу долларов в знак особого почёта к твоей особе.

Мой товарищ не сразу сообщил, что сам он продал заезженную «шоху» и гараж. Его бизнес закончился навсегда.

– Сегодня я, Саня, надел новый костюм и начинаю новую жизнь.

– В новом костюме?

Я не ехидничал, я облегчённо его спросил:

– Ты умеешь завязывать галстуки? А я вот так и не научился и поэтому не женился.

– Умею, – ответил друг.

– Куда ты пойдёшь?

Отвечая, товарищ достал казенное письмо.

– К вам и подамся... Меня пригласили для важного разговора на комбинат. Ты видишь, подписано: «Гусев, начальник отдела кадров».

С беспородными работягами этот Гусев никогда не общался. С нами якшались его девицы, далёкие от служебного роста.

– Чего же он хочет?

– Товарищ Гусев приглашает меня на службу.

– В какой отдел?

– В газетах искали человека на социалку, об этом читала мама. Я же – бывший комсомольский работник. Зарплата невелика, но полный пакет социальных льгот и карьера начальника.

– Тогда удачи, руководи, возвышайся над нами...

Он вернулся бухой и хмурый, и я не удержался от яда:

– Каким же примером ты станешь для молодёжи?

А было ль ему куда идти, чтобы поплакаться?

– Мне предложили катер.

Более года эту посудину творили в цехе сборки металлоконструкций. Все проходившие мимо ротоzeи гадали: «Кому она, на что?» Когда судёнышко исчезло, о нём забыли. И вот оно объявилось на Ирикле – в искусственном море.

– Это плавучая база для отдыха вашего директората, – промолвил Юрка. – Там нужен капитан.

– Ну вот и слава богу, что он там сегодня нужен. Тебе оказали большую честь.

– Изучая кадровые архивы, у Гусева узнали, что в нашем городе только два человека окончили мореходку. Один из них сегодня профессиональный политикан у Жириновского.

– А вторым оказался ты?

– Дело в том, что на этом катере уже был один капитан – неважный, из местных, из ириклинских, но он в чём-то накосячил, и случилась проверка кадровых документов. Инспектор обнаружил его несоответствие занимаемой должности. Этот катер, Саня, имеет большое водоиз-

мещение, и управлять им должен настоящий судоводитель. Я обладаю таким дипломом.

– Ты согласился на капитана?

– Я отказался.

После продолжительной паузы он объяснил мне причину.

– Катер необходимо два раза в год ремонтировать, удаляя ржавчину и старую покраску, перекрашивать, следить за его моторной частью. Я это не потяну. И хуже того, нужно постоянно мотаться по магазинам – простую водку дирекция вашего комбината не пьёт. Во время их оргий я должен находиться на месте и угождать пассажирам и особенно пассажиркам, выполнять их всяческие приказы и прихоти. После этих великих пьянок я, Саня, не хочу убирать за ними пустые бутылки, затычки да рваные трусы, ведь этот катер увеселительный, он для блуда.

Спустя какое-то время в том же отделе кадров его начальник Александр Сергеевич Гусев предложил Юрке продать документы на право вождения кораблей.

– Вашу фамилию мы аккуратно удалим и впишем другую – серьёзного человека, катер уже необходим для отдыха нашим людям.

– Неймётся вам от скуки, – ответил Юрка в отделе кадров. – Я в учебке палубы драил, я три раза ходил в кругосветки, я соль глотал по всем океанам и морям, – и не продал диплом морехода.

– Это единственный документ, заслуженный мною в жизни. Все остальные бумажки я потерял, – признался он мне после этих встреч. – Ты же знаешь об этом, Саня...

Он умер через год. Пуржило, была зима, стояла тёмная ночь. В холодное время на улицах пусто. Утром его тело обнаружили около хрущёвки, в которой он проживал вместе с мамой. После осмотра медики написали, что причина смерти – сердечная недостаточность. С детства у Юры был какой-то порок, и, чтобы не искать криминал, милиция тоже согласилась с таким исходом. Когда усопшего отпевали в кладбищенской часовенке, я наблюдал, как плакали все его близкие люди и друзья: старая матушка, дочка, бывшая первая Юркина жена, с которой он был в разводе много лет, Серов... Он тоже плакал, размазывая слёзы. Но я был сух. Крадучись дошёл до гроба, заглянул в безнадежно мраморное лицо товарища да потом уже во время погребения бросил в могилу три горсти рассыпчатой глины, чтобы пухом была земля.

Прошло десять лет...

Мне уже шестьдесят. Я многое перенёс за эти годы, многим переболел, покалечен, был даже в коме. Однажды в больничке я случайно встретил Серова. Он тоже не молод и не бессмертен.

– Ты знаешь, Саша, а ведь Юру тогда убили и ограбили.

– Не может быть.

– У него на шее был серебряный крест, и кроме него пропали часы. Он ими очень гордился.

Я промолчал. За десять с лишним лет я ни разу не заглядывал в тумбочку, на которой гремел телефонный аппарат в тот самый день, когда я обезоружил пьяного друга...

Арсений ГОНЧУКОВ

Родился в 1979 году в Горьком. Окончил Нижегородский госуниверситет по специальности «филология» и Школу кино при Высшей школе экономики (мастерская игрового кино А. Фенченко) в Москве. Работал водителем, дворником, фотокорреспондентом; репортером, ведущим новостей, автором и шеф-редактором телепрограмм, замдиректора отдела новостей на телевидении (ТК «Волга», ГТРК «Русь»); вторым режиссером многосерийного художественного фильма «Синдром дракона» («Первый канал»); корреспондентом в горячих точках. Автор сценариев, режиссер-постановщик и продюсер полнометражных художественных фильмов, а также первого в России веб-сериала «Район тьмы».

Рассказы, стихи, пьесы и эссе публиковались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Юность», «Нижний Новгород», «Воздух», «Новый берег», «Искусство кино», «Современная драматургия», в «Литературной газете» и других изданиях. Автор книг «Как снять кино без денег» (2019), выдержавшей два тиража, «Доказательство человека» (2023), поэтического сборника «Отчаянное рождество» (2003). Обладатель специального приза литературной премии MyPrize, лауреат сценарных и драматургических конкурсов.

Живет в Москве.

ПОДЖИГАТЕЛИ

Расставить ноги на ширине плеч, взять мяч в обе руки, поднять на головой, чуть завести за спину и со всей дури ударить об пол. Затем наблюдать. Как мяч вертикально отскакивает от лакового паркета и прямым ударом в зубы бьет белый плафон, висящий под потолком. Восемь плафонов. Восемь подряд плафонов. Он таким образом расколотил.

Столько раз слова «Подонки!» я никогда не слышал. Круглый ершик желтых волос Славки подпрыгивал от оплеух.

Серее дали пинка. Смачного и до слез обидного.

– Да вас убить мало! – лютовал физрук, спортсмен и баскетболист, Хлыщ, как мы его звали за огромный рост и тонкие плети рук и ног.

Тер задницу, больно. Славка ловил еще одного леща. Хлыщ лютовал, хорошо историк Игорь Васильевич нас забрал, чтобы вручить классной, нашей суровой матери.

А плафоны смачно брызгали тонким стеклом! Беспомощные, как будто удивлялись после каждого удара – как же так – их, небожителей, достали каким-то мячом!

Дзынь, пщщщ и – блям-лям-лям, тинь-тинь-тиннннн – рассыпались осколки по коридору. И сверху же по осколкам-косточкам делови-

то скакал мячик. Крошил остатки в мелкую труху. Славка мячик ловил и снова с силой втыкал в паркет – его очередь!

Еще один беззащитный плафон взрывался, как пенная волна о паркет:

– Дзынь, пщщщщщ...

Потом был поднос. Экраноплан. Ковер-самолет. Все сразу. Потому что Серее и Славику одновременно пришла идея то ли физического, то ли мистического эксперимента. Теоретическая база определялась без должной высокой точности.

Итак, что будет, если сбросить поднос с компотом с третьего этажа школы?!

Вопрос играл на их лицах нездоровым задором. Он будоражил. Вибрировал в мальчишеских жилах. Истязал.

Как и любой взрослый, Сергей Сергеевич жалел об уходящей поездке жизни, понимая, что никогда больше не задаваться ему такими сложными, искромётными и непроходимо тупыми вопросами.

Тебе никогда не быть больше столь отчаянным идиотом, говорил внутренний голос и добавлял: ты рос таким безумным ребенком, а стал таким бессмысленным салом за сорок лет, что мне стыдно, нам стыдно! Нам – это всем, кто населяет тесную комнату с табличкой «Сергей Сергеевич».

– Может, не надо?

– Серый, ты дурак? На хрена мы его тогда сперли?

Сильный довод. Особенно когда на руках ухмыляющегося Славы качается ярко-красный поднос, сплошь уставленный стаканами компота из кураги, и редкие плавающие ягодки испуганно выглядывают из прозрачных колодцев.

Славкина рожа-пирожок излучала счастье, Серегин кругляш с круглыми глазами – торжественное предвкушение.

Поднос улетел в окно буднично и как-то слишком стремительно, чтобы насладиться процессом в полной мере. Но удовольствие все равно огромное, можно сказать, злорадство – особенно когда в полете с палубы падающего подноса начали разбегаться аристократические стаканы. Как ферзи и короли с шахматной доски.

Разбились далеко не все. Это открытие поразило Серегу. С третьего этажа! И есть выжившие...

Поднос в полете даже не перевернулся. Летел ровно.

А вот лысина учителя физики и завуча школы Григория Борисовича Бинкевича, очень лысого и очень рыжего, полыхала красным так, словно ее сначала натерли порошком, а потом подожгли.

– Кто это сделал?!

– Лучше сознайтесь сами.

– Я все равно узнаю, и будет хуже.

– Я считаю до трех.

Бинкевич, или, как мы его звали, ГриБор, знал толк в физике страха внутри мелких килек школьников. Рассчитал безошибочно.

Серее встал из-за парты и, вставая, будто почувствовал ветер, настолько резко вскочил. И почувствовал внезапно переполнившую его гордость, отвагу, геройство – даже вскинул голову, вверх и чуть наискось, как военные на параде.

– Готов понести ответственность, Григорий Борисович!

Возникшая в классе пауза мгновенно стянула детей крепкой стальной паутиной оцепенения.

Сережу класс зауважал, его статус, бесстрашного и прямого, возник и укрепился навсегда.

И девочки, конечно. Колыхалась на доньшках крохотных розовых сердечек гордость за одноклассника. Гордость плюс нежность плюс жалость. По неизвестному науке рецепту зелья, которое варится на миниатюрных химических заводах внутри каждой, без исключения, девочки.

ГриБор схватил его за плечо, вывел из-за парты.

— Ну-ка, пошли со мной. Понесешь-понесешь. И возместишь. И с родителями поговорим. Лидия Алексеевна, продолжайте урок. У меня все.

Плафоны и поднос были, конечно, еще цветочки.

Из всего кошмара, длившегося полгода и больше, Сережа лучше всего запомнит набор картонных закладок с изображением Брюса Ли.

Будто жареный, сухой, вечно кричащий обезумевшей кошкой мастер кунг-фу даже на тысячу раз перезаписанных видеокассетах едва не выпрыгивал из экрана! Узкое лицо рассекало воздух, черные волосы съедали челкой половину лба, умные и злые глаза сверкали от взмахов рук... Книжные закладки. На них он, герой детства. Невозможно представить в СССР, но и в перестройку невиданная роскошь.

Тем более их подарил отец.

Картонные. Светло-зеленые.

Подарил, приехав из командировки. Сыну. Счастливый — счастливому. И обнял, и расцеловал. Как же трогательно! Папа!

А через полчаса папа бил сына руками и ногами. Закладки валялись мятые, в слюне и крови. Ногами попадало по голове. Сильно попадало, до фиолетовых синяков.

Била Сережу даже мать, но на этот раз били его за дело. Потому сопротивлялся и защищался мало. Потому и болело долго.

Поднос был цветочками, закладки запомнились ягодками.

Дважды Серега поджигал школу.

Оба раза ходили друг на друга. Будто школа звала и требовала, чтобы ее сожгли, уничтожили. К чертям собачьим.

— Оставь! Оставь! — говорил Серега.

Слава замер, согнувшись у батареи. Морда пирожком подрагивала от переизбытка хитрости.

— Серьезно говорю, оставь.

Слава чуть разогнулся, но не полностью.

— Ну.

Слава хитро посмотрел из под валиков бровей.

— Оставляй, слышь, я тебе сказал. — произнес Серега настолько жестко, как только умел.

— Отвечаешь? — подмигнул Славик.

— Отвечаю. — круто повернул сюжет своей школьной жизни Серж.

Слава спокойно вынул руку из-за батареи и отошел. Сережа стоял рядом. Два семиклассника, маленькие худенькие фигурки. Пялились на батарею как заколдованные.

— Вот за это свое «оставляй» и пойдешь на педсовет. Вплоть до исключения. А ты думал? — Серафима Львовна развернулась, как бы описав задом полукруг, и встала у кресла, — А ты чем думал, когда вы поджигали, а? А? Молчишь? Говори! Я с кем разговариваю?!

Директор первой Серегиной школы Серафима Львовна напоминала круизный лайнер, выдающаяся носовая часть уравнивалась округлой массивной кормой, и все это вместе с животиком и горбинкой холки перетягивалось тесным серым платьем. Лицо ее украшал большой, прямой, рубленый нос.

— Исключение — это еще самое мягкое. Тут как бы до колонии дело не дошло. Сергеев! Ты это понимаешь?!

И она села, шумно выдавив воздух из кожаного кресла — пуффф!

Сережа стоял тупо, мертво, оперевшись взглядом вниз и вдаль, куда-то по диагонали. Чувствовал ровно то, что чувствует дерево, спиленное, но еще висящее на ветвях кроны.

Одно радуется — чем-то это закончится.

Когда Славик убрал руку, из-за батареи повалил дым, белый, подбитый снизу черным, а затем быстро выпорхнуло пламя, затанцевало бронзовыми языками. Не прошло и пары минут, как Славка бросил за батарею спичку, а Серега запретил тушить вспыхнувший спрятанный там дневник.

Дневник на стол! Ой, извините, Ирина Васильевна, я его дома забыл... Дома, ага! За батареей этот дом!

Пожар! Пожар! Горим! Горим! Взрослые заметались в панике, когда дым уже шел по всему этажу и непонятно, откуда он валит, что горело.

Учителя начали выводить классы. Все заметались. Дети закричали, заплакали. Вечно розовая морда Славки вытянулась и стала серой. Выпученные глаза Сереги забегали, будто в них вода кипела.

Кто-то из детей упал и отчаянно заревел. Завопил учитель. Весь третий этаж заволокло дымом. Кругом крики, грохот.

— Куда побежал? Вызвали пожарную? Бегите! Там, нет, там выход!..

— Нужна скорая! Звоните ноль три! Быстро! Быстро!

— Запасной там! Там! Вверх по лестнице!

— Запасной не работает, закрыт!

— Господи! Кто здесь? Кто?!

Запоздало сработала хриплая сирена, старая, советская, но громкая. Прибежал физрук, хватал детей за руки и швырял на лестницу. Те орали.

Молодая учительница заплакала и села на пол — над ней загустевали слои дыма.

Хлопали двери классов. Дым повалил сильнее. Крики слились с плачем, шаги бегущих схлопнулись в единый грохот и стали неразличимы.

— А вы что здесь делаете? Ну ка валите на хрен отсюда!

Физрук Хлыщ зарядил Славке пинка. Тот подскочил, будто его разбудили, взял Серегу за руку и рванул к лестнице. Движения быстрые, судорожные, как на ускоренной перемотке.

Сшибли на лестнице девочку. Подняли, Славка обнял и потащил ее под мышкой, как мешок.

Внизу в коридоре дым. Но дышать еще можно. Серега пошел вперед, тыча растопыренными пальцами рук в стены.

Пару раз спотыкался и чуть не падал, но его ловил Славик, как будто он старший.

Внизу едва не налетели на громадные алые топоры средневековых рыцарей в шлемах, циклопов с одним широким глазом во все лицо, откуда на Серегу со Славкой прыгнули они же, только с перекошенными кривыми фигурками. Пожарные в шлемах и в полной амуниции

казались чудовищных размеров. Они взяли пацанов на руки, и те оказались по другую сторону ада – к школе подъезжали скорые, пожарные машины, неслись из окрестных домов родители.

Ускоренная перемотка сменилась замедленной. Хотелось спать. Перед глазами плыло. Пространство сворачивалась в тугой ком, из воздуха вокруг вытягивали воздух. Отравления дымом не случилось, но все равно, как сказал позже доктор, «нормально надышались».

– Ничего, зато в колонии будет время подумать!

Серафима Львовна в упор смотрела на Серегу и стучала, как каблук, ручкой о стол, будто пытаюсь расколоть на нем лак, с силой, с чувством. Ее огромные ноздри дышали и, кажется, посвистывали, рассекая воздух о микроскопические волоски.

Некоторые люди, когда давят ногой неприятное насекомое, обязательно разок крутанут стопой, как бы ввинчивая хрустящий шлепок в пол. Сейчас ровно это проделывали с Сережей.

В итоге больше вех досталось отцам. И Серегину, и Славкиному. Славкин батя с ровно таким же, как у сына, сплюснутым пирожком вместо лица встретился с отцом Сереги – невысоким коренастым мужчиной. Серегин батя тоже носил большую круглую голову и несколько горошин-бородавок на лице, которые ему, строителю и начальнику, придавали веса и нужной солидности.

Он носил пиджак глубокого синего цвета, умел держать паузу, говорил правильно, размеренно и, как любой хороший начальник, имел взгляд тяжелый, пронизывающий. Славкин отец носил узкие кремовые вельветовые брюки и твидовый пиджак, но потом оказалось, что модник он только вне службы, на службе он носит форму.

Комичным до неприличия в истории с пожаром в школе было то, что Серегин папа был по должности не просто строителем, а снабженцем строительными материалами нижегородских строек, а Славкин папа имел должность пожарного инспектора Главного управления пожарной охраны города.

Попались!

Один полгода возил в школу паркет. Буквально – КамАЗами. Другой ножками проштопал лестницы к десяткам кабинетов, чтобы на малолетних поджигателей не завели дело.

Отец приехал из командировки замотанный дорогой, но счастливый, как букет цветов, пахнувший холодным воздухом и духами, даже легкий винный запах только украшал его.

Мама на мгновение убрала ноги от пола, когда батя взял ее за талию и приподнял к губам, как бокал. Сережке достался смачный тычок-поцелуй, колющий от усов, будто в него ткнули ласковой щеткой.

– Нууу, мои, мои, мои! Соскучились? А я как! А я! Ну, мои-то, мои! – отец задышался от радости. Такое случалось с ним редко, это состояние быстро проходило, наступала рутина и хмурость. Но пока – праздник!

– Таааааа! – отец запустил руку в бурый кожаный портфель с мягкими ворсистыми ремешками, – Тебе!

И отсчет пошел... Зеленые закладки с Брюсом Ли подарены, в душе Сереги вспыхнула радость и тут же пронзила горечь, будто разгрыз гнилой орех.

Отец бросился к маме, закрыл дверь на кухню – будут целоваться и долго болтать.

Серега остался в коридоре.

Школу сожгли вчера. Горечь, тухлятина, он скоро узнает. И мало не покажется.

Почему-то было и страшно, и страшно жалко отца – поровну.

Мать ему скажет. Тянуть не будет.

Ох!

Говорит уже сейчас. Наверное.

Вот сейчас говорит.

Вот сейчас.

Вздрогнул так, что подпрыгнул, непроизвольно лягнул обувной шкафик.

– Ахахаха!

– Да ты что?! Серьезно?!

– Дахахаха! – на кухне взрывались фейерверки смеха.

Ничего, подожди, подожди.

Сейчас вот.

Скоро.

И пошел в комнату, с закладками в руке, рука холодела, мокла – одна закладка намочла, картон стал мягким, податливым. Почему-то шел по коридору к себе в комнату очень-очень тихо, словно хотел исчезнуть, размыться, стать прозрачным, как будто и нет никакого Сережи на свете, и бить совершенно некого...

Ведь там, у батареи, в школе, в те минуты, Серега был такой большой, взрослый. Почему же, войдя в комнату, стоит на пороге на ножках-макаронинах, холодных, подрагивающих. Слушает, будто ухо воспалилось и набухло, превратившись в огромный локатор.

Слушает.

Вот сейчас.

Сейчас.

Мать медлить не будет...

На кухне резко затихли голоса, смех распался, исчез. Тишина.

Вдруг тишина треснула стеклом – на кухне резко повернули дверную ручку. И снова тишина. Но нет, желе спинного мозга Сережи слышало, как отец открывает дверь... И действительно, распахнутая дверь с силой ударила о стену коридора.

В следующее мгновение гулкий быстрый стук босых ног.

И истошный крик матери:

– Миша, не надо! Не надо! Миша! Не трогай его! Он и так уже... Миша!

Удары тяжело падали, проламывая тонкие кости паркета. Желтый, блестящий, звонкий, он разлетался всплесками вверх и растекался по полу косточками домино.

Они рубят лед! Посмотри, послушай! Это же люди-ледоколы! Посмотри на их величественные фигуры и мощные движения! Они вздымают свои топоры! Они обрушивают их всем своим весом! Ледорубы! Титаны! Темно-оранжевые птицы с глазами-головами в густом тумане клюют последний хрупкий лед! Раз! Два! И еще! И еще! Дымящийся лед! Посмотри, посмотри, какие торосы!

Школа не сгорела, сгорела не совсем. От залежей бумаги за батареей огонь перекинулся вниз, под паркет – по всему третьему этажу под паркетом находилась просторная полость, сантиметров двадцать глубиной. Туда и пошел огонь, вгрызаясь в перекрытия. Кислорода

там мало, открытого пламени почти не было, зато сухое дерево хорошо взялось тлеть и устроило избу-курильню. Пожарные быстро оценили ситуацию и сначала пролили полы водой с пеной, а затем в считанные минуты топорами и тяжеленными ломами разломали лёд паркета по всему этажу. Работали весело, бодро, с огоньком – во имя спасения учеников и школы. С каждым ударом вколачивая Сережиного папу в немыслимые долги.

И долги – полбеда. Достать паркет в Союзе в восьмидесятых, в количествах третьего этажа средней советской школы, значит поломать голову, поискать, попросить, побегать, потеревить вышестоящее начальство. Даже опытному снабженцу. А просить начальство можно редко, и это может быть – дорого. В смысле ответных услуг.

Сережин отец справился. Шли грузовики паркета.

Черт с ним, с паркетом. Стыдно за сына.

Говорил отец.

Запомнил Сережа от того дня только счастливое лицо отца, когда он только вошел домой, радостное, чистое. Когда били, не видел уже, не смотрел.

Помнил Серега, что заорал – в голос, истошно, во всю мочь – когда еще отец бежал по длинному коридору, задолго до первого тумака.

Сергей ЛИТЯЖИНСКИЙ

Родился в 1968 году в Калуге. Окончил Калужский педагогический университет, биофак. Практически всю жизнь проработал в сфере ресторанного бизнеса, последние 15 лет сомелье.

Автор ряда рассказов, опубликованных в интернет-изданиях, сборника прозы «Трио-Лит 1».

Живет в Калуге

СОЗВЕЗДИЕ БЛИЗНЕЦОВ

Эпоха перемен в зените.

– Гражданин Забелин?

В ответ растерянное:

– Да?

Большой город в европейской части России в конце девяностых. Асфальт на городских тротуарах, положенный десяток лет назад, непорочно стёрся. Ночного уличного освещения почти нет. Троллейбусов и трамваев, старых и грязных, так мало, что большинство горожан предпочитают ходить пешком. В недостатке прохожих улицы старого города нужды не испытывали даже тогда. Бесплодная суэта. Завтрашнего дня боялись все. С сегодняшним все мирились.

Кроме суеты, а бизнес тоже был суетой, мало у кого были другие рецепты избежать висельной депрессии. Митинги отшумели, рок-н-ролл мёртв. Ни хлеба, ни зрелищ. Край треснувшего духовного корыта. Как обрести под ногами почву? Наш герой искал её в церкви. Он всё ещё инженерил на оборонном предприятии, худо-бедно, но сводил концы с концами и совсем не собирался окончательно расставаться с реальностью. Только чуть от неё отстранился. И только-только стал обретать новый смысл...

Как вдруг гром среди ясного неба:

– Вы задержаны по подозрению в двойном убийстве.

Так несколько замкнутого, но в целом адекватного человека, чуть старше тридцати лет, с широким кругозором и мировоззрением христианина-неофита, арестовали. Убиты его жена и её любовник. Мотив явный, алиби шаткое. После показаний нового свидетеля, который видел его в день убийства недалеко от места преступления, Сергея Забелина сажают. На суде даже адвокат был уверен, что он играет в неосознанку. Никто не обратил серьёзного внимания на его категорический отказ писать явку по повинной.

* * *

Строгая зона для отморожков, на которых не хватило доказательной базы до пожизненного заключения. Минимальный срок здесь двадцать лет. По УДО отсюда пока ещё никто не уходил. Наш герой здесь уже долгие годы. Христианские склонности давно стали убеждениями и продолжают крепнуть. Апелляций и ходатайств о помиловании он никогда не писал, с администрацией не сотрудничал. С сокамерниками также он почти не общается. В своём положении видит Божий промысел и даже находит своего рода гармонию.

В начале своего срока прилежнее других выкладывался на постройке часовни, переосвящённой впоследствии в храм. Следить в нём за чистотой и порядком – его дополнительная обязанность. По большим праздникам в храме служит литургии отец Игорь. Другие священнослужители в зоне не появляются. Батюшка суров, знает цену раскаянья урок. Никогда не улыбается. Одни сидельцы говорят, что он сам сидел по малолетству, другие – что служил во внутренних войсках, ещё в советские времена. И что после срочной службы ещё на несколько лет оставался охранять зону. У самого священника почти о каждом заключённом была точная информация из личных дел: за что, который раз, на сколько и сколько уже.

Подкупал свою паству отец Игорь яркими, захватывающими проповедями. На исповеди же он очень редко вступал в разговоры с заключёнными. Старался выслушать их рефлексии молча. Ограничивался фразами: «Зачем врешь?» и «Бог судья». Тем удивительнее было его обращение к нашему герою на восьмом уже году его заключения: «Долго будешь молчать о главном, Сергей?»

Сергей сразу понял, о чём спрашивает священник, и лютая неприязнь тронула его сердце. Он не искал сочувствия, но всё-таки был уязвлён. «Каюсь», – сказал он, – в неверии, в кромешном отчаянии и в ненависти к вам, сейчас нахлынуло».

Отец Игорь вздохнул и после фразы «Бог судья» прочитал над ним разрешительную молитву. Однако в следующий раз, спустя почти три месяца, задал Сергею тот же вопрос. В ответе теперь осталось только два пункта. В ненависти никто уже не каялся.

Суровый батюшка посуровел ещё больше.

– Были вы венчаны с супругой?

Не ожидая такого вопроса, Сергей молчал. Оба молчали. В итоге отец Игорь не допустил Сергея до причастия. Он ещё накануне решающей исповеди, после долгих молитвенных размышлений, положил себе сделать так: «Пока не расквесишься в главном, к чаше не подпущу».

Сергей раздавлен. Молящиеся вокруг ухмыляются. У большей части заключённых (конечно, не у блатных), отец Игорь в большом авторитете. В камере Сергея ждут непростые разговоры.

* * *

Примерно в то же время, в другой зоне режима менее строгого, к другому священнику после службы обращается администрация с просьбой исповедать умирающего в «кресте» (в «санчасти» на человеческом языке) зека.

– Это его право.

Медработник поставил диагноз «прободная язва». Может, и до полуночи не дотянет. Отец Вячеслав соглашается. Начальник зоны даёт этому урке самую нелестную характеристику и советует много времени на него не тратить. Рецидивист шестидесяти лет. Циничная гнида, ничего святого, чтит понятия, но, если его скотская натура потребует, перешагнёт и через них. Сидит за разбойное ограбление с пристрастием. У дряхлой пенсионерки утюгом выпытал, где она похоронные сбережения прячет. Если бы старушка скончалась, сидел бы в «Белом лебеде».

Умиравший урка страдал неподдельно. Периодически впадал в забытие. Синие пакши тряслись, из глаз катились крупные слёзы. После молитвы священник склонил ухо к лицу кающегося.

– Веришь ли?

– Теперь верю...

Преодолевая брезгливость, отец Вячеслав старался следить за нитью исповеди. Параллельно старался молиться за прощение вора и, как оказалось, насильника, растлителя и убийцы.

– Ещё одно, – шептал умирающий, – страдает за меня безвинный мужичок. Девять с лишком лет назад взял я квартиру богатую. Взял легко и чисто и веселый шёл уже по подъезду вниз, как слышу – кто-то поднимается, быстро так. Вот-вот столкнёмся взглядами. А вдруг хозяин взятой квартиры? Убивать не хотел, но шабер вынул. И машинально так, возьми и дёрни ближайшую к себе дверь. И она поддалась...

Пару минут зек скулил от боли.

– Внутри музыка, пыхтенье за стенкой, пьяный женский смех... Потом вышел голый мужик, помладше меня, близорукий, с залысиной и поддатый. Я его тихо так на лезвие надел, он не пикнул. Потом и бабу. От одной крови ушёл с лестничной площадки, другую нашёл. Красивая была баба, еле сдержался... Такая была красивая, что и мёртвую можно было бы... Будь времени побольше.

– Это не раскаянье!

– Знаю, отец... Прости... – И опять зек скрежетал зубами и сгибал в коленях худющие ноги. – Не приняли меня тогда ни за квартиру, ни за трупы. Похоже, и не искали. Знаю, что мужа той бабы посадили. Она с любовником была на съёмной квартире. Вот и впяляли ему, недолго разбираясь... Каюсь... Отпусти грехи, отец! Сдохну скоро.... А лоха того жалко, из шибко верующих он был, я так понял.

Отец Вячеслав был потрясён, хотел спросить: где сидит тот лох, как зовут? Но сдержался. Порывав ещё с минуту, рецидивист добавил:

– В жизнь бы так никому не сознался. А теперь не боюсь. Ты же не вложишь. Ты же адвокат мой перед вышним прокурором. Отпусти грехи, отец!

Еле справляясь с собой, священник прочёл молитву, дал разбойнику святых даров, соборовал и оставил его умирать.

Тайна исповеди мешала отцу Вячеславу активно приступить к выяснению деталей. И хотя эта история не выходила из его головы, он только через месяц, пятого июля, позвонил начальнику зоны поздравить его с днём ангела и невзначай поинтересовался, как отошёл к Господу тот зек, которого он исповедовал в кресте.

– Вы, отец Вячеслав, наверное, чудотворец. Зек тот никуда не отошёл, а на поправку после ваших молитв пошёл. Два дня он у нас зубами скрипел и бредил. Потом мы в область его отправили. Ждём, но оттуда пока не звонят. Значит, оклемалась, гнида.

Священник понял, что выяснять детали исповеди в ближайшее время нельзя...

Скоро жена начальника зоны позвонила отцу Вячеславу. Подобострастно она рассыпалась уверениями в своей вере, в своей преданности Христу и в своём восхищении тем чудом, которое было совершено над умирающим разбойником. Врачи в области просто шокированы. Первоначальный диагноз подтвердился сразу, но язва зарубцевалась! Отец Вячеслав чуть не обругал эту женщину, так неприятны были ему её льстивые комплименты и неуместное восхищение сомнительным чудом. В конце концов она попросила освятить их жилище, ну, и помолиться за внуков-близнецов. Священник дал слово выполнить её просьбу.

После телефонного разговора в душе отца Вячеслава сами собой подбирались слова новой молитвы, и ему стоило больших усилий не произносить их. Если бы урка, как сказал бы Булгаков, «с такой страшной фамилией» Голокость сдох, священник без особенного труда, как ему казалось, смог бы прояснить обстоятельства двойного убийства, за которое сидит уже долгие годы невинный. И вдруг – чудо. Зачем, Господи? Пока рецидивист жив, тайна исповеди будет руководить поступками отца Вячеслава.

* * *

Три года провёл Сергей Забелин без причастия. Даже не пытался подойти к исповеди. И общественность, и администрация заметили конфликт с отцом Игорем. На вопросы оперативного работника Василия Васильевича священник отвечал уклончиво, метафорами, цитатами из Писания. Кум сделал вывод – какой-то богословский спор. Сергей же вообще ничего не отвечал. Никому.

На святую Пасху 2010 года, приняв исповедь у одного из зеков, отец Игорь попросил того позвать к себе Сергея Забелина.

– Стань в очередь, Сергей, – сказал священник примирительным тоном и благословил его.

Когда очередь подошла, Сергей повернулся, чтобы поклониться другим верующим, но позади себя никого не увидел. Только у самых дверей стоял кум с ещё одним подполковником, и оба с интересом смотрели в его сторону. Сергей поклонился им.

Закончив исповедь, Сергей ждал вопроса о главном. Но вместо этого услышал: «Бог судья». Колени сами подогнулись, и вот епитрахиль pokryla его голову, и потекли слова разрешительной молитвы.

* * *

Уже три года отец Вячеслав мучился неразрешимой дилеммой. И мысль о далёком безвинном сидельце читалась в его лице, и незыблемость тайны исповеди ни на минуту не ставилась им под сомнение. Между тем чудесно выздоровевший рецидивист вернулся в места заключения. Отец Вячеслав пару раз издали видел взгляд этой смертельно раненной ехидны, злой и трусливый. Сказать про него «отталкивающий» – значит, ничего не сказать. Урка явно был нездоров. Передвигался с усилием. Поймав взгляд отца Вячеслава, жалко так ухмыльнулся.

«Господи! – пронеслось в голове отца Вячеслава. – Ты один знаешь, что такое настоящая милость. Буди милостив к нам, грешным!»

– Аминь, – неслышно добавил ангел.

После освящения дома начальника зоны отец Вячеслав стал другом всего семейства Геннадия Николаевича, хотя сначала и тяготился этим. Сам товарищ полковник с глаза на глаз зачастую переходил с ним «на ты». Он оставался атеистом, но любил послушать о духовном. По воскресеньям Геннадий Николаевич лично привозил в тот городской храм, где служил отец Вячеслав, жену и внуков близнецов. Всё располагало задать ему мучивший священника вопрос, но батюшка не спешил, точнее, не смел. Бывало, после службы ехали перекусить к отцу Вячеславу в его маленький домик. Внуки начальника зоны играли с внуками священника, взрослые вели пасторальные разговоры за чаем. Поздней осенью отец Вячеслав обвенчал этих немолодых людей, которые давно уже сыграли серебряную свадьбу.

Зимой, спустя несколько дней после Рождества, Геннадий Николаевич встретил выходявшего из городского храма после вечерни отца Вячеслава. Мороз был крепкий.

– Что-то случилось?

– Да как сказать, у нас ничего, а вот в «Сухом Остроге» случилось. Сядем в машину.

«Сухой Острог» – это известный лагерь на Урале. После рождественской службы там помешавшийся заключённый захватил в заложники местного батюшку. Детали пока неизвестны, но батюшка в реанимации, зек ликвидирован. Пятно на всю систему исправительных учреждений. Приказ министерства – ограничить, усилить, обеспечить, сократить и прочее. Негласный приказ: не допускать контактов священнослужителей и заключённых без разделительного ограждения.

– Будем решётки ставить в храме. Не выполнить приказ не могу. Вот посоветоваться приехал. Без вас не разберёмся, что ограждать.

– Ну, знаете, Геннадий Николаевич! Кто же вам позволит? Где это видано? Как же епитрахиль на голову исповедника класть? Как святые дары через решётку давать?

– Как гиенам в зоопарке мясо дают? – взревел Геннадий Николаевич. – Давайте думать! Что сможем улучшить – улучшим, обещаю. По-другому никак. Хотели вообще мораторий на пару лет ввести. Ограничились решётками. Министр с патриархом встречался, соглашение достигнуто, и на днях будет обращение Синода к тюремному клиру. Так вот.

Отец Вячеслав горестно стих.

Расставаясь, Геннадий Николаевич неожиданно сказал:

– Голокость вам искреннее почтение передавал. Но очень просил с ним встреч не искать, опасается, что приличное камерное общество его не поймёт и за встречу с вами осудит. Я же говорил, гнида. Вы над ним такое чудо совершили, а он...

– Бред. Если и было чудо, то без меня, – отец Вячеслав перекрестился вспотевшими пальцами. – От меня ему ничего не передавайте.

– Как-то не по-христиански...

Начальник зоны смотрел в глаза священника и, загадочно улыбаясь, чего-то ждал.

– Передайте моё благословение супруге. Над планом ограждения я подумаю. Полтора метра высоты хватит?

– Два с половиной.

На следующий день отец Вячеслав действительно прочитал во внутрицерковной сети обтекаемое обращение Священного синода к пастырям

тюремных храмов с разъяснениями. Церковь не хотела рисковать жизнями своих служителей и душами несчастных заключённых, подверженных отчаянию и способных на неисправимые новые преступления. Поэтому Священный синод рекомендовал священству проявлять осторожность и бдительность и в тех тюремных приходах, где процент безрассудных заключённых особенно велик, прибегать к крайним мерам, то есть к установке разделительных конструкций. При этом ни один храм не должен закрыться. Окончательное решение вопроса – быть или не быть ограждениям – оставляется за настоятелями. Любому решению осуждения не будет.

– Осуждения не будет, – говорил в телефон Геннадий Николаевич, – если новых захватов не будет. А наш контингент вы знаете не хуже меня. В четвёртом отряде – слышали? – сатанист, убивший в Казани муллу, появился. А в первом недоказанный людоед. Нечего думать, надо ставить. Сделаем красивые кованые решётки с соответствующим месту орнаментом. Только скажите, куда лучше поставить.

* * *

– Два с половиной года решёточки в запасном приделе простояли! Теперь кум своей тёще на дачу спишет, ха-ха-ха....

Забелин слушал сокамерника вполуха и думал только, как не поцарапать разбойника Дисмаса непригодившимися решётками.

– Тяжёлые.

– Под ноги смотри, ступени.

– Вот отец Игорь не устрасился нас. Насколько я знаю, почти во всех лагерях в храмах решётки поставили после убийства батюшки на Урале. А он не дал. Вот человек, вот сила. И болезни своей не боится, и, дай Бог, победит и её.

Забелин не подал вида, но вспомнил, что ещё на Пасху отец Игорь показался ему утомлённым сверх меры. А на рождество Иоанна Предтечи, когда он прервал проповедь, буквально показался больным.

– Похоже, что он сильно болен.

– Профессор, который с кумом чай пьёт, уверен, это онкология. Точно не знает, кум на расспросы не повёлся, но по внешнему виду похоже, что курс химиотерапии в самой середине. Тебе отец Игорь ничего не говорил?

– Не-ет...

– Примирились вы с ним? Покаялся в главном?

– Откуда знаешь?

– Ха, я два года тоже хвостом крутил. Каялся в том, что курить бросить не могу, что матерюсь, в карты играю, украсть могу, в онанизме, как в самом тяжком грехе, каялся... А он однажды спросил о главном: о том, как я дочку утопил с подружкой её. «Да вы что, – кричу ему, – не я, не я! Вымудрили доказательства! Улики косвенные! Зазря я тут». А он, как святой с иконы, глянул мне внутрь и говорит: «Богу не нужны улики». Хотел я отшатнуться и почувствовал, что он мне на ногу наступил. Крепко так. «От кого бежать хочешь, Александр?» Смешно сейчас вспоминать. Ха...

– Раскаялся?

– Ну да. Как он следующий раз приехал служить, коленопреклоненно, со слезами и стенаниями во всём покаялся! Как все.

– Что значит «как все»?

– Так все упорствуют, никто в своём зле быстро не кается. Кто год, кто два, кто больше, как ты. Не хотят люди себя признавать теми, кто они есть, или просто бояться. И я боялся, как все. Боялся, что он куму сдаст, а тот постарается срок добавить на всю катушку. Но не таков отец Игорь. Ему в таких грехах каялись, два пожизненных можно было бы получить, а он никого не вложил.

Непонятное пограничное чувство копилось в Забелине. То ли разочарование, то ли восхищение.

– Были и такие, что ваньку перед ним валяли. Для забавы выдумывали страсти кровавые и на исповеди лили перед ним крокодилы слёзы. Так отец Игорь одного такого скомороха взявшей от аналая гнал, вертухаи насилие его спасли от праведного гнева, ха...

– Это я видел и в прострации был, не понимал, что происходит!

– Духовное у отца Игоря зрение! Скорее всего, он святой! Так что не выёживайся, брат, облегчи душу. Вот увидишь, насколько свободней станет дышать, насколько время потечёт быстрее. Много там ещё решёток?

* * *

Отец Вячеслав ликовал. Наконец-то из храма выносили ограждения, которые он спроектировал два с половиной года назад. За это время у него заметно прибавилось в бороде седины. Многие заключённые увидели в решётках лишнее над собой глумление и перестали посещать храм. В глазах оставшихся погасло доверие, погасла надежда. Отец Вячеслав не узнавал никого, почти все недавно осуждённые. Полтора десятка бессмысленных, голодных, озлобленных взглядов исподлобья следили за его движениями и внушали ему тревогу. Он стыдился своего малодушия, стыдился видеть их такими, какими они были на самом деле, и болезненно переживал каждую службу. В доверительной беседе с уезжающим на повышение Геннадием Николаевичем отец Вячеслав увлёкся описанием этих взглядов, а он возьми и добавь:

– И в каждом из них вам мерещится Костиков взгляд.

– Что вы под этим подразумеваете?

– Костик – это «кличка поганая» заключённого по фамилии Голокость.

– Ой, да. И правда, мерещится.

– Трудно представить себе что-то более мерзкое.

Отец Вячеслав спорить не стал.

– Теперь вы с этим типом вряд ли встретитесь.

Священник продолжал молчать, но весь обратился в еле скрываемое внимание. Естественно, начальник это заметил. Улыбаясь, товарищ полковник рассказал, что эта гнида поехала в «санаторий». В особую зону для смертельно больных. Отец Вячеслав уже видел эту улыбку.

– Туберкулёз позвоночника. Если вы молитесь за него не будете, то до конца срока он точно не доживёт. Хотя по медицинскому заключению протянуть он ещё может лет пять, а то и семь. Смотря чем кормить будут.

– Семь лет? – ужаснулся шёпотом священник.

– Отче Вячеславе, – Геннадий Николаевич решил оставить недомолвки и заговорить открыто, – сдаётся мне, что я мог бы быть вам полезен, если бы вы объяснили мне, в чём дело. Я давно приметил...

– И очень прискорбно, что заметили. – Голос отца Вячеслава стал твёрдым, не терпящим возражений. – Я не могу, и не будем продолжать. – Тайна исповеди?

В это время отъехали в сторону ворота КПП, и в их проёме показалась большая чёрная машина.

– А вот и ваш преемник. Пойдёмте, познакомите.

– Пойдёмте, пойдёмте, – и через несколько шагов добавил: – как Костик лапы склеит, я вам сообщу.

И вот уже полковник обнимается с меняющим его сослуживцем, дружба с которым началась ещё в окрестностях Грозного весной 1996 года.

* * *

После того как вынесли из неиспользуемого придела ограды, одну только службу отслужил отец Игорь в храме святых апостолов Петра и Павла. Болезнь его бросалась в глаза всем присутствующим, шила в мешке не утаишь. Острым лезвием она стояла в нём от горла до желудка и делала мучительным даже глубокий вздох. Но служба на всём протяжении оставалась торжественной и неспешной, и каждое слово в тесных приделах звучало отчётливо и возвышенно. Глаза отца Игоря сверлили приступавших к исповеди. И те без слов понимали, какие мелочи пытаются выдать за что-то важное, за что-то значимое. Сергею он не сказал в тот день «Бог судья». Он сказал ему: «Бог простит» и после молитвы добавил, что долго не верил в его невиновность, за что просит теперь прощение. «Награда не минует тебя, чадо. Потерпи».

Нет таких слов, которыми можно было бы описать состояние Сергея. Он готов был терпеть. И понимал, за что он терпит и для чего. Никто из причастников в тот день не слышал того прекрасного хора ангелов, что слышал Сергей.

Потом долго не было служб в этом храме. На Рождество у царских врат его стоял иеромонах отец Донат из ближайшего монастыря. После службы в проповеди он объявил, что отец Игорь после сложной операции идёт на поправку и просит ваших молитв.

Отслужили молебен, и только после этого молебна православные мужики, тужившие об отце Игоре, прониклись доверием к отцу Донату.

Не понятно как, но он сумел договориться с администрацией, и службы стали проходить гораздо чаще. Подобрал новых певчих и к осени научил их петь на греческий манер. Кум заслушивался и хвалил отца Доната. Удивительно, но в число певчих вошли несколько голосов из администрации. Жизнь верующих сидельцев потекла быстрее и легче. Сергей и не заметил, как пролетели ещё одна весна и ещё одно лето. Как-то в сентябре, после обеденного принятия пищи, конвоир выкрикнул его имя.

– Кум хочет с Исусиком поболтать, – сострил один из блатных.

– Кум уже не кум, – добавил другой, – он теперь хозяин. Батя. Повысили.

Забелин ничего не знал об этих изменениях и неожиданно для себя заволновался. В доступной немногим комнате для свиданий, к великой радости, его ждал отец Игорь, изрядно бледный, но улыбающийся. После благословения уселись друг против друга. Поговорив о здоровье, погоде, родственниках и бытовых условиях, отец Игорь заговорил о важном.

– Я сумел получить из архива твоё уголовное дело, Василий Васильевич помог. Он теперь начальник и многое может. Сто процентов, если бы ты в своё время написал апелляцию, дело бы отправили на следствие. За результат не поручусь, но то, что оно притянута за уши, факт. Сейчас время не очень удачное, слишком много его утекло. Но шанс есть. В день убийства в том же подъезде было совершено ещё одно преступление, квартирная кража на значительную сумму. Мне кажется, какому-то домушнику просто свезло. Он забрался в квартиру отчима одного предпринимателя вашего города. И вместо нескольких тысяч нашёл там несколько миллионов. Предпринимателя прессовала местная ОПГ. В 98-м году, после дефолта, он сделал вид, что всё потерял, а сам прятал деньги в квартире приёмного отца и от бандитов, и от налоговиков, и от компаньонов. Может, и прокатило бы, если бы не блатной вор-домушник. Решив, что кража дело рук ОПГ и что вслед за ней последует его устранение, коммерсант, ни о чём не заявляя в милицию, скрылся. Братва нашла его спустя пару лет, когда ты уже отбывал срок. Тогда он и обратился к силовикам, тогда-то и всплыла квартирная кража в том злосчастном подъезде, которую никому и в голову не пришло связать с убийством твоей жены. Ты мне так и не ответил, были вы с ней венчаны?

– Да.

– Молись за неё, каждый день молись. Как её имя?

– Анастасия.

Отец Игорь перекрестился и продолжил:

– Трудно сказать как, но как-то несчастные любовники оказались на пути того рецидивиста, что совершил кражу. Думаю, не желая потерять баснословные для него деньги, он и порешил случайных свидетелей. И как назло, тебя кто-то видел в тот день в том районе. Дьявол изобретателен. И вот ты здесь шестнадцатый год.

Сергей молчал, свесив голову, не радуясь и не печальясь. «Что дальше?» – думал он.

– Я скопировал и сшил какие смог документы. Сейчас их смотрит Василий Васильевич, очень рассчитываю на его совет. Останавливаться нельзя, только бы здоровье не подкачало.

– Всё это, – махнул рукой Забелин, – умозрительная версия. Не стоит вам заниматься этим, отче. Я буду ждать сколько потребуется. Осталось-то всего семь лет.

– Я лучше знаю, что мне стоит делать. А ты молись и жди. Если понадобится, Василий Васильевич пришлёт за тобой. Пора прощаться.

Отец Игорь благословил Забелина и хотел уже нажать кнопку вызова конвоира, как Сергей спросил его:

– Вы в армии во внутренних войсках служили?

Улыбнувшись, священник ответил:

– Ну да, служил. В Москве. В пожарной части рядом с метро «Динамо».

* * *

Семидесятилетний, всегда благодушный и неподдельно светлый епископ Аркадий заговорил неожиданно сдержанно и местами даже сухо. Рассказ отца Вячеслава и его прошение назвал безумием. Одно то, что кто-то заметил, что тот после исповеди этого разбойника потерял равновесие, уже есть нарушение тайны исповеди. Никто не осудит

епископа, если он выведет отца Вячеслава за штат и даже запретит в служении.

– В юности много детективов читал?
– Совсем не читал.
– Сколько же ты носишь в себе эту историю?
– Уже одиннадцатый год мучаюсь.
– Вот и не оставляй мучения своего! Молись за далёкого безвинного страдальца. Не ты его, а он твой спасательный круг. Не ищи боле справедливости для него, проси для него милости у Бога. Не сомневайся, не во вред ему сие испытание, и не зря. В храме своём, принимая покаяние, ни улыбкой, ни бровью своего личного отношения к сказанному не обнажай. Как седовласому, но семинаристу, напоминаю тебе: так же, как осуждение, и оправдание в руках Бога, не в наших.

Отчего заболело сердце у отца Вячеслава? Тротуарная плитка рисовала в его глазах замысловатые геометрические фигуры. Рано в этом году сошёл снег. Он и не заметил, как дошёл до своей автобусной остановки. Только здесь отец Вячеслав вернулся к реальности, вынул из кармана и включил телефон. Один пропущенный вызов: Геннадий Николаевич, 14:10. Они не виделись больше двух недель, две воскресные службы пропустила его семья. «Сейчас узнаем, почему», – подумал отец Вячеслав. И действительно, телефон завибрировал, экран засветился, и в его центре была надпись: «Геннадий Николаевич».

– Доброго дня, отец Вячеслав! Как здоровье?
– Слава Богу, жаловаться грех.
– У вас вечером служба?
– Сегодня нет.
– Тогда ждите в гости, есть что рассказать.
– Сделайте милость, буду ждать с нетерпением.

* * *

После обнадёживающего разговора с отцом Игорем Сергей Забелин стал, как самому ему казалось, слишком часто думать о жизни на свободе. И даже мечтать о ней. Он слышал, что на воле за шестнадцать лет всё сильно изменилось. Что у каждой семьи по две машины, что у каждого, даже у детей, мобильный телефон. И в каждом телефоне телевизор. И все пялятся в них, и молодые, и старые, и на улице, и в транспорте, и на работе, везде. Все в наушниках. Все разговаривают с невидимыми собеседниками, как будто сами с собой. До того как забрезжил свет освобождения, Забелин слышал такие рассказы, но не внимал им, не придавал значения. Теперь стал бояться: а найдётся ли ему место на этих улицах? Ведь у него ни прав, ни телефона. И всё равно его тянуло к мыслям о них. И как результат – обмелела тайная умственная молитва, испортился сон, минуты стали тянуться, как дни, а дни – как недели. Пальцы стали опять попадать под иглы швейной машинки, один раз на перекличке не отзывался.

Легко сказать – возьми себя в руки. Легко сказать – не думай об этом. Опасные мысли, как недуг, который приходит откуда не знаем. Главное, согласиться в себе с тем, что это недуг, что это надо лечить. Забелин всё осознал и, как лекарства, приносящего облегчение, стал ждать очередную службу.

Отец Донат старался, но уступал всё же отцу Игорю в торжественности. Многие православные заключённые с упоением вспоминали

его дикцию, его тембр. По их слову, строже была служба, пробирала и жгла, стыдила. А у отца Доната проникновеннее и душевнее. Но ведь не женская у нас зона! И покаяние у своих прихожан отец Донат принимал по-другому. Никого от аналоя не гнал, почти с каждым беседовал, давал советы. Разве с нами так можно? Распояшаемся. Выслушав Сергея, отец Донат скороговоркой прочитал какую-то молитву, перекрестился и сказал:

– Не бойся думать о долгожданной свободе. Свобода – наше естественное состояние. Только думай о ней как об объятиях матери, а не как о свидании с любовницей.

Вообще отец Донат сначала хотел сравнить свободу с объятиями законной супруги. Но, вспомнив, как все уголовники чтут образ матери, вовремя перестроил свою фразу. По отношению к Забелину это было, конечно же, милосердно.

* * *

В шесть вечера автомобиль Геннадия Николаевича припарковался у дома отца Вячеслава. После приветствия обнялись, уселись за стол. Матушка приготовила чай, варенье, баранки и оставила их один на один. Батюшка сразу поинтересовался, где домашние Геннадия Николаевича прячутся, две воскресных службы прогуляли.

– Не болеют?
– Упаси Бог! Ещё не хватало. Поэтому и не приезжали к вам в воскресенье, что боялись заболеть. Новый грипп гуляет в городе. Не слышали? То ли свиной, то ли говяжий. Полгорода слегло. Очень заразный.
– Про птичий слышал...
– Птичий в позапрошлом году был, в этом новый – свиной. Моя супруга паникёрша и трусиха в таких делах, сама из дома ни на шаг и детей никуда, ни ногой. Вот и всё объяснение.
– Может, и правильно насчёт школы и рынка, но не насчёт храма.
– Я слышал, у ладана бактерицидные свойства сильные. Вы уж его сейчас не экономьте. В следующее воскресенье всех привезу.

– Договорились.
Геннадий Николаевич громко вздохнул, как будто сказал: «...а теперь самое интересное».

– Я вам кое-что обещал.
Отец Вячеслав сразу понял, о чём пойдёт речь.
– Скончался?

– Представьте себе! Семи лет не потребовалось. Подложили к нему в санаторий совершенно случайно такую же свинью, как он сам, – товарищ полковник жадно сделал большой глоток душистого крепкого чая, – которой он задолжал ещё со второй своей ходки. То есть поделника его, которого он в своё время сдал с потрохами на двенадцать лет. А сам отделался тогда четырьмя. Всю жизнь Голокость этой встречи боялся. В их среде с этим строго. Поэтому и гастролировал по всему СССР и потом по всей России. Но от судьбы не ушёл. Настигла его заточка единомышленника.

Геннадий Николаевич от своего рассказа явно получал большое удовольствие.

– Вы свободны, отец Вячеслав, – закончил он победно и совершенно серьёзно.

Священник поднял глаза. В дальней комнате старшая внучка пыталась наиграть на пианино старинный романс. Бабушка помогала ей.

Отцу Вячеславу в такой обстановке было трудно сосредоточиться, но он решил не откладывать. С первых же слов Геннадий Николаевич помрачнел. Потом в его лице появилось что-то ироничное. Потом опять помрачнел.

— Что же вы натворили, отец Вячеслав...

Холодок прошёл по спине священника от этих слов.

— Вы хоть в каком году это произошло, знаете точно? Имя оклеветанного стечением обстоятельств? Какой срок ему дали? В каком городе хоть было убийство? Кому вы собирались помочь? И как? Ни письменных показаний, ни свидетелей вашей беседы. Ничего. Кто вам, кроме меня, поверит? Может, вы выдумали всё.

— Я мог бы всё подтвердить под присягой.

— Много кто чего мог бы подтвердить под присягой. Суд не богадельня. Вовремя надо было сообщить, пока эта Гнидокость жива была. Всё бы из него вытрясли. Теперь поздно.

Я ехала домой,

— доносился голос матушки Софьи и немного фальшивые звуки пианино.

Скоро негодование Геннадия Николаевича исчерпалось. Он успокоился, и разговор вернулся в спокойное русло. Отец Вячеслав не мог поверить, что ничего нельзя сделать. Постарался ещё раз, более детально пересказать давно отзвучавшую исповедь уголовного.

— Не за что уцепиться. Совсем не за что.

— Поднять старые дела не получится?

— По всей стране? Я вас умоляю.

— Может, интернет?

Чем дальше они вели разговор, тем отчётливее Геннадий Николаевич понимал, что перспектив нет. Что душевное томление, снедавнее отца Вячеслава столько лет, не исцелить. И напрасно он надеялся исправить судьбу далёкого, безвинного лоха. Кстати, может, тот уж давно отсидел, сколько лет-то прошло.

— Встретимся в воскресенье, — говорил Геннадий Николаевич при расставании, — я ещё подумаю. Но вряд ли что-то можно сделать. Не мне давать вам советы, но вам надо смириться. Знаете, как у нас говорят: наказания без вины не бывает.

— У нас тоже так говорят.

— Вот! Может, чем-то ещё этот страдалец Бога прогневил. А мы с вами, что могли, для него сделали.

Никогда раньше полковник не просил благословения у отца Вячеслава, а сегодня, сложив перед ним ладони, сильно его удивил.

Священник радостно улыбнулся.

И уже на пороге он спросил:

— Геннадий Николаевич, вы сказали — «совершенно случайно»?

— Абсолютно! — ответил тот, даже не уточнив, про что был вопрос.

* * *

Василий Васильевич очень долго не вызывал к себе Забелина. Сомневался. Но не в том, что Забелин невиновен, а в том, как его собственные действия будут выглядеть со стороны. С доводами отца Игоря спорить не хотелось, хотелось им довериться. Но ведь все они чистая

лирика, железных аргументов нет. И пусть ярославские коллеги частично признали, что упрятали Забелина за решётку без весомых доказательств. Но в том же письме они намекнули, что и освободить его без весомых доказательств не стоит. Что сделано, то сделано. Опять же свидетельница Иванова, кондуктор трамвая, дала показания, как нервно в тот день Забелин отсчитывал мелочь, войдя в салон с остановки в квартале от места преступления.

— Нужен хороший адвокат, — говорил Василий Васильевич отцу Игорю, который второй раз уже выписался из больницы, — я об УДО ходатайствовать не буду, не в наших традициях. Да и сами вы говорили, что надо добиваться полного оправдания, что надо добиваться пересмотра дела, нового суда. И поговорите с Забелиным о свидетельнице Ивановой. Как на неё следствие вышло? Почему она его запомнила? Странно.

Найти хорошего адвоката оказалось делом непростым. Многие умышленно не понимали, чего от них хотят. Учитывая, что решительную часть срока Забелин отбыл примерно, без единого конфликта с администрацией, вытащить его из застенков не представляло труда. Но речь шла о восстановлении его доброго имени. О признании неправомерным решение суда. И, естественно, все, к кому обращались и Василий Васильевич, и отец Игорь, под благовидными предложениями увиливали. Отец Игорь уже просил в молитвах какого-нибудь, какого угодно, как вдруг с ним связался молодой человек с одиозной фамилией.

— Максим Новодворский, — представился он при встрече.

Василий Васильевич предположил, что этот юнец хочет попасть в хроники радио «Свобода». Общаться с ним отказался наотрез и предупредил отца Игоря:

— Замечу хоть намёк в его действиях на дискредитацию строя, отправлю Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ! Мне мои погоны не жмут.

Между тем тридцатитрёхлетний Максим Вениаминович признавался отцу Игорю, что его фамилия — его проклятие. Кроме неё, не было других причин выживать его из прокуратуры. Жил как все, платил ипотеку как все, работал как все. Но никто не хотел видеть его своим заместителем. Вот и свободное плавание. Отец Игорь поговорил с ним о религиозных предпочтениях, и опять всё как у всех. Крещён в православии, венчанный, пару раз в год в храме бывает. Отец Игорь колебался, но решил благословить Максима Вениаминовича, чем тот был очень воодушевлён.

Ознакомившись со скудными материалами дела, имеющимися в его распоряжении, не приуныл, а заказал встречу с заключённым Забелиным. В ходе которой адвокат был очень удивлён тем, что виновник разбирательства вовсе и не настаивает на возвращении ему доброго имени. Загадочно прозвучала его фраза:

— Ничего доброго в моём имени нет.

В отведённой для их встречи камере было плохое освещение. Что-то адвокат записывал в ежедневник, что-то на диктофон в смартфоне. Забелин догадался, что это и есть тот самый телефон с телевизором и ещё с магнитофоном.

— Чего же вы хотите от возобновления дела?

— Правильнее будет сказать, чего не хочу. Не хочу отца Игоря расстраивать. Святой человек, такое участие принял в моей судьбе. Я просто обязан выбраться отсюда.

– Сергей Витальевич, – немного помолчав, опять заговорил адвокат, – вы были знакомы со свидетельницей Ивановой?

– Нет, но, кажется, я догадываюсь, кто это был.

Адвокат не пытался скрыть своего интереса.

Забелин рассказал, что ещё на суде пытался оспорить слова свидетельницы. Он был в том районе днём раньше и в трамвае рассыпал мелочь днём раньше. Но Иванова настаивала, и суд внял ей. Приезжал он в тот район по просьбе старой знакомой, с которой у него за пять лет до свадьбы была краткосрочная связь.

– Какое гадкое слово: «связь».

Звали знакомую Надя Иванова. Студентка университета, красавица с претензией на исключительность, интеллектуалка, рвалась в Москву, мечтала о божественном обществе. Уже на первом свидании были близкие отношения.

– Секс?

Забелин тяжело вздохнул, читай: «да».

На третьем свидании она сказала ему, что ни к кому не проникалась таким глубоким чувством и это её пугает. Четвёртого свидания не было. Забелин уже в заключении вспомнил, как в перерыве между утехами Надя рассказывала ему о своём отце, несостоявшемся писателе. От него осталась одна толстая рукопись, и Надя обязана её опубликовать, чего бы это ни стоило. А о маме упомянула вскользь, обычная домохозяйка, пенсионерка, работает ещё кондуктором.

– Так зачем Надя позвала вас спустя восемь лет?

Забелин продолжил. Он не догадывался, о чём пойдёт речь при встрече. В телефонном звонке на работу она просила помочь, но не уточняла, в чём. Возобновления связи он не хотел и боялся. Он же обвенчан. Надя тепло и радостно встретила Забелина, между слов сквозило раскаянье, в словах надежда. В Надиной комнате Сергея ошарашили два его достаточно больших фотопортрета. Он и она. Она и он.

– Зачем тебе это? – Сергей засомневался в её здравомыслии.

– Это не мне. Дочь должна знать своего отца.

В браке у него третий год нет детей, а здесь растёт его дочь. Забелин был в ступоре. Надя не просила вернуться, просто плакала. Она понимала, что падшие женщины не достойны таких, как он. Таких безупречных. Ещё много чего комплиментарного говорила, а в итоге попросила дать дочери свою фамилию. Вот и вся её просьба. Она упала на колени. Ребёнок должен знать. Посмотри, как она на тебя похожа. И тому подобное.

– Вы ей отказали?

– Безмолвно я слушал её минут десять. Вычислял. Всё сходилось. О, как тяжело мне было оттолкнуть её и уйти. В ушах ещё долго стояли её плач и мои шаги.

– Вы боялись, что она врёт и это не ваш ребёнок? Не хотели неизвестно кому платить алименты?

– Мне стыдно её очернять, но поводов так думать было достаточно.

– Сколько после этого вы оставались на свободе?

– Двадцать три часа.

– Мне придётся слетать в Ярославль, уточнить всё на месте. Главное, как следствие на свидетельницу вышло?

– У меня было много времени подумать об этом. Ничего сложного, скорее всего. Оперативники искали свидетелей, показывали мои фото в близлежащих ларьках, палатках, в транспорте. Она же видела мои

фотопортреты у дочери в комнате. Наверно, и нафантазировала себе несчастную мелодраму, где я в роли похитителя девственности и счастья её дочери.

– И вдруг представился такой случай отомстить, – продолжил Новодворский. – Логично. А почему вы на суде не предположили, что это мать Нади?

– И в голову не приходило! Мало ли на Руси Ивановых!

* * *

Незадолго до смерти отец Игорь принял монашеский постриг с именем Георгий. Вечером того же дня в его палате с ним разговаривали Василий Васильевич и Максим Вениаминович.

– Заклинаю вас, возлюбленные братья мои, оставьте препирательства и доведите начатое дело до конца.

Новодворского коробил такой пафос. Слышал он много о православных, но такого Средневековья и представить себе не мог.

– Целуйте крест.

– Мы же неверующие! – взмолился Василий Васильевич.

– Это вам кажется. Сделайте шаг к правде, и пребудет на вас благодать.

Они переглянулись и сделали шаг.

Из больницы ехали вместе, в одной машине. Василий Васильевич перестал чураться Новодворского.

– Шаг сделан, и что теперь? Есть у нас шанс выполнить обещание?

– Шанс есть, не знаю только, одобрил бы такое решение проблемы отец Георгий. Забелин же одобряет. Намаялся он у вас.

– Это комплимент?

Огни большого города трассировали очередями за стёклами автомобиля, как будто отстреливались от мыслей обоих пассажиров.

– Утро вечера мудренее. Давайте встретимся завтра, и я вам всё расскажу.

– По мне зона плачет, не может долго без меня. Я должен к шести утра туда нагрянуть.

– Завидное чувство юмора у вас, Василий Васильевич! – Новодворский от души засмеялся.

– Выкладывай.

– Как-то вы пугали отца Георгия, что переведёте Забелина в Ямало-Ненецкий автономный округ. Было? Ну, так переведите.

– Зачем?

– Там же нет традиции не отпускать по УДО. Конечно, Забелин поедет домой не с парадного входа, а скорее с чёрного выхода, но, знаете, он своим добрым именем не так уж и дорожит, будет рад и этой лазейке.

Василий Васильевич лихорадочно соображал, как спасти честь мундира. И сказал, наконец:

– Я сам про такой расклад думал, но ведь отец Игорь хотел полного оправдания.

– Отец Георгий идеалист. Нельзя оставлять волков в дураках. Надо и овцу спасти, и их оставить сытыми. И покончим с этим.

– Вы часом не тайный агент ордена иезуитов?

С того вечера Василий Васильевич и Максим Вениаминович стали друзьями, и их дружба уже не прерывалась никогда. Следующий раз они встретились через неделю, на скромных похоронах священноиннока

Геоorgia, у кирпичной стены городского кафедрального собора. Чин погребения совершал отец Донат. Новодворский тогда первый раз в жизни осознанно и искренне осенил себя крестным знамением. Прощаясь после поминок, Василий Васильевич сказал, что к этапированию Забелина всё готово, с тамошним начальником, давнишним знакомцем, всё обговорено. Забелин скоро поедет за полярный круг и максимум через год – домой. И, помявшись, добавил:

– С твоим гонораром, Максим, не знаю, что делать. Подождёшь?

– Да ты что, товарищ подполковник? Отец Георгий, ещё будучи отцом Игорем, всё мне перечислил, – не задумываясь, соврал Новодворский. – Не парься.

– Да? – неподдельно изумился Василий Васильевич, – Что ж он мне ничего не сказал?

* * *

Однажды отец Вячеслав оцепенел от страшной догадки. Больше года потом он просыпался в поту почти каждую ночь. Истово молился за раба Геннадия, готов был своей бессмертной душой пожертвовать ради его спасения. Епископ Аркадий, выслушав ещё одну исповедь, отставил его от службы в тюремном храме, но сан сохранил. И даже сделал его благочинным в окрестностях областного центра, надеясь новыми заботами отвлечь от окончательного сокрушения. Геннадий Николаевич заметил в отце Вячеславе какое-то изменение, но незначительное. Внуки-близнецы росли, и к тому дню, когда Геннадий Николаевич стал генералом, в церковь с бабушкой уже не ездили. Новоиспечённый генерал любил их и гордился ими. И всею своей большою семьёй. И в заботах о ней даже не вспоминал о том, что так терзало отца Вячеслава. Дружить они продолжали.

Неласково встретила малая родина Сергея Забелина. Росгвардейцы в медицинских масках остановили его на привокзальной площади и, разглядывая его справку об освобождении, долго решали, отправлять его в карантин или нет. Как прибывшего из другого региона, отправили. В неотопливаемом загородном профилактории он промёрз и проголодал две недели. Вернувшись в город, долго не мог сообразить, что делать дальше. Ноги сами вели его куда-то по пустынным улицам какого-то постапокалиптического знакомого и незнакомого города.

Вечером он спросил у дебилой и грузной женщины с кожей цвета пшеничного теста:

– Тебе удалось опубликовать рукопись?

– Нет, – горько усмехнувшись, ответила она, – когда было совсем плохо, мама сдала её в макулатуру.

Вероника ВОРОНИНА

Родилась в Сарове Нижегородской области, Окончила журфак МГУ, получила дополнительное психологическое образование.

Прозу и публицистику публиковала в журналах «Север», «Нижний Новгород», «Дактиль», Литерга Nova, альманахах «Земляки», «Царицын», в газете «Литературная Россия», в электронных изданиях. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов.

Живет в Люберцах.

БЕЛОЕ КРУЖЕВО, РОЗОВЫЙ ШЕЛК

Завтра Леночке исполняется пять – целых пять! – лет. Она так ждет этого дня. Предвкушает праздник, радость, подарки.

Леночка мечтает. Что ей подарят? Куклу с длинными волосами, которую она давно хотела? В белом кружевном платье с розовыми шёлковыми лентами – нежными, как лепестки! Или кукольный домик? Леночка видела его в «Детском мире». Кажется, что в таких домиках обязательно должны жить маленькие человечки. Вот бы посмотреть хоть одним глазком! А может, подарят набор кукольной посуды или книжку с картинками?

Но самый большой подарок это, конечно, братик. Папа сказал, что уже завтра привезет маму с Петенькой – так называли братика – из больницы. Как раз в день рождения Леночки! Девочка ждет и волнуется: вот это подарок так подарок!

Но на завтра мама возвращается одна. О Петеньке больше не говорят, на вопросы о нем не отвечают. А Лена... Её долгожданный день словно исчез из календаря. И про нее саму будто забыли. Родители ходят с такими лицами, что Леночке становится страшно. Может, она сделала что-то не то и ее наказывают? Не могла же она провиниться так сильно!

Леночка снова и снова подходит к маме, тянет за платье. Та сначала смотрит на дочь невидящим взглядом, молча отходит, отворачивается. В следующие разы говорит: «Уйди, не до тебя!» С каждым разом раздражения в голосе все больше.

На пятый или шестой раз женщина и вовсе начинает кричать в голос: «Эгоистка! Какое право ты имеешь требовать к себе внимания в этот день! Ведь у него-то никогда не будет ни праздников, ни поздравлений, ни подарков!» Папа вмешивается, берет маму за плечи: «Тише,

тише!» А потом говорит Леночке быстрой скороговоркой и тоже отворачиваясь: «Потом отметим, как-нибудь потом. Только не сейчас. Не беспокою маму». И уводит ту в дальнюю комнату, закрывая перед Леночкой дверь.

* * *

Лене сегодня 35. Она едет домой в полупустом вагоне метро. У Лены в руках большой букет роз, опущенный низко-низко – бутоны метут грязный пол. Ей не до цветов. У нее всегда в этот день непонятная горечь в душе и почему-то стыдно отмечать, получать внимание, подарки и поздравления.

Погруженная в себя, Лена несколько раз задевает цветы ногами, чуть ли не наступает. Лепестки осыпаются, нежные, белые и розовые, как кружево и шелк того кукольного платья. Лепестками уже усеян весь пол вокруг нее. А Лена, придавленная тяжестью неясной тоски, не замечает: нервно переступает, задевает бутоны.

Другие пассажиры осторожно, очень осторожно обходят белорозовую хрупкость. Только сама Лена, выходя из вагона, бессознательно еще раз задевает букет и, не глядя под ноги, ступает прямо по лепесткам.

И они лежат на грязном полу, беззащитные и бесполезные.

РОДОВОЕ ДРЕВО

1. Перевернутое дерево

Я наконец-то выкинула мамин фикус! Так и не смогла его полюбить. В уютной обыденности растения было нечто удушающее. Мама давным-давно привезла мне отросток, как всегда, не спросив согласия: «У меня хорошо растет, у бабушки такой же был». И, смеясь, добавила: «Наше родовое дерево».

Почему я терпела так долго? Фикус успел вымахать аж до потолка – еле умещался на подоконнике в огромной кадке и закрывал половину окна. Даже смотреть на него было тесно. Казалось, разросшееся растение – теперь уже действительно дерево – душит, высасывает из воздуха свет. Зато семейное дерево!

В общем, собралась и вынесла тяжеленную неуклюжую кадку в подъезд – забирайте, кому приглянется. А спустя всего пару часов увидела перевернутое дерево на газоне – форма в очередной раз победила содержание: забрали кадку, а не растение. Его корни торчали вверх. В этом была внутренняя правда: какой род, такое и дерево.

Когда я днем раньше сообщила семье, что собираюсь замуж, то получила проклятие вместо благословения. За то, что сама выбрала, сама решила – не спросилась, не отчиталась. Хотя и лет мне уже немало, чтобы чужое мнение и тем более разрешение спрашивать; и живём – в разных городах! – в Центральной России двадцать первого века, а не при домострое и патриархате. А обыденное семейное мракобесие все то же – прокралось в список вечных ценностей.

Сначала мама без предупреждения развернула военные действия: «Я не разрешала! Не смей самовольничать!» С размаху началась маскированная атака: «Если сделаешь это, лишу наследства! Подаю в суд!» Подключились тяжелая артиллерия и танки: «Заплачу психиатру, чтобы тебя признали невменяемой и недееспособной». Папа также присоединился к силовой операции: «Не буду поздравлять с помолвкой. Раз не слушаешь мать, с таким мерзким характером ты не заслуживаешь ничего хорошего». И продолжил зачистку: «Все равно он бросит тебя через год. Кому ты нужна такая!»

Вот такое «приданое» я получила. Проклятие это ведь что? По словарю, «словесная формула, содержащая пожелание зла, ругательства. Крайнее, бесповоротное суждение, отторжение». Другое название для грубости и хамства, оскорблений и угроз. А хороших слов – благословений – у этого рода для меня не нашлось.

Сквозь слезы и ярость пришли и встали защитной стеной спокойные ясные слова: со мной так нельзя! Вот тогда я, наконец, и выкинула «родовой» фикус.

2. Древо жизни

В поисках утраченной радости еду на ярмарку мастеров. В таких местах, полных живых и теплых вещей, обычно и глазам приятно, и на душе светлеет.

Обойдя ярмарочную площадь, возвращаюсь к палатке с филимоновской игрушкой – тульским народным промыслом. Рассматриваю с умилением и нежностью.

Из-за прилавка приветливо улыбается маленькая старушка в платочке. Перед ней, позади торжественного парада пестрых красавцев, – глиняные заготовки, белые, как ее платочек. Мастерница расписывает их живыми теплыми красками: красной, желтой, зеленой. И рождаются радостные солнечные звери и птицы с длинными шеями: медведи, олени, индюки, петухи.

Насмотревшись на расцветающую под пальцами красоту, перевожу взгляд на сам прилавок.

– Скажите, а вот это что такое? – показываю на обнимающуюся пару: барышня в длинной юбке колоколом, разудалый кавалер в лихой шапке.

– Любота, детонька.

– Любота?

Старушка принимается рассказывать о глиняной парочке, а от них перебрасывает мостик к древним корням филимоновского промысла. У нее цветистый, сочный говор – как у сказительницы былин. Пробую незнакомое слово на вкус, рассматриваю и трогаю яркие фигурки. «Любота» звучит невероятно мило. Слышится в этом душевность, сердечность. Любование и облюбовывание. Есть и в этом слове и в самих филимоновских игрушках – во всех! – уютная архаика, доброе домашнее язычество. Будто смотришь на изображения духов-покровителей дома или семейные обереги.

Замечаю, что изображений Люботы несколько, и все разные. Есть «просто» Любота: пара танцует-обнимается. Очень тепло на них смотреть. С легкостью верю, что такие фигурки были талисманами, хранителями для любящей пары и дарились на свадьбу. Вторая Любота с ведрами: у обнимающейся пары ещё и коромысло на плечах – одно на двоих. Это, должно быть, о том, чтобы «в горе и в радости» делить все поровну, помогать друг другу и поддерживать. А третья Любота явно про семейное изобилие и благосостояние в доме: у барыни в руках каравай, а у кавалера – курочка. Все три Люботы чудо как хороши.

Старушка тем временем речёт как реченька течет.

– А сам-то дед Филимон, слышь-ко, дюже непростой-то был. До-прежь того, как к нам прибился да нашей глиной-синикой занялся, люди глаголят, с царской-то каторги убег, а того ране богомазом слыл! Эко диво – и там и там доспеть! Вишь ты, руки-то у него были наособицу – и лик Божий писать, и промыслу нашему начало дать. Оттого, ты глянь-ко, – сколь много лет минуло, а свет-то от поделок наших по сю пору идет! Будто на солнышке сидишь и кто по головушке гладит. Даже каторга не возмогла того известь.

Вволю напивавшись от солнечных парочек душевным теплом, перевожу взгляд дальше по прилавку.

– А это что такое?

– Древо.

Я еще не видела таких сложных сюжетов среди архаически простых филимоновских игрушек. В центре действительно дерево, как ось, на которую нанизано все остальное. У основания ствола при-мостилась маленькая Любота, а на ветвях чего только нет! Птицы, звери, плоды, детские фигурки. Даже солнце! И тут до меня доходит: это же Древо Жизни! Любуюсь им, и столько сердечной радости разливается по телу! Словно чувствую благословение, идущее сквозь века.

Вспоминаю о предстоящей свадьбе. Вот что мне нужно для нового начала! Поставлю на место фикуса.

Поэзия

Валерий СУХОВ

Родился в 1959 году в селе Архангельском Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт им. В.Г. Белинского и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем литературы в университете.

Автор шести сборников стихов и монографии «Очерки о жизни и творчестве Анатолия Мариенгофа». Стихи и статьи публиковались в «Литературной газете», в журналах «Сура», «Нижний Новгород», «Подъём», «Современное есениноведение», «Простор», в альманахе «День поэзии – XXI век». Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, Международной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами», Всероссийской литературной премии имени Бориса Корнилова «На встречу дня!» Член Союза писателей России. Живёт в Пензе.

КРЫЛЬЕВ МАТЕРИНСКИХ ОБЕРЕГ

Под иконой

Красный угол. Тёмная икона.
Мама – деревенская мадонна.

Тихо колыбельную поёт.
За окном декабрь. Метель метёт.

И откуда в русское село
Ангелов-то столько занесло?..

Полусмыто старенькое фото.
Потому дороже отчего-то

Это ощущение Рождества.
Улыбнулись мамины уста...

«Дом атеизма»

Крест затмевает
Зори коммунизма.
В родном селе
Взорвали древний храм!
На радость глупым

Сельским пацанам.
Свидетелям
Такого катаклизма!

Село без церкви –
Древо без корней.
И как молиться
В «Доме атеизма»?
Рукоположен Богом
Дед Корней.
Крестить детей
Его веленьем призван.

Обряд крещения
Совершал тайком
В подвале,
Словно в катакомбах Рима.
Молитвенный
Был на отшибе дом.
И охранял его
Господь незримо.

Я там младенцем тайно
Был крещён.
В том мне призналась
Перед смерть бабка.
Быть может, буду
Потому прощён
Я на исходе жизни
Горько-сладкой.

В селе родном
Построен новый храм.
Разрушена
Обитель атеизма.

Но отчего ж
Бывает грустно нам?
Жаль, что не дожили
До коммунизма?!

Знать, трепыхается,
Ещё дыша,
Как птица феникс
Распускает перья,
Таинственная
Русская душа
На перекрёстке
Веры и безверья.

Дед и баба

Эта сказка живёт и во мне:
Дед и баба сидят на бревне.

В огороде желтеет сурепка.
– Что же делать? – задумались крепко.

Уж совсем старый дом обветшал –
Дождь в заросшем саду прошуршал.

Вижу я: наяву иль во сне?
Дед и баба сидят на бревне.

Пожелтело на стенке их фото...
Слышу: кто-то окликнул кого-то

На закате сгоревшего дня –
Может, прошлое ищет меня?..

Холм могильный

Мне опять живой приснилась мать.
Подошёл, хотел её обнять.

Но она растаяла во мгле.
И не стало мамы на земле...

Мама умерла в начале осени.
Пожелтев, берёзы листья сбросили...

Снег теперь хранит её покой
Долгою холодною зимой.

А весной ей птицы будут петь.
Летом – сосны на ветру шуметь.

На могилу осенью приду.
День в гостях у мамы проведу.

Молча по душам поговорим
До вечерней сумрачной зари.

И всплакнёт берёза надо мной,
Осыпая золотой листвой...

Холм могильный, фото и ограда.
А душа-голубушка – крылата!

От несчастий сохранит навек
Крыльев материнских оберег.

Сиротство

Пронзает осознание сиротства,
Когда застынешь над могильной ямой.
Среди берёзок на краю погоста
Отца похоронили рядом с мамой.

И, как листок берёзовый, кружится
Душа его над нами на ветру.
Дождь моросит с утра, и небо мглисто.
С трудом слова молитвы подберу.

Жил по-людски. Хоть и не верил в Бога,
А был по сути Божий человек...
На холм к родителям теперь одна дорога.
Накроет скоро их могилы снег.

Родимый край окину долгим взглядом.
Пронзительна берёзовая Русь...
Я на родном погосте лягу рядом
И навсегда на родину вернусь!

Рубаха

На двери висит рубаха
Без малого сорок дней.
И не могу без страха
Я прикоснуться к ней.

На память отец повесил
Перед тем, как уйти...
В окна врывается ветер –
Рубаха по дому летит.

Гнусавит осень-старуха
«Сорокоуст» на помин.
«Слава Отцу и Сыну
И Святому Духу...
Аминь».

Ложится рубаха на пол,
Тепло храня до конца.
Пота родного запах
Переживёт отца.

Родня

Срок настанет – и родня
Хоронить пойдёт меня.
На горе стоит погост.
Он крестами в небо врос.

Крепче нет его корней.
Мёртвые живых родней!
Тихо мать вздохнёт: «Сынок,
Снова ты под сердце лёг».

Дмитрий ЛАРИОНОВ

Родился в 1991 году в городе Кулебаки Нижегородской области. Окончил филологический факультет Нижегородского госуниверситета. Тележурналист.

Публиковался в журналах «Звезда», «Дружба народов», «Юность», «Нижний Новгород», «Кольцо А», «Плавучий мост» и других изданиях. Шорт-лист Волошинского конкурса (2017, 2019), участник совещания молодых писателей СП Москвы (2018). Финалист премии «Лицей» в номинации «Поэзия» (2020). Живет в Нижнем Новгороде.

НА РАССТОЯНИИ СЛЕЗЫ

* * *

<...> пока в Челябинске проездом,
давай зайдем в последний бар
/кленовый шум стоит в подъездах/,
а осень – выцветший ломбард,
где выползает струйкой дыма

твое молчание; сквозь хмель
я вспоминаю – берег Крыма –
и августовский Коктебель,
Нижне-Исетское, конечно.
И дивный мрамор под крестом

в моих глазах стирает вечность.
Слеза на облаке пустом
горит серебряным и Горьким.
И нелегко сказать: *«Плесни
уральским воздухом глубоким»*.

Все города в твоей горсти
мне будут яблоком неспелым
/пусть не кончается строка/.
И точно – черное на белом –
врастают в море облака.

Времена года

Окно опять выходит на закат;
а помнишь лето? Ласточки кричали
перед грозой. Я помню облака.
И варежек, промокших от печали,

вдыхаю запах. Некому сказать
/зрачок в зрачок/: ты непреодолима.
И всякий раз, когда спешит гроза,
апрель во мне – глоток смолы и дыма –
находит высь за сеткой альвеол.
<...> но яростный снег; я дальше не расслышал:

– Тебя Господь подрезал – и обвел
в слепой кружок, наверное. Так вышло.
Перед грозой запомнил облака
/бежал октябрь на кисточке печали/.
Я только рядом был. И не вникал,
что именно они обозначали.

* * *

<...> город снова под облаками
/листья падают/; пешеход
о тебе отпускает память –
это время наоборот.

Тлеет свет. И желта страница
в ненаписанном дневнике.
Он – внекомнатная синица
с синим крестиком на руке

/крестик выведен авторучкой/.
Жизнь похожа на облака
и длинна – как любовь на случай.
Так. Иначе – невелика.

<...> осень свяжется повиликой
/листья падают в эту брешь/,
а – окажешься за развилкой –
не закрашивай, но обрежь.

Поспеши. И прикрой затылок:
ветер. Попросту говоря,
если что-то и вправду было –
это крестик хранит тебя.

* * *

*«Тарковский в Горьком покупал борзых,
напился крепко и подрался, –
сказал знакомый; показав язык,
катнул слюну. – А я остался»*.
<...> мы разминулись в ясном октябре
/в случайном временном отрезке/.
Он был рыбак. Потом сыграл в пробел.
Теперь звезду снимает с лески
/речной пейзаж; гуденье стрекозы/,
звезда в руке его, вангую,

горит – на расстоянии слезы –
перетекающей в другую.
Едва глазком вобрав ночной мазут,
смолчат небесные моллюски
*/они на мышцах тоненьких сползут
под свекловичный солнца мускул/*:
на Стрелке выйду к зеркалу реки
в осенней куртке, белой майке,
слезу переведу – с твоей щеки –
а над водой летают чайки.

Портной цикад

Воздух солонен и зыбок в этом августе. Черна
для аквариумных рыбок меганомная волна.
Кипарисовые птицы снова точат – назубок –

ветряные небылицы. Пепел падает в песок:
есть всего одна затяжка */киммерийский вязок дым/*.
На тебе – моя рубашка; волоок горчичный Крым.

Месяц в облако заброшен, и незрим портной цикад –
обесцвеченный Волошин курит лучший самосад.
«Не аквариумный пепел, – говорит. – Воздушный плот.

Жизнь во свете /вы во свете/ – только звука оборот».
Босиком по Янышарам */он забыл про спазм крыла/*
за один огарок шара. Каждый луч – почти игла.

* * *

Гані Набіич – Гена Коций.
Он снова в зоне СВО
*/вбирает гарь, свинец и стронций
под небом Сватова/, его*

ты помнишь в солнечном Ташкенте,
а я и в мыслях не найду.
*«Они давно на первой ленте;
и стали лучшими в аду», –*

так говорит мне тот, кто в курсе,
кто видел жизнь – и смерть вдвойне.
– *Узбек, Узбек? На связи Русый.*
<...> на связи – значит – на войне.

Памяти Олега Макоши

Кому звонил? Володе, Жанне.
Светил онлайн, затем погас.
Заматерел в трагичном жанре
Покровки пагубной Пегас

*/не сквознячок от водки дикий –
по саже сердца; может, гул?/,
и неподвижны две гвоздики.
Играет время на иглу –*

теперь оно – в твоей рубашке,
оно и есть иная ткань
*/непостижим вороний кашель,
пчелой качание цветка*

недосягаемо/. <...> но в счастье
за кадром память не храним;
я ломтик сна – пустил на части.
Пусть перечеркивает дни

воскресный поезд на перроне.
Куплю шеллаковый альбом,
в котором август – или море –
оно не помнит ни о ком.

Полковник

Памяти Алексея «Полковника» Хрынова

Вдали от скорых электричек,
от моря синего вдали,
он гнал по зимней Кузнечихе
и песни Хрынова хвалил.
*«У нас была такая юность, –
обосновал. – Пойми, студент,
ну, чёрта мне? Я не рисуюсь.
Полковник? Умер в сентябре».*

/стучал мотор на старой «Волге»/
Я понимал, но сам молчал:
пока во свет до смерти вогнан –
не по тебе горит свеча.
*«А у Ильинской в “Паутине”, –
ответил он. – Последний раз
живым его с Поведским видел».*
Затем включил Tequilajazz,

и мы уехали в Щербинки.
<...> перемотал – десяток лет –
звучит мотив цыганской скрипки.
Мотив звучал. Разлуки хлеб
в решетке растровой хранится,
гудит потоком децибел:
ни селфи-снимка на Ильинской,
ни кружки пива на Скобе.

Андрей ПОПОВ

Родился в 1959 году в Воркуте. Окончил филологический факультет Сыктывкарского госуниверситета. Работал преподавателем русского языка и литературы, методистом Воркутинского Дворца творчества молодёжи.

Автор нескольких сборников стихотворений. Лауреат Южно-Уральской литературной премии, международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами», премии Н. Тряпкина «Неизбывный вертоград», Все-российской Арктической литературной премии имени В.С. Маслова. Стихи переводились на венгерский, болгарский, немецкий языки.

Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

КТО СТОИТ НАД МОЕЮ ДУШОЮ?..

* * *

Соседи мои – обычные добрые люди.
Мертвых не воскрешают. Не изгоняют бесов.
Не заливают водой.
Лишний раз не осудят.
Но никакого нет у них ко мне интереса.

А меня как-то называли известным поэтом –
И теперь я известен даже для википедий.
Узнал не без грусти. Какая же правда в этом,
Если со мною не здороваются соседи?!

Знать совсем не хотят. И мимо проходят просто.
Глядят сквозь меня, не видят, как вновь вопрошаю –
Узнаете? Сосед ваш! Как вы, среднего роста.
Не заливаю водой. Мертвых не воскрешаю.

* * *

Кто с утра выбивает мне двери?
Может, это ревнивый дурак?
Может, это не люди, а звери?
Кто долги не простит мне никак?

Не дает говорить с облаками,
Прерывает свободную речь.
Это чей из-за пазухи камень
Или чей из-за пояса меч

Дверь громит? Так не в силах соседи.
Может, тролли зырянской тайги?
Кто мешает небесной беседе?
Кто никак не простит мне долги?

Кто смущает мой чувственный трепет,
Что теряю от смыслов ключи?
Может, это Клааса так пепел,
Как патруль полицейский, стучит?

Кто стоит над моею душою
И не хочет простить мне вину?
Двери я осторожно открою,
И смотрю, как в беду, в тишину.

* * *

Наверно, это в северной природе
В любую стужу и в любую хмарь –
Как царь, подумать горько о народе,
Подумать о народе, словно царь.

Как трудно жить народу!
И не спится.
Как всех понять и от души обнять?
И в то же время расширять границы,
И низкую рождаемость поднять.

Простить врагов и потушить поджоги.
В короткий срок. К тому же вопреки
Тому, что две беды у нас: дороги
И дураки.

На Масленицу

Не громкого ради протеста,
А ради весёлого дня,
Решили, что чучела вместо
Пусть совесть сгорит от огня.

Занятное выдалось дело,
И площадь занятым нашла,
Что совесть почти догорела,
Почти догорела дотла.

* * *

Сырое утро. Мудрости излишек.
Идешь вдоль недостроенных домишек.

В душе твоей война и пандемия,
Будь ты пророком, как Иеремия,

О чем бы ты подумал в серой рани,
Смотря на утлые дворы и бани?

О чем заплакал бы, смутясь и мучась,
Увидев их трагическую участь?

А так все просто. Город твой спросонок
Мечтает о грядущем, как ребенок.

* * *

Свобода есть осознанная необходимость.
Бенедикт Спиноза

Опять зима, и ничего не светит,
Опять тоска острее, чем кинжал, —
Куда моя девалась добродетель,
Которую всю жизнь я умножал?!

Да не умножил. Вычел. Что за проза?!
Нескладно всё. Зато от долгих зим
Во мне саднит Спиноза, как заноза, —
Я снова продолжаю спорить с ним.

Где добродетель? Что за нетерпимость?
Тоска не спит. Дела и вера спят...
Какую осознать необходимость,
Чтоб стать свободным
От чужих цитат?

* * *

Всё повторяется — с ними и с нами:
Дышит душа, умирает листва,
Смотрит во время бездонное память
И разбирает черты и слова.

Всё еще просто: душа еще дышит,
Не исчезает в осеннем году.
Видимо, грусть предназначена свыше —
Может, написано нам на роду.

Может, погода, как время, бездонна,
Смотрит душа в неё, грустью жива,
Грустью светла,
Хоть тревожится, словно
Поздняя осень, ночная листва.

Проза

Евгений МАКАРОВ

Родился в 1956 году в Горьком. Окончил Горьковский политехнический институт (металлургический факультет), Всесоюзный юридический заочный институт. Работал на Горьковском автозаводе в литейном цехе, затем поступил на службу в МВД, где прошел путь от оперуполномоченного в колонии до начальника Управления по борьбе с организованной преступностью Нижегородской области. Полковник МВД в отставке. Участник боевых действий в Чечне, награжден орденом Мужества, правительственными и ведомственными наградами. Работает в ИПК «Роскадастр». Один из основателей спортивной школы самбо и дзюдо олимпийского резерва при Горьковском автозаводе.

Автор автобиографической книги «Про воров и оперов», выдержавшей уже три издания. Ведет популярный канал на YouTube.

Живет в Нижнем Новгороде.

ЛЕХА-ДУРДИЗЕЛЬ

Леха возвращался домой с работы. Ну вот, прошла ещё одна неделя, и я живой, здоровый, и это очень хорошо, подумал он. Завтра два дня отдыха, тоже отлично.

Многоэтажка, в которой у Лехи была квартира, уже виднелась, но он, на автомате, пошёл на проверочный круг. Всегда надо сперва убедиться, что за тобой нет хвоста, и не важно какого: конторского, ментовского или от братвы. Москва есть Москва. Это в его старинном провинциальном городе, где многие знают друг друга не по интернету, могут предупредить, подсказать, помочь. Здесь же как в джунглях — каждый сам за себя, постоянно находишься в напряге и неизвестно с какой стороны ждать неприятностей. Опять же специфика его профессии, а тем более определённая специализация, не располагает к безмятежности. За два года пребывания в Москве он убедился, что друзей здесь нет, есть случайные знакомые и временные попутчики. Надеяться приходится только на себя.

В свой подъезд он никогда не заходил через входную дверь, а шел в самый дальний, крайний подъезд, поднимался на последний этаж и через аварийный люк выбирался на крышу дома. Он уже давно подобрал ключ к замку, на который закрывался этот люк, поэтому проблем с выходом не было. Обзор двора сверху был великолепный. Можно было

несколько минут постоять и приглядеться – нет ли какой стремной движухи во дворе.

По крыше он прошёл к будке над аварийным люком в его подъезд. Сильно дёрнул дверцу за приваренную к ней металлическую рукоятку и створка открылась. Здесь с запором люка у него тоже была своя примочка. В цепочке, на которую закрывался люк, было вставлено колечко из алюминия, и при сильном рывке оно разгибалось, а после каждого захода Леха его восстанавливал, и все выглядело как будто здесь никто ничего не трогал. Этот способ «кривого» захода домой был отработан давно и сбоя ещё ни разу не давал. К тому же таким образом он мог сам проверить нет ли засады у его берлоги. Сегодня все было тихо, путь чист и свободен. Но все равно, подойдя к двери своей квартиры, он убедился, что «маячок» на ней не тронут – к нижней кромке двери бесцветным лаком для ногтей он клеил ворсинку, и если дверь открывал непрошенный гость, то ворсинка рвалась и сигнализировала об опасности.

Леха зашёл в квартиру, быстро разделся и сразу пошёл в душ. Он долго стоял под потоком прохладной воды, и почти физически ощущал, как с него смывается не только пот, но и вся грязь реальная и виртуальная, что пронизывает, витает в воздухе, в пыли, во всей этой гнилой атмосфере развлекательного центра, где он работал и был поставлен смотрящим от одной из бригад Москвы. Мысли в башке крутились разные, и проблем было под завязку, но все – завтра, думал Леха, сегодня тупо отосплюсь, завтра выходной, завтра и будем решать.

Переехав в Москву, Леха никак не мог привыкнуть к этой хотя и сытой, но в его понимании паскудной и негодяйской московской жизни. Конечно, и здесь она была разная, но вот у него именно такая, в которой нет никаких моральных и иных ценностей, кроме бабла, где вопрос, сколько это стоит, решает любые проблемы.

В криминальном мире, в котором и жил Леха, он давно был известен, имел определённый вес и авторитет. Погоняло Леха-Дурдизель знали многие, и реальных крутых дел разного плана за ним было уже немало. Разборок он не боялся, что не раз и доказывал на практике. А вот столичного гнусного беспредела опасаться приходилось, поэтому он и вёл образ жизни практически разведчика-нелегала. Ну да ладно, сейчас он уже на хате, а здесь у него уже давно приняты все меры безопасности и предосторожности. Все пути возможного неожиданного вторжения через дверь, лоджию и окна были надёжно укреплены и давали определённую фору по времени для принятия решения. Внезапно, не затратив минут десяти на вход в квартиру, проникнуть в нее было нереально даже спецназу. Варианты экстренного отхода были тщательно отработаны. Один из них был достаточно оригинален.

Помог случай.

Этажом ниже жил одинокий мужичок – тихий пьяница. Денег вечно нет, за квартирой не ухаживал, и вот однажды у него в ванной комнате прорвало трубу водоснабжения. Леха помог устранить аварию, а при ремонте попросил строителей спрятать трубы водоснабжения в деревянный шкаф от пола до потолка, якобы как декоративный и одновременно как для хранения разных там сантехнических принадлежностей, как многие и делают. Потом он в соседском потолке пробил дыру, закрыл её металлической задвижкой, замаскированной под кафельную плитку. А соседу он доходчиво объяснил, что с ним может случиться, если он про эту дыру кому-нибудь надумает рассказать. Ну, правда, и

денежек за молчание тоже дал. Так что теперь Леха мог легко из своей квартиры уйти через комнату соседа. К тому же был предусмотрен вариант экстренного отхода и через лоджию того же мужичка, с помощью подвесного снаряжения.

Приняв душ, Леха решил немного расслабиться и поспать. А завтра по плану спортзал и встреча с новой подружкой. Леха знал всего три способа расслабления: алкоголь, спорт, секс. Алкоголь – быстродействующий и малозатратный, а вот спорт и секс требуют и времени, и денег, да и более уязвимы в смысле безопасности. Выпивал Леха всегда умеренно, знал, что в любое время должен быть в форме и не терять контроль над ситуацией. Впрочем, иногда он мог позволить себе и большие дозы спиртного, но это случалось только в родном городе, у проверенных друзей, которых у него почти не осталось. Здесь же всегда надо быть настороже.

Вот и сейчас, выйдя из душа, растерев тело мягким махровым полотенцем и надев чистое домашнее белье, Леха все-таки проверил сторожки объективного контроля: три скрытые, закамуфлированные видеокамеры выдавали на телефон картинки со входа в квартиру, в подъезд, а с окна лоджии и на панораму двора. Все было тихо.

Убедившись, что нет повода для беспокойства, Леха прошёл в зал, взял со стола хрустальный бокал с толстым дном, протёр его салфеткой, посмотрел на свет, нет ли соринки на стенках бокала, что могут испортить вкус напитка, так считал Леха, и наполнил его наполовину дымным виски Talisker. Сыр пармезан и нарезка холодной баранины всегда были в холодильнике. Пил не торопясь, втягивая. Есть особо не хотелось, а вот пармезан был хорош. В голове приятно зашумело. Леха постепенно допил вискарь и впал в приятную полудрему. Какие-то ленивые мысли потянулись в голове, а одна задержалась с вопросом: «Леха! Как же ты дошёл до жизни такой? Ведь все должно было быть иначе. Ведь совсем не об этом ты когда-то мечтал».

Воспоминания нахлынули сами собой, правда, какими-то обрывками...

Родился Леха в обычной советской семье, в одном из рабочих посёлков провинциального, но большого города, одного из областных центров России. Мать – учительница, отец – рядовой инженер на оборонном заводе. Обычный пацанский двор, обычная школа, обычная мальчишеская жизнь. По тем временам и игры были у всех стандартные: зимой хоккей, коньки, лыжи, летом – футбол, речка, турник. Конечно, как все, играли в войнушку – луки, стрелы, мечи, самопалы... В зависимости от того, когда и какой фильм посмотрели в местном кинотеатре – «Спартак», или «Лимонадный Джо», или «Шайка бритоголовых». Но все-таки спорт стоял на первом месте. Надо было готовить себя к службе в армии, а в те времена это было почётно и почти обязательно, даже девочки на не служивших в армии смотрели как на дефективных. Да и вообще у пацанов тогда линия жизни была прочерчена просто: школа – армия – работа – семья. Были, конечно, и сбои, как правило по криминальной линии, блатная романтика в посёлке тоже имела место, отсидевших на зоне было немало. Имелся и ещё серьёзный повод заниматься спортом – накачать бицуху, чтобы уметь постоять за себя, да и понравиться девочкам, а их ведь тоже надо было уметь защитить. Опять же тогдашняя система воспитания не оставляла пацанов без внимания. Каждый год в школу приходили тренеры и набирали ребят для занятий в различных

спортивных секциях. Лёха тоже попробовал несколько видов спорта, но остановился на боксе; этот вид спорта у пацанов всегда в почёте и в дворовой жизни весьма полезен. К шестнадцати годам Лёха выполнил норматив первого спортивного разряда. Стал одним из лидеров своего двора, да чего там двора – посёлка. Физически стал выглядеть очень солидно, и удар с обеих рук у него был поставлен чётко, нокаутером стал, как сейчас говорят – панчером. Во дворе получил прозвище Лёха-Дурдизель, поскольку никого он не боялся, а силищ у него стало немерено, как у трактора, смехом говорили между собой дворовые мальчишки. В общем, к шестнадцати годам Лёха стал авторитетным пацаном: за свои слова и поступки отвечал, пацанских понятий не нарушал, в трюсах не был, в драках никогда не пасовал, был всегда в первых рядах во всех конфликтных ситуациях. А еще через год Лёха совсем заматерел. Стал кандидатом в мастера спорта, физически развитым да и просто симпатичным парнем. На посёлке многие его знали, правда, с блатными Лёха тогда особо не общался. Считал их трусоватыми и гниловатыми.

Время шло, и пора было как-то определяться. Учился Лёша не ахти как, на завод идти работать желания особого не было. Вот и решил Лёха сначала пойти послужить в армию, а уж потом определиться по жизни. Тогда в почёте у ребят были десантные войска и спецназ. Вот туда и попросил Алексей в военкомате. Ему не отказали и направили служить в разведроту десантных войск. Многому там Лёха научился, да и жизненного опыта поднабрался, дослужился до заместителя командира взвода разведки. Получил звание старшины.

И вот он, дембель. Весна, радужные планы. Сам он здоровенный, возмужавший, много чего понимающий и по жизни, и по службе мужчина в полном расцвете жизни. А тут опять обычный рабочий посёлок. Из пацанов, дворовых друзей, кто на заводе слесарит, кто в зоне сидит, а кто тихо спивается. Девчонки подружки замуж повыскакивали. В общем, тоскливо как-то Лёхе стало. Ну, на всякий случай сходил на завод, в отдел кадров. Нарисовали ему там такую перспективу: берём слесарем третьего разряда, с зарплатой 150 рублей в месяц, а там – как себя покажешь. В общем, безнадега какая-то. Решил тогда Лёха продолжить службу в спецназе, стать офицером. В милицию не пошёл, приводы были в детскую комнату, правда, по мелочам. Решил идти в КГБ. А тут как раз и афганские события начались. Попрошусь туда, подумал Лёха.

Сходил в приёмную этого заведения. Приняли. Вежливо поговорили, сказали: ждите вызова. Ждал два месяца. Не вызывают. Снова пошёл в приёмную. Объяснили – не подходишь, плохо себя вёл до армии, приводы в милицию напомнили. Лёха в ответ: так это, мол, когда было-то, по малолетке, по глупости, теперь я другой, готов выполнять любые задачи на благо Родины, себя не жалея. Отказали.

Вот тогда Лёха и задумался. Как же так, я старался жить по-честному, верил тому, что говорят по телевизору и пишут в газетах. Долг Родине отдал как положено. А мне самому-то всего лишь положено слесарить за сто пятьдесят рублей в месяц? Где же справедливость? Это положение дел его не устраивало. К тому времени Лёха уже много чего повидал, и как живут чиновники-приспособленцы, хапуги, барыги, фарцовщики и прочая плесень, тоже знал. Пользы государству от них никакой, а бабок в карманах у них немерено. Вот тут и вспомнились Лёхе герои фильмов «Берегись автомобиля», «Золотой телёнок», «Робин Гуд». И решил он сам эту справедливость восстанавливать. Учили же в школе: экспроприировать у экспроприаторов не грех.

Стал Лёха регулярно ходить на местную толкучку-барахолку, смотреть, кто и на чем деньгу зашибает. И решил он начать восстанавливать справедливость с экспроприации спекулянтов джинсами. 200 рублей за одни такие штаны заламывают, а это почти две месячные зарплаты учителя по тем временам. Тут игодились Лёхе навыки, полученные в разведке. Выследил он регулярный маршрут движения одного средней руки барыги. Убедился, что идёт он, затаренный очередной партией джинсов. В укромном месте подкараулил и вырубил его с одного удара. Трофеи оказались достойные: пять штук штанов Levi's Strauss и денег 500 рублей. Реализовал Лёха товар быстро. Раз в месяц он эти свои экспроприации стал осуществлять. Появились денежки. Жизнь стала налаживаться. Но одному все это делать было трудновато, и привлёк он к этому процессу двух своих дворовых корешей. Дело пошло веселее. Да к тому же почти безопасно, потому что заявления о грабежах от таких фарцовщиков были маловероятны, так считал Лёха.

Состав группы «экспроприаторов» увеличивался по мере роста удачных нападений. Контингент спекулянтов тоже рос, проблем с дефицитом шмоток и продуктов хватало. Под грабежи и разбой стала попадать и прочая фарца, не только джинсовая. А у ребят из Лехиной группы росла убежденность в справедливости своей деятельности. В общем, дело пошло по накатанным рельсам, стало основным источником доходов ребят, все были довольны такой житухой.

Одного не учли пацаны, далеко не профессиональные преступники, что у многих из этих спекулянтов были свои покровители в системе МВД, особенно в тогдашнем подразделении БХСС (борьбы с хищениями социалистической собственности). Соответственно, эти же барыги являлись тайными осведомителями милиции и беззастенчиво стукали на своих собратьев по бизнесу, освобождаясь от конкурентов. К сотрудникам МВД стала поступать оперативная информация о работе дерзкой группы разбойников. А Лёха с парнями как-то незаметно потеряли страх и осторожность. Действовали нагло и без особой оглядки, получив очередную наводку на очередного барыгу. А потом сменили и места и тактику нападений. Думали примерно так: чего ходить по рынкам, барахолкам, ждать часами клиента на улице, рисовать свои морды понапрасну. Ведь все равно основные-то, матерые коммерсы деньги и ценности хранят у себя дома или на дачах и в притонах своих. Вот Лехина бригада и перешла с уличных грабежей на квартирные разбои. Причём особенно не заморачивались на смену территории своих преступлений. Работали в своём и близлежащем районе города.

Результат не заставил себя ждать. На очередном таком разбое их и взяли с поличным: наводчик оказался стукачом. Была засада, повязали всех прямо на выходе из квартиры. Арест, суд, приговор. Лёха пошёл за «паровоза», организатора преступной группы, и получил 12 лет усиленного режима.

И вот там, в СИЗО, началась совершенно другая жизнь. Здесь надо было просто выживать, терпеть и преодолевать все невзгоды тюремной жизни, проявлять характер, силу воли, уметь постоять за себя и при этом не потерять чести и достоинства.

Лёха на всю жизнь запомнил свой первый заход в «хату». В камере находилось восемь человек разных возрастов, совершивших примерно такие же преступления, как и он: кражи, грабежи, разбои. Сразу стали задавать вопросы: кто такой, откуда родом, за что взяли, кого знаешь

из блатных. Леха отвечал, особо не вдаваясь в подробности. Через некоторое время принесли обед – баланду, кашу и хлеб, порезанный на кусочки. Куски хлеба порезаны неровно, были и толстые, и тонкие. Тут Лехе пригодилась армейская школа. Он взял самый тоненький кусочек (знал, что это проверка на гнилость и жадность: возьмёшь толстый кусок хлеба, значит, не можешь контролировать себя, свое чувство голода. Желудок на голову надевать нельзя). К баланде вообще не притронулся, поскольку своей ложки у него в тот момент не было. И это его поведение вызвало одобрение у здешних обитателей.

А через некоторое время у Лехи случился конфликт с одним из сокамерников, вором-рецидивистом. Тот стал расписывать Лехе блатные зоновские понятия, типа как правильно себя вести в тюрьме и на зоне. Но Алексей сразу остановил его и сказал, что все эти понятия ему по барабану и живёт и будет жить он по чисто человеческим понятиям. Дело дошло до драки, из которой Лёша вышел победителем, и в результате его перевели в другую камеру. Неизвестно, чем бы все это закончилось, но вскоре с воли пришла малява, в которой сообщалось, что Леха хоть и не блатной, но парень по жизни правильный и известный в криминальных кругах. Так на все время следствия Леха в той камере и остался. Старался помочь, чем мог, тому, кто нуждался в этом, тем самым заслужил уважение сокамерников.

А дальше приговор и этапом – в колонию усиленного режима. Здесь опять своя специфическая жизнь, свои лагерные законы. И опять нужно утверждаться, за себя постоять. А это ох как непросто и морально, и физически.

Здесь у Лехи с блатными уже серьёзный конфликт произошёл.

Ему сразу попытались в воровском формате объяснить, что хоть он и «здоров пятаки ломать», но по воровским понятиям он «автоматчик», поскольку служил в армии, поэтому место свое должен знать, советы блатных слушать, а их команды выполнять беспрекословно. Иначе может влёткую загубить свою молодую жизнь. Но Леха и здесь не сдался, да ещё помогли друзья дворовые и бывшие спортсмены, с кем когда-то вместе боксом занимался и которые теперь так же срок мотали в этой же зоне. Они сразу признали в нем лидера, и образовалась дерзкая группировка из пяти бойцов. Когда происходили стычки с «пехотинцами» от блатных, доходившие до рукопашной, эти ребята укладывали их в ряды, как шпалы на рельсах. Много чего пришлось пережить Лехе за долгие года пребывания в колонии. И в БУРе пришлось посидеть не раз, и убить его пытались неоднократно.

Особенно запомнился Лехе самый первый случай ночного покушения на него. Спал он тогда очень чутко, прислушиваясь к каждому постороннему шороху. И вот после очередной стычки с блатными он понял, что скоро должно что-то серьёзное произойти, поскольку те обещали его примерно наказать. Леха, как всегда во время очередного напрыга, старался урывками спать днем, благо работа позволяла, а ночью бодрствовать. И однажды ночью он почувствовал, что кто-то крадется в проход к его кровати. Леха притвориться крепко спящим и мирно посапывал. Киллер подошёл к кровати, на которой спал Алексей. В руках он держал массивный дубовый табурет. И как только этот утырок замахнулся табуретом для удара по голове, Леха схватил его за причинное место и резко вывернул его наизнанку. «Говори, сука, кто прислал». Убийца взвыл от боли, но постепенно весь расклад по сообщникам выложил. Этот инцидент без ответа, конечно, не остался, что

дало блатным повод задуматься и понять, что Леху лучше не трогать, себе дороже выйдет. Таким вот образом Леха постепенно приобретал авторитет среди зоновской братвы. А вскоре и колонийское начальство уразумело, что Леху лучше приобщить к мирной зоновской жизни, чем иметь в его лице серьёзного врага, и назначило его сначала бригадиром производственной бригады, а затем поставило заведовать зоновской столовой, поскольку было уверено, что Леха с колонийского стола и сам крошки не возьмёт, и другим не позволит. С тех пор у Лехи и его немногочисленного окружения зоновская жизнь пошла в более-менее нормальном предсказуемом ритме.

Но вот подошёл срок освобождения. Встал вопрос: куда идти и чем заняться на свободе? За эти 12 лет, что тянул зоновскую лямку, такого в стране наворочили – ай да ну! 90-е были в самом разгаре. Друганы, которые освободились раньше, подались в Москву, криминальную жизнь не бросили, работали кто с люберецкими, кто с солнцевскими братками. Пацанов с поселкового двора практически и в живых-то никого не осталось: кто в бандитских разборках погиб, кто от наркотиков да водки сгинул.

Побыл Леха недолго в родном городе, но деньги кончились, перспектив по жизни никаких, и поехал он к своим друзьям в Москву. Там его, конечно, приняли, такие фактурные авторитетные бойцы спросом пользовались, и через некоторое время Леха полностью включился в бандитскую московскую жизнь. И почти сразу он понял: для того чтобы выжить в этой жизни даже чисто физически, надо задавить все свои положительные человеческие качества. Понял, что в этой среде действуют совершенно другие законы, циничные и жестокие, как в закрытом курятнике – «кляй ближнего, гадь на нижнего», выживает и прав будет тот, кто сильнее и наглей. Много чего пришлось пережить Лехе в этой московской беспредельной жизни. И в разборках, переходящих в перестрелки, он участвовал, и деньги мешками, и наркоту сумками он перевозил, и заказы по устранению неугодных пришлось исполнять... В общем, как говорили на зоне, хапнул он беспредела по полному. А со временем и устройство московской криминальной структуры понял и осознал, что в этой вертикальной, грамотно и продуманно выстроенной криминальной пирамиде он находится на одной из низших ступеней – обычный высококвалифицированный пехотинец-наемник для особых поручений. А вся структура выстроена так, чтобы до верхушки в экстремальных, неконтролируемых ситуациях добраться реально было невозможно – не до серьёзных воров в законе и криминальных авторитетов, которых иногда специально выпячивали напоказ и под раздачу, а до настоящих вышестоящих и высокосидящих руководителей этого преступного сообщества. И понял Леха, что нет здесь никаких Робин Гудов, что в конечном счете вся битва идёт не за какие-либо идеи, не за благие цели, а за бабло любой ценой. И в этой битве уже полегли все его друзья, а настоящие кукловоды под пули редко попадают. А еще Леха уразумел, что просто так уже ему из этой жизни не выйти, вспомнил и зоновские «понятия вход в банду рубль, выход два». Да и грехов у него накопилось столько, что не отмолишь. А с другой стороны – жить материально он стал ох как хорошо, ни в чём себе не отказывал, да, впрочем, и вариантов-то возвращения к мирной жизни он не видел никаких, не к станку же теперь вставать.

Леха знал, что век таких, как он, криминальных авторитетных бойцов хоть и элитной, но все-таки пехоты недолог, а за последнее время

обнаружил все признаки того, что ситуация вокруг него становится напряжённой и угрожающей. Совсем недавно произошёл серьёзный конфликт между авторитетными криминальными личностями, в котором Леха принимал активное участие. Деньги на кону стояли немалые, а пострадавшая сторона очень крутой оказалась, и без последствий она проигрыш никогда не оставляла. Так что пришлось Лёхе в последнее время перейти почти на нелегальный образ жизни...

Вот такие мысли роились в Лехиной голове. Ну да ладно, подумал он. Утро вечера мудренее. Вроде завтра день ничего плохого не обещает. Никаких особо угрожающих обстоятельств он не заметил, хотя и по своим, и по чужим каналам ситуацию на данный момент пробивал. Леха налил в бокал ещё немного вискаря, выпил и спокойно заснул.

Утром проснулся, как обычно, в девять часов. Душ, короткая разминка, лёгкий завтрак и в спортзал. Машину Леха у дома никогда не ставил. Парковался бессистемно, в разных местах, но не более чем в километре от дома. Хорошо позанимавшись в фитнес-клубе, перекусил в кафешке и потом по разным мелочам мотался по городу, заодно проверил, не ли за ним слежки. Вроде ничего подозрительного не заметил. К пятнадцати часам подъехал к станции метро забрать свою новую подружку.

Эта девчонка очень понравилась ему, запала в душу. Казалось, она была не такая, как все его предыдущие. Она не была москвичкой, не была испорчена этой столичной циничной жизнью. Из провинции, из сельской интеллигентной семьи, по-деревенски наивная и к тому же очень хороша собой. Вот Леха и подумал, что, может быть, это и есть его спасательный круг, за который надо уцепиться, который поможет ему выбраться из этой зловонной трясины. А вдруг это подарок судьбы, вдруг действительно чудеса случаются и с ним чудо произойдёт? Может, действительно сорваться в эту деревенскую глушь, где его никто не знает, действительно начать новую жизнь, ведь руки-ноги есть, голова работает. И Леха делал все, чтобы Оля, так звали девушку, не догадывалась, чем он занимается на самом деле. Ей он говорил, что работает в серьёзной государственной корпорации в сфере авиастроения. Леха так хотел произвести благоприятное впечатление на Ольгу, что совершенно забыл о собственной безопасности.

Группа прибыла на место. Время на проведение операции было ограничено, но был известен адрес, где проживал Леха, машина, на которой он передвигался, и сама его личность по фотографиям и описанию внешности. После рекогносцировки места проживания Лехи решили убрать его при входе в квартиру. Чтобы не рисоваться раньше времени в подъезде, стрелки должны были неопытно находиться во дворе, а получив сигнал от группы наблюдения, быстро занять позицию на лестничной площадке у Лехиной квартиры.

Он увидел её издали у станции метро и с шиком подкатил прямо к ней, нарушая все правила дорожного движения. Сегодня, да, впрочем, как и всегда, Оля выглядела просто великолепно. Леха буквально балдел от её лица, фигуры, причёски. Эмоции переполняли его и лишали возможности мыслить прагматично. Отсюда, как зачастую и бывает в таких случаях, потянулась цепь ошибок, которые совершают мужчины, очарованные женщинами. Леха усадил Ольгу в свою бэжу-кабриолет и кратчайшим путем поехал домой.

Группа наблюдения убедилась, что объект следует в адрес. Стрелкам поступила команда занять позицию у квартиры и завершить операцию.

Леха поставил машину на стоянку прямо у своего дома. Этого он никогда не позволял себе раньше. Цепь ошибок продолжалась. Мозги бывшего спецназовца и криминального авторитета просто вышли из рабочего состояния. Леха не пошёл с Олей в квартиру через чужой подъезд – ну как он смог бы ей объяснить такой странный маневр? – а сразу зашёл в свой. Внизу на площадке никого не было. Зашли в лифт. И вот опять – Лёха не стал подниматься этажом выше или ниже своего, а нажал сразу кнопку своего этажа.

И тут мозги Лехи-Дурдизеля включились. Он вдруг осознал, что уже совершил и совершает ошибки по обеспечению своей, а теперь и Олиной безопасности и надо все-таки принять какие-то меры предосторожности. Леха нащупал рукоятку пистолета ТТ у себя сзади за поясом и снял его с предохранителя. Патрон он всегда загонял в патронник заранее. Сказав Оле, что у него развязался шнурок на ботинке, он присел на корточки, якобы его завязать, а девушку попросил встать боком к створкам лифта, чтобы не мешала ему это сделать. На самом деле опасался за неё – стоя боком, можно уменьшить площадь поражения. Лифт поднимался быстро, но палец Лехи уже лежал на спусковом крючке ствола. Леха сконцентрировался и приготовился к возможному нападению.

Лифт остановился, двери его раскрылись. Их было двое, в темной одежде и чёрных масках с прорезями для глаз. Как только двери разошлись полностью, они начали стрелять из двух стволов. Целились на уровне груди, как приготовились заранее, и не ожидали, что Леха сидит внизу. А Леха мгновенно выхватил пистолет из-за пояса и ответными выстрелами уложил одного из нападавших. Но второй киллер быстро сориентировался и перевёл линию огня вниз на присевшего Леху. Несколько пуль в Леху попало, но он смог вскочить и нажать кнопку первого этажа. Двери закрылись, лифт поехал вниз. Сознание покидало Леху, но он успел ещё убедиться, что Ольга не пострадала, и сказать ей: «Не бойся, все будет хорошо». И ещё он успел подумать, что надо будет встретить киллера внизу, ведь тот должен обязательно вернуться, чтобы сделать контрольный выстрел, поэтому надо его опередить. Но кровь из ран текла ручейками, и Леха потерял сознание.

До Склифа Лёху все-таки довезли и даже начали делать операцию. Но пять пуль попало в него, одна из них разорвала печень, и кровопотеря оказалась фатальной. Леха умер на операционном столе, не приходя в сознание, и того уже не мог знать, что киллер и не собирался его добивать, а, наоборот, дострелил своего раненого напарника и ушёл так же через крышу и крайний подъезд.

Хоронили Алексея в его родном городе. Народу на похоронах было немного. Но место на кладбище отвели достойное, там же, где лежали его друзья, ушедшие из этой жизни раньше.

Оля осталась невредимой в этой перестрелке. Она тут же уехала из Москвы домой. Вскоре у неё родился сын, и назвала она его Лешей. Но это уже другая история.

Геннадий ЁМКИН

Родился в 1961 году в Сарове Горьковской области. Окончил Лукояновское физкультурное педагогическое училище и Арзамасский педагогический институт. Воевал в Афганистане. Преподавал в школе, работал инструктором по спорту, лаборантом, техником, инженером, кочегаром, дворником, таксистом, плиточником. Был частным предпринимателем.

Автор поэтических сборников, публикаций во многих изданиях России, а также Казахстана, Болгарии, Беларуси, Германии. Лауреат премий журнала «Русское эхо», Нижегородской писательской организации за лучшую поэтическую книгу 2014 года.

Член Союза писателей России. Живёт в Сарове.

ИСТОЧНИК

Повесть

Отрешась от буден, возвращаюсь сегодня памятью к той, одной из множества пройденных мною дорог, что уводила мальчугана в ночной непроглядный лес с колючими звёздами в кронах сосен над нею, чтобы пройти по ней опять и опять...

Для нынешних мальчишек моё далёкое пацанское счастье, скорее всего, будет выглядеть диковато-пугающим. Но одноклассники-то знают, оно было совершенно обычным для тысяч и тысяч таких же, как я, обитателей городских дворов Сарова (в ту бытность ещё Арзамаса-16), застроенных хрущёвками, его окраин с частным сектором и пригородными посёлками из щитовых домов, загадочно называвшимися «финскими».

Счастье наше было вполне себе обычным: хулиганистым, со всеми его луками, рогатулями, самострелами, поджигами, чикалками, бомбочками из спичечной серы и алюминиевой пудры, ножичками и прочей крайней необходимостью. Но почти всё то, без чего мы не представляли себе жизни, учителями осуждалось категорически. Например, замеченный как-то у меня обычный перочинный ножик, которым я на одном из уроков всего-то разрезал на парте расплюснутую свинцовую пластину на небольшие ленточки (от которых на рыбалке легко было откусить или тем же ножом отрезать нужный вес грузила для поплавка), был конфискован у меня учительницей и вместе со мной доставлен к завучу. Или, опять же, бритвенное лезвие, которым, казалось тайком, вдохновенно, навечно вырезалась на обратной стороне откидывающейся крышки массивной, старого образца ещё, деревянной парты некая сакральная запись, объявлялось вне закона. И снова я под хихиканье дружков, сопровождающееся ехидны-

ми комментариями типа «Попался, писатель!» следовал известным маршрутом.

То, что мне самому приходилось посещать не только учительскую и кабинет завуча, но и директорский кабинет, это ещё ничего. Но вот ожидаемый после моих походов визит в школу родителей, просьба о котором, помимо устного приглашения, озвученного мне, закреплённая и размашистой пожарной красной записью в дневник, изрядно портила мне настроение. Запись в дневнике, не то что оценку в клеточке, нельзя было, аккуратно подчистив ластиком или срезав тем же лезвием, исправить на приличную. Скрыть её можно было, удалив из дневника два листа: тот, на котором она красовалась, и его парный, аккуратно разогнув скрепки, а потом в нужной последовательности опять вставить все листы и загнуть скрепки обратно. Можно было, конечно, и просто вырвать его, вынув парный лист и иголочкой достать из-под скрепок оставшиеся от него ворсистые кусочки. Если эта процедура выполнялась не однажды, то дневник подозрительно худел, и в этом случае приходилось его «терять»... О «потере дневника» с сожалением, с неподдельным раскаянием, но и с опаской сообщалось родителям (потеря дневника всегда производилась сжиганием).

Но, как не раз я убеждался, и тот и другой варианты сразу или со временем разоблачались. Или из-за того, что мама, работая в архиве на одном из секретных заводов, относилась к проверке дневника с нежелательным для меня вниманием, или из-за присущей некоторым учителям особенной вредной настойчивости – интересоваться судьбой своих записей в дневниках некоторых учеников. В любом случае после посещения родителями школы отцовское порицание как воспитательный процесс было неизбежным...

Ожидание родителей в день посещения ими школы решительно нарушало всё в моей жизни! Я ни в коем случае не мог, как говорила мама, «шлындать» на улице с теми дружками, «которые только до милиции и колонии довести могут!», а должен был с другими, по мнению мамы, «хорошими ребятами» играть во дворе. На это время у меня даже к чтению интереснейшей книги про индейцев или про пиратов, очередь на которую в школьной библиотеке исчислялась неделями, интерес пропадал. О том, чтобы выполнять домашние задания, я уж и не говорю, тем более что эта необходимость и так была для меня всегда на последнем месте. Вот и приходилось, глядя в окно в ожидании родителей, только «ждать и думать». Батя так и говорил, уходя: «Мы сейчас в школу. А ты жди и думай!»

Думать и вздыхать от этих дум приходилось, с завистью глядя на то, как пацаны гоняют в коробке шайбу или жёлтый теннисный мячик вместо неё. Кто с настоящими клюшками, а кто и с самодельными, что получались из стволов, очищенных от веток выброшенных новогодних ёлок. Вершинки стволов мы выгибали, получившийся загиб переплетали шпагатом или бельевой верёвкой, и получался плетёный полукруглый крюк, что-то вроде вратарской ловушки, шайба в которой держалась так, что поди отними! Преимущества самоделки были неоспоримы, их можно было сделать сколько угодно, не жалеть при игре и не приставать к родителям с очередной просьбой – купить новую клюшку вместо сломанной.

Если же дело было не в зиму, то оставалось только завидовать пацанам, разбивающим прямо у меня под окошком «двенадцать палочек», азартно набивающим и отбивающим «чижа», гоняющим в лапту. Или

всей душою быть в той же хоккейной коробке, из которой на весь двор неслись требующие справедливости вопли расхристанных, жарких в азарте своём, со ссадинами на локтях и коленях, футболистов: «Подкат сзади не по правилам!», «Да он из вне игры забил! Нешитово!»

Осознание того, что счастье проходит стороной, в такие минуты было невыносимым...

Помню, что душевное состояние, в котором я пребывал, ожидая скорое уже разрешение школьно-домашней трагедии, обостряло все мои чувства настолько, что остротой обоняния, слуха да, наверное, и прочих чувств, я превзошёл бы известных науке и зверей, и птиц. Например, я и обычно-то мог легко учуять, когда Сергей, старший брат, задолго ещё до меня приходящий с улицы, гуляя, курил. Но, находясь в тревожном состоянии, сквозь все двери и этажи, меж резких запахов в подъезде – сваренного кем-то из соседей борща, выпечки, не говоря уже о картошке, пожаренной с луком на сале, – я мог распознать и едва уловимый запах сырых очисток той самой картошки! Или, с тоской наблюдая в окно, с его протыканными ватой на зиму щелями, с закрытой форточкой, как пацаны гоняют на залитом нами же льду в дальнем конце двора коробки, слышать, что брошенная шайба попадает не то что в штангу, но и в сетку ворот. Сетка, правда, для долговечности была металлической – рабица, да и каркас сделанных в ЖЭКе ворот был нестандартным. Я мог даже прочесть у Цепова Санька на черенке его клюшки название, пропечатанное красными буквами внаклон, – «Авангард» и заметить, что на загнутом её крюке от постоянного ширканья об лёд размахрилась и уже начала отклеиваться обмотка из чёрной изолянт, и решить для себя, что я на его месте лучше бы не щёлкал по шайбе, а с кистей бросал – при щелчке было слышно: клюшка у него уже с трещиной.

Так вот, тревожные ожидания родителей из школы, видимо, не просто обостряли чувства, а так перемешивали и настраивали их, что только по тому, как ведёт себя ключ в открываемом замке, даже ещё по шагам в коридоре, я мог предположить, какой тяжести отцовское порицание меня ждёт. Но в любом случае готовым надо было быть ко всему: и к воздыханиям, говорящим о моём искреннем раскаянии, с обязательно следующим за ним всамделишным «Я больше не буду!», и к тревожной слежке за тем, не появилось ли у батиних рук желания растянуть ремень и, сжав блестящую, жёлтую пряжку в кулаке, вытянуть его из брюк.

Почти вот так же мы с пацанами из норы или из травы, да откуда придётся, вытягивали ужа. Только движения при их ловле были стремительнее – ужа нужно было рукой быстро прижать к земле и лучше ближе к голове, желательно, там, где у него жёлтые полосы, чтобы он, извернувшись, не укусил тебя (правда, ужи, кроме самых больших, кушали редко) и не выскользнул, а затем уже другой рукой сжать его, черного, холодного, извивающегося сразу же за головой, там, где у него эти самые жёлтые или оранжевые полосы. Можно было прижать его к земле и веткой-рогатинкой (я видел в передаче «В мире животных», что именно так делают охотники за змеями), но мы же не специально за ужами охотились, а так, старались поймать при случае.

Вообще поймать ужа – было удачей. Выпустить его незаметно в классе и, подбадривая девчоночий переполох воплями: «Змея! Змея!», почти гарантировало если не срыв урока, то сокращение его наполовину точно! Поимка ужа, ускользающего от нас под азартные крики

между партами, – это вам не просто ловля тайком выпущенных из спичечных коробков и гудящих под потолком или бьющихся в оконные стёкла майских жуков! Это уже серьёзное предприятие! И длилось оно не две-три минуты.

После того как учинителями же этого мероприятия героически изловленный уж помещался в принесённую из столовой стеклянную банку и победно демонстрировался всему классу, пiski и причитания девчонок сменялись на возмущённое: «Дураки глупые! Ну вы совсем уже! Мы вот скажем, кто это сделал! Я видела, видела!» Но на вопрос учительницы: «Кто?», уже после того как ужа сворачивался на дне банки и всё немного успокаивалось, незаметно для учительницы, гневно глянув на одного из виновников переполоха, Ленка Крюкова шипела мне:

– Вот попросишь примерчик решить!

И девчонки вразной утверждали: «Я видела, он из того угла приполз!», «Да нет же, он из-под двери выполз!»

Возбуждение спадало, становление порядка в классе возлагалось на старосту Юлю Кистанову, а те, кто героически ловил «это безобразие», небольшой делегацией во главе с «имеющей подозрения учительницей» несколько понуро и с плохо уже скрываемой обречённостью во взглядах вместо только что имевшей место быть буйной радости отправлялись к директору школы Виктору Петровичу...

Несмотря на все мои «предполагаемости», начало воспитательного процесса вернувшимися родителями всё же требовало от меня самого пристального внимания. Не знаю как, но, словно на рыбалке, глядя на сгустившиеся тучи, я определял: ливанёт из них так, что соберай манатки и беги укрываться куда придётся, или брызнет – чуть, так, не в счёт, я мог определить почти наверняка тяжесть ждущего меня наказания.

И отцовский ремень в такие ответственные минуты представлялся мне именно змеей. Если батя был в брюках, которые носил без ремня, и в поисках его обращал свой взгляд на вешалку, где тот обычно висел, то дело шло к тому, что вздохнуть мне нужно было проникновеннее, слышнее, а каждый из последующих вздохов должен быть продолжительнее, раскаянно-всепонимающим, чтобы оказать соответствующее влияние, по крайней мере, на маму, а через неё, соответственно, и на батю. Но если и это не гарантировало применения ко мне не одобряемых педагогикой и, конечно, мною самим мер, то естественным образом надо было перемещаться подальше от отца за круглый большой раздвижной стол, что стоял в центре комнаты. При этом я рассчитывал воспользоваться обрётёнными навыками находиться, по возможности, всегда на противоположной от отца стороне стола. Кстати, стол, находящийся обычно в собранном положении, то есть будучи минимального размера – круглым, к появлению родителей стоял уже раздвинутым, то есть овальным, максимального размера, что, учитывая мою подвижность, позволяло даже при наличии ремня и суровой решительности отца в процессе разборов обойтись редкими, хотя порой и обжигающими соприкосновениями с последующими растираниями мною своих чувствительных мест...

К слову, этот тяжёлый раздвижной стол и раскладной диван с круглыми валиками по бокам, пожалуй, были в квартире единственной покупной мебелью. Вся остальная домашняя мебель, была сделана отцом с любовью, по всем правилам его столярной профессии.

Стоящая сбоку от дивана в первой, большой проходной комнате, именуемой «залом», вешалка, о которой идёт речь, пропитанная морилкой до тёмно-коричневого цвета и покрытая лаком, изяществом своим напоминала мне шахматного короля или ферзя. Она была собрана из аккуратно выточенных деталей: стойки с крючками для одежды, над которыми от стойки же расходились вверх шесть – с охватившим их посередине ободом – лучей с небольшими шарами на концах. Снизу большой обод лежал на гнутых ножках, скрепляя их. Настенная вешалка с калошницей в прихожей, все табуретки, кресла, полки для книг и цветов, этажерки с точёными балясинами и завитушками, журнальный треугольно-овальный, с тремя, прикреплёнными под углом ножками, кухонный и наши с братом письменные столы – всё было сделано отцом.

Так вот, если ремень, эта кожаная сволочь, в тот момент будучи и не вдет в брюки, но в предчувствии своей надобности в предстоящей экзекуции, свисая с вешалки, вроде бы даже и извивался, то дело шло к тому, что и самыми искренними, глубокими вздохами, видимо, было не обойтись... Но до трагического финала доходило всё же редко. К приходу родителей из школы отцовский и наши с братом ремни, как правило, непременно куда-то девались. А если по какой-то оплошности нет, то мама в конце перечислений и оценки всех моих «подвигов», о которых родителям поведали в школе, говорила, что сил её никаких больше нет, что я добыю своего – меня выгонят из школы! возьмут на учёт в детской комнате милиции! и я, оставшись неучем, стану: пастухом, дворником, грузчиком или кочегаром!

И надо отдать должное маме. В последующей жизни я, добавок к озвученным ею профессиям, перепробовал, но, вопреки маминому ужасу, по собственному желанию и, безусловно, с пользой для себя, много и других, самых простых и нужных профессий

Но пока она, не в силах уже стоять, вздыхая и охая, садилась, расстроенная, в кресло и, держась за сердце, вызывая к отцу: «Сделай же что-нибудь!» – и глядя с тревогой на то, как батя, взяв в руку ремень, но не приняв ещё окончательно сурового решения, тут же просила его:

– Максим, ну что ты, что ты! Не надо! Он ведь понял всё. Правда, понял, сынок? Ох, сил моих больше нет... Ох, выгонят тебя...

И, сколько помню себя, чаще всего в конце концов мама протяжно, батя с облегчением, а я, весь виноватый и несчастный, дав обещание: «Никогда-никогда больше!» – но тоже довольный благоприятным для себя исходом дела, вздыхали. Лишь ремень, если и был снят, отправлялся на вешалку и от досады на свою невосребованность некоторое время, изогнувшись пополам на верхнем её ободе, обиженно раскачивался.

* * *

Наступление летних каникул всеми мальчишками встречалось с ликованием – и не только из-за того, что конец школе, но и для тех из нас, кто не уезжал в пионерлагеря, сведением любого надзора за нами к самой малости. Теперь мы могли целыми днями беспрепятственно, самозабвенно, часто не только до споров, но и до порядочных стычек, допоздна гонять в футбол, тайком играть в чеканку и, опять же, подражая старшим парням, курить, пристально следя за тем, чтобы тот, к кому переходила сигарета, затягивался по-настоящему – «с двумя Иванами».

Мы шлялись по окрестным лесам, купались до синюшных губ и не-уёмной дрожи, «на слабо» прыгали рыбкой с висячего моста, греясь потом у разведённого костерка, на котором, если удавалось, заводя, словно бредешком, вдоль берега марлей или куском мешковины, наловить рыбьей мелочи, поджаривали её на прутьях.

Но вот настоящая рыбалка... Когда речь заходила о рыбалке, то для меня и некоторых пацанов из нашего двора прочие ребячьи радости отходили назад. Рыбачили мы на Сатисе и Саровке, на лесных озёрах: Протяжке, Варламовке, на трёх Филипповских. Счастливицами были те, кому со старшими – отцом ли, родственниками – удавалось ездить рыбачить на Мокшу.

Мокша в представлении каждого из нас была сказочной рекой! Выгибаясь огромной дугой, как бы сторонясь нашего города, она охватывала самую дальнюю от нас часть заповедного леса с его борами, дубравами, чащобами и перелесками. И из города, частью расположенного тоже в заповеднике, но на другом его конце, ехать к ней что в одну, что в другую сторону было примерно одинаково: тридцать – тридцать пять километров.

В Мокше, с её стремнинами, огромными долгими плёсами, омутами, перекатами, тихими заводьями, а также с зарослями кувшинок, белых лилий и камыша, в заливных озёрах, было множество всякой рыбы. От мелкой серебристой уклейки, которую можно было поймать только на самый маленький крючок номером «два с половиной» (попросту – «заглотыш»), ершей и шустрых пескарей до гигантских сомов, которые, по рассказам, уток и гусей могли запросто проглотить. Такие сомы, легко рвущие миллиметровую леску, вместе с огромными щуками, налимами и судаками обитали в омутах-прорвах, поглотивших по самые вершины рухнувшие в половодья с береговой крутизны дубы и ясени. Корни и основания деревьев навечно уже замтыты песком и глиной. И только вершины да ломаные, калеченные временем и половодными льдами, серые гладкие остатки стволов и сучьев, обозначая своё упорство, оставаясь над тёмной поверхностью кручёной текучей воды, тут и там, рассекают её на расходящиеся от них с тихим шёпотом струи. Вот по таким крепким местам и возле них в Мокше самая-самая рыбалка!

Отец моего одноклассника Андрея Веселухина, дядь-Юра – они жили над нами на третьем этаже – каждые выходные ездил на Мокшу рыбачить. И столько рыбы привозил, что тёть-Нина, Андрюхина мама, раздавала её и соседям. Эх, и чего Андрюха такой тюфяк! – никогда с отцом на рыбалку не ездит? Самое большее, так это перед выходными помогал отцу наловить живцов – серебристых маленьких рыбок – верхоплавов, их ловили малявочницей на Протяжке или Варламовке, и до пятницы те плавали в большом молочном бидоне. Часто даже и живцов-то ловить я напрашивался с дядь-Юрой вместо Андрея.

Было недалеко от города у нас в лесу ещё одно озеро – Гадово. Изю всех озёр оно было самым близким. Редко, но мы ходили и на него. От железнодорожной насыпи до озера надо было идти лесом по дороге, с годами заросшей высокой травой, кустарником, небольшими деревцами и множеством поперёк неё упавших одиноких деревьев и целых завалов.

Вооружившись палками и орудия ими, как саблями, с сочным хрустом перерубая лесную траву, стараясь отпугнуть возможных змей, мы совершали походы на это загадочное озеро. Вполне возможно,

что и название-то своё оно получило как раз от неисчислимого количества змей, обитавших в его окрестностях. По детской памяти, на озере лишь в некоторых местах были травянистые, сырые, с заполненными водой ямками, участки берега, которые совсем ненамного отделяли тёмную, таинственную гладь воды от лесных зарослей. В основном же диковато-сумрачный лес настолько близко подступал к озеру, что ветви деревьев нависали над водой, а при забросе удочки или при подсечке надо было изловчиться сделать всё так, чтобы леска не запуталась в них.

По рассказам, в этом озере водились огромные караси. Но нам почему-то попадались только уменьшенные до размера пальца-двух доисторические земноводные драконы. Они обратились в тритонов с красно-оранжевыми в крапинку брюхами. По чёрной или коричневой спине у каждого из них от головы до кончика хвоста шёл настоящий, только маленький очень и мягкий, драконий гребень. Тритоны были холодными, скользкими. Если взять тритона в руки и несильно зажать его в кулаке, то он, изворачиваясь и пытаясь выбраться, высовывал голову наружу и медленно моргал, открывая и закрывая набрякшие веки выпученных глаз.

Пристальные, жёлтые по кругу, с большими чёрными зрачками глаза смотрели холодно, словно сквозь тебя, туда, в подступающее к воде, во всматривающееся тебе в спину сумрачное, дремучее, перешёптывающееся... Кто знает, может быть, и не из-за змей, а вот из-за этих тритонов озеро называли Гадовым? Впрочем, нам-то какая разница!

Отчасти мы ходили на лесное озеро и не из-за рыбалки, а желая показать своё бесстрашие. Озеро было совсем небольшим и если не совсем круглым, то близко к тому. Говорили, что глубина у него такая посередке, что только с аквалангом нырять! Ещё говорили, что оно образовалось при падении метеорита, с целый дом величиной! Старшие пацаны убеждали, что метеорит лежит на дне озера и кое-кто до него, не в серединке, конечно, а чуть ближе к берегу, даже доныривал! Но из нас нырять до метеорита, несмотря на подначки тех же старшаков, никто не решался, разве недалеко от берега, где и то было уже — «с ручками». Но там, кроме вязкого, холодного, противного ила, ничего не было.

Искупавшись в озере, тоже большей частью чтобы показать своё бесстрашие, собрав и отложив удочки, мы разводили костёр почти у самой воды и рассказывали, то перебивая друг друга, то замирая, страшные истории.

Лучшим другом у меня в те годы был Сашка Дроздов. То, что он был младшим в нашей разновозрастной компании и единственным отличником, было ничего. Он так же, как и все дворовые пацаны, гонял в футбол, играл в лапту, чижа, мастерил для войнушки деревянные ружья и пестики, делал луки, в общем, всё то, что так необходимо в мальчишеской жизни!

Но больше всего мы с Саньком любили рыбачить. Долгожданный рыболовный сезон начинался обычно в конце марта или начале апреля. Многим жителям города, наверное, странно было видеть мальчишек с удочками, спешащих на реку, когда на ней ещё и лёд-то не везде сошёл! Проходя рядом с ними, они могли услышать и взволнованный разговор друзей:

— Я тебе рассказывал, Геныч, Цепик вчера за мостом у ДОКа вот такого подъязка поймал? — и Саня ребром ладони, словно пытаясь пе-

рерубить согнутую в локте левую руку, в которой держал разобранный бамбуковую двухколенку, чуть ниже локтевого сгиба, отмерял размер подъязка. — На мотыля ловил!

Твёрдо зная, что на мотыля клюёт всегда, мы сокрушались о том, что его у нас нет. Приходилось надеяться на белый хлеб, буханку которого, купив, мы по-братски делили. Большей частью хлеб мы, конечно, съедали сами. Клевало на него в это время неважно, и мы рассчитывали больше на червей, которых давал нам дядя Юра Веселухин, он заготавливал червей для зимней рыбалки и хранил в погребе гаража в ящике с землёй. Удачей было перед рыбалкой найти ручейников, ползающих со своими домиками-трубочками по мелководью, их в это время можно было найти только у тёплого ручья, впадающего в Саровку в районе ТЭЦ. Вот на ручейника клёв был всегда гарантирован, на него клевало даже лучше, чем на мотыля. И поэтому перед каждой рыбалкой мы всегда шли к месту впадения ручья в Саровку в надежде найти их хоть несколько штук.

Рыбалку начинали тут же, меняя обловленные места, спускаясь вниз по речке. Ниже тёплого ручья лёд на Саровке истончался, а местами вовсе растаивал чуть ли не с февраля, и не только из-за самого ручья. Лёд на берущей начало в далёких лесных болотах, впадающей в Сатис уже в черте города невеликой речушке Саровке, и в крепкие морозы не очень-то прочный, подтачивался и чистейшей водой множества источников вдоль её берегов, а также впадающих в неё лесных ручьёв, что не замерзали под снежными шубами в лесных оврагах и в лютые морозы. Услышать же их, добавляющих перезвон в усиливающиеся под снегом голоса, можно было ещё задолго до того как весна начнёт сочитать слежавшиеся овражные намёты, — прежде чем, отмякнув, станет оседать хрусткий февральский наст с вечно скользящими по нему золотистыми сосновыми чешуйками и высыпавшимися из открывающихся тихими солнечными днями еловых и сосновых шишек семенами-крылатками. Таял в речушке лёд и из-за более быстрого, чем в запруженном плотинной Сатисе, течения.

Пройдёт совсем немного времени от той поры, когда Саровка, лишь обозначив серебряным говором своим переломные дни от зимы к лету, ободрится совсем, глядишь — уже и на Сатисе лёд потемнел, отяжелел, а в низинах и по всей долине реки начавшиеся оттепели в неделю нальют вдруг силой да обшелушат набухшие почки на ветках краснотала, так опушив его, хоть наламывай ветки охапками и в церковь неси, словно сегодня и есть Вербное воскресенье!

Ещё несколькими неделями позже из множества свесившихся с каждой ветки ольхи (которой вдоль Саровки как нигде много) обмякших, длинных коричневых серёжек при порывах ветра в тёплую погоду на редкие ещё поспешившие распуститься цветы мать-и-мачехи посыплется золотая пыльца. Перед тем как вовсе пойти в разлив, Саровка шумными потоками начинает в бочажках и заводях кружить мелкий сор и набивать пенные шапки. Вот в это время начинается в неё ход идущих на нерест плотвы и подъязка из содвинувшего уже льды Сатиса. Именно с этих дней смысл всей нашей жизни с Саньком заключался в рыбалке!

Но если в апреле и мае школа ещё мешала любимому занятию, то всё лето напролёт наше время целиком посвящалось ему. Любимым местом рыбалки у нас была Протяжка. В озере водились караси, обыкновенный — золотистый, мы называли его просто белый. Но изредка

попадался и красный карась, которого за силу и буйный нрав называли диким. Была ещё и мелочь рыбья – верхоплавка. Серебристая, блестящая, юркая, она вырастала самое большее – до пальца в длину, но уж больно досаждала тем, что часто не давала крючку с наживкой опуститься до дна, порой напрочь объедая насадку, если мы ловили на хлеб (тем более когда он был не в катышке-горошине, а лишь прищипнут на крючке) или, к примеру, на тесто, геркулес.

На Протяжку отправлялись мы ещё по самой темноте. Дорога на озеро была неблизкой и занимала часа два с лишним. От дома почти через полгорода нужно было дойти до посёлка Ключевого, а вот после него идти нужно было лесом. Песчаная дорога по определению не могла быть укатанной и плотной, и идти по сыпучему песку было трудно, к тому же он вместе с мелкими камешками обязательно попадал в кеды, из-за чего приходилось часто останавливаться и вытрясать его. Идти сбоку от дороги по травянистой обочине было легче, но в траве, не замеченные в ночной темени, часто попадались спотыкучие корни деревьев. Поэтому мы шли то по дороге, то вдоль неё, изредка разговаривая:

– Сань! Как думаешь, поймем сегодня?

– А то! Геныч, а давай на пеньки сразу, там Цепик в прошлый раз, помнишь, какого вытащил?

– А то, – отвечал я мечтательно. И опять надолго воцарялось молчание.

Лесная дорога была неширокой, и в тех местах, где она шла через сосновый лес, кроны огромных сосен высоко над нею смыкались. Я хорошо помню, что если при ходьбе смотреть вверх, то яркие звёзды, ясно видные не то что в бархатной черноте неба, но даже и при наметившихся в нём предутренних переменах, там, высоко над сосновыми кронами, то спрячутся за ветвями, то опять выглянут. Вот и кажется, что они перемигиваются с тобой.

А если там, где небо открыто, остановиться и долго смотреть на звёзды, то, может быть, и оттого, что ты внимательно на них смотришь, они начинают словно бы дрожать. И от этой дрожи часть белых лучей превращается то в синие, то в красновато-сиреневые, то в желтоватые. Самые длинные лучи у звёзд – белые-белые. Мне будто и помнится, что, протянув руку к такому лучу, можно было ощутить колкость его и холодок. А те – разноцветные, искристые, короткие лучики, что получались от звёздной дрожи, – ими звёзды перешёптывались между собой.

Случалось – остановишься и замрёшь, вглядываясь в звёздное небо, пытаешься высмотреть: которую из звёзд, если можно было бы, ты выбрал себе? Стоишь в тёплой, тихой, разлитой вокруг ночи, всматриваешься в звёзды, и овладевает тобой необъяснимое чувство, что вот-вот, и вспомнится (именно вспомнится, а не откроется) то, что ты когда-то знал! Да, да – знал! И вот сейчас, стоя под перешёптывающимися между собой звёздами, ты охвачен чувством, что сейчас вот, ещё чуть – и через шёпот их и перемигивание всё тайное опять станет доступно тебе...

Но, очнувшись вдруг от отдалённого уже: «Генка-а, ты где?» – так и не расслышав звёздного шёпота, не узнав (или всё же – не вспомнив?) и частицы того, что так томило тебя всего, лишь поёжившись от передавшегося телу звёздного озноба, всё в той же тишине и непроглядности леса, выхватив лучом фонаря дорогу, поспешишь догонять друга...

Ближе к железнодорожному поезду, за несколькими лесными оврагами с высыхающими летом ручьями, боровой, тёмный лес ненадол-

го отходит от дороги, уступая место опушкам из липы, осины и берёзняка. Ко времени, когда мы сюда подходим, небо уже сереет и звёзды на нём – не такие уже яркие – сначала теряют свои лучи, а немного погодя истаивают и сами. Дорога становится хорошо видной, и мы, ободрённые тем, что до озера остаётся идти каких-то минут сорок, убыстряем шаг, замолчав вовсе. И только месяц, побледнев и наклонившись рожками сильнее, будет смотреть, как двое мальчишек по песчаной лесной дороге упорно идут за своим счастьем.

Оставшуюся часть пути мы успеем пройти враз к тому времени, когда развиднеется настолько, что на воде будут, сначала не очень, но затем всё заметнее поплавки, а затем и самые чуткие карасиные поклевки. Идти в самый конец озера, где мы собираемся ловить, ещё какое-то время придётся туманной луговиной вдоль берёзовой роши, и лишь в самом конце пути дорогу опять обступят огромные сосны. Отсюда, с разлива лесной речушки Саровки, откуда даже в ясный день плотина, сдерживающая воду в озере, еле-еле видна, Протяжка и берёт своё начало.

Эти лесные путешествия и рыбалка – самые яркие впечатления, оставшиеся у меня из детства той поры. А переглядки со звёздами под сводами сосен так отчётливо представляются мне и сейчас, что, кажется, закрой глаза – и опять сможешь, протянув руку, коснуться звёздного луча и попытаться услышать, о чём звёзды перешёптываются между собой...

Озеро встречало нас часто таким туманом, что воду в нём можно видеть разве чуть за береговой кромкой. Впрочем, и она большей частью была скрыта сплошными зарослями осоки, растущей как на берегу, так и в воде. И только там, где её заросли разрывают редкие бело-жёлтые, песчаные прогалины, видно, что вода тиха и недвижна. Над её поверхностью появляются, свиваясь меж собой, струйки, легчайшие сгустки, обрывки молочно-прозрачного вблизи, но чуть дальше всё более плотного и, наконец, обращающегося в непроглядную для взгляда пелену. И тут и там испарения, отделяясь от воды, поднимаясь, клубясь, втекая друг в друга, сгущаются, становясь всё непрогляднее. И уже чуть дальше это колеблемое, непроницаемое, обволакивая тёплой озёрной сыростью весь суший мир, со всеми его красками и звуками, поглощает его... Только сумрак и тишина предутреннего леса вместе с двумя мальчуганами, что вышли из него, вслушиваются и всматриваются в то, как озеро парит, озеро исходит туманом, озеро дышит...

Здесь, в самом начале озера, где разлив Саровки только начинается, даже при удалении от берега глубина не больше полуметра-метра, и, как мрачная память о временах вырубки борового леса под чашу озера, над поверхностью воды иногда, чуть выглядывая, а иногда, сантиметров на двадцать-тридцать, как бы вырастая из неё, стоят неохватные, толстенные пни. Вот в этом месте и попадались огромные караси, в том числе и «дикие». У каждого из нас были свои уловистые пеньки, о которых мы никому не рассказывали даже «по большому секрету». И только тот, с кем ты водил настоящую дружбу и рыбачил вместе, ну вот – Санёк, знал мои места, а я его.

Заходу на заветный пенёк предшествовало непременно поёживание, стряхивание с ног наспех расшнурованных кедов, стягивание под знобкое «У-у-у!» треников и всей прочей одежды. Затем мы приступали к обязательной пробе воды поочередно каждой ногой, во время которой обычно сообщалось друг другу: «А вода – ничё! Нормальная!»

Всё! Теперь, после всех обязательных ритуалов, можно было заходить в воду. На берегу оставляли бутылки с водой, газетные свёртки с нехитрой провизией да кеды. Вода в озере всегда была значительно теплее воздуха, но всё равно при заходе в неё слышалось обязательное: «Бр-р-р!» Идти в воде надо было тихо, стараясь не распугать рыбу и осторожно ощупывая дно, чтобы не наступать на скользкие корни от пенёков и, оскользнувшись, не плюхнуться.

Когда нога касалась противного, скользкого корня, то было ощущение, что наступаешь на змею и она непременно вот-вот извернётся, чтобы укусить тебя или, обернувшись вокруг ноги, стиснуть её так, чтобы ты не смог сделать уже ни шага! А пенёки – и те, что рядом, которые и подставляют тебе корни, и те, что тревожно появляются из расступающегося тумана, – всматриваются в тебя, молчат и ждут, и ждут будто, когда же, наконец, испугавшись, ты повернёшь назад... Ну уж нет, не дождётесь! Часто до «своего» пенёка приходится идти в воде по грудь, поднимая в руках над водой удочку и собранную в узел одежку.

Но, конечно, более всего охранялась от воды та самая противогазная сумка, добытая всякими правдами и неправдами. В ней находилось всё самое ценное: насадка и прикормка, запасные лески, крючки, поплавки, грузила. Она и свёрток с трениками и рубашкой аккуратно водружались на заветный пенёк. Затем мы и сами, стараясь делать всё предельно тихо, забирались каждый на свой.

После тёплой воды становилось знобко. Одевшись вновь и закатав штанины спортивных выше колен, устраивались на пенёках. Доставали из сумки и перекладывали по карманам коробочки с насадками (тесто, комок круто сваренной манки, ошпаренный геркулес), пара добрых ломтей, ароматного чёрного и ноздрястого белого хлеба отправлялись за пазуху, банка с червями оставалась в боковом кармане сумки. Наконец, собиралась бамбуковая двухколенка, и после всех премудростей, сопутствующих забросу, для неё находилось удобное положение, и мы затихали.

Как правило, на пенёках мы сидели, опустив ноги в воду. Ногам было приятно в тёплой воде, но ступни всё ещё помнили осклизлые толстые корни, которые запросто представлялись змеями. И для спокойствия, непременно нужно было посмотреть на ноги сквозь тёмную, красноватую от торфяников воду и, пошевелив пальцами, убедившись, что всё нормально, забыть уже про все сумеречные жуткости на свете.

Караси, за которыми мы отправлялись за тридевять земель или к чёрту на кулички, были особенные. Мы, как упоминалось, называли их дикими, а ещё – красными. У них была тёмно-жёлтая, с отливом в красноту чешуя, плавники ярко-красные с сероватым палевым по краю. Рот у них был меньше, не такой вытянуто-губастый, как у обыкновенных белых карасей, а нижняя губа как бы скошена от низа к верху. От этого даже не очень крупный дикий карась казался сердитым.

Эти караси были шире, лопатистее обычных. А силы в нём было! Подсечённый, даже средний карась – с ладошку, стремясь уйти, мог не раз на звенящей леске, выгибая конец удилища, обернуться вокруг пенёка! Тут только успевая, поворачивайся да перехватывай его, иначе вот-вот оно, гнущееся в дугу, треснет или леска порвётся! Если же карасю удавалось, несмотря на все твои усилия, вытянуть леску за собой так, что удочка уже не гасила рывки, а вытянутая рука, удилище и леска составляли одну линию, то леска непременно рвалась... Можно было, конечно, предчувствуя обрыв, бросить удочку в воду – пусть рыбища потаскает её за собой, следи только, куда она её утащит. Устанет рыба,

вот тогда можно сплавать за удочкой, и если повезёт, то и карася поймать. Можно-то можно, только неизвестно, куда удочка может уплыть (озеро-то огромное!) и увидишь ли ты её снова.

Понятно, что о подсачках, что были у взрослых, мы могли только мечтать. Так что если кому-нибудь из нас выпадала удача засечь крупного дикаря, то надо было, не давая леске слабину, изматывая его силы, постараться подтянуть карася к пенёку и, приподняв его голову чутка над водой, приловчившись, выхватить рыбку рукой, сжав ли за жабры, да как угодно! Держи его, яростно бьющегося, изворачивающегося, скользкого, пытающегося если уж не удалась сорваться с крючка, то вывернуться из рук, прижимай его к пенёку или к себе и после всех волнений, успокаиваясь, пока рыбина не затихнет, шепчи: «Мой! Мой! Мой! Поймал! Поймал!»

Затем этот слиток счастья отправлялся в ту же сумку из-под противогаса, что надёжно на широкой ленте приспособилась на боку, где время от времени он ещё ворохался. Пусть после такой битвы долго-долго дрожали руки, и ты не мог толком насадить на крючок нового червяка, но твоя рыбацкая удача уже состоялась! Можно было некоторое время, подкормив распуганную шумом рыбу размоченным и обжатым в руке хлебом, просто посидеть, наблюдая за лопающимися на воде пузырями – признаком того, что рыба снова начинает подходить. А твоё «счастье», ворочаясь в сумке, нет-нет да и даст о себе знать, и ты, прижав рукой сумку плотней к телу, улыбаясь, думаешь: вот он, дикий, мой!

Наконец, после непродолжительной суматохи всё в этом туманном мире успокаивается. В то время пока я возился с «дикарём», немного развиднелось, и теперь я, нечётко, но могу разглядеть появившегося из тумана друга. После случившегося у меня переполоха он, повернувшись в мою сторону, безмолвно сводя и разводя перед собой ладони и волнуясь, конечно, спрашивает: «Какой, мол, карась-то?» Я, уверенно разводя руки раза в три больше пойманной рыбы, кивком головы подтверждаю размеры трофея: «Мол, точняк!» Слышу, как Саня, переживая моё везенье, негромко вздыхает. И тут же, опять пропавший в наплывшем тумане, громким шёпотом из него спрашивает: «На что поймал-то?» И после моего ответного шёпота в туман: «На червя взял...» – мы с другом опять замираем в ожидании поклёвок.

Если ещё до восхода солнца появлялся слабый ветерок, рассеивая туман над озером и нагоняя мелкую рябь на воду, это предсказывало ветреный день. Но если восход солнца происходил в безветренную, тихую погоду, то было и такое: туман, прежде чем истаять полностью, поднимаясь над водой, замирал на какое-то время и становилась хорошо видна гладь воды, и на берегу, примерно на треть от своего роста, становились видны стволы сосен, тёмно-серые снизу, выше переходящие в коричнево-бронзовому окрас. А пелена застывшего над озером тумана, вбирая не первые лучи солнца даже, а то светлое, радостное, что они несли с собой наступающему утру, исполнялась тихим светом, напоминая мне бесконечное покрывало из сахарной ваты.

Домой мы собирались после полудня, вдоволь накупавшись, но уже не «на пенёках», в этом диковатом даже днём месте, а на пляже с жёлтым теплым песком, где были устроены и пружинистые деревянные мостки для ныряния и закреплены у берега понтоны. Переложив улов осокой или крапивой, натянув синие треники, закатав их ниже колен, вытряхнув песок из видавших виды кедров, повязав рубашки вокруг пояса, мы отправлялись в город.

На опушке берёзовой рощи, что встречала нас у озера, или в тенистой глубине её можно было, если уже поспела, набрать земляники. В безветрии рощи всегда стоял такой комариный писк и звон, а комарьё так дружно набрасывалось на нас, что уже и в рубашках с расправленными рукавами, застёгнутыми под горло, и в раскатанных до щиколоток штанинах спортивных, мы, судорожно прихлопывая и размазывая их по лицу, шее, рукам, иногда и вместе с душистой земляничной мякотью, стойко набирали по паре другой пригоршней крупных, продолговатых, ароматных ягод.

Для меня особым удовольствием есть землянику было не по одной, две, три ягоды, а набрав в сложенный ковшиком ладонь небольшую горущку их, и затем, запрокинув голову, ссыпать все ягоды в рот и, разминая языком о нёбо нежную мякоть, наслаждаться таким вкусом и ароматом, что и комариные укусы, и зуд от них на некоторое время забывались.

И ещё каждый раз надо было обязательно набрать земляники домой для мамы. Я выбирал кустики с самыми крупными, глянцево-красными продолговатыми тяжёлыми ягодами, которые тяжестью своей выгибали, каждая свой зелёный ворсистый стебелёк даже большей дугой, чем сгибался конец удилища под тяжестью огромной рыбины. Кустики один к одному складывались в толстенький пучок так, что получался букет из ягод. Обвязав такой гостинец вместо нитки гибким стеблем травы, отщипнув от него прежде метёлку или зелёный тугой столбик соцветия, я устраивал его в сумку поверх всей поклажи на подстилку из сорванной тут же травы, если не находилось лопушка.

В город обычно удавалось доехать на попутке. Кто-то из рыбаков же, отдыхающих или военных, едущих с заставы, подсаживал двоих пассажиров. И на вопрос: «Ну как улов?» — выслушивал сбивчивый рассказ заядлых рыболовов, каких те натаскали карасей (сам улов, как правило, нами не показывался, особенно если больших карасей в нём не было). Рассказы о сорвавшихся — «во-от таких карасищах!» — водители пересказывали вместе с нами. Уставшие и сморённые жарой, обычно в процессе рассказа мы и засыпали.

А на подъезде к городу нас с Саньком будили, узнавали, где мы живём и многие подвозили прямо до дому. Пожелав же нам удачи на следующий раз, водители увозили с собой в кабине кроме нашего «Спасибо!» ещё и густой аромат, быть может, и примятой слегка во сне той самой земляники, запах которой помнится мне сквозь годы.

Теперь, из далёкого далека через пятьдесят с лишним лет, вспоминая то дивное время, я вижу, как двое мальчишек в утреннем едва-едва ещё полусвете, заходя в воду всё глубже и дальше от берега, теряясь в таинственных колебаниях и разводах тумана, между призрачных очертаний в нём, остатков могучих когда-то деревьев, исчезают совсем...

Что будет с мальчишками в этом тумане?

Что будет с ними дальше по жизни?

*Пока — туман,
который всё скрывает,
который гасит все звуки,
ни на что нет ответа.*

*И мальчишкам, пропавшим в нём,
Всё ещё только предстоит...*

И лишь вода потревоженного озера, еле заметными волнами, словно звуками истаивающего эха, прежде чем успокоиться совсем, ещё раз-другой ленивей, плавней набежит на прибрежный песок — и замрёт снова, обозначив кромку, разделяющую берег с тёмным лесом, и озеро с колеблющимся над ним туманом, в котором исчезли двое мальчишек.

И снова тихо, словно здесь нет и никогда никого не было.

* * *

Совершая свои походы на Протяжку, мы, двенадцатилетние огольцы, и знать не знали, через какие места проходит наша дорога. Слышать мы, конечно, слышали про старца Серафима Саровского, про то, что в какие-то давнишние времена он уходил из монастыря и один жил в лесной избушке, молился на камне и даже, подружившись с медведем, кормил того сухариками. Но сколько мы ни искали в тех местах, ни камня, ни избушки — ничего не было.

Правда, под обрывистым берегом Саровки, недалеко от лесной поляны, один из источников, в котором мы и набирали воду по дороге на рыбалку, кем-то был обустроен как маленькой колодец. Ночью мы спускались к нему, подсвечивая себе фонариками, иначе навернуться с крутого спуска можно было запросто. При свете фонаря особенно хорошо было видно, что в прозрачной таинственной глубине источника у дна клубятся песчаные облачка, и от этого создавалось впечатление, что дно источника-родничка шевелится.

Из-за того что последние венцы маленького сруба были выше уровня воды в речке, вода в источнике и речная не смешивались, и вода в нём всегда была чистая и такая холодная, что пить её можно было только маленькими, быстрыми глотками. А песчаные облачка, движимые током воды у дна, казалось — вот они — опусти руку и коснётся их! Но не тут-то было! Мои попытки зачерпнуть их ковшиком, что всегда с кружкой или стеклянной банкой висели тут же на ветках прибрежного кустарника, были бесполезны. Да что там ковшиком! Даже опущенным в воду порядочной длины прутом дна источника достать не удавалось.

Выше уровня речной воды в одном из брёвнышек сруба был устроен сливной жёлоб, и вода источника с журчанием стекала по нему в тёмную речную воду. Подставив под струйку взятые из дому бутылки из-под лимонада, мы наполняли их, а после мелкими глоточками пили и пили впрок вкусную холодную воду.

В том, что старец жил в лесу один, мы ничего необычного не находили. К тому времени мы уже и сами ватажкой ходили на Протяжку или на Филипповку с ночёвкой, а то и с двумя, и жизнь в лесу у озера нам очень нравилась! То, что к дедушке Серафиму приходил медведь, мы вполне допускали, не все же медведи, наверное, злые...

Саровка в этих местах, на моей памяти, и в самое жаркое время не пересыхала. Подпитывающие её ключи и сток воды на Протяжке сохраняли не только маленькие бочажки и омутки в ней, но и несильное течение, убыстряющееся в местах узких и на песчаных перекатах. И там, где совсем мелко, где даже красноватая вода не скрывала песчаного дна, было видно, что в ней нет-нет и промелькнут тёмные спинки небольших рыбёшек. Но ловить? Мы никогда не ловили рыбу в Саровке

выше посёлка Ключевого. Уж больно густой, часто и вовсе непроходимый лес сошёл к её берегам. Да и сами берега большей частью её так круты, что и поостережётся по ним спускаться, а завалы из деревьев над нею так часты и густы, что местами течёт она и вовсе скрытая от взгляда. Какая уж тут рыбалка.

От Ключевого, что на границе города с лесом, и до самой Протяжки несчётное количество раз исхоженная нами дорога и тихая лесная речушка так и идут рядышком, не пересекаясь. Но незнающему путнику скрытые друг от друга то мощными боровыми соснами с густым подростом, то сменяющим их липняком вперемешку с осиной и берёзою, а по низинам и приовражьям – тёмными ельниками с их пружинистыми под ногой мхами, укрывающими и сопревший валежник, и огромные пни, забирающимися по стволам елей, и свисающими с их нижних, разлапистых ветвей бородами и лохмотьями, это и неведомо.

Ещё хорошо помню, что в какое бы место в гуще леса ни зайди, непременно встретишь муравейник из жёлтых и серых сосновых иголок, мелких веточек, сопревших листьев и прочего лесного сора. Высоту – то с малую горушку, что, улыбаясь, ладит в песочнице малыш, то с порядочный ворох листьев, что наметают по осени дворники, чтобы занять их – который жидким, клочковатым, так себе тлеющим дымком, а который и густым, шатающимся на ветру! Есть муравейники даже в рост, а часто и выше! Иногда с одного места, оглядевшись, сразу несколько заметить можно! Стоят, словно стражники на покое тишины лесной. Оттого и в лесу, особенно в светлую тихую осень (то время, в которое я особенно полюбил теперь бродить по этим местам), было – зайди – ни движенья, ни звука... Тишина звонкая! Разве редко мелькнувших птиц пересвист, начавшись едва, оборвётся – и вновь тихо, покойно...

Теперь-то мне доподлинно известно, что мы останавливались набрать воды и напиться из источника как раз на месте Дальней пустынки преподобного батюшки Серафима. Давно уже обустроены здесь, в Дальней пустынке, часовня и ладный домик с сенями и комнаткой-келейкой преподобного, в которой небольшая белёная печурка и два простеньких пёстрых домотканых половичка прямо от входа в келейку и расходятся. Один из них, к красному по левую руку от входа углу с большим образом Пресвятой Матушки Богородицы, что не единожды нисходила до явления великому саровскому затворнику и молитвеннику.

С любовью и тихой грустью, в свете никогда не угасающих перед Ней лампадки и свечей, взирает Пресветлый Лик на каждого приходящего в эту обительку поклониться Преподобному и просить его помощи.

И камень есть под светоносной иконой, быть может, схожий с тем малым, что батюшка обрёл себе в затвор для дневных молений.

Второй половичок – пряником от двери к простенку с большой же иконой, с которой и сам батюшка Серафим, встречая переступающих порог его пустынного жилища, воздевает руки небу, словно говорит:

– Я, убогий, упрости о вас Божию Матерь, и не только о вас, но по всех, любящих меня, и о тех, кто служил мне и моё слово исполнял; кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не забуду. Я отец ваш, попекусь о вас и в сём веке, и в будущем; и кто в моей пустыне жить будет, всех не оставлю...

Давно уже и по пути к Дальней пустынке, в которой Преподобный подвизался в долгие годы трудами и молитвами неустанными искать за себя и за нас – дорогам земным в пути небесные обратиться, – путников встречает потемневший от времени крест с малой часовенкой над ним и, пусть с другим уже, гранитным камнем, но возлежащем в том самом месте, где Преподобный совершал тысяченощное столпное стояние своё на диком камне.

Позже, конечно, много позже ребяческих лет, пришло осознание того, что молитвенная сила этих мест, где выпало счастье мне родиться, и вела меня по жизни, начиная с той самой лесной дороги, на которой мальчик ночью переглядывался с перешёптывающимися между собой и при Великом Старце звёздами. Что пил я, быть может, из того же самого источника, в прозрачной глубине которого и под взглядом Преподобного клубились и перекатывались песчаные облачка, каждая песчинка в которых – судьба человеческая.

Павел ПОНОМАРЁВ

Родился в 1984 году в Рубцовске, Алтайский край. Окончил филологический факультет Алтайского государственного педагогического университета. Работал преподавателем русского языка и литературы.

Публиковался в литературных журналах «Сибирские огни», «Алтай», «Дальний Восток», «Урал», «Юность» и других. Лауреат премии «Лицей» (2019) в номинации «Проза». Автор книги прозы «Мышиные песни».

Живет в Барнауле.

КРЫСИНАЯ НОРА

Бармен по прозвищу Крыс вернулся домой угрюмым и трезвым. Случилась неприятность с одним из посетителей бара, и Крыс вызвал охрану — двух молчаливых робокопов в черном. Посетителя сопроводили на улицу, благословили по протоколу, и тот растворился в октябрьской ночи.

Спотыкаясь о коробки в прихожей, Крыс, не склонный к самокопанию, мучительно думал: правильно ли сделал, что нажал кнопку вызова... А своей подруге, тоже бармену, с которой они делили съемную желтенькую однушку, сказал:

— Пожрать бы щас да баиньки.

— Че-нить придумаю, — ответила подруга, которую бармен называл Хомяком, и зашуршала в холодильнике.

Ужиная пельменями, Крыс не испытывал привычного аппетита, он напряженно думал о происшедшем, глядя на стеклянную перечницу в форме гриба, как если бы взглядом хотел сдвинуть ее с места.

— Да всё ты правильно сделал, не парься, — подбодрила чуткая к душевным переменам своего парня Хомяк. — Сметану будешь?

— Я и не парюсь, — жуя, ухмыльнулся Крыс. — Че он там сказал, когда уходил?

— Че-то про школу. И что мы толпа. Да выкинь ты его из головы. Он без спроса врубил свою бредовую песню, которую типа сам написал. Душнил, короче. Ты выткнул его телефон из колонки и вернул. Он обиделся и пошел обратно включать. Че еще было делать, не драться же с Призраком? — засмеялась подруга.

— Ну да, хе-хе. Хотя он меня оттолкнул... нарывался.

— Крысы-хе, бар — это наша работа. Хозяин всё видел, он одобрил твой поступок. Нужны нам проблемы?

— Нет, не нужны.

— Ну вот. Ребята нас поддержали, посмеялись. Не грузись давай...

Крыс и рад бы согласиться с Хомяком. Вроде всё просто и ясно. Этот душнила Призрак никогда ему особо не нравился. Мутный какой-то, себе на уме. Говорили, что преподает где-то. Придет, вежливо поздоровается, возьмет пива, сядет в угол и наблюдает, как сыч. Его не сразу замечали, когда тот приходил, обнаруживали уже в углу, поэтому и нарекли Призраком. Когда малость поднаберется, высматривает себе жертву и завязывает с ней умный разговор. «Философ хренов», — морщился на это Крыс. Если Призрак и чудил, то чудачество его заключалось в том, чтобы залезть человеку в голову. А люди пришли выпить и расслабиться, пошутковать. Жизнь и так боль. Случалось, что жертва его отшивала, но чаще ему удавалось каким-то образом втереться в доверие, и тогда говорила жертва, а Призрак внимательно слушал и кивал, отпивая из бокала. Вроде не агрессивен, не быдло какое с улицы, но порой глянешь — стукнуть хочется по очкам.

Впрочем, было и другое. Как-то осенью, ближе к ночи, барная компания отправилась на берег Оби. Развели костер, пели песни, общались. Самые отчаянные плескались в темной реке. Призрака заметили лишь тогда, когда тот попросил гитару. Стало вдруг слышно, как потрескивает горящий хворост, а через минуту все уже пели хором. Конечно, никогда они с Крысом близко не общались, разные потому что, но всё же... подпевал.

— Хомяк?

— Ась? — моя посуду, отозвалась подруга.

— Да вспомнил, как песни у костра пели. Призрак там еще был...

— И че теперь? Был да сплыл. Ты заплачь еще. Ценного постояльца, что ли, потерял? Не, серьезно?

В мойке перестала шуметь вода.

— Я не об этом. Да и все как-то не очень расстроились, когда он ушел... — вовремя добавил Крыс, поглаживая длинный обесцвеченный хвост, стянутый резинкой.

— О чем и речь, — выдохнула подруга, пустив воду. — Ты бы его тогда приголубил, когда он муть свою включил, а хозяин бы тебе потом высказал на трезвую. Он же, кажись, и сказал выключить... Так?

— Да хрен бы с этим хозяином. Обещал зарплату поднять, а тут у него аренда подорожала... ждите.

— Ладно тебе. Давай лучше водочки выпьем на сон грядущий? — Хомяк ласково подмигнула.

— Дава-ай, — обреченно протянул Крыс.

Дома они предпочитали пить водку.

Когда легли, бармен нашел самый темный запаутиненный угол, в который он обычно смотрел, чтобы уснуть, и тяжело вздохнул. Уснуть не получалось. Сквозь выцветшие шторы простреливали огни ночного проспекта, шастая по стене. С улицы порой доносились нечеловеческие крики, смех, об асфальт билось стекло...

Крыс с отвращением подумал, что наступила суббота и что уже сегодня, к десяти часам, ему выходить на дежурство — в бар. Что всё повторится. Сперва он будет разгонять головную боль, натужно пошучивая с коллегами. Мусолить на перекурах события прошлых вечеров, елозить шваброй по полу, глотать растворимый кофе. Затем, после обеда, потянутся за выпивкой бледнолицые посетители. Они тоже будут шутить, стыдливо моргать осовелыми глазками, не скрывая похмелья. Ближе к вечеру заявятся постояльцы. И снова разговоры, перекуры, сплетни, пьяные шутки, смех... Тошно.

- Хомяк, спишь?
- А? – одеяло зашевелилось и пахло перегаром. – Крыс, ты охренел, что ли? Завтра на работу вставать!
- Сегодня.
- Че?
- Слушай, мы сколько уже в барменах ходим, лет семь-восемь?
- Крыс, я не пойму, ты че, Призраком заделался? Какие вопросы в три ночи?
- Думаешь, больше не придет?
- Кто?
- Призрак.
- Какой еще... Да мне насрать на него. Хозяйке чем будем за хату платить, если нас уволят?
- Ладно, не нагнетай. Спи.

Одеяло нервно зашевелилось и спустя минуту затихло.

А Крыс продолжил размышлять: универ, женитьба, ребенок... Бросил универ, стройка, продавец-консультант. Потом развод. Знакомый предложил подменить его в баре. А что? Работа не пыльная, выпивка под рукой, красивые девушки, каждый день общение – не заскучаешь. Решил попробовать. Один бар, другой, третий. Втянулся и надолго осел в нынешнем баре с названием «Нора». Теперь он профессионал. Заведение считалось продвинутым для провинциального города: с пивоварней, музыкальными вечерами и неформальной публикой. Были попытки восстановиться в универе, найти другую работу. Но всё как-то не ладилось: то просыпал встречу, то внезапно наваливалась хворь, то просто не отвечал на звонки... Старался почаще бывать у дочки, дарил ей подарки. Повзрослев, дочь отдалилась. Он же перестал понимать свою отцовскую роль, да и человеческую тоже. Боялся приходить в чужую семью, боялся говорить с дочерью. «Кто я? – спрашивал он себя. – Я бармен». Привык, уgomонился. И страшно стало что-либо менять. «Я раб бара», – в потемках усмехнулся Крыс.

Он вдруг задумался: «А что я вообще умею?» Переезд из деревни в город, неудачная попытка отучиться на программиста, новая среда, в которой выгоднее кем-то казаться, нежели быть – всё это расшатало почву под ногами. Он начал сомневаться в возможности найти какое-либо достойное призвание. И если в начале своего барменского пути на вопрос: «Чем занимаешься?» – Крыс багровел, прятал глаза, мямлил что-то с добавкой «временно», то спустя год стал отвечать прямо, с нагловатой усмешкой: «Ну да, бармен. У нас классно. Крафтовое пиво, живая музыка, студенточки. Забегай, если че...» Этот развязно-ироничный стиль он перенял у других барменов и даже нашел в своей работе некую «философию». Бармен – не разливашка какой на кране, не принеси-подай, а своего рода медиум, создающий атмосферу, связующее звено между посетителями и баром. Внешне он тоже изменился: проколол ухо, набил цветные татуировки на руках. Научился стильно стоять за барной стойкой, когда нужно, отпуская заученные хлесткие фразы. «Крутой чел», – отзывались о нем подвыпившие постояльцы. Но где-то за худи и татуировками в нем еще жил белообрый деревенский пацан Вовка, гонявший в облаке пыли на старенькой «Яве», способный разобрать и собрать ее за полдня, наученный ухаживать за животными, чинить всё, что криво стоит, своими руками. Так, они с другом за одно лето, под немногословные советы отца, выходившего на крылечко покурить, соорудили коровник. Припомнив это, Крыс улыбнулся. «Что я

смогу?...» – впивался, буровил взглядом неподвижную черноту угла, но просвета не было...

Он пошарил рукой по полу, нашел смартфон с треснувшей задней крышкой. Добравшись через общих знакомых до странички Призрака, кликнул «сообщение». Убавив яркость экрана, Крыс пристально смотрел на клавиатуру, зачем-то меняя русскую раскладку на английскую и наоборот. Тушил экран, через какое-то время включал снова. Набирал: «Призрак, привет». Удалял. Вновь набирал: «Доброго времени суток, говнюк» со смайликом в конце. Снова удалял, усмехаясь.

Крыс не понимал своего состояния. После двух рюмок водки он должен по обыкновению спать глубоко и безмятежно. А он занимается черт знает чем, философствует... Ну, начудил очкарик, пришлось вызвать охрану, всякое случается. Едва ли бармен испытывал чувство вины, скорее, необъяснимый интерес к персонажу, который, он был уверен, в баре никогда уже не появится. А значит, не станет раздражителя, на который ему приходилось как-то реагировать и что-то вменять.

Крыс не был психологом, но нескончаемый поток посетителей бара, общение с ними, со временем научило его неплохо разбираться в людях. Он понимал, что Призрак из тех, кто «сам по себе», кто способен, если нужно, с легкостью влиться в компанию и так же просто и безболезненно ее оставить. Крыс к таким людям относился с некоторым недоверием, но не без интереса, поскольку сам по природе своей был человеком компанейским. Он поддерживал, тянул знакомства, длящиеся порой со школьных времен. Это сложно было назвать дружбой, так – периодические созвоны: занять денег (с обеих сторон), поздравить с днюхой, помочь с переездом. Даже если какой-нибудь старинный приятель становился в тягость в силу перемены образа жизни, излишней назойливости или банального кидалова, Крыс не спешил разрывать связи. Его пугала перспектива остаться без поддержки другого, без веселой болтовни за кружкой пива с друзьями, без привычного ворчания Хомяка... Остаться одному.

Одиночество он воспринимал как болезнь. Может, потому, что физическая немощь (в виде сезонного гриппа или похмелья) была единственной причиной, способной надолго удержать его в четырех стенах. И тогда, распластавшись на диване, беспомощный и разбитый, он ощущал свою ненужность, оторванность от подлинной жизни, тишина его раздражала. Крыс фоном включал «Короля и шута», зачем-то открывал окна, названивал коллегам с вопросами: как там, что там? – а в голосе слышалось: без меня!.. На что те издевательски-весело описывали какой-нибудь забавный случай в баре и желали скорейшего выздоровления. Но эти пресные, брошенные из вежливости пожелания, явная неохота к долгим минорным разговорам, чего ему так хотелось, только усиливали ощущение ненужности и пустоты. Оказывалось, что ни мир, ни его родной бар, ни барные стулья, давно требующие ремонта, не рушились – без него. Всё тихонечко вертелось, жило своей жизнью, прибухивало и опохмелялось по какому-то неизменному и неведомому плану.

«А могу ли я быть сам по себе?» Устав лежать, Крыс вышел в трусах на узкий застекленный балкон и закурил, глядя в бледнеющую пустоту улицы с тополями. Было свежо и тихо. Время от времени проезжали порожние такси, пробегали бездомные собаки по тротуару, мигали желтым задремавшие светофоры... Крыс протянул руку, чтобы коснуться пожухлой ветки клена, растущего по соседству. Листья не удержались

и, кружась, полетели вниз. Он проводил их взглядом, вдруг осознав, что наступила осень, и закурил еще...

Однажды они серьезно повздорились с Хомяком. И это был, пожалуй, единственный случай, когда он решил не уступать. Дело касалось его дочери. На воскресенье Крыс запланировал традиционную прогулку по парку с каруселями, мороженым и самокатами. Он всегда трепетно относился к общению с дочерью, был трезв по субботам, избегал тусовок, позволяя Хомяку проводить время одной, и вообще, несмотря на весь свой показной атеизм, воскресенье считал днем искупительным. У Хомяка же на этот день бережно хранились приглашения на свадьбу лучшей подруги. Она готовилась загодя, начиная свое преображение от волос, которые следовало немного отрастить, затем чуточку остричь, после чего окрашенное окрасить, – и заканчивая педикюром с эмблемами из какого-то анимешного сериала на ногтях, который никто не смотрел. Когда произошла ссора, Хомяк, зная слабость своего парня лучше, чем каталог акций в Ozon, с криком пообещала немедленно съехать к подруге. Не той, которая лучшая, а той, по ее ироничному определению «кулема», что по доброте своей готова приютить всякого страждущего... «Вот и будешь сидеть один в своей норе», – зло сказала она, будучи уверена, что ее страшное заклинание сработает и на этот раз. Но Крыс, к удивлению девушки, остался непреклонен. Хомяк выдержала паузу, когда они разошлись по углам, не без труда переварила ситуацию, выкурив полпачки в кухонное окно, и решила в итоге принять неожиданный выпад Крысеныша как мужской поступок. Это устроило обоих, и долгожданное воскресенье они провели порознь.

Продрогнув на балконе, Крыс тихонько прокрался под одеяло, закрыл глаза, чтобы ушло всё надуманное за ночь разом, но сна не было. Он вспомнил смеющиеся пьяные физиономии, сутулую удаляющуюся спину Призрака, двоих скучных охранников, беседующих с хозяином... Вспомнил, что испытывал при этом гаденькое торжество: так тебе и надо, философ, иди гуляй. Подумал: кому или чему тогда мстил? Этому ли чудаковатому и безобидному, в сущности, пьянице или чему-то еще... Тому, что копилось на протяжении последних лет, бродило недоношенными мыслишками, праздной обидой на всё, вызревало темным болезненным гнойником. Теперь Крысу не страшно было признаться себе, что если бы он и хотел доверить кому-то свои карябающие душу мыслишки, свою загнанную в темный угол не избытую тоску, то этот кто-то мог быть только Призрак. Тихий, нескладный, пьяненький, в круглых интеллигентских очочках, он подсел бы с кружкой крепкого пива и по обыкновению спросил: «Ну, как живет в норе?» И у Крыса нашлось бы что ему рассказать...

«С ума я, что ли, сошел?» – усмехнулся бармен.

Он взял смартфон, вышел со страницы Призрака, зашел на другую, с фото жизнерадостного бородача на фоне алтайских гор, и уверенно набрал: «Увольняюсь».

Александр КАШТАНОВ

Родился в 1978 году в Стерлитамаке, Башкирия. Окончил Уральский государственный университет. Работает бизнес-аналитиком.

Публиковался в журналах «Слово», «Современная драматургия», на интернет-порталах «Год литературы», «Прочтение». Пьесы входили в шорт-листы драматургических конкурсов «Евразия», «Пять вечеров». Сценарий «Никакого смешного» завоевал первое место на Международном конкурсе киносценариев ВГИК «Новый взгляд».

Живет в Екатеринбурге.

МИЛЕДИ

Витю Сергеева с десятилетнего возраста одолевали ночные кошмары. И к этому можно было бы привыкнуть, если бы сновидения не имели явно выраженный эротический характер. Регулярно снилась Сергееву одна и та же роковая женщина. Звали ее Миледи, та самая Миледи – плод воображения Александр Дюма-отца. Надо заметить, что на юного Сергеева произвел большое впечатление роман великого француза, а укрепил его просмотр известного телефильма с Маргаритой Тереховой в роли коварной красотки.

Сны Сергеева были сладкие, тягучие, иногда с увлажнениями под утро в районе трусов. Сны Сергееву нравились, но и пугали сильно. Продолжалось это долго, не один год. Сергеев уже давно прочитал все романы Дюма про мушкетеров, втихоря от родителей прочел «Яму» Куприна и рассказы Мопассана. Однако снилась ему не мопассановская Пышка и не купринская Манька Маленькая: по-прежнему являлась ему в сновидениях рыжеволосая обольстительница Миледи. Образ ее постепенно трансформировался: от Маргариты Тереховой в сторону зарубежных кинодив а-ля Софи Лорен. Сергеев в своем повторяющемся сне постоянно подвергался опасности, которая исходила со стороны Миледи. Опасность эта была особого рода, где риск, тревога были переплавлены в эротику. Так, Миледи во сне, как правило, была полуголая. В складках пышного платья она прятала кинжал. Кинжал олицетворял опасность. Голые ноги женщины олицетворяли то, чего у Сергеева еще никогда не было, но уже сильно волновало по ночам. Сам же Сергеев чаще всего представлял в сновидениях в образе д'Артаньяна. Во сне он носил широкополую шляпу с пером, а вместо шпаги в руке почему-то часто фигурировал школьный портфель. Миледи требовала от Сергеева-д'Артаньяна, чтобы он ее спасал. Спасение выглядело

так: взявшись за руки Сергеев и Миледи вместе убегали от каких-то темных личностей, которые выглядели периодически как милиционеры, а иногда – как гвардейцы кардинала. При бегстве Сергеев умело отбивался от преследователей школьным портфелем. Дальше были поцелуи и какая-то возня, связанная с освобождением Миледи от многочисленных юбок. Не обходилось во снах Сергеева и без клейма Миледи в виде лилии. Сергеев сам тщательно старался найти это клеймо на теле агента кардинала. Причем клеймо обнаружилось у Миледи не на плече, а всегда в самых разных интересных местах: на бедре, на груди. Много раз после поцелуев и борьбы в постели Миледи пыталась заколоть Сергеева острым кинжалом. Мотивации у рыжеволосой для этого не было никакой: Сергеев только что спас ее от незнакомых мужчин, угрожавшей ей расправой.

Витя не забывал и эпизод, случившийся с ним в раннем детстве: его угораздило вместе с родителями посмотреть иностранную экранизацию романа «Три мушкетера». В фильме Атос, граф де Ла Фер, утверждал, что Миледи была заклеена как воровка и проститутка. «Кто такая проститутка?» – в ту же минуту задал вопрос родителям младшеклассник Сергеев. После паузы родители ответили, что так называется женщина, которая курит и пьет. Теперь Сергеев был уверен, что, когда он вырастет, ему будут нравиться только те женщины, которые курят и пьют. Такие, как Миледи: преступные, запретные, волнующие.

Сергеев повзрослел. Сны с Миледи прекратились так же резко, как и начались. Он больше не перечитывал романов Дюма. На смену «Трем мушкетерам» пришла другая, более серьезная литература. И если во снах Миледи больше Сергеева не преследовала, то в реальной жизни он подспудно искал в своих избранницах черты роковой и вероломной француженки. Правда, до образа Миледи никто из его знакомых женщин явно недотягивал.

С Марго Сергеев познакомился в баре. Она пила вино и красиво курила тонкую сигарету. Белая блузка слегка открывала загорелое плечо. Рыжие волосы волной опускались на плечи. Знакомство с шатенкой было неизбежно. Роман с Марго развивался стремительно. «Это она, моя Миледи из снов. И это реальность, а не грезы», – думал Сергеев. Марго была очаровательна: молодая, порывистая, склонная к авантюрам и употреблению красного вина. Когда Марго брала Сергеева за руку, сердце в его груди начинало неритмично колотиться. О себе Марго рассказывала мало и обрывочно: отец умер рано, в 16 лет ушла от матери, живет от нее отдельно, учится в каком-то там техникуме и работает менеджером, обеспечивает себя сама. Загадочность Марго только усиливало влечение Сергеева. Через несколько дней знакомства Марго и Сергеев оказались в кровати шикарного гостиничного номера. Бурному сексу немного мешал алкоголь и неумное желание Марго извиваться в объятиях Сергеева. «Первый раз всегда скомканно проходит, об этом даже Ремарк писал», – анализировал Сергеев. Закурили в нарушение всех гостиничных правил прямо в постели одну на двоих сигарету. Марго захотела после поговорить на интимные темы: «Витя, у тебя есть какая-нибудь тайна, скелет в шкафу? Тайна, которой ты ни с кем не делился. Ни с кем ни с кем. Такая замечательная ночь требует говорить о сокровенном. Давай ты мне расскажешь свою тайну, я потом расскажу свою. И это дальше нас никуда не уйдет». Сергеев согласился, хотя какой-то особенной тайны у него не было, поэтому он рассказал Марго глупость, как он в детстве отливал спиртное из папиных буты-

лок с крепким алкоголем и разбавлял затем его кипяченой водой. Марго внимательно слушала. Потом молчали, обнявшись. «У меня тоже есть тайна – я убила человека некоторое время тому назад». В темноте голос Марго звучал глухо и ровно. По Сергееву побежали волной мурашки. Он заглянул в лицо рыжеволосой девушки. Лицо показалось незнакомым. «Наверное, она врёт, но почему тогда не улыбается. Или она пьяна?» Рука Сергеева стала бессознательно ощупывать плечо Марго. Девушка приняла это движение за объятие и сильнее прильнула к Сергееву. «Наверное, около года назад (хотя я знаю точную дату и время, но говорить не буду), зимой, я возвращалась домой поздно вечером от подруги. Уже когда был близко дом, я услышала за собой шаги. Я ускорила шаг, а потом побежала. Я чувствовала, что кто-то очень быстро идет за мной. Я чувствовала чужое мужское дыхание. Вокруг никого, фонари не горят. Я сжала в кармане нож». – «Нож? Откуда у тебя в кармане нож?» – «Отец всегда мне говорил: “Ты девочка, но должна уметь себя защитить”». В десятилетнем возрасте втайне от матери он подарил мне нож с откидывающимся лезвием, с тех пор я всегда носила его с собой. Он придавал мне уверенности, я не боялась в отличие от подруг поздно возвращаться домой. Я знала, что я не жертва, я не боялась ничего. Папа умер. Я выросла, но нож был у меня всегда собой. Необходимости доставать его из кармана не было. До того случая. Он, этот мужчина, догнал меня почти у подъезда. Одной рукой схватил за горло, стал душить, другой пытался стянуть с меня куртку, но я уже высвободила руку с ножом и два раза ударила его в бок. Он ослабил хватку на моем горле и удивленно посмотрел на меня. И только здесь я увидела его лицо, бессмысленное лицо дегенерата. Оно было уродливое. Не лицо, а гримаса. Когда он опустил руки, я ударила его ножом в горло. Кровь брызнула на одежду. Он что-то такое сказал мне типа “сука”, но я уже бежала к подъезду. Взметнулась по ступенькам в свою квартиру, ворвалась домой и сразу же прильнула к окну, не включая свет. Окно выходило во двор и я увидела, что он лежит в снегу бесформенным мешком, куртка его задралась, закрыв лицо. Я просидела в оцепенении в темноте в квартире, наверное, несколько часов. Потом рискнула и снова подошла к окну: он по-прежнему лежал не двигаясь, его уже стало замечать снегом. И ты знаешь, я ведь подумала сначала, что надо вызвать скорую, просто сообщить, что по такому-то адресу лежит раненый человек, но я не стала так делать. Я не сделала этого. Я не сделала этого не из страха за себя. Я просто хотела, чтобы он сдох. Ведь он мог уже много раз это делать. Как со мной. С другими девушками. Нападать, насиловать, грабить. Он был преступник, может быть, маньяк, ведь их много разгуливает на свободе. Я хотела, чтобы он умер. Потом я вымыла от крови нож, бросила в стирку одежду. И легла спать. Спала я как убитая. Встала уже днем, была суббота. Я сразу все вспомнила, вспомнила, что это был не сон, кошмар был вчера наяву. И это случилось именно со мной. Я убила человека. Я снова подошла к окну: во дворе никого не было. Тело исчезло. В последующие дни меня никто не беспокоил. Не было никакой полиции, никаких вопросов ко мне, никаких подозрений. Потом я решила это все забыть, похоронить это внутри своей памяти. Я никому об этом не говорила, кроме тебя. Вот такая моя тайна». Марго наклонилась к Сергееву, заглянула ему в глаза, по-видимому, ища сочувствия. Сергееву стало холодно. Нутром он чувствовал: Марго рассказывала ему правдивую историю. Оставался один вопрос, который Сергеев хотел выяснить, он еще надеялся,

что все происходило не совсем так, как он слышал: «Почему ты решила, что нанесла ему смертельные раны? Ведь ты не видела больше тело. Он мог быть только ранен. Именно поэтому и не было опроса жителей и полицейского расследования». Марго снова закурила, огонь зажег осыпал на миг ее почти безмятежное лицо. «Новости. Криминальные новости города. Я их смотрела на следующий день. Там был назван мой адрес, мой номер дома. И дата, когда они нашли труп. Там прозвучало слово “убийство”. Я действительно его убила». Марго затаилась, красиво выпустила дым и замолчала. Сергею показалось, что она потянулась к одежде, чтобы достать нож. У Миледи всегда кинжал под рукой. Затем Сергей уклонился от предложения Марго повторно заняться любовью. Марго сделала вид, что немного обиделась. Под предлогом того, что ему рано вставать на работу, Сергей стал собираться, и вскоре они вместе покинули гостиничный номер. Перед расставанием Марго обняла Сергея, прижалась рыжими локонами к его груди и прошептала: «Для меня это вопрос жизни и смерти, моя тайна должна остаться тайной». Сергей пообещал.

Сергей больше не встречался с Марго. Сама девушка, как и положено воспитанным барышням, не проявляла инициативы и не звонила первой. Возможно, она сожалела, что доверила Сергею свою тайну.

На протяжении многих месяцев, возвращаясь поздно вечером домой с работы, Сергей инстинктивно оборачивался и внимательно, смотрел, не идет ли кто-то вслед за ним. Замечал за собой Сергея и такую деталь: любая встреченная на улице в темное время суток одинокая женская фигура вызывала у него мгновенный испуг. После расставания с Марго к Сергею вернулись сны про Миледи, но теперь в совершенно в других комбинациях. Вот он, Сергей, одиноко бежит по заснеженному темному двору, размахивая школьным портфелем. Он спотыкается и падает, больно ударяясь носом обо что-то твердое и холодное. Сергей приподнимается и видит, что он упал на окровавленное тело мужчины. Сергей пытается встать, ему хочется плакать и бежать домой, где так уютно и безопасно. Женская рука касается его плеча. Это Марго-Миледи. Она подносит палец к губам: «Тсс! Это все лишь труп гвардейца кардинала. И это наша тайна». Другой рукой Марго-Миледи что-то настойчиво ищет в кармане своей куртки. Ищет и находит.

Андрей ГОРЬКОВЧАНИН

Родился в 1958 году в Горьком. Служил в армии за полярным кругом, в Мурманской области. Работал в типографии сортировщиком печати, машинистом трубоукладчика на городских стройках, трактористом в колхозе, машинистом бульдозера на трассах газонефтепроводов.

Автор книги рассказов «Ангел вдохновения» и сборника сказок. Публиковался в альманахах «Невская перспектива», «Земляки», в сборнике «Литературный фонд» (памятное издание в честь 150-летия со дня рождения Максима Горького), в журнале «Зубрёнок».

Лауреат двух литературных конкурсов: 2-е место во всероссийском литературном конкурсе «Моя малая Родина» и 3-е место в конкурсе «Литературные аллеи».

Живет в Санкт-Петербурге.

ОСКОЛКИ ПРОШЛОГО

*Не первый год у этих мест
Я в час вечерний проезжаю
И каждый раз гляжу окрест,
И над берёзами встречаю
Всё тот же золочёный крест.*

Афанасий Фет

День был жаркий. Стоящее в зените солнце раскаляло всё, к чему бы ни прикасалось. Временами лёгкий ветерок, рождённый над широкими водами реки Волги, долетал и сюда, к затерянному в приволжских лесах посёлку, но по дороге утратив прохладу, уже не в силах был справиться с полуденной духотой. Единственный кондиционер в нашей машине – открытые окна, в которые врзались тугие от скорости потоки воздуха. Поливая себя водой, можно было как-то охладить на сквозняке горящее от духоты тело. Поэтому мы с приятелем свернули с шоссе на просёлочную дорогу, ведущую к видневшейся за посадками деревне, запастись водой из колодца.

На усталом зелёном пространстве между сельской дорогой и деревенскими домами стоял огороженный низким, посеребрившим от времени штакетником колодец. Невдалеке, раскидав по сторонам колючие ветви, рос величественный вяз, в его-то тени приятель и остановил машину. Широко распахнув двери, мы с облегчением вышли из душного салона. Выбранное место показалось райским оазисом в знойной пустыне. Приятель поспешил откинуть капот, откуда тут же поднялись потоки расплавленного воздуха. Пока он занимался

машиной, я решил немного поразмяться. Пять часов безостановочного пробега не шутка.

Места знакомые, я бывал здесь, когда мотался по Волго-Вятскому региону в составе бригады нефтяников. Здесь, на пустыре – это место и сейчас пустует, как и двадцать лет назад, – стоял наш городок. А вот название самой деревни ну никак не вспомнить, какое-то чудное, необычное, ему бы в памяти крепко-накрепко врезаться, нет же, ускользнуло, не то Дядя, не то Тятя, может даже, Зятя. Порой над замысловатыми названиями, встречающимися по нашей Нижегородской области, и насмеёшься вдоволь, и голову сломаешь, пытаешься понять значение вложенного жителями в название своего посёлка: какое-либо меткое выражение, эпитет, признак предмета – все, что было характерно в прошлой эпохе и обычно для данного места. Только когда копнёшь поглубже да и вывернешь наружу пласт спрессованный временем, тогда лишь и уразумеешь насколько было образно мышление наших предков. Но суть не в том, как прозвали его первые поселенцы, на то у них была видимая причина, а в том, что *мы* всё исковеркали, извратили и, в конце концов, окончательно забыли первоначальный смысл – названия потеряли былое значение, обернувшись для нас в абстрактные звуки.

Одна часть пустыря была обустроена под стоянку личного транспорта зажиточных аборигенов. Две иномарки стояли возле ярко-зелёного забора, скрывавшего красивый трёхэтажный особняк из красного кирпича. Над крышами машин томился зыбкий воздух, искажая пространство.

На другой стороне пустыря из-за обильных зарослей крапивы и лебеды, пижмы и других сорняков проглядывался старый кирпичный фундамент, некогда державший на себе архитектурный ансамбль деревянного зодчества. По обугленным останкам торчащих то тут то там досок было понятно, что полное разорение не обошлось без чьей-то воли. В развалинах фундамента виделись некогда бушевавшие здесь языки пламени, испепелившие последние остатки сотворённого человеческими руками чуда. Почерневшие камни, эти осколки прошлой жизни, испытанные на своём веку и поклонение, и поругание могли многое поведать, но они скорбно молчали, укрывшись пыльными листьями репейника да колючими стеблями крапивы, будто убогий, придорожный нищий прячущий своё нагое тело за рваным веретем. А некогда здесь стояла церковь, вознося купола-маковки к небесам. Ныне остался лишь фундамент...

Мне вспомнились дни, когда мы в первый раз прибыли в эти края.

Месяц январь крепко держал свой посох, никому спуску не давал, будь ты зверь или человек. Дни тогда стояли ясные, морозные. Дым печных труб столбом поднимался в бездонно-голубое небо. Мы споро поставили городок из вагончиков, обжились, с местным населением познакомились. Самым первым к нам хозяин лесхоза явился. Отметил на карте лесного хозяйства нашу трассовку и предупредил, ткнув пальцем в квадрат рядом с нашей трубой:

– Здесь медвежья берлога. Зверь спит, не приведи господь, разбудите. Нам ещё шатунов здесь не хватало. Так что попрошу вас, будьте поосторожней, не раскатывайте по всему лесу почём зря, знаю вас, шальных. Завтра пораньше заеду, покажу бульдозеристу, где дорогу пробивать, болот здесь много, под снегом и не видно. Рано снежок выпал, до заморозков, не успела земля остыть да промёрзнуть, можно так забуриться – мало не покажется. Днём расчистим, может, за ночь под-

мёрзнет. Крепко, нынче, мороз-хозяин за дело взялся! Вторую неделю спуску не даёт, наша техника почти вся встала. А ваши трактора не чета нашим, пройдут, а вот как машины?

Рядом с городком, взывая к небесам о милосердии, стояла ветхая деревянная церковь. Серые стены, обшитые тёсом, покосившись, ввалились внутрь. Отошедшие доски обнажили трухлявые брёвна, съедаемые рыжим лишайником. Крыша под тяжестью снега просела, и угловые купола готовились рухнуть вниз. Шатёр колокольни, прогнив, обрушился на трапезную, окончательно её разрушив. Только главный купол храма, покрытый позеленевшей дранкой, сохранял былое достоинство своим объёмом и украшавшим его наверху узорчатым крестом. Правда, сохранившийся медный крест сильно накренился, и снизу казалось, будто готовится он к прыжку. Добавлю ко всему этому грустному пейзажу белоснежный зимний саван, сотканный из мириадов холодных снежинок, укутавший не только старый храм, но и добрую часть человечества.

Вечерами, после работы, выйдя из прокуренного вагона перед сном на свежий воздух, невольно да приглядишься к чёрному пятну купола на фоне звёздного, морозного неба. Яркие созвездия, рассыпанные в кажущемся беспорядке по всему небосклону, влекли к мыслям о бесконечности пространства, о вечном, но, бросив взгляд на покосившийся крест, мгновенно спускаешься на землю, задумываясь о сущем.

К нам часто заходили местные жители, времена были тяжёлые, и особенно это чувствовалось на селе – колхозы развалились, работы не было, и каждый выживал как мог. Вот и устроился к нам дневным сторожем один дедок; дежурил в городке, пока бригада работала на трассе, кухарке помогал при столовой: не без её помощи деда к делу приобщили – родственник.

Как-то раз прибыли в городок ещё засветло. Завидя нас, поспешил дед откланяться и уж было скрылся за угол вагончика, как окликнул я его и пригласил в гости.

– Куда спешишь? Зайди погостить, чаёк поставим, обогреемся: мы сами на морозе весь день. «Вахта» сломалась и оставила нас без обеда, недавно только водитель и наладил. Заходи, не обидим! Угостим, спасибо скажешь.

Так и состоялось наше знакомство. Обычно вечерами после трудового дня в нашем вагончике, как в красном уголке, собиралась хорошая компания на посиделки. Занавески на окнах, тапочки, ковровая дорожка на полу, телевизор, посуда с узорами, в общем, по всем параметрам уютная обстановка, вот и шли коллеги к нам из своих необустроенных, стандартных нор скоротать вечерок по-домашнему. Порой посиделки заканчивались далеко за полночь.

Угостили мы деда, он и размяк, о жизни своей не таясь поведал: из уст его услышали историю покосившегося креста. Мы уже понаслушались разных небылиц от местного женского населения, что возле городка нашего выются и языками, как помелом, метут, а нам истину подавай, не корми байками. Да только мысли у молодух витают в иных измерениях, и ничего из истории посёлка от них не узнали. Поэтому очень порадовались, затащив к себе деда Ферая; как оказалось, он был очевидцем и чуть ли не участником тех исторических событий.

Забавное имя – Ферай. Мы думали – просто кличка прицепилась за какие-то заслуги, приставать с вопросами, отчего да как, неудобно, а в узкой компании стеснение ушло. Поинтересовались:

– Имя какое-то чудное у тебя, вроде как нерусское, а с лица наш! За что прозвали?

– Да родители мои чудаками были. Свою любовь не только мной закрепили, но ещё и в имени моём оставили. Отец – Фёдор, мать – Раиса. Вот и вышло – Ферай. Ферай Фёдорович, так и в паспорте прописано. Добрые были у меня родители, царствие им небесное! Всю долгую жизнь в любви и согласии прожили, никому не в убыток. – Дед замолчал, уйдя в свои мысли, видимо, поминая родителей. Мы уgomонились и не торопили старого человека.

– А с крестом вот какая притча вышла, – неожиданно очнувшись, заговорил дед Ферай. – В году эдак тридцать первом, втором ли, до нашего села дошла коллективизация. Супротив никто не пошёл, честно сказать, бедно жили. Единоличнику в наших краях не выстоять, только сообща если, друг за друга держась. Образовался на ту пору леспромхоз, и весь наш люд трудился на лесозаготовке и торфоразработках. А в тридцать шестом объединили нас с соседним районом, где началось всесоюзное строительство бумкомбината. В те легендарные тридцатые годы, в годы энтузиазма и всеобщего похода безбожников на религию, наша церковь устояла. Стояла, никому не мешала из начальства, хорошие в ней помещения были, просторные, вот молодёжь и освоила её себе под клуб; много молодёжи понаехало в ту пору на строительство. Лозунгами, транспарантами всю её обвешали, обмотали, изукрасили, так что и не разберёшь, в каком углу Бог, а в каком Сталин. Вначале библиотека там была, книг из района привезли телегу целую, да читателей немного оказалось, только одни школьники. Вот и привлекли нас, ребяташек, к борьбе с безграмотностью. А нам это в интерес – юнцам учить старших, это надо же такому стать! Такое доверие, – мы как-то сразу повзрослели. Как же, нам пионерам, серьёзное дело поручили! Нас, малявок, которых никто не замечал, наравне со взрослыми посчитали. Тут безо всяких отговорок становись в строй! Но знай и помни – спрос соответствующий! Со временем в клубе и кружок драматический образовался. А всё благодаря нашему завклубом незабвенному Илье Фокичу, сколько лет прошло, но помню, чту и уважаю. Добрый был человек, светлый, немного таких на пути своём встречал. Благодаря ему и церковь сохранилась, и мы к творчеству, к сцене приобщились. Я же после войны, в сорок седьмом году, в Горьковское театральное училище поступил и с год проучился. Но не довелось артистом стать. Жил-то у тётки, в бараке на Белинке, там за керосиновой лавкой их не счесть сколько стояло, места тёмные, жители беспокойные. Окраина, этим всё сказано. Вот и связался со шпаной, вроде бы уже и не салага, войну прошёл, а в голове всё одно муть. Выпивали, хулиганили. Стал в училище пропускать занятия, взял за моду словами бранными отвечать на замечания, вот и отстранили с курса. Дружки на свою дорожку поставили, да недолго та дорожка вилась. После много лет развивалась. Сдюжил. Но чего-то уклонился я, не за ту ниточку потянул, ослабела память моя, порой колыхнет во все стороны...

Да, Илья Фокич отстоял наш клуб, то есть церковь, хотя и был коммунистом. Всё зависит от того, какой ты человек, с каким нутром на свет уродился, а не каких линий или идей придержишься. Главное – человеческий фактор! Добрую память о нём сохранили односельчане, поклон ему от всего мира и царствие небесное! Он и тир за трапезной устроил, куда деревенская говша любила бегать изучать оружие, многим пригодились в военное время его наставления. Спектакли, что мы

ставили под его руководством, смотрели и обсуждали всем селом. Вот уж где можно было услышать настоящую критику, идущую от народа, о котором мы и пьесы ставили, а не газетное заказное словоблудие. А крест тем временем, как поставлен когда-то на куполе, так и стоял, издали виден был. Стар и от времени почернел, но в воскресные дни будто светом каким сиял. Вот тебе крест! Стоял, никому не мешал. Поглядывал с высоты на окрестности да на дела наши житейские. Пройдёт кто, взглянет вверх – перекрестится, молитву, если знает, прочтёт, а нет, так просто мимо пройдёт.

В престольный праздник, Петров день, по старой традиции гуляло всё село, конечно, никакой церковной службы не было, да и некому, но каждая семья либо в гости шла, либо у себя гостей принимала, а молодёжь, так та в клубе ввечеру собиралась. Тут уж обязательно разухабистые молодцы изрядно расшались, разойдутся, разгуляются под гармонь, пустятся в пляс по всему селу, по окраине. Эх, вяжите бабы мужиков своих, девки держите парубков, только стёкла звенят во ставенках, гуляй душа, гармонист, рви меха у гармонии... раззудись рука, развернись плечо, душе моей стало горячо, ноги в пляс идут в разгуляй зовут!..

– Дед, ты что?! опять не в ту колену заехал... Может, лучше чай с крендельком? – я остановил его руку, тянущуюся к гранёной рюмке, стоящей, как балерина на тонкой ножке, с чистой, как слеза, водкой. – У нас хороший чай, заварной, с собой привезли.

Усмехнулся Ферай, махнул рукой, и добрые глаза его с накопившейся влагой в уголках, казалось, вот-вот утратят блеск от внезапно полыхнувшей негаснувшей лампадки его души. Жалко стало старика лишать радостных мгновений замелькавших в памяти. Я сам поднёс ему желанную рюмку. Взыграло озорство в оживших глазах, упрятанных за паутиной морщин. Он ахнул залпом, зажмурился и, выдохнув, прослезился. За это мгновение закусочно-рюмочный натюрморт сменился, и на столе появились чайные чашки. Чайник доброжелательно пофыркивал.

Посидел старик, помолчал, шамкая губами, до чашки с чаем не приронулся. Собравшись, продолжил рассказ.

– Были и такие из старух, ух, злющие, что грозили завклубом пальцем после увеселительных мероприятий, приговаривая: «Ироды, креста на вас нет!» На что Фокич им отвечал: «Как же, бабушка, нету, смотри, какой великий на нас крест, крест несущий просвещение, вместо тьмы и затворничества... – и на купол указывал, где медный крест стоял величаво. – Разве Бог запрещает веселиться в свободное от работы время?» И стоял над храмом тот крест почти до войны, никто его не трогал, никто о нём не вспоминал. Никому он не мешал, пока из района лектор не приехал с лекциями, всё об обезьянах нам талдычил и о человеке, якобы от обезьяны произошедшем. Не знаю, как человека, но того лектора точно обезьяна породила. Одни только руки чего стоили! Не стигаясь колени чесал. Он-то и обратил внимание на наш крест на большом куполе. Как мужики тогда сказывали, тяжёлый разговор имел с ним Фокич, а поутру лектор в большом недовольстве обратно в район укатил. Вскоре сменили нашего завклубом, из района прислали нового, как раз того лектора, а нашему Илье Фокичу определили другое место службы. Вот новый-то и стал на крест искоса поглядывать, про кружки и мероприятия позабыл, несподручен он был к этому делу. Народ стал выпрашивать да выискивать того, кто залезет на купол да и скинет крест наземь.

Мне тогда шестнадцать лет минуло, в клубе нашем учился на гармошке играть, молодой был, ловкий. Вот ко мне-то он и стал приставать. Слазь, говорит, на крышу. Сбрось крест с купола.

Я-то отказываться – не моё, мол, это дело, как обезьяна, по крышам лазить. Несподручно мне да и боязно – высоты боюсь. А он знай себе напирает: ты же, говорит, комсомолец! Неужели в Бога веруешь? Отвечаю: «Верить не верю, но и супротив не пойду, ибо страх внутри себя всё ж имею». Видит, ни совладать со мной, ни переубедить не может, так и отстал. Пострадал напоследок ответственностью перед товарищами, обществом, революцию вспомнил, о врагах и их пособниках, но отстал. Ко многим обращался, но никто из нашего села так и не согласился на купол подняться. Его даже сторониться стали. Как завидят по дороге, к какому дому идёт, так шаст в сторону и огородами обходить. Клубная жизнь совсем захирела. Свет просвещения, исходящий от её деятельности, померк. Запил наш завклубом. Перестал ездить в райцентр со всякими докладами, видно, боялся тех, кто его прислал. Волком завыл в одиночестве! Как не запить! И что же вы думаете, чем дело кончилось?

Шумно отхлебнул дед Ферай остывший чай, глазами по столу поискал и не найдя, чего хотелось душе его, взяв конфету, продолжил.

– А кончилось тем, что, напившись с вечеру, он сам полез на купол. Никто этого не видел воочию, он всегда пил в одиночку, как тут не спать? Представляете – ночь, тьма. Местами звёзды из-под туч то тут то там перемигиваются, а он, заткнув за ремень топор, обмотавшись верёвкой, вышел на штурм купола. Каким макаром взобрался на самый верх, никому неизвестно. Сдуру-то чего не выкинешь! Только поутру обнаружили его сидящим на навершии в обнимку с медным крестом. И крест от его действий покосился. Всё село собралось, кто не работал на бумкомбинате, кричат, советы дают, как спуститься. А он молчит, не отвечает. Ухватился за медь и не шелохнётся, свела тело его судорога, обездвижила, и застыл он, словно каменный. Кто полезет снимать его? Не нашлось в толпе смельчаков. Вон Серафимовы принесли лестницу, да куда там, разве достанешь! Высоко! Побежали в правление звонить в район, вызывать пожарников. Да что-то там недопоняли, приехала пожарная команда, а у них из оборудования одни насосы. Только к вечеру прибыла какая-то немецкая автолестница. В самый раз бедолаге под зад оказалась. Шутка ли, метров тридцать будет. Долго там, наверху, с ним возились. Не разжимаются руки его, не отпускают крест. Хотели было вместе с крестом, да куда там – разве медь спилишь. Ножом мышцы кололи, добились-таки своего, развели руки. Это ж надо, почти сутки на куполе сидел. На землю спустили, а он ни жив ни мёртв, стиснув зубы, только мычит, глаза выпучив. Увезли в райцентр, и с тех пор ни слуху о нем, ни духу. Кто говорит – помер, другие молвят – с ума сошёл. Пропал человек, а всё оттого, что мертва была душа его. Не было в ней ни веры, ни любви, а значит, и Бога! С тех самых пор и стоит наш крест будто в поклоне. А годом позже и война началась. В сорок пятом я, придя с фронта, в первую очередь кресту нашему поклонился, а он мне как бы в ответ свой поклон. Из всей деревни один я возвратился целым и невредимым. А крест-то до сих пор стоит, склонился, будто на нас с укором зрит. – Левый глаз у деда задёргался, покраснел, созревшая слеза выкатилась и потерялась в небритой щеке.

Мы уважили деда, выпили с ним за Победу и собрались было проводить гостя домой, как в вагон ввалилась компания раскрасневшихся

на морозе местных красавиц. Появление весёлой ватаги в другое время было бы воспринято нами с радостными чувствами, сейчас же их присутствие не соответствовало душевному настрою, да и усталость после нелёгкого рабочего дня давала о себе знать. Поэтому нарушителей нашего торжественного уединения мы просто выставили за дверь. Дед Ферай засуетился, стал собираться домой. Час был поздний, и мы не препятствовали.

...Картины прошлого растворились в колыхающей от зноя действительности. Уже стоя рядом с приятелем и отряхивая с одежды седой прах дорог, поднятый проехавшим самосвалом, я спросил у подходящей к колодцу женщины:

– Давно ли церковь ваша сгорела?

– Почитай, лет десять прошло. Молния в неё ударила. Куксились, куксились небеса, тучи собирая, думали, вот-вот ливень хлынет. Грозы всё ждали, давно дождя не было. Ан нет, молния раз сверкнула и зараз в купол угодила. И всё, небеса прояснились, где-то вдалеке уже дождь пролился, обошёл нас. Остались от храма одни головёнки.

– Фундамент-то остался!

– А что толку, что на нём строить? Ерохины уже место для себя присмотрели, с властью сторговались!..

Откинув крышку колодца, откуда потянуло приятной прохладой, я раскрутил ворот, зачерпнул ведром воды, поднял. Женщина с улыбкой поблагодарила и, поправив выгоревшую на солнце косынку, отцепила ведро с карабина, что на большом кольце висел на цепи.

Вновь дорога, пыльная просёлочная, местами с ухабами, что шкрябают по днищу. Здесь не прокатишься с ветерком, ухарство ни к чему. В салоне жара, не помогают и открытые окна. Одна мысль – поскорее выехать на шоссе, где скорость и ветер...

Владимир АВЕТИСЯН

Родился в 1952 году в Армении. Окончил факультет журналистики МГУ. Заведовал отделом в районной газете, в настоящее время – директор сёминского Дома культуры «Радуга» Ковернинского района Нижегородской области. Свыше тридцати лет занимается культурно-просветительской работой на селе, краеведческими исследованиями, освещает в прессе проблемы сельской культуры, вопросы традиционного народного творчества, фольклора, художественных промыслов.

Опубликовал ряд книг о сельской культуре, народных художественных промыслах, сборника сказов «У нас на Узоле». Автор герба Ковернинского района (1988). Живет в деревне Сёмино Ковернинского района Нижегородской области.

КАРАЧУН

1

Что ни край, то обычай.

По лесным деревням на Узоле бродит старинное русское словечко: карачун. Вымолвишь его вслух, и мысленному взору в минуту померещится древнее косматое чудище из сумерек нашей языческой истории!.. Зато смысл его разбирает и стар и мал: карачун – это извод на корню чего-нибудь или кого-нибудь.

Может, в других местах, стесняясь матерных слов, коротко отрежут, мол, «капец!» – вроде немецкого «капут!». Но здесь в открытую говорят: карачун! – словно подводят роковую черту, вгоняют в гроб, вбивают осиновый кол!..

«Айда, братцы, на карачун!» – зазывали предки идти в лес на медведя. И ещё одно в памяти всплывает, слово в слово, когда отцы и деды уходили на войну: «Зададим фашистам карачуна! Где наша не пропадала!..»

Говоря без обиняков, словечко выпало из колыбельки старинного народного медвежьего промысла, которым традиционно занимались охотники в здешних местах.

Такова уж истина из первых рук, и привели мы её здесь к сведению заезжих и захожих гостей. А уж свои-то на этом зубы съели! Что, мол, скажешь, кум Исакич? – А что спросишь, кум Абрамыч! И выдадут тебе про карачун с три короба – за Боже ты мой!

В наших краях задают медведю карачуна, ни много ни мало, два раза в год: зимой и летом. Только зимний карачун дороже летнего!

Во-первых, подпадает он аккурат на Спиридона-солноворот, когда, по народному календарному выражению, солнце идёт на лето, зима на мороз, а мужик, стало быть, – на медведя! В Спиридоньев-день, минута в минуту, косолапый переворачивается в берлоге с одного боку на другой. Никто не видел и не проверял, да мы и спорить не будем!

Во-вторых, как ни крути, а зимний карачун – из другого теста: мужики ходят на него с верным расчётом на успех. Ведь предмет охоты сидит в берлоге, что тебе фриц в окопе, – обложи его со всех сторон да и выкуривай его помаленьку – куда он денется?!

У летнего же карачуна, брат, иная подоплёка.

Медведь летом на воле ходит барином, жирок себе нагуливает. Слухом чуток, глазом востёр, нос по ветру держит; охотника учует за версту! Мудрено взять его с маху. Если только бить издали, да чтобы рука не дрогнула. Тут попотеешь, хоронясь на засидках. Когда спадёт малина, черника, голубика, брусника и прочие ягоды, косолапый переключается на молочные, ещё не созревшие овсы. В сумерках он тихо выходит из леса. Остановится в зарослях, послушает, стоя против ветра, шупает чёрными ноздрями вечерний влажный воздух, стараясь угадать, нет ли поблизости человека; выходит на овёс, загребая лапой метёлки, – чмокает, обсасывает их... А в это время ты затаился, сидишь на лабазе – ну, такой самодельный помост для засидки на дереве: ни кашлянуть, ни курнуть, не шевельнуться, даже если тебя всего облепили комары, – медведь чуток и крайне осторожен. Дождётся удобного момента, тогда и спускай курок – ни пуха тебе, ни пера! Легко сказать: на деле сплошь и рядом бьют очертя голову да закрывши глаза – авось как-нибудь да зацепит, а потом, если что, можно догнать лайками и добить...

Бывает зачастую, что медведь сам тебя на пушку возьмёт – поманит в сторону, обойдёт кругом да в чащобу глухую заведёт, и будешь ты заблудшим фофаном по лесу плутать... Умеет, чертяка, напускать мару на глаза! А нашего брата, охотника, хлебом не корми, дай только языком почесать про эту мару! Ну ладно, можно бы и проглотить байку, как его там косолапый за нос водил да по лесу кружил... Но когда он впаривает тебе небылицы про медвежий гипноз и как при этом медведь испаряется прямо у тебя на глазах – ну, это уже, с позволения сказать, не для компанства, а ради приятства!.. И ведь Христом-Богом клянётся, мол, с ним ровно такой случай и вышел: стоит медведь аккурат перед глазами, а он, веришь ли, в упор не видит зверя! Мара, и всё тут! Потом что-то проклюнулось из тумана... Пригляделся – ба! – родная тёща, да со скалкой в правой руке!..

– Во хмелю, братец, увидишь и чёрта! – резонно замечают рассказчику трезвые на голову слушатели. – Пить надо меньше! А уж выпил, так закусывай!..

На Воздвиженье, едва птица двинется в отлёт, косолапый начинает кочевряжиться; все думы – о берлоге, оттого керкает да муташится, ровно капризное дитя перед сном. И хвастливому охотнику кажется, будто зверь сам в руки лезет – опасности не чувствует, рассеян, на глазах туман, – бери его врасплох, не прогадаешь!..

Ан нет! Медведь – думец и хитрован: где надо, лисой прикинётся, а где и стремглав рванёт в атаку! Не приведи бог кому в эту пору задеть его неумелым выстрелом: чума на всю округу от шатуна! Бывалый охотник спокойно ведёт зверя до самой берлоги, тайно наблюдая за ним со стороны; по разным приметам, какие оставляет за собою полусонный керкун, намётанный глаз охотника определит его силу и вес, а заодно и время, когда он уж верно отойдёт ко сну...

Обычно с Егория, когда декабрьские сугробы улягутся, медведь в берлоге крепко засыпает. Наконец-то! Охотник-следопыт посылает медвежатникам заветную весточку: «Наши спят»... А значит, уж близок Спиридоньев день – пора расчехлять ружья, набивать патроны, укладывать снаряжение... Грядёт большой зимний карачун!

Особые хлопоты у главного чарника, Герасима Гаранина, – ему как главному «алхимику» в очередной раз готовить традиционное ритуальное зелье карачун. Вот уже тридцать лет он готовит для охотников круговую чару. В доме у него, как у старинного знахаря: на полках и стеллажах – баночки с мазями, кулёчки с травами и пряностями, скляночки с эфирными маслами, спиртами, настойками... Повсюду книги с рецептами по изготовлению лекарственных напитков, зелий, коктейлей; стены облеплены этикетками от винных и водочных бутылок... Его дед, Федосей, был чарником карачуна ещё при царе, оставался им и после Октябрьской революции; с тех пор этот крест несут все его потомки по прямой линии. Какие новые символические добавки окажутся в старинном рецепте на этот раз? Перед началом охоты круговая чара с волшебным зельем поочерёдно обойдёт участников карачуна, очерчивая вокруг охотничьего застолья обереженный круг, чтобы с пищей и мыслями в кровь не проникла нечистая сила, а из круга не вздумала бы улизнуть охотничья удача!

2

Про наш карачун не слыхал разве что глухой! И в газетах нём писали, и по телевизору казали... Слух о нём перешагнул в иные земли и, веришь ли, достучался до одного немецкого миллиардера по имени Отто Бухлер!

С давних времён охота на медведя в лесах Баварии была главным родовым пристрастием Бухлеров. У всех мужчин этого старинного рода проявлялась охотничья косточка, а с нею сильна была и заповедь: не довольство, а охота человека тешит. А уж охоту тешить – не беда платить! И они на эту страсть денег не жалели. У них были самые дорогие охотничьи ружья; их родовой коллекции завидовал сам рейхсмаршал Геринг, который также был страстным коллекционером стрелкового оружия. Родовое поместье Бухлеров было сплошь увешано охотничьими трофеями, неоспоримыми знаками охотничьей славы представителей рода. И как только прошёл звон про карачун на Узоле, выиграло ретивое у богатого отпрыска, глаза разгорелись, и брюхом захотелось. Так захотелось, что вынь да положь: хочу, говорит, в Россию, посмотреть своими глазами на этот русский карачун! И чтобы там – полный натюрлих: с мужиками водочки попить, в русской баньке попариться, а уж потом всею ордою в лес – медведя карачунить!..

Во, брат, дела! Это без денег ты червяк, и звать тебя никак, а при деньгах – Отто Бухлер! И самому Богу можешь ответ дать! Тут ещё и сорока на хвосте принесла, дескать, сей немец Отто – чуть ли не родной племянничек ихнему канцлеру!.. Смекаешь, какого полёта птица-то?! И кто ж от такого клиента откажется просто так! Да наши за него в доску расшибутся, если надо – рельсы ему до самой Узолы проложат и живого медведя на прицел выведут – будь добр, герр Бухлер, только пальчиком нажми на спуск!..

Решился Отто Бухлер: попытка не пытка, и уж что ни будет, а поставлю на своём. И посылает он к нам своего доверенного человека

разведать это дело. Приезжает немецкий посланец сюда, к местным властям, выкладывает им на стол необычайно выгодное коммерческое предложение: один миллион евро за настоящий зимний карачун с прямым участием господина Отто Бухлера!

Такого случая тут ждали, как Христова Рождества: район-то весь в долгах как в шелках, без денег нынче как без мази, – всё кругом скрипом скрипит. Видно, мол, сам Господь решил послать нам этого благодетеля-миллиардера! Только вот незадача: с марта приняли закон о запрете охоты на медведя в берлоге, – видишь ли, каждый год в стране гибнет от рук охотников не одна сотня медведей и маленьких медвежат. Ведь раньше разрешалось отстреливать всех животных, которые находились в берлоге, в их числе и новорождённых медвежат. И надо же такому случиться! – приняли закон именно перед тем, как у нас нарисовался этот миллиардер Отто Бухлер! По совести сказать, деньги нынче переваливают любой закон! Чай они и есть – высший закон! Предложение приняли с маху – мол, добро пожаловать, герр Бухлер! Мечтаем с вами познакомиться и сказать друг другу приятное! Любый ваш каприз – за ваши денежки! Мир, дружба, фрэндшафт!!!

По случаю приезда в наши края важного немца доблестное охотобщество «Узола» созвало на чрезвычайную сходку всех своих членов. Вопрос стоял ребром: как бы не осрамиться перед Европой, – принять и обслужить «чуть ли не родного племянничка ихнего канцлера»?! На сходку стремглав примчались глава района и начальник местной полиции. С порога в один голос: мужики, Христа ради, выручайте! Уж не посрамите район. Клиент шибко богатый! Он этой охотой бредит, не пожалеет никаких денег, если ему потратить! Обещает подарить районной больнице дорогое немецкое оборудование и, уж конечно, даст на развитие вашего охотоведческого хозяйства!..

Мужикам такие посулы – бальзам на душу. Выслушали они районное начальство со всей своей любовью и зуб дали, что карачун гостю будет обеспечен – мама не горюй! Есть, мол, тут у них «в разработке» два «президента» – так они окрестили предмет охоты, чтобы не спугнуть удачу! Пасут эту парочку ещё с прошлого года! Уж доподлинно замечено, что залегли они в своих старых берлогах, где, никем не потревоженные, перезимовали предыдущую зиму! Считай, оба у них на мушке!

– Ай, да молодцы! – похвалил глава района. – Видишь, Иваныч, какovy у нас орлы! – обратился он к начальнику полиции.

– Подтверждаю, – неласково буркнул главный полицейский. Но тут же сделал охотникам деликатное внушение: мужики, вы, мол, аккуратнее со словами-то, называть медведя «президентом» да ещё подчёркивать, что у вас на мушке аж «два президента», – про всякое могут подумать...

– На что намекаете, начальник? – был резонный вопрос.

– Ясное дело, на что... – Иваныч многозначительно ткнул пальцем в небо, дожидаясь, пока проявится нужная реакция.

– А-а, – дошло до охотников. – Упаси нас бог, – засмутились они, – мы так высоко и в мыслях не взлетаем. Просто думали, раз уж медведь у нас теперь официальный тотем президентской партии, то и решили, без всякой задней мысли, такую кличку ему и подобрать: Президент!

– Логично, – снова буркнул в своей манере начальник полиции. – За устное народное творчество у нас пока не сажают...

На том и разошлись.

Сегодня миллиардеру из Германии шагнуть напрямик в нашу лесную глушь – как два пальца об асфальт. Его с почётом доставили на российском военном вертолёте. Для встречи важного гостя подняли на уши всю новоиспечённую полицию района. Согнали лучших гармонистов и частушечников округи. Встречали хлебом-солью, блинами да мёдом, под задорные частушки, наспех состряпанные по такому случаю народными остро словами:

За рекою, на полянку
Вертолёт военный сел.
К нам в деревню на гулянку
Отто Бухлер прилетел!
Он – любитель форс-мажора,
Парень бравый и ваще...
Мне б такого ухажёра –
С вертолётom и в плаще!..

Чёрта лысого! На парня бравого, любителя форс-мажора он не тянул – так себе, невысокий толстячок лет пятидесяти, рябой, белобровый, с пивным брюшком да в очках с большими линзами от близорукости. Шут с ним, будь он хоть обезьяной, никто бы в упор не заметил: важнее очевидного – тот покоряющий факт, что у этого мерина денег немерено! Ведь нынче по деньгам и почёт. А кого почитают, того и величают.

Бухлер сносно говорил по-русски, так что в переводчике не было надобности. Более того, он отправил в отпуск личную охрану, советников и службу. Зато прихватил свою верную зверовую овчарку Грету, натасканную на медведя. И, конечно, отборное охотничье снаряжение от германской оружейной фирмы «Зауэр».

Как показали первые шаги знакомства, гость очень быстро нашёл язык с охотниками. Из вертолёта выставили два ящика водки с хорошей закуской – поддержать церемонию знакомства! Толстячок Бухлер оказался «свой в доску мужик»: даже фамилия по звучанию прямо намекала на русский глагол «бухать» в его алкогольном значении, реально отражая склонность хозяина к выпивке. На такой радости для дорогого гостя зажарили кабанчика на вертеле. Бухал Отто решительно, засучив рукава... И наши – чёрт возьми! – старались не отставать. Когда градус тёплой встречи стал зашкаливать, поднялся председатель охотобщества Куландин и торжественно запечатлел на мясистых губах Бухлера братский засос, повторив известный по фотографии исторический поцелуй в губы Брежнева и Хонеккера. И на этом решили поставить точку. Всё, мол, камрад Бухлер, ты, брат, бухай, да не ухай! А мы-то свою меру знаем... Дальше у нас по программе – банька! Готовься, мол, будем из тебя жирок сгонять!..

Банные процедуры – прямая привилегия самого Куландина: ни у кого другого не поднималась бы рука хлестать берёзовыми вениками живого миллиардера, допекая его паром до самых печёнок! Лёжа на банных полках, бедняга Бухлер то стонал и охал от блаженства, то вдруг истерично выкрикивал, не помня себя:

– Арбайтен, шнелле-шнелле!!!

Пока проходило банное чистилище, полицейская машина доставила в Дом охотника очередную партию бухла, и сладкие тосты за знакомство продолжались на пленэре у костра...

Да уж, что ни говори, а нашей русской готовности и умения обласкать заезжего и захожего гостя могут позавидовать другие народы: здесь наша слава, честь и хвала безраздельные и беспримерные! Кажется, русское радушие оттого велико и сильно, что в этой бесприютной северной стране, среди бесприветной природы люди научились ценить чужую нужду в приюте. Особенный градус этому добродушию и высокому чувству добавляет модное нынче «платное гостеприимство». Тут уж широко раскрыты наши ворота для званых и незваных, как бы подчас ни были неудобны последствия...

Лишь после третьих петухов гостя удалось дотащить до постели. В горницу сложили всю его германскую амуницию и охотничье снаряжение. Рядом на коврик уснула его овчарка Грета. У дверей караулить сон высокого гостя взялись два авторитета из местного охотничьего кичмана – Исакич и Абрамыч. Поскольку обоих звали Петрами, охотники окликали их по отчеству, чтобы не путаться.

– Теперь нашего немца и пушкой не добудишься! – мечтательно заключил Исакич.

– Твои бы слова да богу в уши, – отозвался Абрамыч, укладываясь на топчан у порога.

Едва в Доме охотника прикорнули, – и часа не прошло: чу! – вдруг шум да грохот, ровно земля взошла по камню, да громкий лай собаки, прерываемый истерическим воплем:

– Арбайтен! Арбайтен! Шнелле-шнелле!!! Дранг нах карачун!!!

Караульщики как шилом подняло: что? где? кто?! Глядь, стоит в дверном проёме аника-воин Отто Бухлер: на нём трусы в красный горошек, на голове походный котелок, а в руках ружьё «зауэр» с вертикальными стволами и оптическим прицелом...

Исакич ни жив ни мёртв: поджилки трясутся, язык отнялся. Рядом торчком стоит Абрамыч, держит руки по швам, в глазах мольба застыла,дохнуть не смеет.

– Битте, битте!!! Фстафать!!! – глаза у немца налились кровью, мечут грома-молнии.

– Мил-человек, и чего тебя так припекло-то! Уж не торопи умирать, дай состариться, – взмолился Исакич, осеняя себя крестным знамением.

– Я софсемготофф! Нах карачун!!!

Тут Абрамыч, ровно бесплотный ангел, сошедший с небес, робко пошаркал к горячему баварскому парню и прошептал ему на ухо пару ласковых:

– Мужик, ну чё ты землю роешь – кукушка ещё не прилетела...

Бухлер с минуту соображал, переваривая странную весть о том, что кукушка задерживается с прилётом...

– Яволь, – кивнул он. – Дать мне знать, когда прилетит кукушка...

– Сделаем, только не входи в амбицию!

Охотники взяли гостя под белы ручки и повели к кровати; сняли с него «экипировку», уложили, накрыли одеялом... И сон в один мах перевалил Бухлера.

Вот наконец-то грянул долгожданный день преподобного Спиридона, епископа Тримифийского, известный в народе как «Поворот-Спиридон», – он-то, сердечный, и знаменует возврат солнца с зимы на лето, а мужика поднимает на медведя.

Неяркое декабрьское светило робко вскарабкалось на кромку леса и лениво повисло, не проявляя никакого желания играть в солноворот. На опушке выстроились наготове лучшие представители охотничьего товарищества «Узола». Завершены приготовления – не к теще на блины, а на грозного зверя готовится поход. Уже в который раз проверено содержимое чехлов, патроны, ножи. Ружья подобраны самые надёжные, которые не дадут осечек и резкого боя, хорошо пристреляны: с десятков двустольных штуцеров, две двустолки 12-го и 16-го калибра с хорошей отлитой свинцовой пулей, три карабина «Сайга». Патроны заряжены бездымным порохом с капсулом Жевело. Словом, предел всего лучшего, что было у охотобщества «Узола»! Конечно, куда нам до Бухлера! У него самозарядное ружье с оптическим прицелом знаменитой оружейной компании «Зауэр»! Своему оружию сам хозяин придавал какие-то особенные качества, мол, десять медведей уложил, и ни одной осечки – каждый выстрел разил наповал! Во всяком случае, из такого ружья медведя можно свалить даже при самом неудобном раскладе охоты!

Своих собак решили не брать: таково было условие Бухлера. Его Грете исполнилось три года, и у неё имелись собачьи медали, подтверждающие талант признанной медвежатницы – смелой, сильной и вязкой, которая могла не только преследовать убегающего зверя, но и задержать его. Тем не менее распорядитель охоты Куландин решил, что будет нелишним привлечь Гаврюшу Библикова – матёрого берложника, который как нельзя лучше поддержал бы собачку Грету в её трудах. Ведь нюх у Гаврюши чисто волчий: он отыщет тебе медвежье логовище хоть под колодой, хоть в пещерке, хоть в ямке под снегом и буревалом!.. Нечеловеческий нюх, одним словом, истинный Христос! Соваться без Гаврюши Библикова в зимний бор – ковать на себя крамолу, – кому, брат, охота ненароком свалиться сонному зверю в лапы...

Кажется, продумали всё. На опушке леса стояла вызванная на крайний случай дежурная бригада скорой помощи, наряд полиции, локальная радиостанция для связи. Более того, на голове Бухлера была закреплена миниатюрная видеокамера, передающая сигнал на один из немецких телеканалов... Голова варит у этого Бухлера – из всего умеет извлекать выгоду!

– У нас готовность номер один, герр Бухлер! – доложил ему распорядитель охоты.

– Хорошо! Как гофорят у фас ф России, дафайте уже с богом!

Охотничья дружина числом около двух десятков человек и одной немецкой овчарки длинной цепочкой вошла в бор. Впереди на широких лыжах по глубокому снегу торил дорогу Гаврюша Библиков. Заметив на пути малейшие ямки или шероховатости, он останавливался и глубокомысленно изрекал:

– А вот и верный след...

Идущий за ним Куландин тут же одёргивал его, мол, побойся бога, Гаврюша, это же заячий след! На что невозмутимый Гаврюша отвечал, что путный охотник и по заячьему следу доходит до медвежьей берлоги.

Вклинившись вглубь леса на довольно большое расстояние, охотники вышли на чистую поляну. Здесь Исакич с Абрамычем огляделись и в один голос заключили: до предполагаемых берлог двух «президентов» остаётся всего километра два! Куландин принял решение: значит, будем распивать ритуальную круговую чашу прямо на этой поляне! Сбросили лыжи, притоптали снег, сложили в кучу зачехлённые ружья

и вещмешки со снаряжением. По условиям заключённого контракта заказчик должен был своими глазами увидеть весь процесс приготовления ритуального напитка карачун. Пока Герасим Гаранин готовил свой нехитрый инвентарь, собачка Грета начала прочёсывать дебри вокруг поляны.

Куландин разделил охотников на четыре группы, и каждая из них получила свои определённые задачи. Безопасность гостя обеспечивали два лучших стрелка, которые к тому же мастерски владели кинжалами. Даже если зверь будет свален без промаха, у него всё равно хватит ещё сил кинуться и кого-нибудь изувечить; и тут как раз нужно остановить его точным ударом острого клинка. Сам Куландин решил для себя, что он лично отвечает за Бухлера головой, и потому ни на шаг не отходил от него.

Хотя следопыты и утверждали, что до медвежьих берлог ещё далеко, Бухлер доверял только своей Грете и потому на всякий случай дал ей покружить вокруг поляны. Чутьистая и понятливая овчарка осмотрела буревал, перелазила по заснеженным зарослям вокруг поляны, но прочувать и облаять никого не удалось, даже не пикнула.

– Грета дала нам гарантию, что медведя мы не подшумим раньше, чем подойдём к челу берлоги, – сказал Куландин. – Что ж, пришёл черёд Герасима Гаранина. Попросим его замутить для нас ритуальное зелье.

– Давай, Герка, своё «круговое зелье для веселья», а то куражу ни в одном глазу!

5

В записях династии потомственных узольских бытописателей Красильниковых прослеживается подробнейшая история рецептов приготовления карачуна за более чем триста лет. Поначалу напиток готовился из дикого лесного мёда. Богатые бортные ухажья на Узоле сделали мёд основным составляющим ритуального зелья.

Традиционный рецепт карачуна изменился сразу после церковного Раскола, когда в наших лесах обосновались беглые раскольники-старообрядцы. Они привнесли новое дыхание в устоявшиеся нормы и традиции местных жителей. Отныне в медовую основу карачуна добавляли выжатый сок хрена, по определённым меркам, льняное масло, ржаной солод, анис, хмелевые шишки, рябиновый настой. Для улучшения вкуса и цвета старообрядческие «друиды» выжимали сок из зрелых вишен и подливали его в мёд. Напиток, брат, получался настолько крепким и бодрящим, что у охотников появлялись силы необъятные, лёгкость и задор, и мороз их не брал!..

С появлением русской водки из ржи, пшеницы и ячменя – в нашей сельской глубинке её всегда называли не иначе как вино – карачун стали готовить «по-новому», на основе вина, настаивая его на редких пряностях, душистых травах, кореньях, плодах и эфирных маслах, которые придавали напитку неповторимый аромат.

После череды русско-турецких войн в карачуне появилось масло столепестковой турецкой розы и толчёные абрикосовые косточки из Армении. Теперь такая мода пошла – из года в год добавлять в рецептуру какие-нибудь новинки. В старинных записях братьев Красильниковых отмечалось, что уже к началу империалистической войны в карачуне использовалась молотая гвоздика – по вкусу, щепотка измельчённого мускатного ореха, малиновый сок...

Октябрьская революция перевернула русский мир с ног на голову, раскатала исподние жернова, порушила сдерживающие плотины русского уклада и традиций. В потёмках окаянных дней был утерян и рецепт карачуна.

В середине 30-х годов, накануне войны с Германией, Федосей Гаранин, изучая старые записи Красильниковых, возродил забытый ритуальный напиток: его вновь стали подавать охотникам, но теперь уже как тёплое питьё вроде чая. Зелье варили на меду, настаивали на зверобое, шалфее, лавровом листе, имбире и стручковом перце; перед началом охоты напиток подогревали на костре, заливали в круговую чару и передавали расположившейся по кругу дружине охотников.

После Великой Отечественной войны основным сырьём для карачуна снова стала водка. Вернувшиеся с фронта солдаты принесли с собой из Европы горький миндаль, и он, измельчённый, пополнил список уже известных добавок.

Словом, состав ритуального зелья менялся вместе со временем; как и всякое живое творчество, карачун активно откликался на знаки времени, вбирая в себя и радость побед, и горечь поражений, сплавливая их каким-то мистическим образом в ритуальный чудодейственный напиток, приносящий удачу в охоте!

В советские времена для карачуна в самый раз подходила водка «Столичная». После распада Союза узольские «друиды» перепробовали для своего зелья всё – от «Ройала» до «Абсолюта» и в конце концов остановились на «Путинке». Прямое участие в предстоящей охоте немецкого миллиардера обещало самые интригующие и невероятные дополнения в рецептуру карачуна. Поначалу заказчику предложили, мол, если вы пожелаете, мы готовы замутить специально для вас ритуальный напиток на основе немецкого шнапса с добавлением желудей и верескового мёда. На что Бухлер ответил отрицательно: «Ничего не менять! Я еду в Россию ради русских традиций!» Правда, кроме этого, у него было одно пожелание: весь процесс приготовления традиционного охотничьего зелья показать ему на открытом воздухе, в походных условиях...

Что давал людям этот ритуальный напиток карачун? Как можно было объяснить тот благоговейный трепет, какой испытывали охотники, передавая друг другу круговую чару, расписанную яркими хохломскими узорами и заполненную до краёв волшебным зельем?

Тут, брат, не просто чара, а самый что ни есть древний объединяющий символ – магический «славянский круг»! Он придавал русским людям высокое сознание того, что они ещё живы и ещё вместе и что в этом единстве – залог их силы и безопасности, источник вольного русского духа! Они молча передавали по кругу большую деревянную братину, приносили губами к закруглённой кромке расписного бортика и вкушали мелкими глотками этот приятный на вкус, бодрящий напиток на морозном воздухе! С каждым глотком их посещали добрые мысли со всех сторон: вспоминались имена лучших охотников – их отцов и дедов, погибших на войне, метких стрелков, что с любого расстояния попадали белке в глаз, с одного выстрела валили медведя, били птицу на лету... И с этими мыслями через напиток в их кровь проникал вечный и неистребимый дух охотничьей вольницы, дух родного окоёма, знакомого с колыбели! Нет, брат, не измерить эту ценность по ушлой и циничной шкале валютных курсов!

6

Названный главным чарником карачуна, Герасим Гаранин старательно утоптал снег на середине поляны, расстелил брезентовую скатерть, разложил на нём свои баночки и скляночки, готовясь к таинству приготовления ритуального зелья. А пока он ещё не начал, распорядитель охоты Куландин решил не терять время зря, а провести обязательный инструктаж по безопасности перед охотой.

– Подход к берлогу – самая ответственная минута! – начал он. – Стараемся не шуметь, снимаем лыжи, выбираем чистое, ничем не загроможденное место для оперативного простора, держим ружья наготове и внимательно следим за поведением собачки Греты. Она должна облаять зверя, наступая с той стороны, куда повернута голова спящего медведя; обычно чело берлоги направлено на восток. Теперь о ружьях. Снимаем рукавицы и держим ружья наперевес. Успех зависит от первого правильного выстрела. Каждый из вас хорошо знает возможности своего оружия. Основные правила стрельбы пулей по вставшему из берлоги зверю: быстрота, меткость, выдержка! Целимся зверю прямо в голову – между ухом и глазом. Если он выскочит из берлоги и не поднимется на лапы, а станет уходить боком, бьём под лопатку! Если зверь убегает по прямой линии, нажимаем на спуск ружья, выцеливая по хребту. Ясно? Самое убойное место – мозг зверя. Мы все помним те печальные случаи, когда с простреленным пулей сердцем медведю удавалось пробегать ещё десятки шагов, успевая изувечить стрелков.

Рассевшись у холмистого заснеженного буревого под ветвистой сосной, охотники слушали Куландина и одновременно следили за волнующей церемонией приготовления карачуна. Главный чарник на глазах у охотников и высокого гостя показывал таинство приготовления старинного ритуального охотничьего напитка. На середине самобраного стола красовалась большая хохломская чаша, расписанная орнаментом с золотыми хмелевыми шишками... Рядом выстроились разноцветные флакончики, баночки, кулёчки, свертки. Ассистировать главному чарнику вызвались Исакич и Абрамыч. Они развязали вещмешки и выставили на брезентовую скатерть бутылок двадцать водки. Потом со знанием дела принялись расторопно откупоривать их и подавать Герасиму Гаранину. Тот, величественно засучив рукава, принимал бутылку за бутылкой и грациозно выливал булькающее содержимое в деревянную братину, сопровождая свои действия подробным комментарием:

– Основу нашего зелья составляет известное всем «стратегическое сырьё» – из расчёта по бутылке на нос! Добавим сто граммов льняного масла – чтобы образовалась защитная плёнка на поверхности! Далее нам понадобятся три щепотки молотого красного перца – для нейтрализации горечи и подъёма общего тонуса, – хорошенько помешиваем; забрасываем двести граммов молотых абрикосовых косточек – для нейтрализации горечи. И, наконец, поверх всего рассыпаем зверобой – для удачи в бою со зверем!.. И всего тринадцать капель святого миро – против сглаза и нечистой силы...

– Герасим Семёныч, побойся бога, пока ты мешаешь, она же вся выдохнется...

– Не учи сороку вприсядку плясать, – одёрнул охотников Куландин. – Семёнычу не впервой, за тридцать лет успел наблошиться в этом деле!

– И то верно, Семёныч у нас – обожжённый кирпич! – подобострастно добавил Исакич. Но главный чарник невозмутимо следовал

пушкинскому завету: хвалу и хулу приемля равнодушно, он не оспаривал глупцов. Продолжая вдохновенно химичить, он достал из своего вещмешка последнее составляющего рецепта магического зелья:

– Поскольку наш гость из Германии, исключительно для него добавлю горсть сушёных лепестков шиповника, растёртого с полынью, – для аппетита!.. Вот теперь, кажется, всё: только нужно дать «зелью» немного настояться...

«Экспедиция» замороженно уставилась на ритуальную чашу, молча запасаясь терпением. Но уже через минуту не выдержали нервы у Абрамыча:

– Хоть бы чем-нибудь отвлечься, пока эта штука настаивается, – посетовал он и посмотрел на Бухлера. – Друг Отто, дай-ка нам хоть раз пальнуть из твоего «Зауэра», что ли...

Куландин одёрнул Абрамыча:

– Не приставай к гостю! Зачем патроны зря переводить – вся охота ещё впереди!

– Вовсе и не зря! – настаивал Абрамыч. – Вон сколько пустых бутылок образовалось – будем по ним на спор палить!.. Зараз чуток разогремся перед охотой!..

– Хорошо, – согласился Бухлер, – даю каждому по одному патрону!

Чувствуя себя на голову выше других, гость вальяжно расчехлил свой «Зауэр», заглянул в окуляр оптического прицела, проверил заряды, продемонстрировал серебряное узорчье по бокам, явно испытывая гордость за немецкое оружие, которое, как видно, служит предметом зависти для русских.

– Постафить бутылку на холмик у сосны! – с деланной бравадой предложил Бухлер.

– Эй, Отто, покажи-ка нам кузькину мать! – подбодрил его Куландин.

Грянул выстрел, и почти мгновенный хруст разлетевшейся вдребезги бутылки, что вызвало у охотников бурю восхищённых эмоций.

– Да уж, задиристое ружьецо, как прореху рвёт!

– Ты его наверняка в крови убитых зверей обмывал, признайся, Отто!

– Не иначе кровью ворона вымазал дуло!..

«Зауэр» пошёл по рукам: бах! бах! бах! Бутылка за бутылкой...

– Ну и ружьё, братцы, – подумать только, не особо и целился, а, гляди, попал! – радовался Исакич как малое дитя своей новой игрушке.

– Ставьте, ставьте ещё бутылку!.. – кричали со всех сторон.

И снова – бах! – вдребезги. Жаль, но бутылки очень быстро закончились. В компании разгорелся оживлённый диспут о качестве немецкого охотничьего оружия. Уж кто-кто, а охотники-медвежатники – это элита, эталон охотничьего мастерства. И как раз у них немецкие ружья всегда пользовались успехом. Довольно большая часть российских медвежатников до сих пор склонна считать, что именно их немецкое ружьё происходит-таки из коллекции рейхсмаршала Геринга! А этот бухлерский «Зауэр» – не ружьё, а песня! Что говорить, если даже такая удачная отечественная модель как Иж-54 – и та имеет своим прототипом ружьё «Зауэр»!..

Тема была до того захватывающей, что никто и не заметил, как шевельнулся холм под бутылочными осколками, как из-под снега высунулась сонная медвежья морда и беззвучно повела чёрными ноздрями, вдыхая тревожные запахи человека.

Внезапный медвежий рёв застал всех врасплох. Охотники оцепенели от ужаса: в двух шагах от них из берлоги вывалилось огромное косматое чудище, матёрый хищник...

Как тут не сказать, что, находясь в лесу, надо чаще вспоминать, кто здесь хозяин! Вот он! Грозный, непредсказуемый хищник, при виде которого ноги сами бежать хотят...И «Отче наш» тут не поможет и не спасёт!..

Первым опомнился Бухлер: он ловко вскинул свой «Зауэр» и, уж точно, разmozжил бы медведю череп. Но – увь! – вместо выстрела раздался лишь безобидный щелчок – все патроны ушли на бутылки, а зарядить по новой не хватило времени...

– Уноси ноги, братцы! – панически бросил Куландин.

– Капут! – простонал Бухлер, метнул «Зауэр» в сторону и с обезьяньей ловкостью вскарабкался на сосну у берлоги. Овчарку Грету, а вместе с нею и всю «экспедицию» с поляны как ветром сдуло. Хозяин леса заставил себя уважать! Минуту-две он отчаянно протирал лапами сонные глаза, стараясь привыкнуть к дневному свету. Но вот, оклемавшись, внимательно оглядел поляну. Перед ним лежал накрытый «стол» с яствами. А вокруг – зачехлённые ружья, вещмешки, лыжи... Зверь медленно обошёл всё, принюхиваясь, дотрагиваясь, облизываясь. Его внимание особо привлекла яркая братина – от неё исходили загадочные и манящие запахи... Медведь долго обнюхивал чашу, потом из любопытства запустил в неё лапу, вытащил, облизал, фыркнул, но отходить и не подумал. Немного постоял, причмокивая и качая головой, потом не стерпел – сунулся в чашу носом... Видимо, зверю захотелось пить, а тут была хоть какая-никакая, а всё ж таки жидкость. Отодвинув лапой зверобой с поверхности, медведь жадно приник к чаше и, захлёбываясь, стал заглатывать крупными глотками ритуальное зелье. Время от времени он отрывался, отчаянно мотал головой и рычал.

Отто Бухлер с замиранием сердца наблюдал эту картину и глазам своим не верил: медведь вылакал почти всё из чаши, как самый заядлый выпивоха. Милое дело, нечего сказать! Что-то будет дальше... Зверь вскоре обмяк и стал икать, как это бывает у алкашей после обильного возлияния. Мало-помалу его начало качать и гнуть к земле. Громко фыркая, с тяжёлым хрипом он завалился на бок и застонал...

– Майн гот!.. Майн гот!.. – повторял дрожащими губами Бухлер, наверняка уже трижды пожалев о том, что дал себе ввязаться в этот русский форс-мажор, где недолго и шею себе свернуть.

А карачун продолжал делать своё губительное дело. Медведь то скулил, как побитый щенок, то отчаянно бился в конвульсиях, до крови расцарапывая себе живот когтистыми лапами... Наконец, его сиплый скулёр перешёл в долгий и почти человеческий стон, хотя трудно было себе представить, что это громадное косматое чудище способно так жалобно стонать! Агония продолжалась около получаса. Зверь в последний раз дёрнулся и затих...

От напряжения у Бухлера сильно затекли руки и ноги. А ослабить их означало упасть вниз, прямо на лежащего под деревом медведя. Бухлер невольно подал голос, окликнув единственно близкое ему германское существо в этой чужой и неприветной стране:

– Гретхен!.. Гретхен!..

Ему почудилось или это было на самом деле – где-то рядом залаяла собака.

– Гретхе-е-е-ен!!! – заорал на весь лес Бухлер, на радостях неосторожно разжал руки и полетел вниз...

Через некоторое время, когда охотники с опаской подкрались и ступили на притихшую поляну, их изумлённому взору предстала

невероятная картина: веришь ли, Отто Бухлер лежал верхом на медведе, крепко обняв его, и при этом ни он, ни медведь не подавали признаков жизни...

– Подойдём поближе...

– Мужики, не дрейфь, им обоим, видать, карачун...

– Ай-да Бухлер! Неужели медведя задушил и сам пал?..

– Нет, постойте, зверюга может прикинуться... – остановил всех Куландин.

– А что, задушил одного, а теперь прикинулся мёртвым, чтобы своим манером и нас того...

Куландин, улучив минуту, успел расчехлить свой карабин, и, подойдя к зверю со стороны головы, внимательно посмотрел на его уши: так и есть, – они были прижаты к голове!.. А охотники хорошо знают: это верный признак, что медведь ещё жив. Не теряя времени, Куландин резко подошёл, приставил дуло карабина к косматой медвежьей голове и выстрелил. Зверь дёрнулся и затих, уши медленно выпрямились...

– У-ух! – облегчённо выдохнул распорядитель охоты. – Вот, теперь у нас полный карачун.

Охотники переключились на Бухлера, подняли и переложили его на снег. Тут и Грета объявилась и, словно извиняясь за проявленную трусость, принялась старательно облизывать лицо хозяина, чтобы заслужить его прощение.

– Эй, герр Бухлер, а герр Бухлер, ты живой? – слегка похлопал Куландин по пухлым щекам миллиардера. – Лицо у него чистое, вроде не помятое, и крови не видно...

– У него шок, – заключил Гаврюша Библиков. – Надо натереть снегом, он очнётся.

И в самом деле, как только потёрли снегом, Бухлер открыл глаза, отрешённо уставился в холодное зимнее небо и наверняка подумал, что уже оставил этот земной мир. Собака Грета продолжала радостно облизывать ему лицо.

– Майн гот... Гретхен... – пролепетал он, крепко прижав к себе голову любимой овчарки.

– Ура-а-а!!! – дружно закричали охотники, подняли Бухлера на руки и несколько раз высоко подбросили вверх, как это делают на радостях с героями-победителями.

Когда радость улеглась, мужиков озадачил вопрос: как же медведь оказался поверженным? Ведь никто не стрелял! Признайся, мол, Отто, уж не ты ли задушил бедного зверя? В ответ Бухлер грустно показал на пустую ритуальную чару:

– Этот сфинья фсё вылакал!

– Как?.. Медведь... Наше зелье?!

Удивление и потрясение было настолько сильным, что охотники долго не могли найти слов. Матёрый исполин лежал у их ног, поверженный уже до того, как распорядитель охоты Куландин пустил ему пулю в череп! Глаза у зверя повылазили из орбит, оскалившаяся морда застыла, а обильная белая пена всё ещё пузырилась на острых клыках, свидетельствуя о недавних страшных мучениях.

– Ай да зельце, братцы, ай да карачун! – воскликнул Исакич, переворачивая пустую братину.

– Герр Бухлер, а вот и твои очки нашлись, – подошёл Герасим Гаранин. – Скажи, ну, ты видел, как этот зверь пил зелье?

– О, я, я, очень хорошо фидел! Он фыпил фсё!

– Да-а-а! – почесал затылок Герасим Гаранин. – Жаль, что мне самому не удалось попробовать. Интересно было бы узнать, что получилось. Я так старался...

– Не отчаивайся, брат Семёныч, ты действительно большой мастер: зелье у тебя вышло похлеще нейтронного оружия, ей-богу! Гляди, какую силищу завалило!

Охотники окружили поражающую своими размерами медвежью тушу.

– Чёрт побери, а федь этот коктейль был готоф для нас, – многозначительно заключил миллиардер Бухлер, и от этой фатальной догадки челюсть его резко отвисла...

Воцарилось философское молчание.

....Через два дня военный вертолёт с Бухлером на борту взял курс на Москву. Пролетая над заснеженными заволжскими лесами, миллиардер думал о том, как бы на таможне у него не возникли проблемы с провозом медвежьей шкуры. Он уже решил подстелить этот драгоценный трофей на полу в гостиной своего охотничьего домика. Приятно было думать о том, что вечерами, сидя у тёплого камина, он будет рассказывать всем об этой невероятной охотничьей истории, приключившейся с ним в России. С этой мыслью он блаженно закрыл глаза; перед его мысленным взором встали раскрасневшиеся и расплывшиеся в улыбках лица русских охотников... Да, они устроили ему самый настоящий праздник и, наверное, были очень довольны, что это им удалось. Как искренне и тепло они прощались с ним, дружно махали ему руками, приглашая поохотиться и на следующий год! С верой, может быть, наивной, он вполне допускал такую возможность. Но сейчас, пролетая над заснеженной Россией, он подумал о том, что эти несколько дней, проведённых здесь, возможно, станут самыми счастливыми и незабываемыми в его жизни! И в ответ своим мыслям, с блаженством облизывая губы, как бы пробуя на язык, он с ликованием выкрикнул на весь салон: «Ка-рат-шю-ю-ю-ун!!!»

Наталья КУЗНЕЦОВА

Родилась на Южном Урале, в Челябинской области. Родители много путешествовали по стране (отец был военный): Дальний Восток, Китай, Заполярье, Крым и снова Урал. В Челябинске поступила в педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Вместе с мужем поехала в Чувашию, в Чебоксары, где строился новый завод тяжелого тракторостроения. Работала на Чебоксарском тракторном заводе, занималась административной и организационной деятельностью.

Пишет стихи и прозу. Печаталась в ряде периодических изданиях России, в том числе в альманахе «Земляки» (Нижний Новгород), а также в литературно-художественном журнале *Za-Za* (Дюссельдорф, Германия).

Живет в Чебоксарах.

НОВАЯ ДЕНЬГА

Вот уж две недели, как по поселку ходили невнятные, но приятные для пенсионеров слухи о дополнительных денежных выплатах тем, кто нуждался в протезах. На какие протезы давали деньги, никто не знал – на руки, ноги или зубы? В местной газете ничего об этом не было, по телевизору и подавно, там все пели и что-то крушили. Новость Антонины Федоровны принесла соседка Кармакова, тоже старуха, которую пришлось угощать чаем с куском белого хлеба, намазанного сверху смородиновым вареньем, та без куса чай не пила. Антонина Федоровна, или, как ее звали в поселке, тетя Тося, говорила, что сама она пьет чай без куса, экономит, и вытирала кончиком платка сухой глаз. Вот и теперь вздохнула она о непредвиденных расходах на соседку, но не от жадности, а от нехватки. Из всей родни к старости у нее в живых остались сестра и один внук Сашка с женой Катей да двое правнуков, девочка собиралась идти в первый класс, парнишка – в третий. Внук мотался по стройкам, зарабатывал на жизнь, жена по дому да на огороде, денег еле хватало, но как-то жили, пока весной Сашка не сломал ногу. Сделали операцию, а нога все не заживала, детей в школу собирать, а денег нет, пенсия у Тоси как у всех, сильно не поможешь, но она помогала. Вот и сейчас, собираясь на почту за пенсией, она прикидывала, сколько отдать снохе, а сколько себе оставить. Поселок был вытянут вдоль реки, до центра неблизко, поэтому Тося собиралась в дорогу вдумчиво, долгими сборами, чаю не пила, чтоб не захотеть в уборную. Одежду тоже выбирала опрятную, но не нарядную, боялась завистников. Завидовать, по ее мнению, было чему: дом у нее справный, добротный сруб

из лиственницы, обложенный кирпичом, вода в дом проведена, а самое главное, покойный муж присоединился к поселковой канализации. Это было разрешено поселковым начальством не каждому, поэтому в доме был теплый туалет, и главная завистница соседка Кармакова не раз притыкала ее этим, хотя у самой тоже была теплая уборная, но с выгребной ямой, которую надо было чистить за деньги.

– Дали бы на протезы сколько-нито, малую-то как-нибудь в школу снарядить, – рассуждала тетя Тося, предусмотрительно вынимая изо рта пластмассовую челюсть, верхняя губа сразу ушла внутрь, придавая лицу жалкое и бессмысленное выражение. Она посмотрела в зеркало и одобрительно кивнул себе:

– То, что надо. Напишу заявление в поссовет об оказании материальной помощи, пусть бумага лежит, мало ли...

На почте пенсию дали крупными деньгами, сказали, что мелких нет, а ей надо было отдать снохе хоть на хлеб, пришлось тащиться в аптеку.

– Таня, мне от спины дай, – и подала аптекарше пятитысячную, та выдала Тосе нарядный тюбик и сдачу. Сдача была тщательно посчитана, но открыв кошелек, тетя Тося снова увидела в нем оранжевую пятитысячную, которую она про себя называла «красненькой».

– Тань, я тебе, что ль, отдала красненькую? – спросила Тося.

– Отдали, вот она, я ее еще не убрала, а что?

– Да, ничего, без очков не вижу толком.

Тося вырнула на улицу, села на лавочку и снова пересчитала деньги, пятитысячная была лишней. Чудо это или не чудо, Тося не знала, хотя чудеса с ней случались. Вот тогда, когда лодку их перевернуло и свекор камнем пошел ко дну, она тоже было попрощалась с жизнью, хотя и боролась. Сапоги ей скинуть удалось, а вот ватник был туго застегнут, и намокшие петли держали намертво. Вот тут оно и вынырнуло бревно, прямо под руку, так до берега и дотащились...

– Эта Светка, вертошарая, пенсию мне передала, – Тосе неохота было снова идти на почту, делать крюк, но она пошла. По дороге зашла в магазин, где бабы, перебивая друг друга, спорили, от кого ребенок у Ленки, но так и нашли от кого. Там купила буханку белого хлеба и сеledку, расплатилась «лишней» пятитысячной и, получив сдачу, расстегнула кошелек, красная пятитысячная деньга была на месте. Антонина Федоровна вышла на улицу, попила ледяной воды из колонки, умылась и спросила вслух:

– Это чё такое? – И не получив ответа, потащилась на почту.

На почте она долго и вязко рассказывала всем желающим слушать, как у нее болит спина, а когда последние посетители ушли, то стала плаксиво уговаривать вертошарую Светку посчитать кассу. Ей пришлось наврать сорок бочек арестантов про свою кровную пятитысячную денежку, которая лежала у нее в кошельке до получения пенсии, и что она все-таки опасается, не передала ли ей Светочка лишнего. Идти домой проверять, на месте ли деньги, далеко, да и спина болит – терпелу нет, она вот и нервничает, а ей нельзя – давление.

– Никому нельзя, – огрызнулась Светка, – они по поселку таскаются с полными карманами денег, а я кассу считай, не так-то это запросто, приходите лучше завтра. – Но, поворчав еще немного, она все-таки посчитала и устало сказала: – Ничего я вам не передала, у меня все в копейка в копеечку, это вот ваше поколение честное, а молодежь...

Обливаясь потом, Тося еле дошла до дому и рухнула на диван. Немного отдышавшись, она вынула из кошелька пятитысячную и стала ее

пристально разглядывать – деньга как деньга. Потом надела очки, посмотрела на свет – вот они, водяные знаки, все на месте...

К деньгам Антонина Федоровна относилась спокойно, как к припасам, которые необходимы для жизни. Хорошо, когда в погребе есть картошка с моркошкой, кадушка с квашеной капустой и все такое прочее, прожить можно. Хорошо, когда и деньги есть, без них как? В советское время у нее на сберегательной книжке лежали приличные деньги, на машину «Волгу» хватило бы. Кассирша Галя в поселковой сберкассе уважительно поджимала губы, солидно кивала, опускала глаза, демонстрируя тайну вклада, когда Тося приносила деньги. И она сама чувствовала свое некоторое тайное превосходство над другими бабами. В перестройку все пропало, тогда она и поняла призрачность житейских завоеваний, но завистники считали, что деньги у Тоси есть. И вот теперь дали ей деньги, может быть, за то, что своим горбом заработано, да недоплачено, за просто так бы не дали. Три года работала она матросом на барже, потом на лесопилке, все на мужских работах. Станная, полногрудая, с широко раскинувшейся спиной, в молодости она не уступала в работе мужикам. Несгибаемым стержнем Тосиной натуры было стахановское целомудрие, честность, и ее шестнадцать лет избирали депутатом поссовета.

Известно, что невозможное – лишь следующий шаг за пределы возможного, как еще объяснить эту удивительную непостижимую тайну, которая появилась в ней, как неопознанная и негаснущая эмоция. Она вспомнила, как третьего дня сидела ночью на лавочке в огороде, душно было в доме, и смотрела на небо. Прозрачная, глубинная, темная высь, далекие голоса, улетающие в нее... Августовские ночи всегда звездные, не насмотришься на такую красоту, в душе у нее была просьба и мольба, напрямую она Бога о деньгах не просила, стеснялась, отец Павел учил, что надо о духовном просить. Но просьба была, не настырная, не громкая, а где-то в затылке, тихая, а еще благодарность, что живая, что еще видит... Но материальное в ней все-таки перебарывало, да и все мы те Марфы, которые пекутся о мнозем, но ведь дадено же ей... И Тося стала думать, как завтра она пойдет еще в два магазина, где не была, а в субботу на рынок и снова испытает пятитысячную. Деньги в субботу она наменяла, а красная денежка так и лежала в кошельке целая. К вечеру Тося не вытерпела и пошла к своим, прикупив по дороге гостинцев малым. Эх, как Саня ожил и как Катя обрадовалась, когда она выложила на стол солидную пачечку.

– Вот вам, в школу малых снаряжайте, – с нарочитой кротостью сказала Тося.

– Бабуль, откуда деньги? – спросил Саня.

– Заначка, от самогонки, – тетя Тося иногда гнала самогонку и продавала по своим, продукт был надежный, брали охотно.

– А мы завтра едем с Саней гипс снимать в район, там и купим для детей все что надо, – обрадовалась Катя и заплакала.

– Ну чего ты, с ногой нормалек, я на нее уже тихонько наступаю, – успокоил ее Санька.

«Эх и дураки мужики, – подумала Тося, – она от радости плакала, что детей в школу снарядит».

– А мне тоже надо в район, протез натирает, вся десна распухла, завтра я с робяташками посижу, а послезавтра поеду, вы меня к зубному запишите, – соврала Тося.

Она ждала нового похода по районным магазинам со сладким, почти непереносимым предвкушением. В районе, побывав в нескольких магазинах и снова наменяв денег, тетя Тося почувствовала себя как-то моложе, и в ней проснулась девичья, необузданная жажда больших приключений. Она решительно зашла в кафе, цены ее ужаснули, но она бестрепетно купила беляш и кофе, а на обратном пути в автобусе стала икать:

– Я завсегда от казенной пищи икаю, – хвастливо объясняла она знакомым пассажирам, давая понять, что в районном центре она была в кафе. От волнения и с перепугу она в районе ничего не прикупила и шла домой с пустой сумкой, почти не шаркала ногами, пахло яблоками, детством, лицо горело счастьем. По дороге она повстречала бывшего своего одноклассника Аркадия Петровича, они с ним сидели за одной партой, он здорово соображал по физике, потом выучился и стал преподавать в Полянской школе математику и эту физику. Однажды, к седьмому ноября, они выпустили стенгазету «Слава советской науке», где Тося нарисовала молекулу в юбочке, а фотона в брючках, Аркадий нежно ей улыбнулся тогда, но женился на Ниночке Красновой, которая не видела большого различия между молекулой и микробом.

– Как жив-здоров, комсомолец? – спросила она.

– Плохо, Тося, болею...

– Что болит?

– Мужская болезнь у меня, не ссытся, Тося.

– Совсем, что ли?

– Напору нет, на операцию гонят.

– А у кого он есть, напор-то? И чего ты раскис, по бокам развис?

– Что ж, и у баб тоже?

Тося безнадежно махнула рукой.

– Иди, пока зовут, вон сосед твой сколько операций пережил, уж и под святыми леживал, а ко мне за самогонкой до сих пор бегаешь.

– Вон как, значит, у всех, – оживился Аркадий Петрович.

«Тогда на операцию надо, Тоська плохого не посоветует, – решил бывший комсомолец и потопал, в душе напевая: – Надо, надо, надо нам, ребята, жизнь хорошую прожить...»

У калитки она отогнала коз, те хорошо знали слово «нахалки» и не возражали. Наплывали из-за реки тучки, и перед переменной погодой у забора дрались куры, захлебываясь, куковала кукушка.

Энергия нетерпения поскорее нажать деньги не давала ей покоя, она ходила по избе, ерзала, сидя на диване, ела варево, не чувствуя вкуса. Приперлась опять эта Кармакова, одна из самых надежных сплетниц поселка, осмотрев Тосю и все вокруг нее цепким взглядом дознавателя, освежившись пересудами и сплетнями, она перешла к главному:

– Говорят, Тося, ты разбогатела, в магазинах одними пятитысячными расплачиваешься, – Кармакова поджала губы, это выражение удовлетворенности заменяло ей улыбку.

Тетя Тося зевнула и рассеянно почесала темечко, отросшим ногтем на мизинцем стала выковыривать перхоть из-под ногтей и вытирать об задницу. Все эти искусно проделанные ею маневры должны были нейтрализовать подозрения Кармаковой.

– Зараза Ленка, шампунь присоветовала, вся голова в перхоти, – ворчала она.

– Хозяйственным мылом надо мыть, – автоматически отозвалась соседка и автоматом же облаяла продавщицу в хозтоварах. Потом,

опомнившись, перешла к главной теме: – Ну, и че ты стоишь, руки в боки, глаза в потолки, где пятитысячные взяла?

– Светка дала пенсию крупными, а мне снохе надо отдать, детей в школу одеть, обути надо, малая-то в первый класс идет.

– А третья откудовиши? – едко спросила Кармакова.

– Заначка от самогонки, три деньги в день, куда хошь, туда и день.

Кармакова понимающе кивнула и, наконец, успокоилась.

Да, это в городе можно жить автономно, как сыч в дупле, а в деревне все на виду и все подлежит суду и оценке.

– Сама-то как? – Тося умело уводила разговор в нужную ей колею, соседка охотно рассказывала о себе, и всегда с умилением и нежностью. Нога у ней ноженька, рука – рученька, болит – спинушка. Тося предусмотрительно стала жалобиться на спину и ногу, намекая на неизбежную поездку в область, к врачам. Спровоцировав соседку, Тося снова стала думать о деньгах: в районном центре менять деньги опасно, а в областном и за год все магазины не обойти. Кроме того, там жила ее старшая сестра Раиса, которая в редком, но каждом письме звала ее в гости. Поездка затевалась нешуточная, и вставал вопрос, куда спрятать грядущие деньги, и еще вопрос, как объяснить их появление. Фантазия как психическая функция у тети Тоси отсутствовала, вариант был один – в сумерках найти в безлюдном переулке сумку с деньгами, потерянную пьяным олигархом или в крайнем случае тоже пьяным бандюганом. Принимая этот вариант, за основу Тося поехала в город, который всегда представлялся ей воплощением той прекрасной праздности, в которой жила ее сестра.

Каждый день Тося таскалась «по врачам», и ей становилось как бы легче, наменянные деньги были завернуты в марлю и примотаны к ноге. В воскресенье сестрица Рая раным-рано включила телевизор и, кряхтя, стала задирать сухие кривоватые ноги и хлопать под коленками. При этом коленки у нее скрипели и щелкали, как бы не сковырнулась, подумала о сестре Тося.

– Ты чего ломаешься?

– По телевизору велели, для здоровья, установка такая дадена.

Тося давно подозревала в сестре тихую придурь, та собирала какие-то наклейки, участвовала в различных лотереях и однажды получила приз – триста рублей. Это укрепило ее веру в то, что вещают по всем сорока каналам, вот и теперь она, закончив приседания, взяла ручку и стала записывать номера шариков, которые выплевывал специальный аппарат по производству призов. Было, конечно, у сестры Раи и хорошее качество – она не храпела. Тося тупо смотрела в телевизор, прикидывая, сколько надо заплатить, чтобы в избу провели газ, вроде бы хватало... Упитанный дядька в телевизоре махал руками, подпрыгивал и тряс животом:

– Кто же, кто же этот счастливчик? Вот они, эти волшебные цифры! – У Тоси от догадки волосы встали дыбом, она вихрем подскочила к комоду, схватила ручку и тут же на газете написала эти и в самом деле волшебные цифры. Рачка одобрительно покивала ей, наконец-то и сестра поняла, что картошкой да капустой богат не будешь. Она скажет Сашке и снохе, думала Тося, что выиграла в спортлото, попробуй, проверь, да и кому проверять надо, кроме Кармаковой, да и та не докопается. Засобиравшись домой, она, как водится, пригласила племянницу в гости. Племянница работала оператором, чем она оперировала и где, никто не знал, и поэтому помалкивали. Воспоминания ее племянницы

Риты о деревне исчерпывались дождем, непролазной грязью на дорогах, жирными комарами и жареной картошкой. Но на этот раз она не жеманилась и пообещала приехать.

Тетя Тося готовилась к гостям основательно, покупала сомятину для пирогов, колбасу подороже, ко времени гость не в убыток. Новость о том, что баба Тося угадала в спортлото, Сашка воспринял с удивлением и недоверием:

– Не, ты лучше сразу колись, бабуль, где деньги взяла.

– Где сказала, там и взяла, сам проверь.

– И зачем они тебе?

– Как зачем? Газ проведу, тяжело мне с дровами возиться, буду жить как Раиса – та днями из дома не выходит. А когда помру, дом тебе достанется в полном комплекте, плохо ли?

Известно, что бесплатный газ бывает только в желудочно-кишечном тракте, а в другом месте надо платить немалые деньги, и вот на газовый котел не хватало. Надо бы поехать в район, наменять маленько, да прикатила племянница Рита, Тосе пришлось топить баню и печь пироги. Умаявшись, она прилегла в своей крошечной спальне, завернутая в марлю заветная пятитысячная выпала на пол из-под платка на поясице. Брезгливая Рита подняла двумя пальцами кусок желтоватой марли со специфическим старушечьим запахом и кинула его в печь с непрогоревшими углями, раздался громкий хлопок, чугунную дверцу вышибло, как от взрыва. Услышав хлопок, тетя Тося подскочила и прибежала на кухню. Чугунная дверка у печи была распахнута, угли вывалились на прибитый к полу лист железа перед топкой, испуганная Ритка кричала:

– Ты чем марлю-то обмазала? Ракетным топливом, что ли?

Тетя Тося обмерла:

– Какую марлю?

– А ту, что к поясице прикладываешь, под пуховым платком, воняет как не знаю что. Я ее в печку бросила, так она так пыхнула, чуть меня не убило.

Тете Тосе хотелось завывать, запричитывать, потом поколотиться головой о печную вьюшку, потом отдубасить дуру Ритку, потом... но нет у нас такого ритуала, как оплакивание потери денег. Ни попричитывать, ни поплакать, ни похоронить, ни помянуть...

– Рита, я на кладбище схожу, у покойной свекрови сегодня день рождения, помолюсь и свечку в часовне поставлю, – дрожащим голосом сказала Тося.

– Какое кладбище после бани? – буркнула Ритка, но Тося вышла не обернувшись.

На кладбище в будний день никого не было, у тети Тоси вся родня была похоронена рядом, там она и поплакала, попричитала и пожаловалась на дуру Ритку и на себя. Жаловалась она покойной свекрови, при жизни-то они не очень дружили, а потом оказалось, что только она и понимает Тосю во всех подробностях. На обратном пути Тося уже только вздыхала и думала, что может быть и такое, что этой пятитысячной она откупились от какого-нибудь горя, на том и успокоилась.

Мало кто понимает опрятность деревенского быта. Тетя Тося имела в поселке устойчивую славу аккуратной и опрятной старушки. В молодости она «микробу ловила», но и состарившись была опрятной и аккуратной. Отчасти это объяснялось хорошим здоровьем, ей не в тягость были домашние дела. Однажды ее спросили, какое удовольствие может она иметь в преклонном возрасте, на что Тося простоудушно ответила:

– А вот какое: выйду я в огород, посмотрю кругом – везде порядок, картошка прополота, окучена, на грядках ни травинки, зайду в дом, там тоже чисто, вот это мне и удовольствие.

Кто из деревенских не знает приятную теплую сырость свежесмытого пола, натянутые полосатые домотканые половички, тот не понимает, что такое настоящий уют русского дома. Выпавшие из печи угли были замечены Риткой в угол, а это не дело, золу только сырой тряпкой уберешь, а так будет таскаться по полу. Тося принесла совок с ведром и стала выгребать из печи золу, прикидывая, куда ее потратить, решила, что в малину. Она шарилась глазами по золе, решетке в надежде увидеть хоть уголок пятитысячной. Там ведь знают, что не я это сотворила, оправдывалась она, а кто знает и где знают, думать боялась. Стала выгребать золу из поддувала, и вдруг в ведро золотым слитком скользнуло что-то... Она взяла в руки – бумажка, новенькая, желтая с золотыми завитками, на ней солидными, крепкими цифрами была написана единица и четыре нуля рублей. И словами было написано – десять тысяч рублей. Ноги подкосились, и с корточек Тося осела на пол, под цифрами стояли буквы и длинный номер, все как у денег. Бумажка была плотная, с ровными краями, и пахло от нее как от шоколадки...

– Теть Тось, иди-ка сюда, скорей, скорей, – криком позвала ее Рита из горницы.

Тося машинально спрятала бумажку за пазуху, корячась, поднялась с полу и забежала в комнату.

– Глянь-ко, новую деньгу нам правительство выдало, десятитысячную! Это чтоб олигархам быстрее деньги считать!

Ритка еще долго рассуждала, как на самом деле следует поступать правительству, но Тося впиалась глазами в телевизор, где то и дело на весь экран показывали новую деньгу. Это была она, та самая, из поддувала, ее живая денежка.

– Теть Тось, ну чего ты выпялилась-то, аж слюни потекли, не про нас эти денежки.

Диктор в телевизоре пел соловьем, что зарплаты у граждан растут, пенсии тоже, и что настала необходимость, и что народ намекнул, и что новая деньга будет доставлена в первую очередь не только в Москву, но и в регионы...

– Ой, эмоции зашкаливают, в регионы они пошлют... – племянница несколько раз на дню повторяла, что у нее зашкаливают эмоции. Тося не знала, что и думать.

Она вышла во двор, зашла за амбар и вынула из-за пазухи новую деньгу, подержала ее руках, чувство вновь подаренной жизни охватило ее нежным теплом и покоем. На завтра гостя уехала, освеженная целебным воздухом и довольная новым асфальтом у Тосиного дома. Вечером Тося сидела на лавочке в огороде и смотрела на звезды.

«Ох и насеяно, – думала она, глядя на небо, – это я еще очки для дали не надела. Аркашка говорит, что все живые, и фотоны стайками, и молекулы в цепочки выстраиваются и, соединяясь, наверное, молятся, чтобы произошло чудо».

И Тося вместе с ними непоколебимо, но тишком верит, что так бывает. Между прочим, часто бывает, а люди как-то мимоходом относятся к чудесам, считают, что так и должно быть, забывают... А ведь и глухой услышит, как все вокруг говорит и поет: «Всякое дыхание да хвалит Господа!» – и фотоны, и молекулы, и она сама.

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ

Валерий МАККАВЕЙ

Нижний Новгород

ЛЮСЬКА

1

Она любила сдвигать облака. Сядет, бывало, на берегу озера, поднесёт к обветренным губам сложенные ромбиком худенькие ладошки и, запрокинув к небу лицо, с таинственной полуулыбкой, начинает выдыхать горячий июльский воздух. Голова её при этом раскачивается из стороны в сторону. Тёплый ветерок, с запахом сухих пшеничных полей, слегка перебирает волосы, словно музыкант струны любимой гитары. Палящее полуденное солнце выжигает на её обнажённых плечах рыжеватые веснушки.

Поднимешь к небу глаза и смотришь, как потревоженные волшебным дыханием беспечные облака суетливо, словно воздушный шарик, скрываются за горизонтом.

– Санька, ты видел? – захлёбываясь от восторга, кричит Люська.

– Конечно, видел! – радостно откликаюсь я. – И как это только у тебя получается? Может, научишь?

– Хитреньким будешь! – лукаво прищуривается Люська. – Сначала догони!

Резко вскочив, она срывается с места.

Мы бежим по пшеничному полю, которое, как праздничный торт, разрезано пешеходными тропами. Золотистые колосья под тяжестью налившихся зёрен клонятся к потрескавшейся от жары земле; высушенными усиками, напоминающими лапки сороконожек, противно касаются разгорячённой кожи.

Я теряю Люську из виду и останавливаюсь. Меня окружает тишина. Слышно только, как трутся друг о друга сухие стебли пшеницы да жужжит захмелевший от пряных запахов лета шмель. Раскинув в стороны руки, я сгребая в охапку налитые солнцем колосья, и лето шелестящим веником оседает в моих объятиях.

– Санька! – издали доносится до меня голос Люськи. – Санька, ты где?

Я улыбаюсь и бегу вдогонку.

– Расскажи что-нибудь? – просит Люська.

Мы лежим на стог сена. Белесое, как застиранная простыня, небо, в заплатках ажурных облаков, с трудом удерживает выгоревшее вечернее солнце.

– «Однажды, в студёную зимнюю пору я из лесу вышел...», чтобы поссать, – говорю я.

– Дурак! – обиженно отвечает Люська и отворачивается.

– Люсь, ну ты чего? Смешно же.

– Обхохочешься.

– Ну не злись. Ты, кстати, веришь в НЛО?

– Нет. А ты?

– А чё мне верить, я видел.

Люська поворачивается в мою сторону, привстаёт на локтях и с интересом всматривается в моё лицо. Мне приятно её внимание. Хочется придумать что-то необыкновенное, но ничего не приходит в голову.

– Ну? – торопит Люська.

– Короче, как-то раз я сидел на лавочке и смотрел на небо. Тем вечером был сильный звездопад. Я считал падающие звёзды и загадывал желания. Кстати, я тогда загадал, чтобы ты приехала на каникулы, и видишь, ты здесь.

– Подлиза, – съязвила Люська, но я знал, что ей понравилось.

– Так вот, сижу я, значит, смотрю наверх, даже шея затекла. Пальцы на руках закончились – все позагибал, а звёзды всё падают и падают. Начал было на ногах загибать и тут вижу, как одна звезда движется по небу параллельно земле и то пропадёт, то вновь появится, то пропадёт, то вновь появится. Даже мурашки побежали.

– А какого цвета звезда-то была?

– Ну, красного...

Взрыв смеха разорвал тонкий вечерний воздух и звонким ручейком разлился по округе. Люська согнулась пополам, её шорты немного съехали, обнажив родинку на загорелом бедре.

– Чё ты ржешь?

– НЛО он видел. Ага, щас! – Люська продолжает смеяться. – Это самолёт был, дурачок!

– Да ну? – не поверил я.

– Так да. Когда самолёт летит, у него мигают бортовые огни, ночью их хорошо видно.

Мне стало досадно, что я так лопухнулся.

– Люська, на тебе паук, – кричу я и, оттолкнувшись руками, быстро съезжаю на землю.

Смех переходит в крик, и я чувствую, как позади меня скатывается Люська.

– Полезли, когда стемнеет, в заброшенный дом за ягодами, – говорю я, когда мы, вспотевшие от бега, останавливаемся отдышаться. – Я видел там грядки клубники, крыжовник. Яблоч поедим.

– А если поймают?

– Да кто? Там же никто не живёт.

– Я видела, как туда мужик приходил.

– Ну и что? Ночевать-то он там не ночует.

– Ну, давай... – неуверенно отвечает Люська.

В деревне темнеет быстро. Только ты видел, как загоняют коров, которые со скучающим видом, лениво, хвостами, отяжелевшими от запёкшегося на них помёта, отгоняют от себя назойливых мух; как мошकारа, сбившись в стаи, безумным торнадо кружит над тобой; и вдруг, засмотревшись на соседского пса, остервенело скребущего задними лапами грязную холку, поднимаешь глаза, а вокруг чернота, и мрачные силуэты деревенских домов рыжеватыми окнами говорят, что ночь пришла.

– Лезь быстрее, тяжело ведь.

Я наклонился и упёрся ладонями в колени. Люська стояла у меня на спине. Не сказать, чтобы это сильно меня беспокоило, но вероятность того, что нас заметят, всё-таки существовала. Тогда попадёт обоим. Перспектива провести остаток лета сидя дома, пропалывая грядки в огороде, совсем не прельщала.

– Лезь быстрее, говорю.

– Если ты не заткнёшься, я начну танцевать, – в подтверждение своих слов Люська стала переминаться с ноги на ногу. – Да и вообще, я занозу могу засадить.

– Да давай уже...

Люська вцепилась двумя руками в шершавые зубья забора, слегка оттолкнулась, перекинула ногу и, встав на перекладину, ловко спрыгнула на землю.

– Ай, блин! Санёк, здесь крапива, – доносится жалобное причитание Люськи. – Я все ноги сожгла.

– Специально для тебя посадили, – подтруниваю я.

– Не смешно!

– Я, пожалуй, подальше перелезу. Может, там меньше крапивы.

Я направляюсь вдоль забора, поочерёдно трогая доски, представляя себя Колей Герасимовым, преследующим незнакомку в заброшенном доме. Хотелось найти заветную дверь, за которой окажется машина времени. Мы бы с Люськой сразу махнули в будущее, и, может быть, даже полетели на Марс. Интересно, на Марсе есть облака? Люська бы их тоже, наверно, сдувала.

Одна доска покачнулась и сдвинулась в сторону. Вот так удача! Отодвинув её как можно дальше, я начал протискиваться в образовавшуюся щель.

– Люська, миелофон у меня! – приглушённым голосом затынул я.

– Подлец! Ты знал, что здесь лазейка, но всё равно заставил меня прыгать через забор.

– Да не знал я! Просто повезло.

– Ага! Так я тебе и поверила. Ну, води к своим ягодам.

– Там, где яблоня. Видишь?

– Вижу. Только теперь ты иди первый.

Крапивы и правда было много. Приходилось сначала сминать её ногой и только потом продвигаться вперёд. Потревоженные нашим присутствием комары суматошно кружили над головами.

Клубника была прохладной и сочной. Её сладковатый вкус сопровождался тонкой кислинкой, отчего временами сводило скулы. Совсем скоро наши руки стали липкими от сока.

- Да она наполовину неспелая, – бубнила Люська.
- Просто в темноте не разобрать. Пошли тогда яблок нарвём.
- Они тоже ещё не созрели.
- Ой, можно подумать, ты никогда не ела зелёных яблок.
- Пошли. Только я не буду.
- Как хочешь.

Яблоки висели высоко. Чтобы их достать, нужно было лезть на дерево.

- Люсь, подстрахуй меня. Я быстро.
- Я замёрзла, – Люська поёжилась и скрестила на груди руки.
- Ну, давай я погрею.
- Погрей.

Я неловко обнял её худое тельце. Люська доверчиво прижалась ко мне, положив ледяные ладошки на талию. Что-то неведомое, большое и тёплое пробудилось во мне, потянувшись, сдавило лёгкие и, уперевшись могучими, но мягкими руками в рёбра, заставило пошатнуться.

- Ты чего? – удивилась Люська.
- Ничего. Поскользнулся, – я крепче обнял её и зачем-то спросил: – Люсь, как ты думаешь, на Марсе есть облака?
- Не знаю. Наверное, должны быть.
- Ты бы смогла их сдуть?
- Ты такой смешной. Ну конечно!

Она засунула руки мне под футболку. Моё тело отозвалось мурашками.

- Ты когда-нибудь целовался?
- Нет. А ты?
- Поцелуй меня, если хочешь, – вместо ответа прошептала Люська.
- Хочу.

Её губы были влажными и сладкими, как ягодный торт, и пахли клубникой.

- Саш, а ты знаешь, что такое любовь?
- Любовь-морковь для дураков.
- Вот почему ты такой? Всё время всё портишь...

Люська толкает меня в грудь и отходит в сторону. Трудно понять по её лицу, что она сейчас чувствует.

- Завтра я уезжаю, – говорит она и отводит глаза.
- Куда?
- На море, а потом в город. За мной родители приехали.
- Я смотрю на неё и молчу.
- Пошли, проводишь меня.

Мы идём по тропинке вдоль оврага, разделяющего улицу на две части. Собаки приветствуют нас надрывным лаем. Её дом восьмой по порядку. Чёрный бревенчатый сруб с рубероидной крышей.

- Вот и пришли.
- Знаю.
- Ну, иди. Прощаться не будем.
- Ты ещё приедешь? – спрашиваю я.
- Хитреньким будешь! – Люська прищуривается, чмокает меня в щеку и направляется к дому.

Моё сердце сжимается, хочется её догнать, может быть, поцеловать ещё раз, но я молча смотрю ей вслед, жду, пока она закроет калитку.

5

Домой я вернулся поздно.

Бабушка сидела в уголке под образами и неслышно шевелила губами.

– Баб, ты чего не спишь? – шёпотом спрашиваю я.

– Тебя жду, внучок, – так же шёпотом отвечает бабушка. – Ты, небось, голодный?

– Нет, я яблок поел.

– Ну, ложись тогда. Только тихонько, дедушку не разбуди. Я тоже скоро лягу.

Я направляюсь в переднюю, но на полпути останавливаюсь.

– Баб, а что такое любовь?

Бабушка улыбается и качает головой.

– Любовь – это когда ты увидел в другом человеке образ Божий и всю жизнь полагаешь на то, чтобы он просиял.

Я ложусь на кровать и укутываюсь одеялом.

Однажды я видел, как со старой иконы снимали тёмную олифу и слой за слоем проступали скрытые под ней краски, пока, наконец, она вся не засветилась золотом. Наверное, об этом говорила бабушка.

Под умиротворяющее тиканье настенных часов я заснул.

В следующем году Люська не приехала. Некому было сдувать облака, и всё лето лил дождь.

Виктория ЧИКАРНЕЕВА

Ростов-на-Дону

СИЛЬНЕЕ И БЫСТРЕЕ

1

Елизавета Семеновна не видела внука целый год. Дочка пообещала привезти Владика на летние каникулы. Бабушка радостно ждала его, представляя, как крепко обнимет и поцелует в упитанную щечку. Но, встретив внука, ахнула, удивившись, насколько он стал щупленьким и бледным.

– Ничего, Владюша... Я тебя тут живо откормлю, – обещала она, – у меня скучно не будет. Данька каждый день в гости заходит, будешь с ним играть.

Мамы Владика и Данилы были родными сестрами. Некогда жили в одной станице, даже в соседних домах. Семь лет назад все изменилось. Родители Влада переехали в Петербург и забрали мальчика с собой. Их дом остался на плечах Елизаветы Семеновны. Семья Данилы осталась, не рискнув менять насиженное место.

Владик рос спокойным и задумчивым. На лбу извилистыми узорами тянулись тоненькие венки, а под глазами проступала синеватая дымка. Щеки казались впалыми и желтыми. Ребенок был на голову ниже сверстников, по комплекции напоминал худенькую девочку. Родители бесконечно водили сына по больницам. Врачи проводили нужные

обследования, щедро выписывали направления на многочисленные анализы, а после проверки разводили руками и просили мать не торопить события. Подрастет сын, нужно только подождать.

Владик не умел подтягиваться на турнике, бегал медленнее всех в классе, плохо играл в футбол и среди друзей брата получил прозвище «главного мазилы». Он стеснялся своего худого тела и с завистью смотрел на рослого и быстрого Данилу, с легкостью перепрыгивающего через забор. Они были одногодками, но Данька в свои двенадцать лет выглядел на пятнадцать, а Владик едва тянул на десятилетнего мальчика. Вечерами тайком ото всех мальчик запирался в комнате и отжимался, пока перед глазами не мелькали мурашки. Через силу, чувствуя подступающую тошноту, Влад съедал все, что ему предлагали. Каждое утро раздевался по пояс, вертелся около зеркала, смотрел на торчащие ребра и выдающиеся худые плечи. Он не мог понять, куда исчезают килограммы еды, насильно съедаемой за столом.

Елизавета Семеновна родилась в конце пятидесятых годов, больше десяти лет назад вышла на пенсию, вплотную занялась домом и огородом. Завела небольшое хозяйство, даже прикупила пару очаровательных белых козочек. Ужас голода передался ей от матери и двух тёток, переживших войну. Холодильник Елизаветы Семеновны всегда был полон еды, а полки в подвале ломились от разносолов. По утрам она варила молочную кашу, добавляя щедрый кусок домашнего сливочного масла. Жарила блины с оладьями, пекла румяные пирожки с малиной и вишней, с зеленым луком и яйцами. Лепила пухленькие вареники, сдобренные сметаной. Готовила наваристые борщи и супы на утином мясе.

– Кушай, внучек, кушай! А то приехал со своего города как глиста тощий...

– Спасибо, бабушка!

– Совсем тебя родители не кормят! Морят голодом дитя! – продолжала возмущаться.

– Я дома тоже хорошо ем. Просто у меня сложение такое. Астеническое! – пытался защититься Владик, вспоминая, как говорили врачи.

Данила приходил в гости по несколько раз в день. Задира брата, прозвал его слабаком и дрыщом, делая это тайком от своих родителей и бабушки. Владик болезненно реагировал:

– Я не слабак, ясно тебе!

– Да? Давай на руках бороться... Слабо? – продолжал задирать Данила.

Мальчики ввязывались в спор. Данька вальяжно подходил к письменному столу и смахивал на пол все вещи. Снимал майку, оставаясь раздетым по пояс. Подрагивал плечами, как делали герои любимых боевиков, разминал руки. Владик просто ждал.

Они садились друг напротив друга и крепко хватались за руки. Влад закрывал глаза, крепко стискивал зубы, даже рычал, пытаясь одолеть брата. Даниле хватало тридцати секунд, чтобы одержать верх. Хотя пару раз Влад продержался около минуты.

– Ну что, съел, да! – с радостью вскрикивал Даня. – А говоришь мне, что не слабак...

– Ничего, мы еще посмотрим, – отвечал побежденный Влад, надеясь, что к концу лета одолеет брата.

– Я тебя сильнее во всем? Не веришь? – подначивал Даня. – Пошли на турник подтягиваться. Или побежали километр наперегонки?

– В следующий раз, – нехотя отвечал Влад, понимая, что проигрывает. Он давно мечтал стать сильнее и быстрее. Но проигрывал двоюродному брату во всем.

После очередной победы Дани споры заканчивались. Он, чувствуя превосходство, уходил на улицу к друзьям. Брат оставался у бабушки и принимался за новую книгу. Родители оставили сыну планшет, но строго требовали играть не больше часа в день. Владик соблюдал правило, после очередного пройденного уровня он клал игрушку на место, в верхний ящик стола.

Мальчик много читал, его завораживали приключения. Воображение уводило в далёкие края, всякий раз он оказывался в каюте у смелого и грозного капитана, направляющего корабль на поиски затерянных миров. В следующий раз бросался спасать галактику, рассекал космос на летающей тарелке. Потом отправлялся в опасное путешествие по пустыне, сражался с разбойниками и одичалыми племенами, защищал богатства каравана.

– Владик, пошел бы к Дане, погулял с ним, – тревожила бабушка.

– Ага, сейчас дочитаю страничку, – отвечал внук и продолжал читать еще несколько часов подряд.

Вечерами он нехотя выходил на школьное поле к Даниле и его друзьям. Владик побаивался не то мяча, не то дико кричащих пацанов, сносящих все на своем пути. Плохо пасовал и не умел стоять на воротах, ошибался в силе удара, а когда ему улыбнулась удача и пришлось бить пенальти в пустые ворота, мальчик разогнался, поскользнулся на траве, ударил слабо, мяч попал в руки вратарю.

– Вот слабак! Больше не выходи на поле, не позорь меня, – со злостью выговаривал Данила по дороге домой.

Владик шел молча. Его душили слезы, но разрыдаться при брате он не мог.

2

Кроме футбола у Данилы была еще одна страсть: он любил ходить в походы. Его путешествия были любительскими. Мальчик вместе с парочкой друзей выбирался за станицу, жарил на костре сосиски, собирал дикие яблоки и абрикосы, удивительно ароматные и сочные. Потом ребята долго купались в речке, играли в мяч на воде, гордо называя придумку речным футболом. В конце дня, уставшие и счастливые, приходили домой.

Но еще больше Данила любил рассказывать о своих походах двоюродному брату, не забывая приукрасить события. Ему нравилось наблюдать, как расширялись зрачки у Владика, как мучительно он вслушивался в разговор и расспрашивал обо всех мелочах. Данила же любил пофантазировать: то он помогал пасти коров и вечером нашел телку, отбившуюся от стада, то бродил по замерзшему озеру и едва не провалился под лед, поскольку не заметил полынью, то спас из речки маленького котенка, а потом нашел ему хорошего хозяина.

Влад не раз просился сходить вместе с Даней в поход. Да так, чтобы выйти ранним утром, взять с собой картошку, запечь в золе. Побродить по безлюдным холмам за речкой, собрать немного дикой земляники

и непременно отправить маме несколько фотографий. Данила постоянно отнекивался. То забыл позвать с собой, то решил пойти в поход в последний момент, даже соврал, что однажды рано утром заходил за братом, но не смог разбудить.

– Хочешь, я за поход дам тебе планшет на две недели? – предложил Владик, используя последний шанс.

Предложение оказалось заманчивым. У брата был новенький планшет в кожаном чехле. Сенсор работал замечательно, не то что у Дани (старый отцовский телефон тормозил и уже давно просился в мусорное ведро).

– По рукам! – согласился Даня.

Он крутил в руках блестящий планшет, умело водил по экрану и изучал приложения. Интернет в станице ловил неплохо ближе к центру; на окраине, где жила бабушка, сигнал был слаб, поэтому играть можно лишь в приложения, работающие без сети.

– Вот это вещь, я понимаю! – с завистью вздохнул Данила. – Идем утром за Дарьевский мост, потом покатаемся на тарзанке, покупаемся, как обещал.

В тот вечер мальчик даже не пошел на футбольное поле. До глубокой ночи просидел в комнате под маленьким светильником, не расставаясь с новой игрушкой. В соседнем доме тоже долго не выключался свет. Влад мечтал об интересном приключении.

3

– Данька! Данька, вставай! – разбудил его голос. Цепкие и холодные пальцы сдавили теплое плечо и выдернули из сна.

– Ну что еще, – недовольно пробормотал мальчик.

– Данька, ты же обещал, что мы идем в поход.... Я тебя с восьми утра жду! – выговаривал Владик.

– Я проспал... – сел на постели и заметил, что часы показывали десять. – Ладно сейчас соберемся и пойдем.

Владу хотелось кинуться на брата и бить его по спортивному телу. Но мальчик лишь молча сжал кулаки, ногти до боли вжались в мягкую кожу ладони. Даня медленно, как бы издеваясь над братом, переоделся, тщательно вычистил зубы, выпил чай с бутербродом. Они вышли из дома около одиннадцати утра.

Данила хотел спать и думал лишь о том, как бы погулять пару часиков, потом немного размяться и поплавать на речке, лишь бы несносный брат, зануда и слабак, отстал от него. Затем можно вернуться домой и снова играть на планшете.

Братья недолго бродили по холмам, собирая землянику. Данька знал хорошие места, но туда нужно было идти пару часов, а гулять так долго не входило в его планы. Ягода попадалась редко, да и та оказалась мелкой и кисловатой. «Горе, а не земляника», – вздыхала бабушка, когда видела такой урожай.

Огненное солнце палило. В маленьком ведерке лежало немного ягод, лишь прикрывающих дно. Фотографировать добычу было стыдно. Разговор у мальчиков не клеился. Владик пытался рассказать о том, как мама водила его в Эрмитаж и военный музей, а папа вывозил в лес, где они собирали голубику.

– Нашел чем хвастаться! А мы клубнику в огороде собираем ведрами, – ответил Даня, помолчал и добавил: – Скоро пойдем домой. Печет сильно...

– Ты хорошо плаваешь? У нас бассейн в школе есть, тренер даже нырять меня научил, – снова пытался завести разговор Владик.

– Ой! Нужен мне твой тренер! – с завистью ответил Даня. – Я и сам научился нырять. Даже сальто могу делать. А погнались, покажу тебе!

Внезапно у Данилы родилась увлекательная мысль. На правом берегу речки, в зарослях ивняка, на берегу была заброшенная тарзанка. Конечно, местное развлечение имело лишь отдаленное сходство с настоящей тарзанкой. Еще в середине девяностых парни привязали к высокой ветке дерева длинную веревку с удобной петлей на конце. Мальчишки хватались за петлю, разгонялись, отталкивались от края небольшого деревянного мостка и с криками летели над водой. Одни ныряли, другие просто катались, возвращаясь на мосток. Еще пару лет назад тарзанку очень любили, вечерами выстраивались очереди из желающих повеселиться. Но после того как один из мальчиков нырнул под воду, ударился головой о корягу и остался инвалидом, игры прекратились.

Данила прекрасно помнил эту историю. Но ему захотелось проверить себя: струсит или нет. А еще больше захотелось проверить, струсит ли Владик.

– Ты уверен, что тарзанка не порвется? – спросил Владик, осторожно осматривая и подергивая веревку.

– Уже испугался?

– Нет, но видно, что тут никто не катается.

Данила ничего не ответил. Схватился за петлю, разогнал, оттолкнулся всеми силами от края мостка и полетел над речкой. Дерево заунывно заскрипело.

– Ууууух! – закричал Данила, прыгнув на край доски. – Я сейчас прокачусь снова. А тыними мне видос... Я вечером на страничку залью.

– У меня телефон сел, – разочарованно ответил Владик, покрутив в руках сотовый.

– Эх ты... Снимай на мой! – Данила достал из кармана свой мобильник.

Мальчик снова разбежался и полетел на веревке над рекой. Влад снимал момент полета.

– Сейчас такой видос будет! – закричал он, подошел к краю мостка, неловко поскользнулся на мокрой доске и выронил телефон.

Сотовый ударился о доску, отколоштел и упал в реку в тот момент, когда Даня приземлился на мосток. Мальчишки замерли, молча наблюдая, как он тонет в темной воде.

– Прости, прости, Даня! Хочешь, я тебе свой планшет отдам! – виновато говорил брат.

– Слабак! Даже снять видос нормально не можешь! – со злостью кричал Данила, толкнул Влада в плечо. – Бери и доставай его!

– Даня, как я его достану? – защищался мальчик.

– Как хочешь! Живешь как слабак и всю жизнь таким останешься! – в сердцах крикнул Данила.

– Не останусь! – неожиданно для себя закричал Влад, разбежался по мостику и внезапно нырнул в черную воду.

– Стой! Там же коряги торчат! Разобьешься! – закричал Данила. Но ступни Влада уже скрылись под водой.

Мальчик с ужасом смотрел на мутную реку, вспоминая, как в прошлом году здесь случилось несчастье. Колька также нырнул, катаясь

на тарзанке, ударился головой. Его вытащили из реки, смогли спасти, но подросток остался глубоким инвалидом.

Данила еще несколько секунд смотрел на волнующуюся воду, Влад не выныривал. Мальчик быстро опустился на берег, побежал по глинистому дну. Он вдохнул полную грудь воздуха и нырнул. Глаза невыносимо резало, казалось, в мутной воде ничего нельзя было разобрать. Руками он щупал глинистое дно, плечом задел острую корягу. Воздуха не хватало, и Даня вынырнул, снова набрал полную грудь воздуха. Опять темнота. «Только найдись, только выживи!» – молил про себя.

Наконец рука нащупала что-то мягкое. Даня схватил брата за футболку и поплыл наружу. Владик начал судорожно хватать ртом воздух, цепляться за брата. Данила с трудом проплыл пару метров, его закаленное тело обмякло и устало, из последних сил он вытягивал захлебывающегося брата. Ноги коснулись глинистого дна. Мальчик выдохнул.

Они сидели рядом друг с другом.

– Я не нашел твой телефон. Прости! – наконец, заикаясь, сказал Владик. – Запутался шортами в коряге, воздуха стало не хватать... Спасибо, что спас!

– Никогда так больше не делай! Ты не слабак, слышишь! – отчетливо сказал Даня, размазывая слезы по щекам.

Владик ничего не ответил. Его била крупная дрожь, но не от холода, а от страха.

Алиса ОРЛОВА

г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

Дар

Понимаешь, закончился материал.
Просто мир этот слишком мал
Для сверкающих слов, что, как чёрная ртуть,
В небо выстелют путь.
Понимаешь, без драмы не выйдешь во двор
Покурить, глядя в чёрную ночь,
И с собой на листке записать разговор
Так, как был он, точь-в-точь.
Понимаешь, я солнце, и мне гореть
До скончания лет предстоит,
Прежде чем установит торжественно смерть
Над могилой моей малахит,
И слетятся вороны клевать семена
На горячий как нефть чернозём...
Понимаешь, я – слово на все времена,
Что к беде приковали живьём.
Но и в страшных конвульсиях я не хочу
Променять ни на что этот Дар:
Зажигая на кухне простую свечу,
Получать самый страшный пожар.

* * *

Природа — Великий Художник,
Творит из цепей ДНК
Пустырьник, ковыль, подорожник...
А в небе плывут облака.

Все то, что лежит на сетчатке
Невидимым грузом миров —
Конфетка в хрустальной облатке,
Вязанка космических дров.

Их Бог потихоньку сжигает...
Как весел смертельный огонь!
А где-то снежинка летает
И падает мне на ладонь.

О

О городах, ждущих ночей молебна,
Об островах, болтающихся в нирване,

О кухонных драмах, чья сладкая грязь лечебна,
 О корабле, заблудившемся в океане,
 О птицах, вьющих гнёзда прямо на рельсах,
 О снах, пропитанных деструктивным страхом,
 Об одиноких женщинах в театральных креслах,
 О временах, выпитых одним махом,
 О детских следах, ведущих вперёд, к оврагу,
 О январе, накинута на равнину,
 О странной любви, без которой уже ни шагу,
 О ненависти, прожитой наполовину,
 О тридцати, тридцати пяти и дальше,
 О бесконечности, узнаваемой по морщинам,
 О всё пропитавшей, как сырость, фальши
 И всё объяснивших невыспавшихся мужчинах,
 О пустоте, подкравшейся из передней,
 О заглянувшем в окна моём взрослении,
 О сигарете, наверно, уже последней –
 Я напишу как-нибудь в воскресенье.

* * *

В круговерти,
 в предчувствии смерти,
 что наступит не скоро – лет через двадцать пять,
 имитируя жизнь на фейсбучной ленте,
 заменившей книгу, блокнот, тетрадь,
 заменившей жизнь... разговаривая с двойниками,
 поводя плавниками,
 как будто собравшись уплыть,
 возвышаясь над пропастью
 сонными
 ледниками –
 я пытаюсь тебя забыть.

Забываю сначала голос, потом улыбку,
 золотую рыбку
 касания
 невзначай,
 тиражирую, как взбесившийся принтер, свою ошибку,
 ретранслирую в вечность
 свою печаль.
 Но на мутном стекле сознания
 проступает
 понемногу,
 как будто дышит неслышно
 Бог –
 твое сердце, и лёд беспамятства
 снова тает...

И немедленно
 вслед за этим
 звенит звонок.

Затмение

То ли ветер ворвался в комнату и хочет меня убить,
 Шаря по всем углам розмариновой лапой сна,
 То ли на самом деле так надоело жить
 (Будь же хотя бы с собой до конца честна),
 То ли срок поджигает, когда можно ещё поменять
 Пусть не пол и не возраст – хотя бы статус в сети,
 То ли хочется слишком сильно, чтоб ты меня мог обнять,
 Не сводя с ума, не сбивая меня с пути,
 То ли тот рыбацкий кораблик, что потонул вчера,
 Слишком близко воспринят сердцем – как младший брат,
 То ли жмут слова, что выходят из-под пера,
 То ли мера моей вины возросла стократ,
 То ли та ловушка, куда загнала себя сама,
 Оказалась лучшим, что есть у мира мне предложить,
 То ли просто затмение сводит меня с ума –
 Но так трудно дышать и совсем невозможно жить.

* * *

Нет ничего, всё придумано из головы:
 Этот день поперёк горла вечности, тёплый снег
 На трепещущих ребрах задыхающейся травы
 И пунцовый закат у самых Господних век.

Нет ничего, только взгляда напротив чернильный плеск
 И летящий к твоим ногам пепельный мотылек,
 И услужливый демон ночи, что нашу любовь доест,
 И простуженный ангел смерти, что подарит ещё денёк.

* * *

Ты, Кто нашептывает мне слова –
 Не сбивайся с ритма и не молчи: я могу ещё.
 Я сожру их с хрустом, как огонь сырые дрова,
 И бумажный ангел вздохнет и сядет мне на плечо.

И стальные птицы созвездий, сверкая, споют мне песнь
 Со своих насестов о том, как хрустальна ночь;
 И патлатый Бог засмеется, как будто и вправду есть –
 И не просто есть, а может еще помочь...

* * *

Ну хорошо, я знаю: смерть моя,
 Трепещущая птицей на морозе –
 Прощальный танец, пристань бытия
 Последняя; любовь в анабиозе,
 Шершавый мир под лупой божества,
 Венец терновый, выданный в награду
 За то, что я в обёртке вещества
 Смогла пройти по призрачному саду.

Сергей МИХЕЕВ

Нижний Новгород

Кензель

(new)

В мнимом мире пиаровом, в мнимом мире пиаровом
 Вы ступили на подиум, освещенный софитами.
 И дорожка ковровая, периньоном залитая,
 Вся усыпана розами и сердцами разбитыми.
 Все как будто задаром Вам, все как будто задаром Вам.
 А Вы вся инстаграмная, вся такая фейсбучная,
 И судьба уготована Вам, естественно, лучшая
 В этом мире пиаровом, в этом мире пиаровом...
 Отчего же грустите Вы, почему же так скучно Вам,
 В блёстком вихре столичности, в полутьме кулуаровой?
 Но, возможно, из прошлого кто-то Вам улыбается
 Просто по-настоящему, не гламурно и лосково,
 Пишет письма бумажные, подмешав в них французского...
 Нет на Вас Северянина, нет на Вас Маяковского –
 Лиле Брик посвящается...
 Лиле Брик посвящается...

К тебе

Я к тебе подходил, ты держала мундштук
 И смотрела серьёзно и мрачно,
 И вопросом своим разбивала мечту:
 «Что о жизни ты ведаешь, мальчик?»

Сигареты холодный ментоловый вкус,
 Пальцы тонкие, тонкие Мое
 Ты вдыхала и тут же впадала в тоску
 Словно Волга в Каспийское море

В переходе между буржуазной мечтой
 И нестройной моделью советской
 То с Полковником ты уходила в запой,
 То играла на скрипке с Поведским

Я пел гаудеамус, терзая латынь,
 Ты мне вторила – хава нагила
 Только твой поцелуй горек был как полынь
 И прохладен как стены могилы

Я тебя потерял, дорогая, прости!
 Ты сама не смогла бы остаться,
 Ведь поставить мог против твоих 20-ти
 Я тогда лишь свои 18-ть

Никогда не пойти больше в домик Петра,
 И не быть мне зелёным студентом,
 И встречает Монмартр тебя по утрам
 Бело-облачно-мятным абсентом

* * *

Я сожгу свой лапсердак с прорехами
 И надену новое пальто.
 Эвон, из Москвы как понаехали –
 Даже появился ром в сельпо...

На меня взглянули так небрежно Вы,
 Но я испытал культурный шок
 И подумал, может, Вера Брежнева?!
 Или, может, кто-нибудь ещё?!

Эти все с рихтованными рожами –
 Вроде моложавые на вид,
 Но жена Иосифа Пригожина
 Даже рядом с Вами не стоит.

И с глазами этими оленьими
 Мне не распрощаться никогда.
 Я достал из погреба соления
 И кольцо вморозил в кубик льда.

Вы такая милая, красивая,
 Я припас Вам бабушкин платок.
 Будем пить бакарди с апельсинами,
 Я давлю из них руками сок.

А, быть может, лучше самогона Вам –
 Первачка, лучок и сала шмат!
 А хотите, буду Солу Монову
 Вам читать хоть пять ночей подряд!

Буду руки гладить бесконечно Вам,
 Нежно целовать в колена сгиб...
 Не такой уж я и деревенщина,
 Если что касается любви

* * *

Я тебя искал. Аксакалы скал
 Не сказали, куда ты ушла,
 И друиды древ вряд ли водят дев
 В заколдованные леса

И равнин равнин всё равно один
 Перед богом ли, перед тобой.
 Даже гуру гор не заводят спор
 О любви, что приносит боль

Мудрецы дворцов дочерей отцов
Вы смогли бы остановить?
Ведь духовный сан, чей в сутане стан,
Сам ныряет в любви финифть

Из озёр зеркал я тебя лакал,
И дрожал в отражении лик,
Только всё мечты, то была не ты –
Привидение или двойник

Ты умчалась в даль, где скупой вандал
За тебя не давал цены,
Он без лишних слов заходил в альков
И портреты срывал со стены

Этот мир мираж. Мендельсона марш.
На приманку судьбы не ловись.
И любовь лишь сон, призрачный балкон,
Рванный фантик от жвачки love is

И любовь лишь сон, шум прибрежных волн,
Мокрый фантики от жвачки love is

Маяковскому

Нет времени: ни доктора, ни палача,
Ни петропавловского, ни московского.
Я призываю Владимира Владимировича,
Нет, не Путина – Маяковского.

Я включил самописец, положил чистый лист,
Свалил канцелярские принадлежности в кучу,
Вы же самый известный в стране футурист!
Совершите, пожалуйста, ком бак ту ве фьюча!

Покажите, как должен быть ласков и груб
Революционер двадцать первого века,
Чтобы вырвать себя как здоровый зуб
Из искусственного рта хай-тека,

Как, целину космоса избороздя,
Вывернув наизнанку слепящие недра,
Светить любимой миллион лет спустя
Из какой-нибудь туманности Андромеды,

Как, после взрыва, метеоритами измельчась,
Путая марсианский и русский,
Бросить на Землю горячую страсть
В Подкаменную Тунгуску.

Владимир Владимирович, я готов
За вами хоть в воды Стикса,
Но я китами кормлю котов
И мышами древнего Сфинкса.

Анастасия БЕЗДЕТНАЯ

Нижний Новгород

* * *

Закрываю уши, глаза и двери –
Я себе не верю, я тебе не верю,
Я не верю солнцу, не верю ветру,
Прозреваю ядра, немею цедрой,
Обращаюсь в горечь, в тоску свиваюсь,
Бесконечно долго молюсь и каюсь,
Я сижу над белым, от букв чернея,
Я опять запуталась, где я, где я?
Так я вновь и вновь становлюсь антенной
И пульсирует мир, как пульсируют вены,
Как пульсирует память на синей коже,
Разгораюсь вновь, отпускаю вожжи
И меня несёт по течениям слова,
Возвращаюсь в морок снова и снова
И рычу на сны, как лесные звери.
Я себе не верю и тебе не верю.

* * *

С посвящением Диме Дергалову

Я гуляю по небу босая
И дождейки на землю бросаю,
Из пустот улыбается Бог,
Я веду свой настёночный блог,
В красоту потихоньку врастаю.
А когда я трясусь от обиды
И меня донимают адлибы,
И коверкают правильный слог –
Понимаю, что путь мой полог,
Но зато открываются виды
На соцветия звёздных дорог.

У Луны очертанья шмеля,
Вся в пуху под ногами земля,
Я гуляю по небу босая.
Солнце вынесет день за поля
И раскурит туманный кальян,
Сонных глаз моих молча касаясь.

Дмитрий ВИЛКОВ
Нижний Новгород

Переезд

Бытие переезжает,
 Из окошка быт глядит.
 Он почти неузнаваем,
 Провожает караваем
 Соли, боли и обид.

Травмы, геть по чемоданам:
 Нынче, нынче поезд в ночь.
 Суй билеты по карманам,
 Спутник мой непостоянный.
 Мой талантёк в пыль толочь —
 Неотложные дела.
 Жизнь, гори. Сгори дотла.

Дао дэ цзин

Вот как это бывает.
 Стоишь над кастрюлей с кипящим рисом,
 А тут тебе приходит новое

Стихотворное чудо.
 Рис, естественно, убегает.
 Рис следует пути всякого риса.

Мелочь

Отгородившись спиной
 От бесполезных пешеходов,
 Она встала на колени
 (На асфальте трепетала распахнутая газета).

Не замечаемая никем,
 Кроме ветра,
 Она
 Низко склонилась
 Над скрипкой,
 Нежно кутая инструмент,
 Будто уснувшего младенца.

В банке для мелочи —
 Пустота.

Поездка летним вечером

Тут два часа гроза гремела,
 И, словно пёс, встряхнулся лес.

Как радуга, ты пролетела
 Над лужами, над перекрес...
 Над перекрестьем двух шоссеек,
 Куда ползёт червяк-пунктир...
 Успела! Вот он, новый мир!
 Сжимая солнце за ошейник,
 Вразброс швыряя облака,
 Природы дикая рука
 Маячит над пустой дорогой...
 И, красками делясь с тобой,
 Плывёт над северной землёй
 Цветок заката. Имя Бога —
 Наклейка на велосипед...

Минута — и заката нет.

Вера КАРАВАНОВА
Нижний Новгород

Гуди, варган!

Хлебай теперь свою свободу.
 Залей в утробу океан.
 Спинакер разорви в угоду
 Шальным ветрам. Гуди, варган!

Греби обломанным футштоком,
 Земля — мираж, земля — обман!
 Ты в исступлении глубоком,
 Кричишь ветрам: «Гуди, варган!»

Хмелей на пару с Посейдоном,
 Пусть веселится ураган...
 К чертям — сажать миндаль у дома!
 Гуди, варган!

* * *

В мятной воде кривляются небо с солнцем,
 Пляшут по волнам блики Петрова дня.
 Лето, впадая в Лету, быстрее несётся.
 Осень стоит на рейде и ждёт меня.

Осени ждёт уставший от жизни лоцман...
 Ёжится мятый бакен, судьбу кляня.
 Тонет в речной воде отраженье солнца,
 Пляшут по волнам блики Петрова дня.

* * *

Все самолёты давно улетели на юг.
 И, запуская им вслед самолётик тетрадный,

Я никуда не спешу, ежегодный мой круг –
Девять шлюзов по весне, ну и девять обратно.

Зыбкая клякса луны в отражение реки
Мне навевает мотивы в египетском стиле.
Стон разводного моста у посёлка Пески.
Рация скрипнет: «Счастливо, семь футов под килем!»

* * *

Дом заплакал вместе с непогодой,
Тазик под капелью – через край.
Табурет расхлябанный негодный
Застонал под тяжестью – слюняй.

Размывая краски и дороги,
Превращая площади в моря,
Ливень, словно пьяница безногий,
Катится, тележкой гремя.

Дождик с потолка – ещё не горе,
Руки-ноги целы – хорошо!
Видно, слишком сильно рвался к морю,
Раз оно само к тебе пришло!

Игорь ЗАЙЦЕВ

Нижний Новгород

Рэпчик

Папа, я выросла! Дед Мороз ещё жив, но я уже взрослая!
Мне целых 9 лет, но воспитывать поздно меня!
Как тебе этот клип? Стрёмно, или заходит?
Как, у тебя жизнь, скажи... Может, что-то в ней происходит?
Кажется, ты снова влюбился, пап!
Я чувствую. Познакомишь?
Мама желает счастья тебе! Ругается, что не заходишь.
Ну, знаешь сам, у неё дела. И подрастает братик.
Он очень прикольный, да, я его тоже люблю. Но да ладно,
о нем и об отчине, хватит.
Я ходила вчера в дельфинарий, да. Как видос тебе, что присылала?
Котик морской очень миленький там. А мороженого было мало.
Из-за всяких там передрыг, вряд ли этим летом будет мне новый велик...
Ты, не кашляй там, не болей, я пойду, потуплю в телик.
А ещё мы ездили в Городец, на крылатом, как жук, «Метеоре».
Это круто! Ну полный трендец! Роспись, пряники, все такое!
Ты, давай, не скучай, не болей! Будет случай, заберёшь меня
на недельку.
Помнишь, сидя на плечах твоих, хрумкала виноград? Гарри Поттера
седьмой фильм помню, но мельком.
Я хочу там, у тебя ещё посмотреть, и послушать, ну, это...
А... Накрылся сразу телик и комп? Ну, чини их быстрее! Покеда!

* * *

«Вдали он подобен цветным парусами корабля!» –
Писал Гумилев для своей донны Анны,
И кажется, что под ногами быстрее вращалась Земля,
Когда конквистадор стремительно шёл за своею желанной!
В руках его цвел восхитительный сад
Тропический или кипевший весною
Сквозь питерский дождь, под разрыв канонад
Ещё не случившихся, тою волшебной порою!
Мгновенья счастливые часто ли в жизни даны?
Иным и не снилось, ах, если бы ранней весною
К ним эти вибрации музыки сердца зашли
И не уходили, как гости ночью порою!

Лейла ОРЕН

Нижний Новгород

Фантом вечной памяти

(Из цикла «Суховей»)

В закоулках памяти – ненужный непрожитой вечности фантом
Ты ему: «Вали отсюда, ну же!» Он же всё толкует не о том:
Балаболит о забытой вере, верности и прочей ерунде,
О какой-то странной старой мере, что в ребре и, может, в бороде.
Крутишь у виска, послав подальше, шлешь в сердцах и в путь,
и с ветерком.
Он толкует о пределе фальши в мире, что привык жить кувырком.
Ты ему: «Пора, родной, отселе!» Он – лишь руки к небу, шепчет бред.
Вспомнил вдруг он сельского Емелю, рыбий хвост –
и всё, пиши привет!

Ты вдруг на перроне с мамой. Лето. И тебе уже почти что
ровно шесть,
Ты на электричку два билета сам берёшь и ищешь место сесть.
Бабушки и дедушки в толкучке: с сумками, с корзинками и про...
Шум да гам довёл тебя до ручки, а тебе ещё бежать в метро.
Тут и там – бомжи, воняет жутко. Привокзальный запах беляша.
Фу, забудь!... До дома на маршрутке. В дом вошёл –
и в ванну, чуть дыша...
Что тебе от этих ощущений? Всё прошло – хоть тяжко,
хоть смешно...
Было – не было, а сердце щемит. Будто бы и вспомнить не грешно.

Жужечка

(Из цикла «Горсть воспоминаний»)

Листья багряные ветер поднимет,
Видя под ними жука –

Росчерки рьяные в небушке синем
Он не осилил пока.

Жук зажужжит и надкрылья расправит:
Крылья торчат из-под них.
— Ой, не спеши, наша деточка малая...
Жук в одночасье притих.

— Жужечка-жужечка!— девочка кличет,
Ловит на память жука.
— Ну же, подружемся! — девочка ближе —
Жук надувает бока.

Раз, и взлетел — и за ветром, а девочка
Машет и машет жуку.
Множество дел незаметно исчезнет, но
Память о них сберегу.

Где этот жук? Где пытливая малая —
Девочка прошлого дня?
— Вдруг, всё же вдруг за осенними ставнями
Жук не забыл про меня.

Публицистика

Александр ЛОМТЕВ

Родился в 1956 году в с. Пуза (ныне Суворово) Нижегородской области. Работал инструктором служебного собаководства, киномехаником, мастером по сложной бытовой технике, электромонтером, корреспондентом газеты. Окончил Арзамасский государственный педагогический институт. Как журналист, специализирующийся на горячих точках, неоднократно бывал в Чечне, Приднестровье, Абхазии, Косове, Южной Осетии.

Прозаик, публицист. Автор ряда книг и публикаций в России и за рубежом. Лауреат премий «Патриот России», «Золотой гонг», «Серебряное перо», международного литературного конкурса имени А. Куприна, премии Союза писателей России «Имперская культура» им. Э. Володина.

Член Союза писателей России. Живёт и работает в Сарове.

ВСТРЕЧИ

Из дневников одинокого путника

*На хрупких переправах и мостах,
На узких перекрестках мирозданья...*

Владимир Высоцкий

Михаил Сергеевич и Гераклит

Нет, он уже не был президентом СССР, поскольку не было уже и самого СССР. И всё же я шёл на встречу с первым Президентом СССР, пусть даже и с приставкой «экс»...

Мы беседовали часа полтора. Станные ощущения оставила в памяти та беседа. Он задумал организовать новую Социал-демократическую партию, партию социализма с человеческим лицом. Зачем? Объяснял Михаил Сергеевич по обыкновению длинно и витиевато. И всё время сбивался на своё противостояние с Ельциным. Словно бы оправдывался. Мол, всё задумывалось вовсе не так, как в итоге получилось. Его не поняли, его не поддержали, а в конечном итоге — предали. Я спрашивал, он отвечал. Но отвечал не столько на мои вопросы, сколько на свои, которые, видимо, не переставали мучить его. Смесь обиды и сожаления слышал я в интонациях его голоса. И желание всё исправить.

Самое забавное, что он говорил всё очень правильно. И задумка сама по себе была верной. Народ уже подустал и от Ельцина, и от того

бедлама, который он организовал в стране. Но при этом было совершенно ясно, что затея экс-президента – пустая. Именно от того, что исходила от Горбачёва. Всё же прав был мудрый грек Гераклит Эфесский. Утекла та вода, которая вынесла на крутой берег истории ставропольского комбайнера; и когда выбросило его бешеное течение на отмель, все попытки вновь нырнуть в бурные волны большой политики оказались напрасными. Мало кому это удалось... Ни у шустрого Немцова не получилось, ни у упрямого Явлинского, ни даже у такой глыбы, как де Голль... Из больших политиков непотопляемым оказался, пожалуй, лишь Уинстон Черчилль, которого не раз выбрасывало из стремнины, а он возвращался...

Я слушал бывшего президента, поглядывал на диктофон – хватит ли плёнки, записывал кое-что в блокнот, а сам всё думал: осознаёт ли этот человек, какой след оставил в истории огромного государства, понимает ли, где, когда и в чём ошибся. И вдруг понял: он ни разу не сказал об ошибках и, похоже, не считает, что ошибался в чём-то принципиальном. Не на тех людей положился – да, не тем политикам поверил – да, проявил мягкость – да. Но курс был верным! Просто поневоле вспоминался товарищ Дынин из очень советского фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещён»: «Товарищи, я хотел как лучше! Чтобы дети поправлялись, чтобы дисциплина была... Как же, товарищи?» Верил ли я в добрые намерения Горбачёва? Утверждают, что французский монах Бернард Клервоский в 1150 году написал, что «ад полон благими желаниями и намерениями». Так он хотел подчеркнуть двуличность человека и его помыслов. Люди, которые напоятся делать добро, на самом деле творят злодеяния.

Интервью с Горбачёвым я в итоге написал. Большое интервью получилось, подробное, честное. И главное, что из него следовало, что старался Горбачёв показать себя человеком будущего, но было абсолютно ясно, что он безнадежно человек прошлого. В общем, неприятный осадок остался у меня после той долгой, но, в общем-то, пустой беседы – всё поверхностно, всё в лишних словах и ненужных оправданиях. Он, как мне кажется, так и не осознал, отчего его «благие намерения» разрушили огромную державу...

Из Вандеи с любовью

Февральские тучи тяжело жались к земле, снежный горизонт сливался с белесым небом, бесприютная нескончаемая дорога уводила куда-то в безнадежную даль, не обещая ничего нового.

– Все, России конец! – Игорь мрачно смотрел на голые заснеженные поля за окном машины, на деревеньки, мелькающие по обочинам, кособокие домишки, через один с заколоченными окнами, на хрипло каркающих вслед машине лохматых ворон с покосившихся столбов и заборов. – И надеяться не на что, скоро России не будет; придут американцы, скупят остатки, молодежь разъедется по Европам, продается за тряпки и жвачку. И никто не поможет... И попу этому французскому здесь делать нечего; он думает, что спасется здесь, в России, душу свою спасет? А уже и России-то нет, считай... Вон, смотрите, деревни уже почти нет, А что за Россия без деревни? Ничто!

Лена молча смотрела в окно на бесприютную голь зимы. Ей хотелось в Париж, под сень каштанов на Монмартре, а мы ехали в городок

Алатырь. Узнали, что в старинном чувашском Алатыре уже полтора десятка лет живет священник из Франции – отец Василий, и поехали знакомиться...

В Алатыре, как в Греции, все есть – завод, психушка, тюрьма, издательский дом, краеведческий музей, двенадцать церквей, аж два монастыря и даже две реки. В общем, все, что нужно для полноценной жизни. Но самая большая местная достопримечательность, прямо сказать, – француз отец Василий, настоятель храма во имя Иверской иконы Божией Матери. Принял он нас тепло, видно, уже привык к интересу журналистов.

Горели свечи, мерцала фольга дешевых иконных окладов. Дымился горячий чай в разнокалиберных чашках. Отец Василий улыбался нам и, словно бы заново всё переживая, рассказывал:

– Вообще, я был готов ко всему: приехать в чужую страну и остаться в ней навсегда. И я знал, что легко мне не будет... Знал, что будет очень трудно, но также я знал, что буду терпеть всё – меня ничто не сломит. Я был готов даже к тому, что меня посадят в тюрьму. Но я также был уверен, что меня ведет Господь. А раз так, значит все, что он мне пошлет, – моя судьба... А сейчас я в России как рыба, которая... нашла воду...

– Как рыба в воде, – подсказала Лена.

– О, да, да...

Он родился в тихой деревушке Тиффож, в провинциальной Вандее, на западе Франции.. Когда-то его звали Пьером и он был католиком. Теперь он православный священник Василий и живет в Чувашии. Где она, эта Вандея и где Чувашия... А вот поди ж ты.

Я смотрел в лучистые глаза священника, почти не слушал его, грелся и чаем, и его слегка ломаной речью и думал о своём. И чем его деревушка Тиффож по большому счету отличается от деревушки Березовка, где родилась Лена? Да ведь, пожалуй, ничем. А вот Лену тянет в Париж, а Пьера тянуло в Россию...

Солнце играло инеем на проводах и березовых ветвях, отец Василий махал нам вслед рукой, пока не пропал за поворотом. Дорога взлетела на холм, и вокруг раскинулись чувашские неоглядные просторы...

...Едешь-едешь по Нижегородчине, по Мордовии или по Чувашии, везде и всюду одно и то же: уходящие в бесконечность поля, перелески, снова поля – под отсыревшим февральским небом, замерзшие и замерзшие вдоль дороги деревушки, суетливое воронье на хлипких заборах, прогорклые кафешки с нелепыми названиями, провинциальные городки, спящие под пылью патриархальности... Везде и всюду... Отчего же тогда внутри все сжимается и тает, когда за окном медленно проплывают узкие улочки очередного провинциального городка, о существовании которого ты даже и не подозревал? Лена уткнулась носом в холодное стекло машины и все смотрела и смотрела на и эти старинные купеческие дома с резными крылечками, эти окна в кружевных наличниках, и этот печной дымок, запах которого просачивался даже сквозь плотно закрытые окна.

– Нет, Россию никто не сможет погубить! Никогда! – Игорь с блуждающей улыбкой смотрел на белоснежные поля за окном машины, на живописные деревеньки со сверкающими под солнцем снежными шапками на крышах, на жизнерадостных ворон, деловито шныряющих по обочине. – В Европе умные люди, не дураки – знают, что с загнившего

Запада к нам в Россию бежать надо, только здесь все сохранится, только здесь можно спастись... Зря, что ли, этот батюшка аж из Франции приехал. Смотрите, сколько горожан покупают дома в деревнях! А сейчас, когда поняли, что нужно держаться поближе к земле, еще больше будут покупать. Я сам куплю! Да, Россия никогда не погибнет, нет, никогда!

Нихт ферштейн!

Одно дело ехать куда-то по туристической путевке, так сказать, all inclusive, и совсем другое – в командировку в горячую точку. Тут всякое может случиться. Дороги послевоенной Сербии не могли не привести нас в Грачаницу, что километрах в восьми южнее Приштины. Маленький сербский городишко с монастырём в центре, окружённый албанскими поселениями, жил словно в прифронтовой полосе. Тут и там колючая проволока, белые каски миротворцев, брошенные дома и разлитое в воздухе неясное напряжение, тревога...

Эйфория, вызванная «приштинским броском», сходила на нет, и Игорь, мой спутник по сербским скитаниям, мрачно повторял:

– Ельцин Косово сдаст, вот увидишь.

Да, было похоже, что Косовский край будет отторгнут от Сербии, но кто бы знал, что это случится так внезапно...

Уже перед самым отъездом решили мы с Игорем побродить по окрестностям. Нас предупредили: на территорию проживания албанцев лучше не заходить. Узнать можно по флагам: где сербские – там спокойно, где албанские – могут быть инциденты. Каменистыми узкими тропками забрались на какую-то горушку, с вершины которой якобы видно Албанию. Посмотрели: ну Албания и Албания – те же холмы, поросшие рыжеватыми травами и редкими корявыми деревьями. Пока спускались, заговорились и свернули не на ту тропку. Вдруг заметили, что над домами, что рассыпались по склону, – сплошь красные албанские флаги. Смотрим, от одного дома наперерез нам идёт бородатый брутального вида мужик с автоматом. Игорь, крикнув «бежим!», припустил вниз, к шоссе. Я бежать что-то постеснялся, да и куда мне с хромой ногой. Мужик с автоматом поравнялся со мной и начал на ходу что-то говорить. Я решил, что не стоит отвечать ему по-русски или по-сербски, но и молчать было бы странно. Тут у меня как-то само собой вырвалось:

– Нихт ферштейн.

Так мы и шли почти до шоссе: он мне что-то говорит, я ему в ответ «нихт ферштейн». В конце концов он отстал.

Серб, сопровождавший нас в поездке, долго качал головой и цокал языком: мол, всё могло бы кончиться очень и очень нехорошо...

Утром, когда мы собирались уезжать на легковушке нашего сопровождающего в Косовску Митровицу, выяснилось, что Косово отделилось от Сербии и все КПП на границе заняли албанцы. Ехать на машине опасно. Решили, что поедем из Приштины на рейсовом автобусе, который отвозит через границу на работу в Сербию и косовских сербов, и косовских албанцев. Всё-таки будем на виду у людей.

На КПП в автобус вошли двое албанцев – копии того брутального мужика с горы, тоже в бородах и с автоматами. Проверяли документы. Увидев наши с Игорем российские паспорта, принялись что-то кричать,

чего-то требовать. Ясное дело, предъявив российский документ, глупо было прикрываться «нихтферштейном». Я улыбался и вежливо повторял, что не знаю албанского, просил позвать переводчика. Ситуация неприятно накалялась; спасло нас то, что вместе с албанцами на КПП стояли ооновские «белые каски». Один из ооновцев, увидев происходящее в окно, постучал по стеклу и погрозил пальцем. Албанец бросил нам наши паспорта и пошёл из автобуса. Мы тогда не знали ещё, как поступали иногда косовские албанцы с пассажирами одиноко проезжавших машин. Так что, может быть, нам с Игорем повезло, что наши органы не достались какому-нибудь европейскому миллионеру.

По дороге в Белград мы снова и снова переживали случившееся.

– Я же говорил, – качал головой Игорь, – сдадут Косово. Вот и сдали. Это всё равно, как если бы у нас Куликово поле отобрали, понимаешь?

В Белград мы приехали поздним вечером, а утром улетели в Москву. День был ясный, безоблачный, я смотрел вниз, на пёстрое европейское лоскутное одеяло, а из головы всё не шёл тот бородатый мужик с «калашниковым»...

Златомир Савович

Поздним тихим вечером мы сидели на широком балконе многоквартирного дома на окраине Берлина, пили кофе с коньяком и разговаривали. Старый худощавый серб Златомир Савович очень интересно говорил о старении наций и катастрофическом падении культуры. Ему довелось пожить и в Югославии при Тито, и во Франции, и в Италии, и в Германии, окончить три университета; факты и случаи из личной жизни так и пёрли из него, как из ящика Пандоры.

И тут какой-то молодой немец выставил на соседний балкон колонки стереосистемы и включил довольно громкую музыку. Там, судя по гомону и женскому смеху, собралась вечеринка. Под окна подъехал большой черный «Мерседес», и молодые люди с балкона стали громко переговариваться с приехавшими. Из открытого окна дорогого авто доносились громкие басы – «дум-бум, дум-бум!» Это стало случайной, но яркой иллюстрацией к нашей беседе.

– Уровень жизни не гарантирует уровня культуры, а порой даже и наоборот, – сказал Златомир Савович. Вздохнув, он встал из-за столика, подошел к перилам балкона и громко сказал: – Молодые люди! Это акустический империализм, музыкальная оккупация!

Музыка на соседнем балконе тут же стихла, «Мерседес» хлопнул дверью и отъехал. «Все-таки падение культуры в разных странах происходит разными темпами; у нас бы его просто послали», – подумал я, но ничего не сказал.

Он – Златомир Савович – был молодым, здоровым и веселым, когда только что сбежал от полиции Франции, которая невзлюбила его за участие в студенческих волнениях, а во Францию он сбежал из Югославии, где коммунисты невзлюбили его за то, что ему довелось родиться в зажиточной семье. Но он был молод, здоров и весел, у него была девушка и вся жизнь впереди. Здесь, в Германии, он учился в университете, жил в бедном студенческом кампусе и дружил со старым профессором. Иногда вечерами они сидели за кружкой пива, и профессор учил его жизни. Однажды они рассуждали о природе страха, и профессор рассказал ему:

– Было это то ли в сорок третьем, то ли в сорок четвёртом году. В университете проходило какое-то торжественное собрание. После речей ученых на трибуну взошел высокопоставленный фашистский функционер и начал, явно играя под фюрера, выкрикивать патриотическую речь. Все уже поняли, что с Гитлером вышла промашка и война аукнется немцам большим горем. Все смотрели на плотного сытого и румяного фашиста, и всем было противно...

И тут один молодой немецкий преподаватель встал и демонстративно пошел к выходу. Все считали его опустившимся человеком, он сильно пил, и на кафедре его держали из жалости как ветерана, лишившегося ног. И тут в зале встал еще один инвалид и тоже пошел к выходу, следом еще и еще. Докладчик замолчал.

И в гулкой тишине зала все сидели и слушали, как они уходят, скрипя и стуча протезами: «хрр-туп, хрр-туп, хрр-туп»... И фашист стоял на трибуне весь потный и красный и понимал, что сделать ничего нельзя. В чем их обвинишь? Они уже отдали за Германию свою молодость и свое здоровье. И им было, в общем-то, нечего терять, кроме жизни. А когда человеку нечего терять, то и жизнь ему кажется уже не столь ценной...

Прошло уже очень много лет, Златомир Савович сам стал старше того профессора, а рассказанную им историю помнит до сих пор. Он не задумывался, чему она его научила. Но чему-то научила, он это точно понимал... Он пересказал эту историю мне, и меня она тоже чему-то научила.

Нектария

В пещере было очень холодно, особенно после подъема по крутому меловому склону под давлением тридцатиградусной жары степного июньского солнца; пар от дыхания вился белесым облачком, а голосок монахини звучал высоко и полно и гулким угасающим эхом искал по галереям и кельям выхода из подземелья.

– И тогда этот монах встал здесь, в самом темном и холодном месте, на колени и в полной темноте, не зажигая свечечки, стал молиться. Он молился много-много дней, иногда другие монахи приносили ему немного еды, но она часто оставалась нетронутой. И когда силы его стали покидать его и он решил, что так и умрет, оставшись непощенным, раздался страшный треск! – Молоденькая монахиня Нектария, которая водила паломников по удивительным подземным храмам Костомаровской обители, сама волнуясь от своего рассказа, задохнулась на мгновение и продолжила с неподдельным восторгом: – Прибежавшая на шум братия увидела, что монах лежит ниц без сознания, а пещера треснула, и из трещины изливается сияние, а вокруг пахнет ладаном! Сияние постепенно угасло, а едва слышный запах ладана остался до сих пор. Чувствуете?

Кучка паломников в темноте, едва разбавленной слабыми огоньками свечей, послушно засовывала в трещину озябшие ладони и шмыгала носами:

– Чувствуем, матушка, чувствуем!

В пещере пахло сырым мелом и, едва заметно, давно сгоревшими восковыми свечами. Предание о монахе, замолившем свои грехи, не тронуло меня; сколько я уже слышал подобных историй по многочисленным российским монастырям. Что ни монастырь, то – чудо...

Нектария была умной и, кажется, образованной девушкой, но елейно-восторженной, как и почти все бросившиеся в веру как в комсомол. Такие все время неосознанно ищут доказательств существования Бога. И убеждая в чудесах паломников, подспудно убеждают себя... Никаких доказательств я тут не искал. Но сама эта пещера притягивала и будила воображение. Еще бы! По преданию, возможно, вот по этой самой пещере, узко петляющей в туше меловой горы, брел старцем сам апостол Андрей Первозванный...

Я потрогал косую трещину в стене, понюхал ладонь; пахло плохо протертой школьной доской. Если это правда, то как красиво – Россия еще не крестилась, а тут, на Дону, уже пробивалась сквозь язычество православная обитель. Мел под рукой был прохладен и гладок, словно шелк...

У выхода из холодной пещеры солнце с новой силой так горячо навалилось на паломников, что все сразу вспотели. Я поднес платок ко лбу и вдруг почувствовал сильный запах ладана. Пахла ладонь, которой я трогал меловую трещину в пещере...

Бахтияр и Валера

Путина закончилась. И заканчивался мой отпуск на краю Каракумов, на берегу солёного, как море, озера Сарыкамыш; пора было уезжать. Утром мы с Валерой отправились к бригадиру рыбхоза Бахтияру. Бахтияр жил в невысоком глинобитном доме на краю посёлка. У неровного, сложенного из серых валунов забора мы остановились. Бахтияр ходил по крыше дома и кланялся. Мы с Валерой удивлённо переглянулись. Бахтияр делал шаг, наклонялся и, снова выпрямившись, делал следующий шаг. Увидев нас, он сверкнул сквозь чёрную бороду крепкими зубами и махнул рукой: забирайтесь сюда!

Только поднявшись на плоскую крышу, мы поняли, в чём дело. Вся кровля была покрыта двадцатипятирублёвыми бумажками.

Нужно жить в советские времена, чтобы понять, какое впечатление на меня произвела эта картина! Мне с моими ста двадцатью рублями месячного жалованья для того, чтобы скопить столько денег, нужно было бы трудиться лет двести.

На Валеру, однако, всё это не произвело никакого впечатления.

– Чем это ты занимаешься? – смеясь, спросил он дружка. – Капиталы проветриваешь?

– Да вот, представляешь, – развёл руками Бахтияр, – деньги-то я в коробках из-под ботинок храню, в тайнике. А вчера вдруг прошёл дождь. Представляешь! Десять лет не было здесь настоящего дождя, а тут – ливень! Представляешь, всё промокло, все деньги. Вот пришлось сушить. Подождите, сейчас переверну остатки, и будем чай пить.

И он принялся переворачивать бумажки, придавливая каждую камешком, чтобы не сдуло слабым ветерком, поддувавшим с Сарыкамышья.

Я, конечно, знал, что сарыкамышские рыбаки зарабатывают очень хорошо. Но чтобы так!..

– Да это же не за одну путину, – сказал Валера, увидев, как я поражен. – К тому же живёт он практически натуральным хозяйством – овощи, фрукты, всё своё. Муку только покупает да из одежды что-то. На что ему тратить? Не на что. Ну и накопилось. Вот сестёр будет замуж выдавать – потратит. И всё равно много останется...

– И у тебя столько же? – не удержался я от вопроса.

– Не-е, я трачу. Я поеду в Москву, в Питер, потом в Ялту, потом в Сочи... Девочки, карты... Мне иногда даже не хватает, – Валера ухмыльнулся, – Бахтияр на дорогу переводом присылает...

Я знал, что Валера отсидел несколько лет в каких-то северных лагерях. Не знал, правда, за что. Семья его обратно не приняла, вот он и осел здесь, на краю земли, вкалывая на путинах, а в перерывах проживая жизнь...

Вечером мы сидели на деревянном настиле, застеленном коврами, и пили зелёный, с непривычным для меня вкусом, огненный чай. В зарослях душистого тамариска, что разросся вдоль южной стены дома, сновали вездесущие воробьи и юркие зелёные ящерики.

– Хочу машину купить, – сказал Бахтияр, – но не знаю какую. У нас тут никто в машинах не разбирается. В верблюдах, в ослах – да, вот в машинах... Вы, русские, про машины всё знаете, вот и посоветуйте.

Мне кажется, Бахтияр подначивал нас, он ведь в армии служил в танковых войсках, но мы с Валерой вдруг действительно заспорили. Он стоял за практичные «Жигули», а я за комфортабельную «Волгу». Спор был, конечно, несерьёзным, но мы даже стали орать друг на друга и стучать по ковру ладонями:

– «Волга» – дерьмо! Она же ненадёжная, её криворукие собирают! На запчастях разоришься!

– «Жигули», что ли, надёжные, тут у вас даже техстанций для них нету!

Но тут Бахтияр засмеялся, хлопнул нас по спинам и заявил:

– Да чего вы спорите, куплю и «Волгу», и «Жигули»!..

Ни с Валерой, ни с Бахтияром я потом уже больше не виделся ни разу. Правда, через год Бахтияр прислал мне письмо, в котором попросил прислать вилки и ложки. Нужно было для приданого сёстрам, а там у них это большой дефицит. Когда я покупал эти вилки-ложки, в магазине на меня смотрели с удивлением. Ещё бы, сестёр у Бахтияра было семь.

В ответ он прислал мне ящик вяленой сарыкамышской рыбы. Он звал меня в гости, и я собирался. Но потом страны с названием СССР не стало, я несколько раз переезжал и потерял адреса и Бахтияра и Валеры. Но мне до сих пор иногда снится серебряно-голубой Сарыкамыш, смеющийся Валера с печальными глазами и Бахтияр. Иногда в моих снах он ходит по крыше и кланяется.

Протоиерей Михаил РЕЗИН

Родился в 1951 году в Самарканде. В 1961 года с родителями переехал в г. Воткинск. Окончил Воткинский машиностроительный техникум, исторический факультет Уральского госуниверситета, Литературный институт. Работал шахтером на угольной шахте, инструктором пожарной профилактики, преподавателем истории, эстетики, экономики в учебных заведениях Свердловска, Воткинска, Ижевска. С 1990 по 1992 год жил с семьей в эмиграции в Германии. Вернулся в Россию, принял священство.

Прозу и публицистику публиковал в различных периодических изданиях. Автор книги очерков «Фазанка. О странностях любви», сборников прозы «Рика», «Пролог», повести «Бегство талой воды», книги историй «Пожелайте мне Царство Небесное», за которую получил от Московской областной писательской организации медаль «За Веру, Царя и Отечество», книги «Есть Бог!».

Служит штатным клириком в Знаменском соборе в г. Ардатове Нижегородской области.

ВОСТОЧНАЯ КАЗНЬ

На улице пурга. Захожу в школу искусств. Одноэтажное кирпичное здание конца XIX века. Изящество старины. После уличной непогоды остро чувствуется особый дух, тонкий аромат прошлого. Белый рояль, рисунки детей на стенах, обильный свет больших сводчатых окон. Воздух цветочной поляны, где незримо присутствуют дети, на каждой ветке вызревают сомнения и радости, под каждым кустом нежатся блаженства.

Навстречу поднимается вахтерша.

– Ия Иосифовна просила немного подождать, скоро закончится урок. Как хорошо, что вы пришли! Мне такой сон сегодня приснился!..

Помню эту пожилую невысокую женщину с седой челкой на лбу. Как-то подошла ко мне на улице:

– Отец Михаил, и когда все это закончится?

Понятно, она имела в виду войну.

– Когда вы придете в храм!

– И всего-то? – в ее тоне было нечто вызывающее. – И кому молиться? Женщине, которая родила, как говорят, и после этого осталась девственницей?

– Не знаете, о чем говорите. Не будем об этом.

Теперь она стоит передо мной, в глазах немой страх и вопрос.

– Я никак не могу прийти в себя после сегодняшней ночи! У меня двоюродный брат воюет на стороне Украины. Сам из Харькова. Ничего не знаю о нем, связи нет. И вот мне снится сон, я вижу его лежащим

в снегу. Руки раскинуты, лицо запорошено, а глаза открытые неподвижные, в них талая прозрачная вода. Слышу голос: «Придет Пасха!» Что все это значит?

– Не знаю, – отвечаю. – Сны не разгадываю, а вам по-прежнему рекомендую прийти в церковь.

Хочет поцеловать мне руку, дотрагиваясь до ее головы. Звенит звонок. Малыши и дети постарше выбегают в зал к белому роялю, следом выходит Ия Иосифовна в сиреновом платье, утонченная и статная. Улыбается и жестом приглашает в кабинет, который соседствует с классом. Садимся к столу.

– Чай, кофе?

– Благодарю! Времени немного, но готов выслушать вас. Вас что-то беспокоит? Иначе бы вы не стали звонить.

– Сейчас все объясню. Позвольте, я сначала прочитаю стихотворение. Она берет приготовленный листок.

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.

Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.

Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.

Оцепенелого сознания
коснется тиканье часов,
благополучного изгнания
я снова чувствую покров.

Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.

– Вам знакомо это стихотворение?

– Да! Владимир Набоков. Ради этого вы меня пригласили?

– Не ради этого. У меня беда! Племянница моя, крестница Илария сбежала в Америку, в Штаты. Не могу понять, как такое могло случиться, где мы ее упустили! Она жила в Питере. Когда началась военная операция, вышла на демонстрацию протеста. Ее арестовали вместе с дружкой и держали несколько дней в полиции. Этого им только и надо было! Преследование властями по политическим мотивам. Через Мексику попали в Штаты. Теперь получают пособие, оформляют документы и чувствуют себя припеваючи. Стыд-то какой! Значит, мы не воспитали в ней ни любви к Родине, ни патриотизма, ни веры православной. Ни брат с женой, ни я! Читаю стихотворение Набокова и поражаюсь, как он рвался всей душой из эмиграции в Россию, пусть даже ценой смерти, но лишь бы вернуться, увидеть ее, а потом пусть «овраг в черемухе»!

Почему некоторые готовы умереть за Россию, а другие сломя голову несутся прочь, проклиная и забывая все, что связано с ней?

Смотрю на нее и говорю:

– Помню советский фильм «Рейс 222», где герой, рассуждая о любви к Родине, цитирует Салтыкова-Щедрина: «Был я в благорастворенных заграничных местах и не упомяну минуты, в которую сердце моё не рвалось бы в Россию. Хорошо там. А у нас, положим, не так хорошо, но представьте себе, всё-таки выходит, что у нас лучше. Лучше, потому что больней. Это совсем особенная логика, но это логика любви...»

Лучше не скажешь! Это религиозное чувство. Потому что любовь – не то, что показывают в кино, рекламе, клипах. Настоящая любовь – это Голгофа, это боль, это жертва. Это следование за Христом. Хотим мы этого или нет, веруем или нет. В мире лишь три географические точки, которые имеют прилагательное «святой»: Святая Земля, Святая Гора, Святая Русь. Вам это ни о чем не говорит? Святость – это стремление к Источнику Света – Отцу Светов – Богу! Путь к Свету тесен, а потому через боль. Люди религиозные и люди творческие это понимают, чувствуют. Первые – глубиной веры, вторые – интуитивно. Без Света, без Бога человек – не человек, а лишь симулякр. Современный человек, не понимая того, соблазняется дьяволом, этим великим во зле умом, и сам, добровольно, стремится в объятия смерти.

На Востоке была изощренная казнь. Приговоренного привязывают к трупу. Руки к рукам, ноги к ногам, голову к голове. Человек через какое-то время или задыхается от трупных миазмов, или сходит с ума. Или то и другое одновременно.

Дело в том, что «цивилизованный мир», который мы условно называем Запад, сюда входят и Штаты, давно превратился в духовно разлагающийся труп, потому что отверг Бога и жизнь по Его заповедям. Этот смердящий мир отравил многих и в нашей стране. И богатых, и бедных, простецов и интеллигенцию, и стариков, и юнцов. В безумии бредящего сознания они спешат привязать себя к мертвецу западной цивилизации. Но есть сокровенная Святая Русь, ради которой Господь попустил случиться этой войне. Это люди веры, долга и духа. Вот на эту Святую Русь ополчился Запад, управляемый дьяволом. К Святой Руси мы не относим тех, кто считает себя элитой, входит в правящие блоки, обладает несметными деньгами и властью и при этом ненавидит Россию, ненавидит Бога.

Ненависть к Святой Руси существует давным-давно. Послушайте любопытную цитату: «Давно уже можно было предугадывать, что эта бешеная ненависть – словно ненависть пса к привязи, – ненависть, которая тридцать лет, с каждым годом всё сильнее и сильнее, разжигалась на Западе против России, сорвется же когда-нибудь с цепи. Этот миг и настал. То, что на официальном языке называлось Россией, – чего уже оно ни делало, чтоб отвратить роковую судьбу: и виляло, и торговалось, и прятало знамя, и отрицало даже самое себя, – ничто не помогло. Пришёл-таки день, когда от неё потребовали ещё более яркого доказательства её умеренности, просто-напросто предложили самоубийство, отречение от самой основы своего бытия, торжественного признания, что она не что иное в мире, как дикое и безобразное явление, как зло, требующее исправления».

Ия Иосифовна кивнула.

– Сильно сказано! Кто-то очень честный и смелый решил сказать правду о нашей верхушке! Согласна во всем!

– Это из письма Тютчева к Аксакову в апреле 1854 года, в разгар Крымской войны, представьте себе! Прошло 170 лет, а мало что изменилось. Обратите внимание – это императорская Россия, официально православная. Восточная казнь вершилась и тогда. В наше время все ускорилося, ужесточилось.

Преподобный Иустин Челийский говорит: «Человек европейской культуры решительно утверждает: я человек и только человек... Я тело и только тело; я земля и только земля. И в одном, и в другом случае европейский человек утверждает одно: я смертен и только смертен».

От себя добавлю, что современный человек болен тяжелейшим недугом. Он с бешеной энергией стремится стать материей, мертвецом. Как если бы Адам пытался вернуть Богу Дух, которым был оживлен в Эдеме. Как если бы Адам сошел с ума и кричал: «Забери то, что Ты в меня поместил против моей воли! Сделай меня снова глиной» Он не понимает, что невозможно отменить акт творения, акт рождения в Духе. Отказавшись от дара Божия, он не исчезнет, не аннигилируется, не станет глиной и прахом, а будет существом, которое во веки веков будет мучиться мукой невыносимой: не от огня даже, не от тьмы крошечной, не от тех ужасов, которыми полна преисподняя. Он будет страдать оттого, что отказался от высочайшего дара быть с Богом, что он предал Бога во второй раз. Эти муки начинаются уже здесь. Все приманки и фантомы этого мира – власть, деньги, комфорт и наслаждения, утоление неутолимых страстей лишь усиливают глубинную тоску по утраченному.

Ия Иосифовна задумчиво смотрела на меня.

– Илария не согласилась бы с вами. Она написала мне в последний раз: «Загибайтесь в вашей Рашке, слушайте брехню по телику и травитесь “пальмой”». Мы будем жить счастливо в свободной стране всем на зависть!»

Прозвенел звонок на урок. Я поднялся.

– Когда я жил в эмиграции в Германии, мне навсегда запомнился случай. Был месяц август. Сидел я с книгой на скамейке в игрушечном и милом саду дома для переселенцев. Подошла и села рядом старушка, тоже из переселенцев. Немка из Казахстана. Тогда, в начале 90-х, много немцев уезжало в Германию из Советского Союза. Слышу, она что-то говорит. Прислушался и был поражен. Вот что она сказала: «Кто хочет попасть в рай на земле, надо приехать в Германию. Если хочешь в Царство Небесное – надо вернуться в Россию». Я не был знаком с ней. Я не знаю ее имени. Не знаю, почему она это сказала именно в моем присутствии. Но эти слова служат для меня до сих пор ключом к пониманию происходящего в мире.

Ия Иосифовна провожает меня до двери.

– Благодарю вас! Все предельно ясно!

У выхода поднимается вахтерша. Складывает ладони под благословение.

– Можно, я приду в церковь с его портретом. Мне кажется, ему это поможет.

– Хорошо. Приходите, а портрет поставьте на подоконник, чтобы не мешал молиться.

Выхожу в метель. Поднимаю капюшон и иду к храму, силуэт которого плывет сквозь снежную кутерьму. Бьет колокол ко всенощной. На душе спокойно и тихо.

Пурга. Колокола. Россия. Великая вечная Пасха.

ГРИБЫ

С отцом Вениамином встретились, как и договорились, возле храма. Обнялись.

– Отец, – сказал он, – нужна твоя моральная поддержка. Дело для меня непривычное – беседа со школьниками и учителями.

– Что за нужда идти к этому пересыхающему источнику знаний?

Он молча протянул помятую записку «о здравии», какие обычно лежат на столах в храме.

«Отр. Ярослава 13 лет, очень злобный может ударить мать сидит в телефоне, может, порченный папа его повесил. Учится в 3-й школе».

– Позвонил Вере Павловне, директору школы № 3. Наша прихожанка. Рассказал про записку. Она только тяжело вздохнула.

– Батюшка, если можете, приходите с беседой. Вряд ли поможет, но что-то делать надо. Назрело давно.

– Тысячу лет не был в школе, Верочка, да и не приглашают нас, попов, видимо, за ненадобностью. Сейчас, говорят, свои штатные педагоги о церкви рассказывают. И деньги за это получают. А люди приходят в храм с этими телефонными и интернетными проблемами и не знают, что делать! Вчера одна прихожанка оттягивает рукав кофты и показывает руку: синяк и следы зубов. «Это, – говорит, – внук зубами вцепился, когда я телефон у него забрала. А ему шесть лет! Мальчик скромный, тихий, мухи не обидит, а как дело дошло до этой штуковины – озверел!» Позвольте пригласить отца Михаила, ему найдется, что сказать. И еще одного бойца для контраста. Он после ранения. Мальчишкам будет полезно пообщаться.

Навстречу нам идет молодой человек в камуфляже и рюкзаком на плече. Карие внимательные глаза, каштановая ровная борода, усталое лицо.

– Знакомся, это Игнатий, сын моего соседа. Недавно из госпиталя после ранения и контузии. Пусть пару слов скажет о реальной жизни, о которой они и представления не имеют.

– Вы больное затронули, – говорит Вера Павловна, встречая нас в вестибюле, – у нас это проблема из проблем. Дети просто с ума сходят из-за этих гаджетов. И забираем на время урока, тем более что сейчас нам это разрешено, и родителям сообщаем. Просим купить им для связи обычные кнопочные телефоны, чтобы без интернета. А те в ответ: как без интернета, если задания вы даёте, которые без интернета не сделать? И это правда! Заколдованный круг! Вчера наша преподаватель по русскому рассказала вообще дикий случай. У нее девочка ходит в детский сад. Старшая группа. Привела ее, как обычно, утром в раздевалку, помогла раздеться. Тут же крутится мальчик из их группы. Мама его уже ушла, забрав сотовый телефон. И не просто крутится, а как-то совершенно неестественно вихляется, закидывает голову, заламывает

руки. И вдруг, заходя в основное помещение, поворачивается к нашей учительнице по русскому, смотрит неподвижным взором и говорит вполне взросло: «Да, да! Бес!» Что это было?

Мы с отцом Вениамином переглянулись.

Поскольку во встрече принимал участие военный, Вера Павловна пригласила не только преподавателей и родителей, но и старшеклассников. Для поднятия патриотического духа. В актовом зале собралось человек пятьдесят. Вера Павловна попросила выключить и убрать телефоны, а потом представила нас собравшимся. Отец Вениамин провел рукой по белой с желтизной бороде и пошел к трибуне.

— Я первый раз за этим аналогом, — сказал он, поглядывая на микрофон, который пододвинула ему Вера Павловна. — Прошу не судить строго. Тема моего доклада будет о воспитании детей. Ко мне многие родители обращаются за советом, многие мамы плачут на исповеди, не зная, что делать со своими чадами. Смотрю на них, смотрю вокруг и диву даюсь, до чего люди изменились в худшую сторону за последнее время. Избалованные, капризные, ленивые, вечно всем недовольные. Говоришь им прописные истины — как об стенку горох. Я сейчас расскажу обо всем по порядку, чтобы не мучились и не ломали головы, как загубить свих чад раз и навсегда. Итак, доклад называется «Как окончательно испортить своего ребенка».

Отец Вениамин разложил перед собой листки и перекрестился.

— Господи, благослови! Итак, с малых лет ни в чем не отказывайте ребенку. Давайте ему все, что ни пожелает, особенно если он упрямится и плачет. Так он вырастет и будет верить, что все ему чем-то обязаны и что он имеет только права и никаких обязанностей.

Когда с уст его будет срываться брань, особенно матерная, вы смейтесь, снимайте ролик и размещайте в интернете, чтобы все видели, как он умен и талантлив со столь раннего возраста.

Никогда не говорите ему: «Это плохо!» Так говорят только старомодные и недалекие родители. Когда позднее он встретится с жизненными трудностями и пострадает от непонимания и жестокости окружающих, тогда поймет, что это общество к нему несправедливо, что общество надо ломать под себя.

Собирайте все, что он всюду раскидывает: книги, одежду, обувь, огрызки и остатки еды. Никогда не говорите ему: «Собери и положи на место». Так он поверит, что мама — его рабыня, отец добывает для него деньги и что за все всегда отвечают другие.

Позволяйте ему смотреть все подряд в интернете и общаться с кем попало. Ваш ребенок — умница и умеет самостоятельно делать выбор. Так он будет всесторонне развит и образован.

Не давайте ему никакого духовного воспитания. Насмехайтесь в его присутствии над верой, церковью, священниками, которые только и делают, что обманывают людей. Когда ребенок вырастет, он сам разберется, нужна ли ему вера в Бога.

Давайте ему побольше карманных денег, чтобы он не чувствовал себя хуже других и чтобы не был лишен того, чего были лишены вы в детстве. Когда он вырастет, то будет уверен, что ценность людей заключается в деньгах. И совершенно неважно, как они получены.

Никогда не говорите ему: делай это или не делай этого, поскольку так вы оказываете на него давление, не уважаете свободу его личности и тем самым можете нанести ему психологическую травму. Когда он

вырастет, то будет думать, что в жизни он может только приказывать и ни в коем случае не должен слушаться никого.

Ругайте и оскорбляйте друг друга в присутствии ребенка, не стесняйтесь в выборе выражений. Позднее, когда он, может быть, создаст свою семью, для него будет естественным такое поведение.

Когда он начнет интересоваться вопросами пола, закрывайте глаза на его поиски и метания. Не говорите с ним об этом, не направляйте, не советуйте. Мы — свободные люди и живем в свободной стране. Интернет поможет. Не вмешивайтесь в выбор партнеров, даже если этот партнер будет одного пола с ним. А если захочет сменить пол — это его выбор. Зачем вмешиваться и совершать насилие над личностью?

Всегда будьте на его стороне в отношениях с учителями и соседями. Никогда не верьте, что ваш ангелочек может хулиганить или совершать гадкие поступки. Ругайте всех, кто по-дружески и с добрыми намерениями сообщает вам об этом. Они — клеветники и завистники.

Когда вы пойдете в отделение полиции, куда его забрали за кражу, наркотики, драку, матерную брань, то громко кричите, что наймете адвоката и засудите всех, кто посмел обидеть ваше дитя. Пусть только попробуют не извиниться.

Поступая так, вы при приготовите себе жизнь, полную боли, страданий, угрызений совести и одинокой нищей старости в приюте для престарелых. Если еще раньше не умрете от инсульта, инфаркта и беспросветной тоски.

Аплодисментов не было. На лицах учителей и родителей напряженные улыбки. Дети посмеивались.

— Что же делать? — спросила Вера Павловна. — Предлагаю доклад отца Вениамина увеличить в размере и в виде плаката разместить в вестибюле. Пусть видят и читают родители, педагоги, школьники. Может, до кого-то дойдет.

— Да, — сказал я, — это правильно, а озаглавить плакат надо словами Джона Донна: «По ком звонит колокол?» Родители теряют детей, потому что сами потеряли или не нашли Бога.

— Можно мне, батюшка?

Не дожидаясь ответа, Игнатий встал и повернулся к сидящим.

— Батюшка все правильно сказал. Те, у кого есть мозги, поймут. Особенно замечу про телефоны, про интернет. Вы не представляете, какие страшные эти штуки, которые детям покупают с пеленок. Я не говорю про войну. Там от этих побрякушек гибнут десятки, если не сотни. Засвечиваются по обыкновенной глупости болтовней, фотками, которые пересылают с позиций. Противник все отслеживает. Хочу сказать про мирную жизнь. Здесь сидят родители. Хочу посоветовать вам вместо телефона или айфона дарить вашим деткам обыкновенные боевые гранаты типа Ф-1. Дернул кольцо, взорвался, погиб. Может, еще кого за собой прихватил. Погибло тело, а душа к Богу. Хоть молиться за него можно, а так сгниет нутро заживо, душа осатанеет и других за собой потащит. Со мной в подразделении служит отличный мужик, позывной Зевс. Воюет с 14-го года. Бесстрашный, сообразительный. Так вот, вернулся после отпуска. Вижу, сам не свой. Я к нему с вопросами. Молчит. Дело тухлое, думаю. Что-то в семье. Ненадолго упустил из виду — пропал Зевс. Я туда-сюда, кинулся к дальнему окопу, а он уже ствол автомата в рот. С ноги выбиваю, времени нет церемониться. Пламегасителем рвет губу, он соскакивает, держится за рот. Я ему тампон из аптечки. Присели. Оказалось,

что его 15-летний сын имеет физическую близость с другим парнем. Причем сына Зевс натаскивал с детства по рукопашке, тот места занимал по тайскому боксу. А тут на тебе! По интернету познакомились, закрутилось-завертелось. «Я, говорит, пап, знал твою реакцию, а потому хотел убить тебя. Из ружья, когда ты будешь спать. Рука не поднялась. Прости меня, если сможешь! Даю слово, больше ничего подобного не будет!» Простой вроде случай, а меня сразил наповал! Долго мы сидели и толковали с Зевсом. Жизнь продолжается, говорю, война продолжается. За наших детей как раз и сражаемся, чтобы не опаскудились совсем. Эта вся гниль оттуда, куда наши стволы направлены... А сына твоего отобьем, еще с нами плечом к плечу встанет.

— Разрешите мне! — я поднялся и обратился к аудитории. — Мы живем с вами в исключительно интересное и опасное время. Прежде всего — это время информационного шторма, который не стихает ни на минуту. Нас кидает из стороны в сторону, на нас обрушиваются невиданные волны текстов, реклам, фотографий, репортажей, клипов, анализов, предсказаний, идиотизма, заманчивых предложений и откровенного разврата. Все это или почти все — токсичный мусор, который люди не умеют фильтровать. Он заражает их, пленяет, в конечном счете убивает сначала духовно, а потом физически. То, о чем рассказал Игнатий, один из множества примеров. С чем это можно сравнить? Недавно познакомился с примечательным явлением под названием «кордицепс милитарис». Это микроскопический гриб, который паразитирует на насекомых. Например, муравей, пораженный спорами этого гриба, зомбируется, теряет способность ориентироваться в пространстве, покидает колонию сородичей, забирается на растение и впивается челюстями в стебель. Обездвиженный, он становится инкубатором для гриба, который прорастает сквозь тело муравья множеством тычинок и разбрасывает свои споры. На фото это выглядит устрашающе. Мне думается, дьявол, используя духовную беззащитность большинства людей, действует как этот гриб-паразит. Информационное поле — это колоссальный генератор грибных спор, которые в Священном Писании и святоотеческой литературе называются многоразличными страстями. Один из основных симптомов поражения духовным «кордицепсом» — это крайний эгоизм, отрицание совести, жажда удовольствий любой ценой: наркотики, алкоголь, самые немыслимые извращения, виртуальный мир с его играми и бесконечными тупиками; страх перед ответственностью; аборт: собаки вместо детей; никаких семейных отношений: дружба организмами. Как следствие — вырождение, закат нации: вспомним парализованного муравья, сквозь которого проросли грибные щупальца. Кстати, война — ярчайшее проявление этой болезни, этой зараженности. Она же — и способ лечения, которое применяет Господь. Хирургическая операция. Это кризис, после которого организм или выздоравливает, или погибает. Единственной защитой от этого смертельно опасного явления всегда была вера в Бога, следование Его законам, пребывание в лоне Церкви.

— А вы лично, Игнат, для чего пошли воевать? Вы же из верующей семьи, если не ошибаюсь. Господь ведь запретил убивать, — спросила молодая женщина с длинной светлой косой.

Игнат помолчал, с усилием потер пальцами виски и, не вставая, сказал:

— Если честно, я никого не хотел убивать, я шел защищать Родину и думал обойтись без стрельбы по ближним, отсидеться где-нибудь в штабе. Но однажды мы вошли в дом, где в засаду попали наши ребята из штурмовой группы. Их было трое, они лежали на полу, лица были обезображены, просто снята кожа. В тот же день в подвале другого дома нашли мертвыми и обнаженными молодую беременную женщину и девочку лет двенадцати. Над ними издевались. Все отверстия, кроме глаз и носа, были заполнены монтажной пеной. Сомнения исчезли, появилась тупая жестокость. Иногда ловил себя на том, что спускаю курок с удовольствием.

В зале была мертвая сковывающая тишина. Отец Вениамин это почувствовал и повернулся к Игнату.

— Игнатий, а были случаи проявления чудес, вмешательства иных сил в происходящее?

Тот встал, расстегнул рюкзак, который лежал на столе, и вытащил бронежилет.

— Видите, здесь отверстие. Это пуля от винтовки СВД, которая с десяти метров пробивает шейку железнодорожного рельса. Естественно, она с легкостью пробилла бронник. Стреляли почти в упор.

Он оттянул ворот армейской футболки и достал большой деревянный крест.

— Это крест из кипарисового дерева, который мама привезла когда-то из Иерусалима и надела на меня, когда я уходил на войну. А в середине креста — та самая пуля. Господь остановил ее, она застряла в пересечении тонких перекладин. Я почувствовал сильнейший толчок в грудь, но пуля не прошла дальше креста.

Он снял крест и вместе с гайтаном протянул сидящим.

— Передайте другим, пусть посмотрят!

Тишина была уже не мертвящая, а благоговейная.

Все та же молодая мама со светлой косой спросила:

— Скажите, Игнат, а вам очень страшно бывает там?

Мне показалось, легкая судорога прошла по его лицу.

— Простите, не знаю вашего имени, но скажу честно: здесь страшнее!

Вехи памяти

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА

Родилась в городе Бугульме (Татарстан). Окончила Орловский государственный педагогический институт. Работала учителем, преподавателем кафедры русской литературы Орловского госуниверситета. Доктор филологических наук, профессор, историк литературы.

Автор трех монографий и свыше 500 литературоведческих и художественно-публицистических работ о творчестве Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, И. А. Бунина, Ч. Диккенса и других классиков мировой литературы.

Удостоена золотого диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» за книгу «Христианский мир И. С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015), а также награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном славянском литературном форуме «Золотой Витязь» за статьи-исследования творчества Ф. М. Достоевского.

Лауреат премий журнала «Зарубежные записки» (2014, номинация «Эссе. Литературная критика»), журнала «Наш современник» (2018, номинация «Литературная критика. Литературоведение»).

Член Союза писателей России. Живет в Орле.

В ПРЕДЧУВСТВИИ ВСЕЛЕНСКОЙ ГАРМОНИИ: Ф.И. ТЮТЧЕВ И И.С. ТУРГЕНЕВ

В год юбилеев русского поэта и русского писателя

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) и Фёдор Иванович Тютчев (1803–1873) – два знаменитых имени в звёздной плеяде имён русской словесности – прославили наше Отечество доброй славой во всём образованном мире.

Писатель и поэт тесно связаны творчески и биографически. Между ними существовало взаимное человеческое притяжение, психологическая совместимость. На это указывают их произведения, эпистолярное наследие. Впечатлениями о личности и творчестве Тургенева Тютчев делился с самыми близкими ему людьми. Так, в сентябре 1852 года поэт писал своей супруге Эрнестине Фёдоровне: «я только что прочитал два тома “Записок охотника” Тургенева, где встречаются восхитительные страницы, отмеченные такой мощью таланта, которая благотворно действует на меня: понимание природы часто представляется вам как откровение. Нам нужно прочесть это вместе».

В письме жене от 10 декабря 1852 года, намекая на обстоятельства ареста и высылки из столицы Тургенева в его имение Спасское-Лутовиново Орловской губернии, Тютчев горячо сочувствовал изгнаннику: «И когда подумаешь, что вследствие какого-то грубого недоразумения... Надо пожелать ему, художнику, найти в своём таланте достаточно воздуха и сил, чтобы не дать задохнуться человеку...» Поэт надеялся, что Тургенев по-соседски придет погостить в тютчевское родовое имение Овстуг, расположенное в той же Орловской губернии: «Если он вас навестит, чего я вам желаю от всего сердца, передай ему от меня душевный привет». Разделяя читательские впечатления о «Записках охотника», Тютчев прибавлял: «Я так и думал, что ты оценишь книгу Тургенева. Полнота жизни и мощь таланта в ней поразительны».

Ранее – ещё до близкого знакомства с Тургеневым – Э.Ф. Тютчева в письме к П.А. Вяземскому от 8 ноября 1849 года сообщала: «На днях состоялся литературный вечер у кн. Одоевского. Читали драму, озаглавленную “Нахлебник”. <...> Актёр Щепкин, как говорят, превосходно прочёл пьесу. Мой муж находит, что это произведение отличается захватывающей и трагической правдой».

В начале декабря 1853 года Тургенев возвратился из своего имения в столицу, и уже 19 декабря Тютчев извещал жену: «изгнанник Тургенев вернулся в Петербург и живёт по соседству со мной. Я часто и с удовольствием вижусь с ним». Эти строки свидетельствуют о том, что между двумя авторами установилось близкое знакомство, завязались дружеские отношения, которые Тургенев высоко ценил. В предисловии к собранию своих романов 1880 года он называет имя Тютчева и прибавляет: «дружбой которого я всегда гордился и горжусь».

В результате их общения Тургеневу удалось уговорить поэта на издание его стихов отдельной книгой. Как известно, Тютчев очень небрежно относился к судьбе своих творений, называл их то «бумагомараньем», то «стихами-подкидышами». Справедливо предвидя, что грядёт важное событие в русской литературе, Тургенев 10 февраля 1854 года с удовлетворением сообщал С.Т. Аксакову о своих усилиях: «Я сделал здесь две хорошие вещи: уговорил Тютчева (Фёдора Ивановича) издать в свет собранные свои стихотворения и помог Фету окончательно привести в порядок и выправить свой перевод Горация». Без непосредственного участия Тургенева многие тютчевские стихотворения никогда бы не дошли до читателя. Только благодаря стараниям писателя было осуществлено первое издание собрания стихотворений Тютчева, что принесло Тургеневу «душевную радость»: «мы не могли душевно не порадоваться собранию воедино разбросанных доселе стихотворений».

Заслуга Тургенева также и в том, что он, искренне восхищённый творчеством своего старшего современника, выступил как его горячий сторонник, стремясь расширить круг читателей и ценителей Тютчева. Так, благодаря Тургеневу состоялось знакомство с тютчевской поэзией Л.Н. Толстого, который сразу стал её почитателем: «Когда-то Тургенев, Некрасов и К0 едва могли уговорить меня прочесть Тютчева. Но зато когда я прочёл, то просто обмер от величины его творческого таланта».

Будучи сотрудником редакции некрасовского журнала «Современник», Тургенев продолжил начатое Н.А. Некрасовым (1821–1878) в статье «Русские второстепенные поэты» (1850) открытие Тютчева как поэта «первостепенного». В апрельском выпуске «Современника» за 1854 год Тургенев поместил свою статью «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева». Это один из первых литературно-критических

отзывов о творчестве Тютчева, где дана объективная оценка его поэзии, в те годы мало известной и недостаточно глубоко понимаемой читателями и критикой. Высоко оценивая Тютчева, Тургенев переводит его из разряда «русских второстепенных поэтов» в ранг авторов первого ряда и ставит даже выше «более даровитых из теперешних наших поэтов» – Фета, Некрасова, Майкова и других: «г. Тютчев <...> стоит решительно выше всех своих собратьев по Аполлону».

Для писателя, органично усвоившего пушкинские традиции, Тютчев особенно дорог прежде всего как наследник и преемник Пушкина. Тургенев заметил, что стихи Тютчева поражают «почти пушкинской красотой своих оборотов» (4, 526). Автор статьи открывает «одного из самых замечательных наших поэтов, как бы завещанного нам приветом и одобрением Пушкина», не только для читателей, но и для себя самого.

Очевидно, что Тургенев работал над статьёй под свежим и сильным впечатлением от тютчевской поэзии, осмысливал и прочувствовал её заново. Он увидел в Тютчеве проникновенного лирика, мыслителя и художника, по духу близкого своим собственным творческим устремлениям. Отмечая своеобразие таланта Тютчева, Тургенев в небольшой по объёму статье сумел развить целую теорию поэтического искусства, опираясь на художественные образы, подсказанные тютчевской лирикой.

Так, например, в рассуждениях Тургенева различима натурфилософская образность стихотворения «Не то, что мните вы, природа...» (1836):

Вы зрите лист и цвет на древе:
Иль их садовник приклеил?
Иль зреет плод в родимом чреве
Игрою внешних, чуждых сил?

«Драгоценным» качеством тютчевских стихов Тургенев считает их естественность, неотделимость от личности поэта, которому талант ниспослан в дар: «от его стихов не веет сочинением; <...> они не придуманы, а выросли сами, как плод на дереве». Поэтические образы получают в тургеневской статье дальнейшее идейно-эстетическое развитие: «Из отрубленного высохшего куска дерева можно выточить какую угодно фигурку; но уже не вырасти на том суке свежему листу, не раскрыться на нём пахучему цветку, как ни согревай его весеннее солнце».

Важно отметить, что Тютчев смотрел на стихотворцев как на любимых детей матери-природы. В лирическом послании А.А. Фету «Иным достался от природы инстинкт пророчески-слепой...» (1862) можно усмотреть тютчевскую самохарактеристику и в то же время отнести эти строки к Тургеневу, который, согласно глубоко верному суждению поэта, сумел уловить «сокровенное природы со всей её поэзией»:

Великой Матерью любимый,
Стократ завидней твой удел –
Не раз под оболочкой зримой
Ты самоё её узрел...

Чуткий к поэтическому слову и его интонациям, Тургенев отмечает, что поэт не только «дитя» матери-природы, но и сам в свою очередь,

образно говоря, является «матерью» своих стихов. Он должен «выносить» произведение «у своего сердца, как мать ребёнка в чреве».

Поэзия Тютчева в восприятии Тургенева позволяет писателю глубже осмыслить собственные эстетические взгляды и принципы. Гармония стиха, «обаяние мерной лирической речи», «соразмерность таланта с самим собою», «соответственность его с жизнью автора» – наиболее ценные качества тютчевской лирики, указанные Тургеневым, характерны также и для него самого. Тургеневская статья, овеянная задушевной лирической интонацией, стала яркой страницей в истории творческого взаимодействия двух художников русского слова.

Способность к восприятию тютчевской поэзии явилась для Тургенева обобщённым критерием наличия либо отсутствия эстетического чувства: «О Тютчеве не спорят, – категорически заявил писатель в письме к Фету от 27 декабря 1858 года, – кто его не чувствует, тем самым доказывает, что он не чувствует поэзии».

В то же время литературные оценки взаимодействовали с собственными художественными поисками Тургенева. Складку его писательского мышления отвечали глубокий психологизм и философичность тютчевской лирики: «великие мысли, если они действительно велики, выходят не из одной головы, но из сердца». Осердеченное ощущение таинственной сущности жизни, изображаемой в свете религиозно-философских и эстетических представлений, свойственно обоим художникам. Тургеневу близок характерный для Тютчева поэтический образ «очарованной души», устремлённой к недостижимым тайнам бытия.

«Тайны человеческой жизни велики, а любовь самая недоступная из этих тайн...» – утверждал писатель в повести «Несчастливая» (1868). В тургеневскую повесть «Фауст» (1856), тема которой – непостижимая игра судьбы, действие «тайных сил» в жизни каждого человека, – органично вплетается строфа из стихотворения Тютчева «День вечереет, ночь близка...» (1851):

Крылом своим меня одень,
Волненье сердца утиши, –
И благодатна будет тень –
Для очарованной души...

В поэтическом тексте в особенности проявляется необъяснимость, иррациональность романтического любовного чувства:

Лишь ты, волшебный призрак мой,
Лишь ты не покидай меня!..

Стихотворение завершается каскадом вопросов, на которые, как и в повести «Фауст», человеку в его земной юдоли ответа не дано:

Кто ты? Откуда? Как решить,
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, может быть,
Но с страстной женскою душой.

Философско-психологические открытия метафизических глубин вселенской жизни и противоречивых движений человеческой души, лирический самоанализ, романтическая одухотворённость – важные сферы пересечения художественных миров Тургенева и Тютчева. Поэт

уже в «Записках охотника» пронизательно уловил тургеневское стремление к синтезу реалистических и романтических начал – «реального и сокровенного»: «Редко встречаешь в такой мере и в таком полном равновесии сочетание двух начал: чувства художественности и чувства глубокой человечности. С другой стороны, не менее поразительно сочетание реальности в изображении человеческой жизни со всем, что в ней есть сокровенного». В полной мере редкостное соединение указанных свойств, поразивших Тютчева в тургеневской прозе, относится к эстетическим качествам его собственной поэзии и свидетельствует о взаимном глубинном проникновении двух авторов в их художественные миры.

Самобытная «поэзия мысли» Тютчева получила своё отражение в оригинальном тургеневском цикле «*Senilia*. Стихотворения в прозе» (1878–1882). Существует своеобразное «притяжение» между тургеневскими лирическими миниатюрами и поэтическими шедеврами Тютчева. Их общая этико-философская направленность очевидна. Во многом сходны лирические ситуации, источники образности, на которые Тургенев обратил внимание ещё в своей статье: «каждое его (Тютчева. – А. Н.-С.) стихотворение начиналось мыслию, но мыслию, которая, как огненная точка, вспыхивала под влиянием глубокого чувства или сильного впечатления <...> мысль г. Тютчева никогда не является читателю нагою и отвлечённою, но всегда сливается с образом, взятым из мира души или природы».

Преимущественные связи обнаруживаются также и в проблематике, и в общей тональности произведений двух художников слова. Обращают на себя внимание некоторые важные моменты творческой параллели «Тургенев – Тютчев».

Прежде всего они обнаруживаются в стремлении двух художников к лирико-философским обобщениям многолетних сокровенных раздумий о смысле бытия, к раскрытию сложных душевных конфликтов, в которых проявляется глубоко выстраданное «я» лирического героя. Тургеневский цикл *Senilia* («Старческое») – лирическое завещание писателя, его последняя исповедь, близкая по тематике и эмоционально-психологической настроенности поэтически исповедальной лирике Тютчева:

То потрясающие звуки,
То замирающие вдруг...
Как бы последний ропот муки,
В них отозвавшись, потух!

«Проблеск», 1825

Проблема жизни и смерти – центральная в цикле «Стихотворений в прозе» – характерна и для тютчевской поэзии:

Дни сочтены, утрат не перечсть,
Живая жизнь давно уж позади...

«Брат, столько лет...», 1870

Оба автора испытывают извечный ужас перед лицом неотвратимой смерти. «При всём желании нельзя избежать чувства всё возрастающего ужаса, видя, с какой быстротой исчезают один за другим наши оставшиеся в живых современники, – писал Тютчев 14 сентября 1871

года. – Они уходят, как последние карты пасьянса». Пессимистический и трагический характер носят стихотворения в прозе Тургенева «Старуха», «Череп», «Последнее свидание», «Встреча», «Насекомое» и другие.

Один из характерных тургеневских образов, передающих трагизм человеческой жизни, – раненая птица («Без гнезда», «Куропатки»). В лирической миниатюре «Что я буду думать?» автор распознал, как в глубине потускневших глаз умирающего «билось и трепетало что-то, как перешибленное крыло насмерть раненной птицы». Та же метафора развёрнута в стихотворении Тютчева «О, этот Юг! О, эта Ницца!...» (1864):

Жизнь, как подстреленная птица,
Подняться хочет, – и не может...
Нет ни полёта, ни размаху –
Висят поломанные крылья,
И вся она, прижавшись к праху,
Дрожит от боли и бессилья...

Оба художника изображают «вечернюю зарю» человеческой жизни на закате дней. Её скоротечность символизируют «Песочные часы» Тургенева: «День за днём уходит без следа, однообразно и быстро. Страшно скоро промчалась жизнь, скоро и без шума». Обострённый слух лирического героя в гробовой тишине бессонной ночи способен различить еле уловимый шорох песочных часов: «мне постоянно чудится этот слабый и непрерывный шелест утекающей жизни». Тот же элегический мотивно-образный комплекс обнаруживается в тютчевском стихотворении «Бессонница» (1829):

Часов однообразный бой,
Томительная ночи повесть!
Язык для всех равно чужой
И внятный каждому, как совесть!

Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас?

Однако сквозь тоску ночного пейзажа души лирического героя Тургенева и Тютчева, среди «тёмных тяжёлых дней», когда «под гору пошла дорога» («Старик»), ещё возможны минуты ярких озарений, сияние душевного света. В старости, предаваясь счастливым воспоминаниям, человек по-прежнему способен испытывать прилив жизненных сил, горение сердечного огня, постигать гармонию бытия: «О поэзия! Молодость! Женская девственная красота! Вы только на миг можете блеснуть передо мною – ранним утром ранней весны!» – восклицает Тургенев в миниатюре «Посещение».

«Камень на морском побережье в час прилива» – этот образ переходит в развёрнутую метафору человеческого сердца: «Так и на моё старое сердце недавно со всех сторон нахлынули молодые женские души – и под их ласкающим прикосновением зарделось оно уже давно поблекшими красками, следами бывшего огня!.. Волны отхлынули, но краски ещё не потускнели» («Камень»).

Подобные настроения особенно ощутимы у Тютчева в его шедеврах: «Я помню время золотое...» (1836), «Я встретил Вас – и всё былое...» (1870), «Последняя любовь» (между 1852–1854), «Как над горячею золой...» (1829):

Так грустно тлится жизнь моя
И с каждым днём уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразье нестерпимом!..

О небо, если бы хоть раз
Сей пламень развился по воле.
И, не томясь, не мучась доле,
Я просиял бы – и погас!

Лирическая медитация в тургеневском стихотворении в прозе «Старик» также обращена к свету, но источник его – в отличие от поздней лирики Тютчева – только в прошедшем: «Сожмись и ты, уйди в себя, в свои воспоминанья, – и там, глубоко-глубоко, на самом дне сосредоточенной души, твоя прежняя, тебе одному доступная жизнь блеснет пред тобою своей пахучей, всё ещё свежей зеленью и лаской и силой весны! Но будь осторожен... Не гляди вперёд, бедный старик!»

Миниатюра «Завтра! Завтра!» сопоставима с тютчевским стихотворением «Не рассуждай, не хлопочи...» (1850). Тургенев любил эти стихи, цитировал их в качестве собственного совета в письме к Фету от 16 июля 1860 года: «“Не хлопочи”, – сказал мудрец Тютчев, – “безумство ищет”...»

Писатель, выражая всечеловеческое содержание, отмечает, что каждому свойственны неоправданные ожидания благ от будущего, «безумные» надежды на завтрашний день. К человеку, который почему-то «воображает, что другие, грядущие дни не будут похожи на этот только что прожитой день? Да он этого и не воображает. Он вообще не любит размышлять – и хорошо делает», Тургенев мог бы адресоваться тютчевскими стихами:

Не рассуждай, не хлопочи!..
Безумство ищет, глупость судит;
Дневные раны сном лечи,
А завтра быть чему, то будет.

Живя, умей всё пережить:
Печаль, и радость, и тревогу.
Чего желать? О чём тужить?
День пережит – и слава Богу!

«Эх! Лучше не думать!» – восклицает тургеневский герой, сокрушаясь об утраченной молодости в мыслях, которые грызут его «постоянно, глухою грызью» («О моя молодость! О моя свежесть!»).

При схожести нравственно-психологических состояний лирических героев двух авторов у каждого из них намечены своеобразные способы выхода из трагической ситуации. Преодоление метафизического одиночества требует от тургеневского героя большего мужества и особых усилий. И всё же «пейзаж души» остаётся по преимуществу «ночным». В миниатюре «Я встал ночью...» герой смиренно склоняет голову перед неизбежным: «Ах! Это всё моё прошедшее, всё моё счастье, всё,

всё, что я лелеял и любил, навсегда и безвозвратно прощалось со мною! Я поклонился моей улетевающей жизни – и лёг в постель, как в могилу». Эмоционально-психологическая тональность созвучна элегическим стихам в романе «Дворянское гнездо»:

И я сжёг всё, чему поклонялся,
Поклонился всему, что сжигал.

В истории духовно-душевных проявлений лирического героя Тютчева больше «светлости», кротости. Строки стихотворения «Осенний вечер» (1830): «Есть в светлости осенних вечеров / Умильная таинственная прелесть» – Тургенев цитировал в письме к Фету, советуя ему таким же образом «настроить струны» поэтической лиры. В отличие от Тургенева, которому в старости была свойственна безысходная тоска по утраченной молодости («Посещение», «О моя молодость! О моя свежесть!», «Чья вина?»), тютчевскому герою присуща

Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовём
Божественной стыдливостью страданья.

В поэтических воспоминаниях Тютчева об ушедшей молодости, о любви, счастье нет чувства старческой горечи, бесплодной обиды или разочарования. Над лирическим героем и его возлюбленной «тень быстрой жизни» пролетает «сладко»:

И ты с весёлостью безпечной
Счастливый провожала день;
И сладко жизни быстротечной
Над нами пролетала тень.
«Я помню время золотое...», 1836

В поздней поэзии Тютчева сильнее ощутимы жизнелюбие: «Тут не одно воспоминанье, / Тут жизнь заговорила вновь...»; надежда на полноцветное сияние «прощального света» человеческой жизни:

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Поэт оптимистически утверждает:

Не всё душе болезненное снится:
Пришла весна – и небо прояснится.

Неслучайно Тургенев называл Тютчева поэтом со «светлым и чутким умом». Философско-поэтическая символика света и тьмы, дня и ночи, представленная Тютчевым («О чём ты воешь, ветер ночной?...» (1836), «День и ночь» (1839) и др.), давала основания видеть в поэте творца «ночной поэзии». Однако для Тургенева доминантой личности и лирики Тютчева явилось именно светлое, «дневное» начало. Узнав о смерти поэта, Тургенев писал Фету из Буживаля 21 августа 1873 года: «Милый, умный, как день умный, Фёдор Иванович, прости – прощай!».

И сам Тургенев постепенно обретал выход к свету из беспросветных трагических размышлений о мимолётности земной жизни. Излюбленный цветосветовой образ тютчевской лирики – *лазурь* («чистая и тёплая

лазурь», «туманная и тихая лазурь», «лазурный сумрак», «лазурью неба огневой», «лазурь небесная смеётся» – и т. д.) – нашёл отражение в стихотворно-прозаическом шедевре Тургенева «Лазурное царство». «Царство лазури, света, молодости и счастья» эстетически утверждает как «неувядаемый рай», к которому и в глубокой старости стремится человеческая душа, наделённая способностью предчувствовать вселенскую гармонию. Однако ощущение гармонии как непреложного закона жизни приходит лирическому герою только во сне: «О лазурное царство! Я видел тебя... во сне».

Схожий комплекс идей, настроений и образов представлен в стихотворении Тютчева «Арфа скальда» (1834):

Лазурный свет блеснул в твоём углу,
Вдруг чудный звон затрепетал в струне,
Как бред души, встревоженной во сне.

Оба автора ощущают непостижимость, таинственность жизни, поэтому зачастую изображают её на грани яви и сна, здешнего и потустороннего. Так, например, в миниатюре Тургенева «Соперник» появление загробного гостя, призрака не испугало и даже не удивило героя. Некоторым своим стихотворениям в прозе («Конец света», «Встреча») Тургенев сообщает подзаголовок «сон». Действие многих новелл разворачивается как сон или видение: «То было видение...» («Два брата»), «Снилось мне...» («Насекомое»), «Мне снилось...» («Природа») и др.

Поэтика сновидений содержит намёк на иррациональность, запредельность бытия, смысл которого жаждет постичь человек, но в бессилии отступает перед загадкой мироздания. Это становится собственной поэтической темой многих стихотворений Тютчева:

О, как тогда с земного круга
Душой к бессмертию летим!
Минувшее, как призрак друга,
Прижать к груди своей хотим.

<...>

И отягчённою главою,
Одним лучом ослеплены,
Вновь упадем не к покою,
Но в утомительные сны.

«Проблеск», 1825

Общий пафос позднего тургеневского цикла стихотворений в прозе, его мотивный и образный комплекс предузнаются в лирико-философской образности тютчевской поэзии:

Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу –
Былые сны, потухшие виденья
Мучительно-отрадные встают!

«Кораблекрушение», между 1827–1830

«Мучительной отрадой» в изображении двух художников слова становится любовь. «Мучительность» проистекает из страстной природы такой любви – первопричины тяжёлых душевных страданий.

Своеобразие изображения любовного чувства, особенно в цикле стихотворений, посвящённых Елене Денисьевой, – «Денисьевском цикле», – было отмечено Тургеневым в статье «Несколько слов о стихотворениях Ф.И. Тютчева»: «Язык страсти, язык женского сердца ему <Тютчеву. – А.Н.-С.> знаком и даётся ему». Обращает на себя внимание, что применительно к тютчевскому циклу любовной лирики Тургенев говорит не о «любви», а именно о «страсти».

Страсть, помрачающая душу, доводящая человека до «обморока духовного», губительна по своей греховной природе, далеко отстоящей от Божией благодати. Неслучайно в порыве покаянного самообличения у поэта родились следующие строки:

Не знаю я, коснётся ль благодать
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдёт ли обморок духовный?

«Не знаю я, коснётся ль благодать...», 1851

Помертвевший от буйства страстей человек, даже не смея надеяться на благодать и прощение Божие, всё-таки жаждет восстановления своего «падшего образа». Душа, будучи «по природе христианкой» (Тертуллиан), верует «сверх надежды <...> с надеждою» (Рим. 4: 18), что возрождение и воскресение возможны во Христе, пришедшем в мир, чтобы «взыскать и спасти погибшее» (Лк. 19: 10). Об этом – и древние пророчества: «Господь поддерживает всех падающих и восставляет всех низверженных» (Пс. 144: 14); и молитвенное упование на Рождество Христово: «Христос рождается прежде падший восставить образ»; и данное на Кресте обещание Господа покаявшемуся разбойнику: «ныне же будешь со мною в раю» (Лк. 23: 43).

«Человек создан по образу и подобию Божию и призван к полноте непосредственного богообщения, а потому все люди без исключения должны были бы идти этим путём, но в опыте жизни он оказывается доступным далеко “не для всех”, – размышлял Святой старец Силуан Афонский. – Это потому, что большинство людей не слышит в сердце своём голоса Божия, не понимает его и следует голосу страсти, живущей в душе и заглушающей шумом своим кроткий голос Божий».

В полифонии «Денисьевского цикла» Тютчева представлено подобное многоголосие: в полную силу звучат голоса двух лирических героев – мужчины и женщины, – не сумевших вовремя расслышать в душе «кроткий голос Божий» и безоглядно увлекаемых к гибели шумным «голосом страсти». Именно здесь кроется главный источник драматизма, трагичности тютчевской любовной лирики. Страстное чувство, сулившее «райские наслаждения», обернулось адскими муками, «судьбы ужасным приговором», легло на жизнь женщины «незаслуженным позором», привело её к гибели.

Биографическая основа «Денисьевского цикла» так же трагична и поучительна, как сам этот «роман в стихах».

Двадцатичетырёхлетняя Елена Александровна Денисьева – преподавательница Смольного института благородных девиц, в котором обучались дочери Тютчева («моя коллекция барышень», как он их называл), самозабвенно полюбила поэта – человека почти вдвое старше себя. Девушка безоглядно отбросила светские приличия и условности, дотла сожгла все связующие с прежним мосты, возложила свою жизнь

на жертвенный алтарь. Она была уволена из Смольного института, проклята отцом; дети от так называемого гражданского брака без церковного благословения считались незаконнорождёнными.

Все неисчислимые скорби, тяжесть и катастрофичность союза, на который «нет Божьего согласия» («Когда на то нет Божьего согласия...» (1865), нашли отражение в стихотворном цикле Тютчева. Неизбежный итог разгула «буйной слепоты страстей» подводит стихотворение «О, как убийственно мы любим...» (первая половина 1851):

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!

Поэт осознал убийственную и самоубийственную природу греховой страсти как диавольского искушения:

И кто в избытке ощущений,
Когда кипит и стынет кровь,
Не ведал ваших искушений –
Самоубийство и Любовь!
«Близнецы», 1852

Через весь поэтический сборник также проходит новаторский мотив «любовь – поединок», «неравная борьба», роковая смертельная схватка. Стихотворение «Предопределение» (1851 или начало 1852), нарушая устоявшиеся традиции любовной лирики, раскрывает трагедийность любовного чувства «в борьбе неравной двух сердец»:

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетание,
И роковое их слиянье,
И... поединок роковой...

Новаторство и в том, что лирический герой не только испытал чувства жгучей вины и раскаяния, но и сумел обвинить себя самого от имени возлюбленной за те душевные муки и бесчисленные страдания, которые он ей причинил, будучи духовно незрячим в «слепоте страстей». Безоглядная страсть ставит под удар любящее женское сердце, делает его ранимым и беззащитным, как под ножом убийцы. Пожалуй, впервые в русской литературе поэзия так глубоко проникла в духовный мир героини, помогла выразиться страдающей женской душе. От лица женщины, которая не в силах сдержать охватившего её ужаса и боли, написано стихотворение «Не говори: меня он, как и прежде, любит...» (1851 или 1852). Здесь возлюбленный уподобляется душегубу с занесённым над жертвой ножом:

Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.
<...>
Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютоту врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

«Денисьевский цикл» отличается диалогичностью, дуэтным построением. Так, своеобразным ответом героя на укоризны и упрёки героини становятся стихотворения «О, не тревожь меня укорой справедливой...» (1851 или 1852), «Ты, волна моя морская...» (1852) и другие.

Тютчевский герой постоянно терзается, сознавая свою вину перед Богом и людьми, перед любимой женщиной за то, что безрассудно вверг её в пучину отчаяния. Тогда как надлежало бы молить Господа о вразумлении, о преодолении диавольских искушений, познавая святую волю Божию, просить Его великого заступления в борьбе с помрачающими разум и душу страстями и блудными помыслами.

К тем, кого смущают помыслы прелюбодеяния, обращался со своей неустанной проповедью Святой апостол Павел: «Бегайте блуда; всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела» (1 Кор. 6: 18); «Тело же не для блуда, но для Господа» (1 Кор. 6: 13); «А блуд и всякая нечистота и любостяжание не должны даже именоваться у вас» (Еф. 5: 3); «Брак у всех да будет честен и ложе непорочно; блудников же и прелюбодеи судит Бог» (Евр. 13: 4).

Отпавшего от Бога человека церковное предание называет блудным сыном – в соответствии с евангельской притчей (ср.: Лк. 15: 11–32). Христос пришёл спасти Своих блудных сыновей, вывести их на истинный путь, потому что они заблудились, отступив от Божьих заповедей.

Лирический герой Тютчева одержим жгучим раскаянием за ложное и фальшивое положение, в которое поставил своё «случайное семейство», обрекая его на трагическую участь. Об этом говорят строки поэтической исповеди «Чему молилась ты с любовью...» (1851 или 1852):

Чему молилась ты с любовью,
Что как святыню берегла,
Судьба людскому суесловью
На поруганье предала.

Толпа вошла, толпа вломилась
В святилище души твоей,
И ты невольно постыдилась
И тайн, и жертв, доступных ей.

Представленная страшная картина поругания «святилища души» толпой обвинителей идёт вразлад с Божьими заповедями. Христос, пришедший призвать грешников к покаянию: «пойдите, научитесь, что значит: “милости хочу, а не жертвы”? Ибо Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию» (Мф. 9: 13), – даровал людям свободную волю в Боге, чтобы каждый мог внутренне очиститься от греха. Сам Господь, сошедший с Небес «нас ради человек и нашего ради спасения», явил великий образец милующего отношения к падшему грешнику. Обличив лицемерие книжников и фарисеев: «кто из вас без греха, первый брось на неё камень» (Ин. 8: 7), – Христос, преподав душеспасительное наставление, отпустил с миром приведённую к Нему «женщину, взятую в прелюбодеянии» (Ин. 8: 3): «Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8: 11). Не раскаявшимся в гордыне и неверии первосвященникам и старейшинам народа Господь сказал о покаявшихся грешниках: «истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперёд вас идут в Царствие Божие» (Мф. 21: 31).

Очистительные страдания тютчевской героини не только терзают её, но и раскрывают силу женской натуры, её самопожертвования. Всё это также вызывает в лирическом герое ощущение непоправимой вины, самоосуждения за неспособность на столь же самозабвенное ответное чувство. Он готов только преклониться перед высотой самоотвержения:

Перед любовью твоею
Мне больно вспомнить о себе –
Стою, молчу, благоговею
И поклоняюсь тебе...

«Не раз ты слышала признание...», 1851

В поэтическом воплощении образа женщины появляются мученический надрыв и даже истовость. Лирическая героиня воспринимает свою любовь то как преступное падение, то как жертвенное вознесение:

Ах, если бы живые крылья
Души, парящей над толпой,
Её спасали от насилия
Бессмертной пошлости людской!

Поэт потрясён зрелищем разрушительной стихии страстной любви, смертоносной для героини («Весь день она лежала в забытии...» (1864):

Весь день она лежала в забытии,
И всю её уж тени покрывали.

Глубина и сила страданий, причинённых возлюбленной лирическим героем, поражает его в самое сердце:

Любила ты, и так, как ты, любить –
Нет, никому ещё не удавалось!
О Господи!.. и это пережить...
И сердце на клочки не разорвалось...

Героиня прошла свой крестный путь и искупила свою страдальческую жизнь:

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя, –
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...

После кончины своей невенчанной жены герой продолжает нести мучительное бремя раскаяния. Более того – во искупление непоправимой вины он молитвенно просит у Господа, чтобы эта боль с годами не притуплялась, страдание не ослабевало:

О Господи, дай жгучего страданья
И мертвенность души моей рассеяй:
Ты взял её, но муку вспоминанья,
Живую муку мне оставь по ней, –
<...>

По ней, по ней, судьбы не одолевшей,
Но и себя не давшей победить,
По ней, по ней, так до конца умевшей
Страдать, молиться, верить и любить.
«Есть и в моём страдальческом застое...», 1865

Накануне годовщины смерти Денисьевой Тютчев создал покаянно-молитвенные стихи «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.» (3 августа 1865):

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
<...>
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Стихотворение «Когда на то нет Божьего согласия...» (1865) – завершение «Денисьевского цикла» – горячая молитва к милосердному всемогущему Господу:

Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви
И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!

Он милосердый, всемогущий,
Он, греющий Своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

Одухотворённые строки выстраданных поэтических признаний Тютчева – ярчайшая страница русской любовной лирики.

Сходный с «Денисьевским циклом» трагический отголосок безуспешной внутренней борьбы человека со страстями явственно различим в тургеневском стихотворении в прозе «Роза». Эта миниатюра отличается особой тонкостью психологического рисунка. Излюбленный писателем приём «тайной психологии» указывает на зарождение и развитие чувства героини, решившейся принести себя в жертву беззаветной любви-страсти. О самом предмете не сказано ни слова, но жесты, взгляды, мимика и движения женщины позволяют автору читать всё сокровенное в её сердце: «Я знал, что совершалось тогда в её душе; я знал, что после недолгой, хоть и мучительной, борьбы она в этот самый миг отдавалась чувству, с которым уже не могла сладить».

Такой психологический контекст сообщает пейзажным зарисовкам этой миниатюры функцию предварения: «Сад перед домом горел и дымился, весь залитый пожаром зари и потоком дождя». Здесь стихии природы: «внезапный порывистый ливень», «пожар зари», «потоп» – знаменуют губительную силу греховной страсти.

В судьбе отдавшейся этой страсти женщины предугадывается участь лирической героини «Денисьевского цикла». Иносказательный образ

втоптанной в грязь розы с измятыми, испачканными лепестками соотносится с тютчевской метафорой:

Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.
«О, как убийственно мы любим...»

В том же стихотворении, отмечая разрушительное действие страдания, Тютчев пишет:

Куда ланит девались розы,
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слёзы
Горючей влагою своей.

Мотивы розы, слёз, огня концентрируются в эмоционально-психологическом комплексе тургеневского стихотворения в прозе: «слёзы жгут, – отвечала она и, обернувшись к камину, бросила цветок в умирившее пламя. – Огонь сожжёт ещё лучше слёз <...> Я понял, что и она была сожжена».

Мотив испепеляющей силы любовной страсти в равной мере характерен для обоих авторов. Для Тургенева и Тютчева – это сила неведомая, роковая, которую человек без помощи Божией побороть не в состоянии. Универсальным лейтмотивом этой темы могли бы послужить пушкинские строки из поэмы «Цыганы»: «и всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет».

Человек ощущает себя незащищённым, слабым перед лицом таинственных стихий. Одна из самых могущественных – сила природы. Характер эстетического восприятия природы и её философского осмысления у двух авторов различается.

Тютчеву – поэту-пейзажисту и философу – свойственно пантеистическое одухотворение природы, которая служит источником вдохновения, поэзии, красоты. Философские идеи Шеллинга о тождестве природы и духа получили в творчестве Тютчева своё законченное эстетическое воплощение. «Весенняя гроза» (1828, начало 1850-х годов), «Весенние воды» (1829, начало 1830-х годов), «Ещё земли печален вид...» (1836), «Есть в осени первоначальной...» (1857), «Чародейкою Зимою...» (1852), «Душа хотела б быть звездой...» (1836) и другие поэтические шедевры строятся на олицетворённых образах природы.

У Тургенева утрачивается характерный для тютчевской пейзажной лирики пантеистический смысл. Однако в миниатюре «Нимфы» нарисована картина воскресения Пана – античного бога лесов, ликования духов природы, нимф и дриад. Когда видение пропало, писатель признаётся, что ему «было жаль исчезнувших богинь».

В то же время оба художника сближаются в постижении временного существования человека в соотносённости с вечным и бесконечным. Для Тургенева, как и для Тютчева, «природа – сфинкс». Она предстаёт грозной и безучастной стихией, перед которой индивид остро переживает свою случайность, обречённость. Стихотворение в прозе «Природа» содержит аллегорический образ «величавой женщины» – самой Природы, «общей матери» всего живого: «Все твари – мои дети, – промолвила она, – и я одинаково о них забочусь и одинаково их ис-

творяю». Совершенствование и счастье рода людского, по мысли Тургенева, заботит природу не более, чем ножка блохи. Это вызывает внутренний протест человека, мыслящего категориями «добра, разума, справедливости».

Также в стихотворении Тютчева «Певучесть есть в морских волнах...» (1865): «Невозмутимый строй во всём, / Созвучье полное в природе» – вступают в разлад с душой и мыслями человека:

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поёт, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

Миниатюра Тургенева «Разговор» представляет собой олицетворённый диалог двух горных альпийских вершин. С льдистой высоты безжизненных каменных громад люди кажутся «козявками», «двуножками», гибнущими бесславно и бесполезно. Выразительный пластический образ на ту же тему создан в тютчевском стихотворении «Альпы» (1830):

Сквозь лазурный сумрак ночи
Альпы снежные глядят;
Помертвевшие их очи
Льдыстым ужасом разят.

Человек ощущает своё вселенское метафизическое одиночество:

Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок настиг –
И мы, в борьбе с природой целой,
Покинуты на нас самих.

«Бессонница», 1829

Настроения космического пессимизма, восходящие к философии Шопенгауэра, в особенности свойственны Тургеневу. Склад его художественно-философского мышления ярко проявился в рассказе «Поездка в Полесье», который носит характер стихотворения в прозе, речь ритмически организуется в форме лирической медитации: «О, сердце, к чему, зачем ещё жалеть, старайся забыть, если хочешь покоя, приучайся к смирению последней разлуки, к горьким словам: “прости” и “навсегда”».

Пластически выписанная картина Полесья, в котором герой ощущает себя пленником обступившего его соснового бора, илистого мха, болотной тины, берегов с «рассыпчатым и мелким песком», сходна с пейзажной образностью стихотворения Тютчева «Песок сыпучий по колени...» (1830):

Черней и чаще бор глубокий –
Какие грустные места!
Ночь хмурая, как зверь стокий,
Глядит из каждого куста!

Природа внушает тайный ужас человеку, но вместе с тем она же даёт ему надежду на спасение. Тургенев борется с проявлениями космического

пессимизма и преодолевает его. Философское представление о грандиозности и непостижимости мироздания соседствует с чувством внутреннего родства человека со всей вселенной.

Метафизическое одиночество, сознание того, что каждый встречает смерть один на один, преодолевается с помощью сострадания, милосердия, участия («Ты заплакал», «Мне жаль...»); солидарности со всем живым, сущим: «в каждом из нас горит и светится тот же трепетный огонёк. <...> Нет! это не животное и не человек меняются взглядами... Это две пары одинаковых глаз устремлены друг на друга. И в каждой из этих пар, в животном и в человеке – одна и та же жизнь жмётся пугливо к другой» («Собака»). Свою мысль писатель продолжает в новелле «Морское плавание»: «Все мы дети одной матери – и мне было приятно, что бедный зверок так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, словно к родному». Несомненно, только любящим сердцем, просвещённым Духом Господним, писатель сумел художественно выразить эти благодатные чувства.

Так наставлял и Святой старец Силуан Афонский: «Дух Божий учит жалеть всю тварь, так что “без нужды” и листа на дереве не хочется повредить. “Листок на дереве зелёный, и ты его сорвал без нужды. Хотя это и не грех, но почему-то жалко и листок, жалко всю тварь сердцу, которое научилось любить”».

Пафос братственного единения людей, сочувствия как Божьей благодати особенно горячо выражен в миниатюрах Тургенева «Милостыня», «Нищий», «Два богача» и в стихотворениях Тютчева «Странник» (1829), «Пошли, Господь, свою отраду...» (1850), «Нам не дано предугадать...» (1869).

Лирический герой вместо подаяния благожелательно назвал нищего братом и в ответ получил горячий благодарственный отклик. «Я понял, что и я получил подаяние от моего брата», – признаётся Тургенев. Ситуация может быть выражена по-тютчевски:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется, –
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...

«Нищий», 1878

Тургеневу и Тютчеву свойственно также обострённое патриотическое чувство. В отличие от многих современников, считавших Тютчева, прошедшего более двадцати лет за границей, «русским иноземцем», «почти иностранцем», Тургенев увидел в нём истинно русского поэта. Писатель осмыслил тютчевское творчество как национальное, накрепко связанное с Богохранимой землёй русской: «мы восстаём только против отделения таланта от той почвы, которая одна может дать ему сок и силу, – против отделения его от жизни той личности, которой он дан в дар, от общей жизни народа, к которой, как частность, принадлежит сама та личность».

Родина, народ, родной язык становятся для личности духовно-нравственной опорой. Её высшее выражение – в хрестоматийном тургеневском стихотворении в прозе «Русский язык».

В миниатюре «Деревня», концептуально открывающей цикл «Стихотворения в прозе», картины среднерусской природы, простонародного быта даны в узнаваемых конкретных деталях, красках, запахах,

звуках. И в то же время они раздвигаются до грандиозных масштабов: «на тысячу вёрст кругом Россия – родной край». В художественном диапазоне писателя ближний ракурс изображения соседствует со вселенским, космическим: «Вдали, на конце-крае земли и неба». Это осердеченный взгляд именно русского человека, любовно отмечающего в родной земле то, что, по Тютчеву,

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплемennyй
Что сквозит и тайно светит
В наготу твоей смиренной.

Глубокое постижение жизни православной России; природа как источник творческого вдохновения, поэзии, красоты; вера в духовные силы русского народа; слиянность личности со всеобщим также помогают обоим авторам преодолевать пессимистические настроения. С тургеневскими шедеврами «Деревня», «Щи», «Русский язык» лирически соотносятся стихотворения Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855), «Слёзы людские, о слёзы людские...» (1849), «Над этой тёмною толпой...» (1857), «Умом Россию не понять...» (1866) и другие.

Родная земля для поэта – благословенная святыня, покрытая «ризой чистою Христа». В финале стихотворения «Эти бедные селенья...» эпический образ Родины:

Эти бедные селенья,
Эта скудная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!..

– получает знаки святости, неземной высоты, Божьего благословения:

Удручённый ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

Мысль о жертвенности во имя заповеданной любви к Богу и ближнему отличается особенной образной и лирической силой: «любовь <...> сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь», – утверждает Тургенев в новелле «Воробей». Христианскую заповедь любви и спасительного самопожертвования: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15: 13), – Тютчев выражает в стихотворении «Чему бы жизнь нас ни учила...» (1870):

Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,

Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

Философская мысль двух художников развивается от ощущения вселенской катастрофичности («Конец света» у Тургенева и «Сон на море» (1830), «Кораблекрушение», «Последний катаклизм» (1829) у Тютчева) – к пафосу жизнеутверждения, постижению гармонии Божьего мироустройства как непреложного закона жизни:

Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, –
Ему отверста вся земля, –
Он видит всё и славит Бога!..
«Странник», 1829

Приобщение к высшим сферам бытия в моменты духовно-нравственного подъёма показано в стихотворениях Тургенева «Стой!», «Мы ещё повоюем», в стихотворении Тютчева «Чему бы жизнь нас ни учила...»:

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескучеющая сила,
Есть и нетленная краса.
<...>
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живёт,
Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдёт!

Главным недугом своего времени Тютчев считал утрату веры – «обморок духовный». «Не плоть, а дух растлился в наши дни...» – утверждал поэт в стихотворении «Наш век» (1851). Тютчевский современник

И жаждет веры... Но о ней не просит...
Не скажет ввек, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

«Вещая душа» поэта ощущает себя «на пороге / Как бы двойного бытия!..», ищет опору в христианской вере:

Растление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, –
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа...
«Над этой тёмною толпой...»

Несказанную отраду душе подаёт благая весть слова Божия. Поэт, отправляя своей возлюбленной Евангелие, сопровождал его стихотворением «При посылке Нового Завета» (1861). Тютчев адресует к Евангелию и всех своих читателей:

Вот в эти-то часы с любовью
О Книге сей ты вспомни –
И всей душой, как к изголовью,
К ней припади и отдохни.

Поэтика Тютчева, обогащаясь духовно, вбирает в себя евангельские сюжеты, мотивы и образы. Например, образ Марии – сестры воскрешённого Христом Лазаря и Марфы. В отличие от хлопотливой, многозаботливой Марфы её тихая, созерцательная сестра представлена в Новом Завете не только духовно сосредоточенной, но и глубоко смиренной в своей любви к Господу. В нескольких евангельских эпизодах Мария показана у ног Христа: «села у ног Иисуса и слушала слово Его» (Лк. 10: 39); «Мария же, пришедши туда, где был Иисус, и увидевши Его, пала к ногам Его» (Ин. 11: 32); «Мария же, взявши фунт нардового чистого драгоценного мира, помазала ноги Иисуса и отёрла волосами своими ноги Его» (Ин. 12: 3).

В подобном любовно-смиренном христианском порыве предстаёт «вещая» – пророчески-прозорливая – душа поэта, жаждущая покаяния:

Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые –
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.
«О, вещая душа моя...», 1855

Христианской насыщенностью отличаются тургеневские стихотворения в прозе «Христос», «Молитва». Автор ощущает живое присутствие Христа, готов молиться о чуде, принять личного Бога: «настоящая молитва – от лица к лицу».

Наблюдения над проблематикой и поэтикой произведений Тургенева и Тютчева позволяют сделать вывод о том, что при всей творческой и поэтической индивидуальности, при всём своеобразии их художественных миров оба автора объединяются одухотворённым лиризмом, христианским пафосом утверждения единого и неделимого, гармоничного, Богом данного мира:

...И ринься, бодрый, самовластный,
В сей животворный океан!
Приди, струей его эфирной
Омой страдальческую грудь –
И жизни Божеско-всемирной
Хотя на миг причастен будь!
«Весна», 1838

Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Родился в 1954 году в Красноармейске Донецкой области. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского отделения Литературного фонда России, помощником мэра Москвы.

Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных и зарубежных поэтов. Автор около пятидесяти книг и многочисленных публикаций в газетах и журналах России и зарубежья. Составитель поэтической антологии «Недаром помнит вся Россия: Война 1812 года в русской поэзии».

Лауреат литературных премий им. Р. Гамзатова, М. Лермонтова, В. Хлебникова и других; победитель конкурса переводов тюркской поэзии «Ак Торна» и конкурса «Пророк Мухаммад – милость для миров», проводимого Советом муфтиев России. Награждён медалью Министерства обороны РФ «За укрепление боевого содружества», орденом М.В. Ломоносова, медалями святого князя Даниила Московского и святого князя Александра Невского, золотым знаком Абая Кунанбаева, медалью Мусы Джалиля и другими наградами.

Секретарь правления Союза писателей России. Живёт в Москве.

МИР В КАЛЕЙДОСКОПЕ

О романе Юрия Козлова «Враждебный портной»

Читать такие романы, как у известного русского прозаика Юрия Козлова, невероятно тяжело, потому что они у него максимально перегружены некими добавочными смыслами, глубокими философскими размышлениями и параллельными метафорами, но также и отложить эти книги от чтения тоже невозможно, так как каждая строчка его прозы несёт в себе хоть и второстепенное, но тем не менее очень глубокое содержание. В данном случае речь идёт о книге Юрия Вильямовича «Враждебный портной», вышедшей в 2016 году из печати в московском издательстве «Художественная литература», где эта книга появилась на свет не просто в виде неких чрезмерно перенасыщенных ненужными деталями текстов, но целиком представляет собой сплошную литературную метафору. (Мне он подарил эту книгу только летом 2023 года, так что было особенно удивительно читать строки о событиях дней *сегодняшних*, написанных несколько лет назад.) Что ни абзац – то художественный образ, в основе которого лежит сравнение какого-то предмета или явления с каким-то другим образом или явлением на основании их общих признаков.

У Юрия Вильямовича в романе о портном Каргине (как, впрочем, и во всех других его произведениях) такие образы встречаются практически на каждом шагу, выступая как самостоятельные, порой – однострочные произведения. Но самостоятельные – это вовсе не значит, что они были созданы непосредственно им лично. Довольно часто он вводит в свои книги персонажи или эпизоды из русской и мировой литературы, опираясь на фразы и сцены, первоначально промелькнувшие или прозвучавшие в работах у кого-то из других авторов. Так, например, Козлов ещё в ранних произведениях не чурался вводить в свои книги персонажи и образы из чужих книг, как это можно видеть в его романах «Одиночество вещей», «Геополитический романс», «Ночная охота», «Реформатор», «Новый вор» и целом ряде других сочинений.

Как отмечают в своих статьях литературные критики, проза Юрия Козлова относится исключительно к психологической или философской категории, что максимально отвечает духу нашего нового столетия и в ряде случаев несёт в себе предсказания будущего. Но при всей склонности Юрия Вильямовича к серьёзной философичности он постоянно бродит своими мыслями по кромке постмодернистского поля, то и дело заигрывая с цитатами из чужих текстов и жонглируя собственными яркими метафорами.

Метафоры – это вообще любимое хобби Козлова, он рассыпает их по страницам своих книг, как бриллианты по сверкающему паркету. При этом его метафоры настолько яркие и самодостаточны, что вместо того, чтобы улучшать собой качество создаваемого автором художественного текста, они произвольно оттесняют собой глубину (и глубизну) литературного моря Козлова.

Возвратимся к упоминаемым выше однострочным самостоятельным произведениям, которыми усеяны произведения Юрия Козлова. Вот некоторые из его оригинальных высказываний:

«Задумчиво-мрачное лицо Лермонтова, как круглое чугунное ядро, летело над Садовым кольцом поверх суесящихся внизу людей». Или вот: «В спутанных, как нитки в захламлённой шкатулке для шитья, мыслях». А также: «Тело Каргина, влившись в костюм, как в кувшин, приняло его форму»; «В отделе “Современная проза” он высмотрел полку, где, тесно сдвинув плечи корешков, стояли книги его приятеля».

Или же вот такие словесные блёстки, рассыпанные Козловым на дороге:

«Мысль, как проворная лягушка, отпрыгивала в сторону». «Молодые живут с глазами, закрытыми на старость». «Железный поток прошелестел шинами, как новенькими денежными купюрами». «Старость прошивала его насквозь тройной нитью, била в грудь острым клювом». «Простые и примитивные, как жизнь в бесклассовом обществе, изделия». «Спина распрямилась, как водопад». «Слова в её песнях не несли, как верблюды поклажу, смысловой нагрузки. Из разных языков были надёрганы случайные слова, как сорные цветы в поле». Это – уже из двухстрочных метафор.

Вот о таких самоценных строчках я и говорил мимоходом выше, отмечая, что они имеют самодостаточную ценность, которая заслоняет собой суть основных произведений Козлова. В нём один из персонажей романа (а именно – Порфирий Диевич) упоминает по ходу текста колоду карт, которую он извлекает из пачки «обёрнутую в тонкую шуршащую бумагу, как невесту в белое платье». И таких блистательных штрихов, не имеющих, по сути дела, никакой смысловой нагрузки в романе, но сверкающих, словно звёздочки в бархатном чёрном небе,

было в нём превеликое множество, и не заметить этого было нельзя. Ну как обойти взглядом и словом такие словесные перлы:

«Рука ветра одобрительно потрепала Диму по плечу и – одновременно – раздвинула впереди облака, выпустив на небо, как застоявшегося рыжего верблюда на пастбище, солнце». Или же: «Дима долго смотрел на выщербленные, как крышки над побитыми кастрюлями, крыши». А также: «Смерть, как голодная птица зёрна, склёвывала с тарелки земли людей». И ещё: «Во времена СССР Садовое кольцо было просторным, как безразмерное пальто. В него, бесполое, серенькое, неладно скроенное, но крепко сшитое, со временем преобразовалась, как бисквит с ромом, напитанная кровью революционная шинель». Но это уже снова – двухстрочная метафора, а встречаются ещё и трёхстрочные: «Молнии эсэсовскими зигзагами вылетали из туч, вонзались в обитые медью шпили высотных зданий. Шпили на мгновение уподоблялись взлетающим с неподъёмным грузом ракетам. Они рассыпались искрами, расползались по небу светящимися змейками, как если бы гроза была лазерным шоу».

Но шоу не шоу, а то, что мир похож собой на детский калейдоскоп, это точно. Крутишь головой направо-налево, и, словно разноцветные стекляшки в зеркальной трубочке, пересыпаются перед твоими глазами сверкающие миры. Пускай не красочные и не ярмарочные, но в них сам наш быт рассыпается крошками жизни, пока вращается перед нами трубочка сказочного калейдоскопа:

«Жрецы могут отклеить солнце от неба, как почтовую марку от конверта». «Весну тянуло на холод, как закодированного алкаша на водку». «В сейфе у него лежат пять тысяч евро – десять пятисотенных, фиолетово-розовых, как ожидаемый цветок кактуса, купюр». «За окном свистела тёмная пустота...»

И практически с каждой страницы козловской книги свисали, посверкивая оригинальными образами, лихо закрученные метафоры. Одни – его собственного сочинения, другие – заползшие к нему со страниц других писателей. Вот, например, знаменитая фраза Юрия Олеши из его романа «Зависть»: «Она прошумела мимо меня, как ветвь, полная цветов и листьев». А вот строчка из романа Юрия Козлова «Враждебный портной», в котором видна его неприкрытая перекличка с Олешей и в то же время с героем романа Вольтера «Кандид, или Оптимизм»: «Я свой сад давно возделал, и он, можно сказать, отшумел ветвями, полными плодов и листьев». Возделывать свой сад – это идея из романа Вольтера, а ветвь, полная цветов и листьев, – это из романа Олеши.

Читать подобные страницы – всё равно, что перекачивать в своём сознании строчки сочиняемого тобой романа, ощупывая языком сладкие карамельки во рту. Роман Юрия Козлова – это не что иное, как роман-бутафория, роман без реального сюжета, роман из смутно мелькающих силуэтов ближайшего окружения героя на фоне реалистических предметов быта. По большому счёту это роман из одежды, обуви и множества второстепенных деталей, но подлинная жизнь героев романа прячется именно за деталями. Потому что именно с возникновением одежды начинается история человеческой цивилизации.

«Что такое одежда?» – задаётся вопросом двойник главного героя Каргина и сам же на него отвечает: «Не важно, во что ты одет. Важно, кто тебя одел».

То есть – «мода держит людей в подчинении и узде» – утверждают модельеры.

Несмотря на множество абсолютно ненужных роману деталей, за ними проступает как раз то, что веет человечеству тревогой и приносит в мир подкрадывающуюся к нам опасность. «В завершение мюзикла кружившиеся в матерчатом небе над Красной площадью лазерные голуби с оливковыми веточками в клювах превращались в (натовские?) беспилотники-дроны. Кремль разваливался на куски, как пересохший пасхальный кулич, а отбомбившиеся беспилотники складывались в светящуюся вращающуюся, как циркулярная пила, свастику».

Если вспомнить, что роман Юрия Козлова писался ещё в 2012–2014 годах, то есть почти за десять лет до начала военной операции в Донбассе, то невольно отнесёшь его к категории провидцев типа Мишеля Нострадамуса, Вольфа Мессинга, Сидика Афгана, Эдгара Кейси и ряда других прозорливцев, сумевших заглянуть из своих дней в наше время. Юрий Козлов (а точнее – его персонаж Каргин) понял, что абсолютно прав был товарищ Сталин, который 9 июля 1928 года с тревогой предупреждал нас, что «по мере нашего продвижения вперёд сопротивление капиталистических элементов будет возрастать и классовая борьба будет обостряться».

«А ведь прав, прав оказался отец народов! К середине восьмидесятых, когда, казалось бы, никаких классов в марксистском понимании в СССР не осталось, именно руководящие товарищи, так называемая номенклатура... вдруг обнаружит звериную страсть к деньгам и собственности».

Вот об этой страсти и говорят в романе Юрия Козлова «Враждебный портной» почти все его персонажи. А ещё более страшно высказывается в очередном своём прогнозе сам Каргин, обрисовывая грядущую жизнь на Земле в очень недалёком будущем. Он говорит нам следующее:

«Что за радость была мне услышать, что дети скоро начнут рождаться от трех и более родителей, причем неважно, какого пола и какой сексуальной ориентации эти родители, главное, чтобы у них имелись хоть какие-то хромосомы. Что вершиной генетического прогресса станет сверхчеловек с половыми органами мужчины и женщины одновременно и что этот человек сможет трахать сам себя... Что США до конца нынешнего десятилетия нанесут по России удар высокоточным ядерным оружием за... несоблюдение прав гомосексуалистов и лесбиянок, а мировое сообщество будет горячо это приветствовать».

Вот какие истины просматриваются сквозь рассыпанные по всему роману красивые детали. Красивые – но очень пугающие.

Роман Юрия Козлова необычайно сложен, и его непросто собрать воедино по разбежавшимся по всей книге словесным ручейкам. Прошрое переплетается с настоящим и будущим, зло – с добром, любовь – с ненавистью, вражда – с дружбой. Непонятно только, кому нужна русская литература и кто найдёт в себе силы погрузиться в изображённую Козловым реальность. «Миру – конец, если ему больше не нужен роман, потому что по большому счёту мир и есть роман!» – говорится в конце этого сочинения. Но если уж он писателем написан, значит, мы должны его однажды прочитать. Тогда слова о конце мира отступят, и жизнь будет продолжаться дальше. Настоящая, без всяких метафор. Так что ищите смысл под метафорами, ищите правду под красотой.

Елена КРЮКОВА

Родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького.

Автор книг стихов и прозы, куратор и автор художественных проектов в России и за рубежом. Лауреат премии им. М. И. Цветаевой, Кубка мира по русской поэзии, премий журнала «Нева» за лучший роман года («Врата смерти», 2012), им. Горького (2014), им. И. Гончарова (2015), Международной литературной премии имени А. Куприна (2016), Международной премии им. Э. Хемингуэя (2017).

Член Союза писателей России. Живет в Нижнем Новгороде.

НАКАЗАНИЕ БЕССМЕРТИЕМ

*О книге Арсения Гончукова «Доказательство человека»,
(Москва, АСТ, «Редакция Елены Шубиной», 2023)*

Хотите ли вы задуматься о бессмертии?

Человек всегда думает о смерти. Даже если не думает, он подспудно, подземно ее чувствует. Каждый день. Каждую минуту и каждую секунду. И, думая о смерти, тем самым он помышляет и о бессмертии, как об альтернативе смерти. Протагонист-жизнь думает об антагонисте-смерти, и этот трагический безусловный Голливуд пропитывает нашу жизнь, как вино – хлеб. И всякая книга о жизни-смерти (а этот ансамбль, что греха таить, и есть главнейший и древнейший архетип культуры и основная тема искусства) – это попытка прикоснуться к бессмертию. Пусть даже за него придется платить утратой человеческого, человечности, потерей не только биологических параметров, но и теми трансцендентными моментами, что в христианской религиозной парадигме именуются душой и Духом, в буддизме – иерархией надчеловеческих незримых тел (тело эфирное, астральное, ментальное etc.), а в психологии и психофизиологии – простым и привычным нам словом «чувство».

Арсений Гончуков в книге «Доказательство человека» вступил в храбрый диалог с Временем, чтобы предъявить ему свою версию бессмертия и обозначить свое к нему отношение. Именно здесь и сейчас: пока есть еще человек и пока существуют его чувства.

Эмоция – гораздо более древнее явление природы, нежели мысль. Тейяр де Шарден в книге «Феномен человека» пишет о возникновении, об искре психизма внутри камня, внутри геологических напластований. Тейяр де Шарден, как и наш Иван Ефремов, был палеонтологом,

и такая работа с толщей времен дает человеческой душе право беспрепятственно путешествовать по тем областям знаний и ощущений, в которые мы, в массе своей, не лезем, как в холодную воду, именно потому, что ее, ледяной воды Времени, откровенно боимся. Нам туда неохота.

У Арсения Гончукова был один удивительный предшественник в писательском мире, фантаст-классик, который смело вошел в эти табу-области и стал их философским «космопроходцем»: это Станислав Лем, и даже не с «Солярисом», «Эдемом», «Магеллановым облаком» или «Звездными дневниками Йона Тихого», а с его загадочной книгой «Сумма технологии», вышедшей в свет в далеком 1964 году. Это текст ничуть не художественный, даром что Лем большой и крайне интересный художник (все дружно и с удовольствием тут же вспомнили знаменитый «Солярис», дважды экранизированный – Андреем Тарковским и Стивеном Содербергом). «Сумма технологии» опасно и заманчиво балансирует между футурологией, философией, социологией, культурологией, психологией и авторской исповедью. Лем отважился в этой книге на философию будущего. Он договорился в ней даже до описаний жизни в виртуальной реальности, попытался обрисовать мир, не просто непонятный нам сегодняшним, но нас пугающий, шокирующий. Впрочем, Лем совершил уже этот опыт «забрасывания» человека в будущее в знаменитом романе «Возвращение со звезд».

Мы в будущем не поймем ничего. Оно нас и вправду устроит. Даже если оно не надвинется на нас водами, дымами и огнями Апокалипсиса и не вспыхнет тотальной ядерной войной.

Страшнее такой войны то будущее, которое изображает Арсений Гончуков. Не покупайтесь в книге «Доказательство человека» на то, что в будущем вроде бы все так, как в нашем настоящем, очень похоже – ну а что, все, возможно, и будет так же, как и сейчас, человек любит человека, человек нападает на человека, чтобы его уничтожить, умертвить, человек заботится о своем здоровье, человек отлавливает человека, преступившего закон... Но изменение биологического существа человека повлечет за собой появление киборгов и клонов, а всемерное развитие искусственного интеллекта (его уже сейчас называют ИИ, или совсем уж ласково, как домашнего зверька – Искин...) заставит родиться на свет цифровых людей – родиться, так получается, после смерти, *post mortem*: да, чтобы жить вечно, люди пойдут на этот, кажущийся непредставимым шаг.

Как будут чувствовать себя оцифрованные люди? Что они будут испытывать? Сделают ли им голоса, чтобы они могли общаться с теми, кого оставили в мире живых... еще живых? О да, конечно, сделают. Цифра обратится в человеческую речь, чтобы оставленный мог наивно и отчаянно подключиться к иллюзии продолжения жизни. А может, не к иллюзии, а к последней правде?

– Странность в том, что чувствуешь себя совершенно голым, – он сказал тихо, серьезно.

– Голым? – растерялась она.

– Ну то есть... Голым, в смысле открытым со всех сторон. Но не очень понятно, где ты... Когда ты голый, ты ощущаешь кожей воздух, как-то чувствуешь пространство...

– Как ты красиво говоришь, я так люб... – воскликнула она.

– Да, – оборвал ее и продолжил: – А сейчас я как будто голый, но даже этого я не могу почувствовать. Понимаешь? Как будто заперт в темной комнате.

В безвоздушном и бестактильном помещении, где ничего не могу ощутить, потрогать, увидеть...

- Но ты же слышишь меня!
- Да. Слышу тебя... Слава богу...
- Он выговорился и замолчал. Прошла минута.
- Ты здесь? – спросила она.

Оцифровать мозг гражданина имярек. И – задумайтесь и над таким шагом! – оцифровать мозг гения: Эйнштейна, Моцарта, Пушкина, Хаббла, Достоевского, Вернадского, Ларса фон Триера. Равна ли будет цифра – Живому? Будет ли цифра мыслить, страдать, жить? «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать... / Но ведаю, мне будут наслажденья / Средь горестей, забот и треволненья...» – говорит Пушкин, дрожа и улыбаясь, сквозь слезы. Но даже не в этом дело. Уравновесятся ли на чаше ценностных весов человечества две этих вновь зафиксированных внутри хитроумной машины цифры – гения и простого смертного?

А тот якобы спасительный чип, что вживляется в мозг маленького ребенка? Младенец больше никогда не вспомнит войну, внутри которой родился. Он будет вспоминать, ощущать лишь красивое, яркое, мирное, милое. Волшебный чип отвернет его от переживания зла и горя, будет вызывать в нем только приятные эмоции. Наслаждение! Вот она, цель! Так же, как товар – цель общества потребления, так гедонизм – возможно, тайная, латентная цель цивилизации. Как отвергнуть наслаждение, если мы к нему стремимся?

По аналогии вспоминаю роман Лема «Возвращение со звезд»: там вернувшиеся на Землю звездолетчики обнаруживают, что из цивилизации напрочь исчезла агрессия, и узнают, что новорожденным сразу делают инъекцию изумительного вещества, на генном уровне убивающего злобу, ненависть, насилие... И на планете нет войны, ура! Гончужковские герои смотрят в ту же сторону. Да, мы все устали от агрессии. Но, может, она вечна, как мир? Как сама жизнь и сама смерть?

Известна китайская присловица, процитированная Стругацкими: «Лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть, лучше спать, чем лежать, лучше умереть, чем спать». Энтропия в чистом виде. Торжество энтропии. Наслаждение – такая обманная приманка, на нее ловится наша мечта о светлом будущем. Пусть сейчас мы утонем в морях крови, но поколение наших детей и внуков будет жить при торжестве наслаждения, радости и благополучия. И здесь цифра, ставящая знак равенства между отдельно взятой жизнью и всеобщим бессмертием, становится упованием, чуть ли не божеством. Я оцифрован – я бессмертен! Разве это не чудо!

А если мне надоест жить? Если я *устану* жить?

Если я захочу – все равно, в цифре или в реале! – умереть, каким бы страшным парадоксом это ни звучало?

– Ну так вот... – Григорий Степанович продолжил разговор, начатый в лифте. – Диплом ты лучше напиши не о проблемах, как ты говоришь... «этики погружения пациентов» в эти, в «экстремальные виртуальные модели»... Это все, конечно, интересно вам, молодым...

- Ну а как? Вы же сами рассказывали, секс, снафф, сафари, казни...
- Да пожалуйста! Реальность заказывают разную, любые прихоти за деньги клиента... Хотя в эпицентре ядерного взрыва. Как только у нас не умирают... И это, конечно, кажется вам крутым... Но! – Он чуть замедлил шаг, посмотрел

на Мишу: – Видел только что «кино» в просмотрных очках? Про бабу, про соседку, огород...

- Видел.
- Ну так вот. Напиши о том, как человек хочет умереть на родном огороде на грядке среди редьки и петрушки да Melissa вместо лимончика. Вот о чем напиши.

Пока еще, в нашей реальности, в нашей исторической повседневности, машина не может заняться самовоспроизведением. Когда тому же Ивану Антоновичу Ефремову говорили о том, что машины начнут развиваться и размножаться сами, что человек потеряет управление ими и контроль над ними, что грянет ужасающее и неостановимое восстание машин, Ефремов улыбался и отвечал: «Машина – дура, подошел и выдернул штепсель из розетки». Да, в середине двадцатого столетия технологии были таковы. Повернул выключатель, реле, тумблер, нажал кнопку. И запущенный процесс прервался и погиб.

Но прошел почти век, почти столетие – слишком большой кусок Времени, чтобы лениво медлить в позе стороннего наблюдателя и с опозданием оценивать стремительные цивилизационные изменения, и явился сюжет «Терминатора», явились сюжеты сериалов про киборгов, явился фантастический рассказ, где в таинственном механизме оживляют сознание Пушкина, явился киборг Бишоп из франшизы «Чужой», явилось втягивающее, как черная воронка, сериальное «Черное зеркало», и вот явилась книга Арсения Гончукова «Доказательство человека».

Название архиудачное. Человек сам себе доказывает, что он человек. А человек оцифрованный начнет доказывать, что именно он и есть человек, и он тоже живой, и он тоже мыслит, чувствует и страдает! Конечно, опасно размножение машин. Это означает лишь одно: на планете будут существовать две разные цивилизации, две культуры – привычная и чудовищная, и впереди ляжет два пути – как два текста: один о чувствах, слезах и праздниках, другой – о равнодушном скрежете железа.

Но только ли о нем, о железе, идет рассказ? Может, ИИ научится по-настоящему рыдать и смеяться? И ласково прижимать вновь рожденного ИИ-ребенка к ИИ-груди?

Тогда как быть тому человеку, кого накрепко соединили, сплели с машиной? Кого обрекли на неведомое синтетическое бытие? И где теперь находятся начало и конец его жизни? Он же не Кощей Бессмертный: игла в яйце, яйцо в утке, утка в сундуке, сундук на вершине сосны, сосна на диком острове посреди холодного моря... Нет начала такой жизни. И нет конца. Нить беспрерывно тянется, не порвать. Это намек на то, что теперь вечное железо будет дирижировать жизнью, судьбой? Намек на то, что цифра станет земным хозяином?

И сейчас вы мне опять скажете: как же так, Кирилл Анатольевич, как же так, а вы сами-то, сами-то кто? А? А? И я вам отвечу: да, конечно, я тоже гибрид. Ну, так запретите! Запретите перенос людей в роботов! Остановите сращивание живых людей и машин! Пока не поздно! Остановите! И казните меня! Посадите на электрический стул! Или выведите вон во двор! Ну! Почему вы этого не делаете? Почти восемьдесят лет мы движемся к неминуемой катастрофе! Да, это чуть дольше, чем я предполагал... Но это не отменяет ужасного финала для всех нас... Точнее, вас, биологических людей! Вы обезумели, люди! Доверять себя машинам! Отдавать свои личности роботам, добровольно... И развивать эту отрасль! Ладно – мы!.. Я! Наши технологии. Мы первые, мы устарили, как мобильные

телефоны... Но новые машины! Которые делаете вы сейчас! Они же почти самостоятельные! Вы просто ни черта не знаете, Петров... Что они там разрабатывают в своих виртуальных институтах – и что собирают на совершенно реальных заводах. И к чему уже, может быть, пришли. Это же захват! Самый настоящий. Механизм запущен, бомба тикает. И они доделают! Срастят людей с машинами окончательно! Вы не понимаете? Неужели вы не понимаете?!

* * *

Что такое роман? По Михаилу Бахтину, это молодой жанр, дымящийся, в сравнении с тысячелетиями литературы свеженький, ему примерно триста лет. (Хотя тут поспорить можно: и «Золотой осел» Апулея, и «Дафнис и Хлоя» Лонга, понятно, размером с повесть, однако важно считаются античными романами). С начала двадцать первого века вошел в моду роман в рассказах. Захар Прилепин так назвал свою книгу «Грех». Здесь надо пристальнее посмотреть, что же такое романное композиционное пространство, романная цельность. Сейчас она хранится не только в плотности, в «сбитости» сюжета. Эта пресловутая романная цельность стала космической. Она стала *атмосферой* – точно такой, какая существует вокруг планет. Роман становится книгой (неважно, какова его структура, на какие формообразующие фрагменты он делится, из чего он складывается – он в современном литературном мире может вполне состоять из рассказов, этюдов, новелл), окутанной такой вот общей атмосферой.

Романная атмосфера – это не нарратив. И в то же время тут нет ничего мистического. Что это? Дух книги? Воздух Времени, которым мы дышим, книгу читая, и он для нас или ядовит, или целебен?

Такая атмосфера в «Доказательстве человека» существует. Время, сама сюжетика, событийность, дела и поступки героев, проблемы, драмы – все соединяется в некоем *надтексте*, который, собственно, и образует всю систему подтекстов.

Поэтому упреки автору в том, что он написал не «роман», а «сборник рассказов», думаю, неправомерны. Одна атмосфера в книге. Одним ее воздухом мы дышим. Штрихи единого Времени в ней наблюдаем. Текст не плакатный, не плоский. Возможность многовариантной герменевтики, разнообразных толкований эпизодов и смыслов тут существует. И это уже говорит об объемности изобразительной фактуры.

Однако у книги Гончукова есть загадка. Она волнует и пугает. И, разумеется, притягивает. Это образный магнит. И нет, это совсем не из области «ужастиков» и «зубастиков». Такая игра на эмоциональных струнах ушла вместе с временами Хичкока; сейчас и ужас-то и в литературе, и в кино совсем другой. Я для себя обозначила эту загадку так: человечество идет к бессмертию семимильными шагами, но потребно ли оно ему?

А дорога уже, вне сомнения, сама о себе заботится.

И назад не повернуть.

Я ничего не мог с собой поделать и улыбался, когда смотрел на тело в черном дорогом смокинге, лежащее в центре зала на пластине, подвешенной в воздухе. Не потому, что мне так знакомо лицо этого человека. Не потому, что кожа на его голове, шее и руках отливала зеленым, синим и ярко-желтым от мощных стимуляторов, предотвращающих старение, которыми он пользовался последние двести десять лет своей жизни. Не знаю почему, но мне было весело и ничуть не страшно.

Он – не я. А значит, мне не о чем сожалеть и плакать. Это прогресс. Илья Данилович, мой проводник и психолог, порадовался бы за меня.

Оцифровка и отделение прошли успешно. Я смотрел на тело старика и отчетливо понимал – это не я.

Это уже не я.

Загадка книги – в теснейшем соединении возможного и неизбежного. Ожидаемого и неожиданного. Сужденного и внезапного. Разделить их нельзя. Но и прочно соединить не получается. Впрочем, таковы традиционные контрасты существования.

Автор весь на эмоциях; они в тексте книги тщательно им скрываются. Автор фиксирует мизансцены, повороты сюжета, символику событий совсем не холодно, не отстраненно; он вкладывает в движения, в жесты героев, в их поступки и мысли собственные переживания, собственные страхи и сомнения, и понятно, от этого текст становится предельно, трагически живым, даже если в нем речь идет о машинах и механизмах. Живость эта мелькнет между строк – и ускользнет. А вербально, словесно текст очень сдержан, даже строг, местами жестко-четок и сценарно детерминирован: автор рельефно, сурово и ясно запечатлевает происходящее, не оставляя простора для собственных рефлексий и сантиментов. Но загадка в том, что такое письмо вызывает у нас эмоции! Сопереживание!

Прощай, жалкая оболочка, скорлупа, набор сосудов, мышц, костей, кишок и малосимпатичных на цвет и запах жидкостей. Быстротечное ненадежное тело, кислородно-углеродная биомасса с закончившимся сроком годности, ставшая окончательно недостойной высокого звания Человека – носителя сознания и бессмертной души.

Так. Что? Пора? Музыка гремела. Я начал повторять текст, заученный с психологом:

Уходи, уходи, уходи навсегда! Ты не человек, ты больше не человек, ты жалкая оболочка, никто, ничто, отходы и мусор...

Ничего личного, просто я совершеннее тебя...

Я выше, я сильнее.

Я – бессмертный!

А ты был только повод, начало, моя колыбель, но тебя больше нет. Нет. Нет. А я остаюсь.

Я не умер. Умер ты. А ты не я...

Я – не умру никогда! Я – не умру никогда! Я – не умру никогда!

Я замолчал, музыка стихла.

Пора, подумал я.

Пора.

Все.

Уже.

Ну... ладно...

Я нажал присланную ритуальным агентством виртуальную кнопку, и мы увидели, как пластина с телом поднялась и медленно заскользила по воздуху к стене, где плавно раскрывались створки...

За ними, я знал, находилась до отказа набитая темнотой, тишиной и пустотой камера – высвобождаемая антимагнетная работала гораздо эффективнее огня, от тела не оставалось ничего, разве что слабое электромагнитное поле. Блеснули гладкие подошвы ботинок, и тело исчезло в стене. Створки беззвучно закрылись, в зале наступила тишина.

Еще не так давно считалось, что в русской литературе существуют три трагических «кита», три массивные ультрарусские темы: война, революция и тюрьма. С войной у Гончукова все «в порядке». Поствойна в книге изображена в полный рост – то время, которое тот же Ефремов в «Туманности Андромеды» и в «Часе Быка», к примеру, обозначил как время после «Второго великого сражения». Однако ядерный апокалипсис не пожрал все бесповоротно, и, по сути, автор рисует нам в «Доказательстве человека» традиционный постапокалипсис, который больше похож на «петлю времени» в «Терминаторе» Фрэйкса – Вишера: фантастические красоты и дива дивные будущего погибли в ядерном огне, а люди, несмотря на торжество воскрешенных технологий, вернулись к привычному быту тысячелетней давности, вот только цифра... Цифра никуда не делась. Более того – она стала тотальным диктантом целокупного бытия.

Не делась никуда цифра, но... никуда не делся и человек. Его боль! Его надежда! Его скорбь! Его любовь, наконец! Нет нужды сейчас цитировать Второе послание к коринфянам апостола Павла, но это (возможно, бессмертное): «Любовь долготерпит, милосердствует, не ищет неправды, но сорадуется истине» – все равно упрямо просвечивает сквозь прозрачную водную толщу нахлынувшего на многострадальную Землю будущего. Арсений Гончуков имеет смелость работать с Временем. И делает это выпукло, зримо. Да, он применяет в своих новеллах кинематографические приемы! Отменно выстроен видеоряд! Так что же! Это и хорошо! Жест у Гончукова приобретает весомость. Движение становится символом-знаком. Атмосферу новеллы создает не столько рефлексия раздумий и длинная «олдскульная» живопись ландшафтов-описаний, сколько сжатая в кулак *энергетика* образа.

Арсений Гончуков работает с художественным образом.

А образ этот (что само по себе для писателя – здорово, отлично!) приобретает окрас мифологичности и достигает уровня архетипа.

И слава богу. Федоров думал нестандартно, говорил увлекательно.

– Каждое подобное открытие открывало новую эпоху, прости за тавтологию... И каждому поколению, которое начинало пользоваться плодами этих изобретений, казалось, что новые масштабные открытия невозможны... Глина, появление глиняной посуды и зданий. Еще раньше древесина... Перед этим кости крупных животных, из которых наши предки делали дома... Много позже железо. Первая химия. Нефть, бензин, полимеры, пластик – все это вещи, очень быстро изменившие человечество и его образ жизни. Кардинально! Затем интернет и компьютеры – сломали историю! Изменив все, разом и навсегда... Ну а потом, через несколько сотен лет, – то, что мой институт придумал: оцифровка, цифровая эссенция, перемещение...

– Не скромничайте, профессор! – засмеялся Николаев.

– Да я не-е-ет! Что я! – энергично замахал рукой Федоров. – Перестань! Сейчас не о том речь!

Федоров продолжал говорить простые вещи, про которые, кажется, на Земле забыли. Великое изобретение, прорыв в науке – тот же взрыв. И крайне важно в какой-то момент обуздать, ограничить его разрушительную силу. Что-то взять для повседневной жизни. А что-то запретить.

Запретить... Разрешить... Где этика, когда бег Времени ускорен донельзя? Где нравственность, когда будущие люди сами запутались в

новых духовных максимах? И как разграничить действующие лица истории, вернее, уже постистории? Где дроиды, где человеки, где настоящая смерть, где дотла сгоревшая флешка?

* * *

Меняется ли человек? Или не меняется? Все такие же мы, как во времена египетских пирамид или трех мушкетеров, или кардинально другие? Знаю философов и культурологов, которые утверждают: мы сейчас *абсолютно* иные, нежели наши предки – матросы на кораблях Колумба, воины Куликова поля, солдаты Бородинского сражения. И что мы, если бы встретились лицом к лицу (о, столь модное теперь нашествие романов и рассказов о «попаданцах»!..) с нашими прародителями, не поняли бы их совсем. И они бы не поняли нас. Аналогичная ситуация с будущим: оказавшись в веке ином, через тысячу, две, три, пять тысяч лет, мы бы не узнали ни планету, ни людей. Вот замечательным тайнозрителем в этом смысле был Мишель де Нотр-Дам – он, наблюдая в визионерском состоянии Землю через пять, шесть тысяч лет, в своих зашифрованных пророческих катренах запечатлевал увиденное так, что не понять информацию было не только современникам, но и нам.

А вот Арсений Гончуков идет другим путем. Он словно говорит нам: посмотрите, ребята, и через тысячу лет мы будем все те же! Все такие же слабости! Все такие же страсти! Все те же ошибки и заблуждения, все те же грехи и пороки! Не изменится человек! А цифра?

А цифра – это слабая, дрожащая, трепещущая надежда хоть на миг дистанцироваться от вечного страха смерти и сказать себе: ничего, дружок, не бойся, все твои земные страдания ерунда, ты же будешь вечно жить, ты станешь бессмертен, тебя умело оцифруют, не будет тела, зато ты, ты сам останешься, ибо ты сам не знаешь, кто ты, что ты есть, может быть, ты и есть легендарный Дух, а вот он – и совсем не Божественный, а внутри всеведущей машины, воспроизводящей твой внутренний мир точно, досконально, бесплотно, виртуально, доказательно, благословенно, вечно...

– Так ... На чем я остановился... А! Зажигалка! Для меня это символ... Вот чиркаешь, и появляется огонек, так? – Он показал огонек щепоткой над бокалом, как будто в нем была текила и он хотел посыпать края солью. – Это я так студентам объяснял... Огонь как у людей появился изначально? Из молнии добывали его наши далекие-далекие предки... Так вот... А теперь мы зажигалку чирк – и вот тебе огонь! Огонь тот же самый, так? Но только не из молнии, а из зажигалки, то есть из чего-то искусственного, сделанного руками человека. Так? Камень и палочка, с помощью которых древние начали добывать огонь, или вот керосин и фитиль... Вот, коллега! Так и сознание человеческое, по аналогии, тот же огонь. Сознание появляется у человека при рождении, а затем мы можем его, ну, если и не создать сами, высечь; такую зажигалку мы еще не изобрели, но можем взять и перенести, прикурить, так сказать... Понимаешь? Высечь пока нет, а сохранить – пожалуйста. Огонь живет у тебя в плите, в свече или камине... Вот так и сознание, та же химия.

Но Гончуков не только факт констатирует, но и вопросы задает. И сам себе, и читателю, и Богу. Кто такой цифровой человек? Не есть ли он вариация? Виртуальный клон? Возможность «родить» цифрового

двойника – опасность бо́льшая, нежели клоны из пластмассовой плоти и химической крови. Реальный человек улетает на космическом корабле, цифровой остается с родными. Кому из них верить? О ком из них беспокоиться, переживать? Кого из них – любить?

И самое страшное: кто, в результате, становится *настоящим*, нужным любящим его людям – бессмертный двойник или тот смертный, кто улетел к звездам?

А вот самый-пресамый животрепещущий, болезненный вопрос мы сами себе задаем, прочитав книгу.

Будет ли у жизни конец? Финальна ли она?

Или, с тотальным приходом цифры внутрь цивилизации, жизнь каждого будет благополучно протянута в бесконечность пространства-времени?

И тут таится реальный ужас. Опять Ефремова вспомним. Такие вопросы ставились фантастами уже в середине двадцатого столетия. Ефремова тоже об этом спрашивали: как дать гению бессмертие? Как вычлени из его живого тела его драгоценную психику и поселить ее навеки внутри крепости-машины? Иван Антонович отвечал так: может быть, мы запрограммированы на то, чтобы создать наши великие (с учетом того, что человек – гений) произведения *внутри* сужденной нам жизни. И, если эту жизнь виртуально длить, репризно проживать, волей-неволей будешь повторяться. И это – обреченность. Моцарт, в двадцать пятый раз сочиняющий «Реквием»? Эйнштейн, в сотый раз открывающий теорию относительности? Гениальность хранится в геноме, в сплетениях ДНК. И это своеобразная духовная тюрьма. Железная решетка. Древние называли это – судьба. Рок. Ананке. От судьбы не уйдешь. Гениальность – это приговор. Это тяжелый крест. И он единственный – в жизни и на всю жизнь.

А если жизни больше нет, а есть нескончаемое бессмертие? И никогда не оборвать нить?

Нить тянется неостановимо. Монотонно. В философии есть такое понятие – дурная бесконечность. Может ли желанное бессмертие, пусть цифровое, нам на формат наплевать, лишь бы не умереть целиком, стать дикой усталостью, вселенской тоской, бесцельным, пугающим Ничем?

* * *

Книга Арсения Гончукова «Доказательство человека» – книга проблемная, не развлекательная, хоть и интересно написаны в ней новеллы, а тяжелая; груз раздумий, наплывающий при чтении, давит, не дает расправить крылья отдохновения. Никакого «светлого будущего» у Гончукова нет. Да ведь и смерти нет. Однако цифровое бессмертие, стоит закрыть глаза, предстает в призрачных видениях и жестко написанных картинах хуже смерти. «Нет в жизни счастья», – набивали на груди, на запястьях эки двадцатого века. «Нет правды на земле, но правды нет и выше...» Пушкинский Сальери твердил о правде, но перефразируем Сальери. «Нет счастья на земле... но счастья нет и выше...» А что может быть выше любимой Земли и счастья человека на ней? Бог? Идея Бога? Теория Большого Взрыва? Возвращение к сингулярности? И то бессмертие, к которому мы так отчаянно продирались сквозь невероятие всех войн, застенков и революций, сквозь весь радиоактивный пепел

и все обьятия любви и родильные крики, на деле может оказаться еще одним Божьим наказанием человечества за все его грехи, не только за тот, древний, библейский, первородный, но за все «хорошее», что человек содеял с планетой и с собой, начиная от гекатомб античности, Варфоломеевской ночи, армянского геноцида и заканчивая трупами режима Пол Пота, отрезанными, в чеченских кампаниях, головами русских мальчиков, и да, теми белыми, высохшими черепами, которыми таежные пацаны в шестидесятые годы играли в футбол – на берегах Яны, Индигирки, Колымы... Человек уничтожает человека! И новые Хиросимы впереди. Об этом пишет Арсений. Более того: как режиссер он это *видит*. Он уже срежиссировал будущее, и оно, возможно, мало будет отличаться от им изображенного.

Да, два мира. Две цивилизации. Два пространства: реальное и цифровое.

А Времени? Времени – тоже два?

Или там, у них, у оцифрованных, *свое* Время?..

Я надеюсь, подобного не случится. Мы, живущие в Цифре, верим, что войны не будет.

Похищение моего кода – да, я считаю, это было сделано дерзко, грубо и это достаточный повод, чтобы начать войну. Я согласен, что Цифра отреагировала слишком жестко. Но главное, нельзя поддаваться на провокации. Зачем подбрасывать над головой хрупкую вазу всеобщего равновесия? А вдруг не поймаешь?

И все-таки, знаете, думаю, люди не развяжут войну.

Я верю в них.

Да нет, я знаю, что не развяжут.

Знаю.

И это будет лучшим доказательством человека.

ВЕЧНАЯ ЗИМНЯЯ СТРАННИЦА-РУСЬ

О книге Марианны Дударевой «Россия: зимний путь» (2023)

...Путь.

И человек идущий. Странник. Паломник. Скиталец.

Скиталец, странник – древнейший архетип судьбы; человек движущийся, человек, перемещающийся в пространстве-времени – человек, сполна выполняющий своё предназначение. Разве человеку живущему назначено всю жизнь пребывать в покое? Покой – ещё не абсолют. Медитация, возведенная в степень тотального покоя, – уже не медитация, не молитва, не ретрит, а почти стагнация. Замереть человек не может. Он даже и умирая движется. Идёт. Он идёт во смерть.

Притом русский человек идёт в смерть столь же бесстрашно, как и в жизнь.

...Мы живем в зимней стране. «Десять месяцев зима, остальное – лето» – русское смешное присловье близко к истине; мы – северная земля, а Север, Арктика, приполярные и заполярные льды, байкальские торосы, заснеженная тайга, размахнувшаяся колючим староверским платом на пол-Сибири, нам искони родные. И новая книга Марианны Дударевой недаром называется «Россия: зимний путь».

Марианна заглядывает в колодцы русской поэзии. В ледяные пропасти. Наблюдает метельные вихри на дорогах, коими едут – во тьме ночной, многозвёздной, а чаще беззвёздной, хаотической, где белое кружение становится непроглядной чернотой колдовской полночи, – русские путники. На такой дороге невозможно не стать поэтом.

Кто такой поэт? «...называющий все по имени, отнимающий аромат у живого цветка?» (Ал. Блок). А может, поэт – путник? Идущий, едущий? Странник может заблудиться. Затеряться в лесу, в горах. Утонуть в реке, в морской пучине. Всюду подстерегает его смерть. И, чтобы дать ей, смерти, понять, как он, путник, её любит и не боится её, а понимает и принимает, он поёт ей в лицо свою песню. Хочет – себе, себя утешая и укрепляя, а поёт – ей и тем, кто придёт вслед за ней: новым жизням, новым неведомым временам. Блок, так тот прямо именует смерть – жизнью. А разве они не одно и то же, тем более – внутри русского бытия? «Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! / И приветствую звоном щита!» (Ал. Блок).

Зимний путь... Он влечёт русского поэта возможностью обняться со смертью, страстно любя при этом сестру её жизнь. Путь – уже стрела Времени; дорога – линия, что разделяет то, что было, и то, что будет; дорога есть воплощение Настоящего, которое ежесекундно, с каждым шагом вперёд, тает и становится то прошлым, то будущим: тем, чего уже нет или ещё нет.

Пушкин все время в дороге. «Долго ль мне гулять по свету: / То в кибитке, то пешком...» Он, под призрачной луною, едет «по дороге зимней, скучной», под утомительный, тоскливый звон колокольчика. И снова, через года, такая же лунная ночь, и «...невидимкою луна / Освещает снег летучий; / Мутно небо; ночь мутна. / Еду, еду в чистом поле. / Колокольчик дин-дин-дин... / Страшно, страшно поневоле / Средь неведомых равнин!»

Страх этот экзистенциален; он суждён русской душе, он питает её, и он же отбирает у неё последние силы жить, когда метель захлёстывает сам вектор неуклонного движения, и «кони стали», и растерянный ямщик оборачивает к седоку искажённое древним страхом лицо. А выюга-то вокруг – Вселенская!

Пушкин, Лермонтов, Есенин, Блок – души горящие, живые, захлёстнутые этой нашей нескончаемой выюгой-Галактикой, ледяным коловращением сорвавшихся с зенита беззаконных звёзд; они всегда в пути, и путь этот чаще всего – снежный, снеговой, ледяной; и горячим безумным сердцем надо этот путь преодолеть, надвое, под бешенством выюги, судьбу расцечь – на забытое и суждённое, на цель и память; и Марианна Дударева не просто внимательно наблюдает эти белые, сумасшедшие звёздные вихри – она эту снежную круговерть героически преодолевает, проходит вместе с поэтом-героем (а поэт и лирический герой в культуре России уравниваются, взаимопроникающе, как ни в какой другой поэтической культуре), испытывает его боль, радуется его радостью, счастлива его счастьем.

Марианна не просто исследователь тайн культуры. Она сама поэт. Художник. И её видение тех материй духа, что являются насущным демиургическим материалом для русского поэта, помогает ей не повторять угаданное и видимое, а видеть новое и невидимое.

Земля русская многолика. Но один иконный лик у неё есть – накинута на земную плоть омофор, гигантский цветочный, травный и хлебный плат, расписанный лазурью ослепительных рек: равнина. «Среди долины ровныя, / На гладкой высоте, / Цветёт-растёт высокий дуб / В могучей красоте...» Да, и горы есть у нас! И Урал-камень! И мощные сибирские Саяны! И приполярные Хибины! И отроги Дагестана! Но равнина русская, степь превыше всего для привольного русского топоса: именно она, равнина, громадным ликом смотрит в солнечные и звёздные небеса, и именно по ней идут одинокие странники и накалывают грозным прибоем войска, и по ней катится слеза реки, и над нею воют, крутятся, метели: «Буря мглою небо кроет, / Вихри снежные крутя...»

Снежная буря пушкинских «Бесов». Блоковская «Снежная маска». Зимние каторжные дороги Достоевского. Зимняя, в метели, встреча Вронского с Анной: поезд, дорога, рельсы, станционный фонарь, великая боль любви. «Клён ты мой опавший, клён заледенелый...» Сергея Есенина: клён-человек стоит «под метелью белой», опять под метелью. «На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна...» – у Лермонтова... И Марианна Дударева, ныряя в «Зимнюю дорогу» Пушкина, в галактические спирали её бесконечной метели, пытается сопоставить бесстрастную природу – с живой и тёплой любовью, жгуче-ледяной зимний русский Космос – с жаждой свидания... а с кем это свидание?

Кто такая загадочная Нина, о толкование которой сломали немало копий немало исследователей пушкинского творчества?

...в стихотворении лирический герой дважды обращается к Нине, и, самое интересное, последняя строфа завершается обращением не к возлюбленной, не воспоминанием о домашнем очаге, а безмолвным диалогом с Ниной. Образ Нины сопряжен с лунным пейзажем, с ночным временем, и, вероятно, лирический герой, даже оказавшись дома, будет пребывать в ожидании полночи («полночь нас не разлучит», не разлучит героя и Нину, идеальную возлюбленную), отодвигая на второй план бытовую действительность, докучных гостей, домашние дела и даже милую (ср. с есенинским: «Едет, едет милая, // Только нелюбимая»). Для русского варианта Эроса, как показали работы культуролога Г. Д. Гачева, доминантным является тип именно невоплощённой, неразделённой любви. Для русского человека важнее метафизика разъятия...

Нина... Возможно, здесь, в «Зимней дороге» Пушкина, милая и Нина и впрямь разные женщины. Так же, как у Достоевского в «Идиоте»: князю Мышкину дорога Настасья Филипповна, но дорога и Аглая Епанчина. Притом это не только две разные героини стихотворения. Это две ипостаси вечно-женственного, ewig Weibliche на русский манер.

Это – две дороги, две судьбы, и обе – несбывшиеся...

И путь, ведь путь – не только заснеженная столбовая дорога либо заметённая снегом лесная тропа; путь для русского поэта – во многом (и, может, даже в первую очередь!..) не географический путь, а дорога Духа, ибо поэту дорог Дух, и он всё время, и земное и посмертное, находится в дороге, на пути к высотам Духа. Он должен пройти насквозь всю русскую равнину – и выйти к той высоте, на которой будет он расти века, всю вечность, как тот одинокий и могучий дуб в русской песне на слова Алексея Мерзлякова – ипостась одинокого, без милой ведущего жизнь добра молодца.

Зима. Метель. Ночь. Тьма. А где же свет? А свет идёт от луны, от звёзд, даром что они тают, исчезают в туманной дымке, во вьюжном круговращении. Марианна Дударева даёт нам задуматься о том, что есть мифологема Тьмы для русского поэта. И здесь надо вспомнить современного русского философа Александра Дугина и его размышления о цивилизациях диурна (Дневного, сжигающего, солярного начала) и о древнейших культурах ноктурна (начала Ночного, в драматизме – мерцающего, в мистике – режима довременной Тьмы), напрямую связанного с культом Реи-Кибелы, с ночной богиней Гекатой, с Луной-Артемис.

Мысли о смерти посещают всякого человека, не только поэта. Но русского поэта они не просто посещают – он, вдыхая жизнь, одновременно глубоко, до дна лёгких вдыхает и смерть, понимая, что ею пронизана плоть жизни, и что, может, она, смерть, и является чистым торжеством чистого (непознаваемого и никем ещё не познанного!) Духа. В этой связи автор книги, читая Пушкина, внезапно обозначает колоссальной силы догадку: «... и, докучных удаляя, / Полночь нас не разлучит...» – это не просто возлюбленные обнялись в желанном уединении. Это часовая стрелка жизни совершила круг – дневной ли, годовой, жизненный! – и вот она, суждённая полночь смерти. Личный, для каждого живущего, Апокалипсис. Уход в Миръ Иной. Значит, неведомая Нина – прямая и грозная (и Эрос часто бывает грозным!) вестница Иномірия. Лунная богиня. Роковой звон смертного часа, который один и соединяет полнощной истиной – истинно любящих (так, как соединила смерть Ромео и Джульетту, Тристана и Изольду, Паоло и Франческу, да и самого Пушкина и его Натали...).

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

Ямщик устал от дороги и смолк, луна исчезает в тумане, и с ней, вероятно, исчезает и Нина – до следующей полночи (молчание в традиционной культуре связано с «тем светом», «тишина, молчание становятся универсальными атрибутами, маркерами всей сферы смерти»).

Ночь есть апология русского поэтического бытия. Ночь и зима. Возможно, не только русского. Ближайшие соседи славян в Европе, немцы, воспевали и обожествляли ночь и зиму. В пушкинские времена жил в городе Вене композитор Франц Шуберт; он написал около восьмисот песен, чудесные симфонии, квартеты, экспромты – и сторел от неизлечимой болезни в двадцать восемь лет. Словно предчувствуя свою кончину, незадолго до смерти Шуберт создаёт вокальный цикл «Зимний путь» (Winterreise) – на слова друга-поэта Вильгельма Мюллера. Песни из этого цикла как нельзя лучше отражают и выражают ночную магию, ночное, тёмное запределье, откровенный ноктюрн, тягу к смерти, которой на всю жизнь награждён Богом поэт. Архетип дороги тут предстает во всей красе. Для меня музыка Шуберта здесь тесно сплетается со всеми ночными и зимними стихами Пушкина и со смелым погружением Марианны Дударевой в ночную стихию русского Логоса, в метельное пространство сна, зеркала (призрачная луна во вьюжной ночи – круглое степное зеркало...), в звёздный туман смерти, воплощённой в бесконечном волчьем вое метели над просторами Печоры, Невы, Волги, Двины, Оби, Енисея – и над временами, которых нам не познать, а только в высоком, необъяснимом поэтическом сне увидеть.

Кто такие Пушкин и Лермонтов? Шагнём из затверженных наизусть со школьных лет творческих портретов – сразу в дударевскую апофатику, в смелое дударевское понимание русской тоски как бесконечного и безграничного степного, лесного, холмистого, равнинного зимнего пути, в осознание того, что русский поэт намного ближе стоит к развёрстанным безднам Космоса, чем мы думали раньше. Космичен исследовательский взгляд Марианны. Она словно бы сверху, с высоты – вниз, из далёкой дали – на всё, что расстилается внизу, на всю необъятную русскую землю, смотрит на русскую поэзию; и вот, глядя таким взором с небес, из Космоса, на отдельно взятое стихотворение, она внезапно (волшебство! апофатично!) оказывается внутри него, и тогда стихотворение открывает ей (и нам) такие тайны, которые нам и не снились. Грань, граница классической герменевтики перешагивается свободно и непринуждённо. Зимний путь блестит под луною, сверкает алмазный снег, и вот он, портрет возлюбленной Руси-России – как портрет «идеальной возлюбленной» Нины, что одинокий путник хранит на тёплой груди под овечьим тулупом (и, заметаемый в дикой ледяной степи густым снегом, умирая, он на прощанье его поцелует). «Хозяин и работник» Льва Толстого, потайно-сердечные стихи Ивана Сурикова, ставшие народной песней («Степь да степь кругом, / Путь далёк лежит... / В той степи глухой / Замерзал ямщик...») – всё об этом. О вечном русском страннике, что замёрзнет посреди безлюдных просторов, в белой пустоте, в снежном русском Абсолюте, а горячего сердца своего хищному зверю-диаволу не отдаст, а только Богу принесёт – нательный

крест целуя, портрет жены или любимой к губам прижимая. Любовь – вот последнее святое сердцебиение русского скитальца.

Таков дальнейший – в книге – взгляд Марианны Дударевой на космического, уже по морю безбрежному, как по небу, плывущего, неведомого аргоната-странника, воплощённого в символе-знаке морском, корабельном, лодочном, в стихотворении Лермонтова «Парус».

* * *

Что такое вечность? Что такое смерть? Конечность существования парадоксально предполагает его же бесконечность. В какие формы вожденная бесконечность отольётся после Великого Перехода, что в свой срок предстоит совершить каждому?

Поэт ближе всего стоит к бесконечности. И ближе всего стоит к смерти. Поэт уравнивает двухполюсную, биполярную Вселенную в своём сердце; сердце поэта – тот лакмус, коим проверяется вся вертикаль бытия, а может статься, и весь его объём – и стрела Времени, и безграничный шар Космоса, внутри которого «Дух веет, где хочет».

Поэт ничего не боится. Ни трагедии, ни праздника. Нет постоянно-го, вечно длящегося праздника, и нет перманентной трагедии; никто не знает часа своего, и это неведение для человека благословенно, ибо дает ему возможность свободного вдоха-выдоха – без обречённости точно назначенного ухода, – а для поэта и воина – тем более радостно: «Делай что должно, и будь что будет».

Стихотворение Михаила Лермонтова «Парус» донельзя хрестоматийное, до звука и вздоха, казалось бы, выученное наизусть русскими людьми всех возрастов и всех социальных страт. Поэт стоит на берегу, парус белеет вдаль, и парус (это важно! это тоже знак Рока!) «одинокий». И, несмотря на то что поэт (= лирический герой) его видит в морской дали с берега, внезапно угол зрения дерзко смещается, оптика становится иной, и это не поэт глядит вдаль, а тот, кто там, на ладье, глядит в туман – туман моря, иных берегов, иного царства, иных времён...

Далёкая страна – страна предков, «иное царство», к которому стремится этот парус – и мы вслед за ним. На это указывает и явление тумана, которое, по мировым мифологическим представлениям, связано с «тем светом», с душами умерших, напоминающих о себе в этом мире через приход ветра, дождя, тумана, а также с движением мифологического героя к Мировой оси, которое происходит посредством тумана (из литературы прекрасный пример – сцена похищения Людмилы с брачного ложа Черномором: «И кто-то в дымной глубине // Взвился чернее мглы туманной...»).

Однако мы всё же не знаем доподлинно, парус плывёт от нас или к нам, ведь в глаголе «белеет» сокрыт двойной смысл: виднеется где-то вдалеке или приближается к нам. Это путь и беспутье (наше) одновременно, как в пушкинских «Бесах».

Парус становится бифункциональным мегаобразом. Он обнимает собой покинутую родину и иные, грядущие земли, «страну далёкую». Он тоскует по тому, что оставил, и всемерно тянется к тому, что только ещё откроет, завтра, в дымке лет, в туманном *sfumato* иных веков. Лермонтов изображает невероятную близость катастрофы, да что там – человек-Парус уже существует внутри катастрофы, борется с нею, как

борются со стихией: «.. ветер свищет, / И мачта гнётся и скрипит...» – это отнюдь не наблюдатель на берегу спокойно стоит и, любопытствуя, созерцает таинственно, непонятно белеющий «в тумане моря голубом» парус, а человек, отождествлённый с парусом, человек-Парус напрягает мышцы, одолевая грозную бурю...

Вот оно, столкновение Построенного и Нетварного! Лодку выстроил человек, и парус на неё поставил он же; а стихия безлика, безмолвна, бесстрашна, несмотря на гибельную громоподобную экспансию; и плод работы человеческих рук в одно мгновение может быть уничтожен разбушевавшейся стихией, состоянием Природы. И от гибели утлого судёнышка в морских волнах останется лишь память. Память? Неужели? А кто станет свидетелем этой смерти в море? И памяти не останется.

Зачем же тогда жить? Зачем бороться? Зачем – и вот она, апофатичнейшая странность человеческого бытия – искать не умиротворения, а трагедии, катастрофы, светопреставления! «А он, мятежный, просит бури, / Как будто в бурях есть покой!». А ещё Марианна Дударева здесь ведёт нас вглубь образа и его философии, в глубину цвета, колористики, – столь же внезапно, как перемещение локаций (с берега в морскую даль, от наблюдателя – к скитальцу), меняется окраска ландшафта, а сам ландшафт здесь не столько реальный, сколько иномирный, космически бытующий, – и где же буря? А нет никакой бури! Наступил изумительный, торжественный покой! Финальная строфа стихотворения потрясает. Мы оказываемся под сводами дворца счастья, что обнимало землю до нашего рождения и будет обнимать в том постапокалиптическом Мире, где все «воцаришася со Христом тысящу лет: прочии же мертвецы не ожиша» (Откровение Иоанна Богослова). Мы словно бы вошли в Райский Сад, подножие которого омывают ласковые (лазурные) морские волны. А может быть, море, как перевёрнутое небо, и есть тот мечтаемый Эдем, и есть возвращение домой любого путешественника, любого трагического всесветного странника? Эдем, покинутый когда-то, явившийся туманной родиной, лишь снящейся изгнаннику... и вот Эдем вернулся, и вот странник возвратился к Эдему!

А нужен ли Эдем? А потребен ли он тому, кто вкусил страстное (ещё немного – и демоническое!) наслаждение катаклизмом, катастрофой, бурей?

Туман – предвестие бури, а внутри самой бури волны «играют», и это знак, указывающий на момент наслаждения свободой, это то состояние, что охватывает бойца посреди жестокой сечи, странника перед пропастью («Есть упоение в бою / И бездны мрачной на краю, / И в разъярённом океане, / Средь грозных волн и бурной тьмы, / И в аравийском урагане,

И в дуновении Чумы. / Всё, всё, что гибелью грозит, / Для сердца смертного таит / Неизъяснимы наслажденья — / Бессмертья, может быть, залог! / И счастлив тот, кто средь волненья / Их обретать и ведать мог...» – А. С. Пушкин, «Пир во время чумы»); и вдруг расстилается перед нами синь морского Эдема, и сияет безоблачная синева Эдема небесного, насквозь просвеченная солнечным, горным, иконописным золотом:

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Лазурь, лазоревый – сложный цвет, состоящий из нескольких. Во-первых, лазурь, которую получали из лазурита, использовали в иконе для одеяния Пресвятой Девы. Во-вторых, лазоревый – магический цвет, например, лазоревых обрядовых (купальских) цветов в фольклоре.

И под парусом, и над ним – свет, и в этом ответ Бога. Золотой луч, который как бы простреливает бытие от верха до низа. Но в этой иконичности есть апофатический элемент – борьба, сопротивление, даже мятеж, без которых, по тонкому наблюдению В. М. Марковича, невозможен прорыв вперёд. Конечно, мятежность паруса наталкивает нас на мысль о некоторой демоничности, непокорности (Богу), но эта непокорность – по Его воле – вписана в архитектуру всего сакрума.

А путь – что он? Он продолжается. Путь, дорога, странствие становятся единственным упованием Идущего, того, кто собой разрезает пространство и сшивает куски Времени. Человек-Парус странствует, и никто, и он сам, не знает, когда путь оборвётся. Он «просит бури» (втайне – просит конца бытия, предвкушает суждённый последний час!), но золотой солнечный луч благословляет его, здесь солнце – прямая и безусловная ипостась Бога благодатного, и, значит, любой демонизм, любой вектор Хаоса путнику уже прощён; он идёт (плывёт, парит, летит...) по неизреченной дороге Космоса, собою, своей песней и молитвой гармонизуя Сущее.

* * *

А вот он и Серебряный век.

Вот он, иной путь, иная зима, иные метели; это снега Александра Блока, обнимающие тихо и нежно, босиком по снегу идущего перед красными матросами Христа Бога; это путь Сергея Есенина от «Москвы кабацкой» в неведомую даль и к тому страшному зеркалу, где он узрит рокового Чёрного человека; это звёздные выюги о. Павла Флоренского и снегопады-перепутья Василия Розанова.

Зимние сумерки над Россией грозно сгущались, переходя в непроглядную зимнюю ночь. И ночь эта становилась ночью странников: и странников по земле (революция... война... эмиграция... скитания в поисках пристанища, где бы голову приклонить и хоть на миг уснуть, не видеть смертей и страданий...), и странников Духа, когда поэт сполна понял, что такое внутренняя эмиграция, а идущие на казнь люди повторяли слова последнего, расстрелянного русского Царя: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят».

Мгла, сумерки, тьма, – именно в них превратился тот лермонтовский мерцающий морской туман, дымка таинственного страннического sfumato! Недаром в эти годы Освальд Шпенглер называет свой философский двухтомник «Закат Европы», и никто ещё не знал в те годы, что «Сумерки богов», финальная опера знаменитой оперной тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов», отдаст своё название закату гитлеровской Германии в 1945 году. Закат... уход... сумерки... сумеречное состояние сознания, и личного, и общественного... Ломка времён предполагала опасное путешествие Духа – из, казалось бы, счастливо найденного Космоса опять в кромешный Хаос. И Марианна Дударева раздумывает о существовании, о совместном бытии, о двойном архетипе Света-Тьмы, сочетание которых на выходе даёт тревожащий, чреватый необъяснимыми трагедиями сумеречный колорит:

Мгла – не просто символ-знак, это ощущение смерти, *sensus mortis*, восприятие смерти; она связана с сумерками в мировой культуре. И мглу, и сумерки можно описать как временное отсутствие света. Культурологи Н. В. Брагинская и А. И. Шмаина-Великанова в своей совместной работе об апофатике света пишут о явлении света вечернего и не вечернего, что онтологически одно и то же. Русский философ В. Розанов в труде «Сумерки просвещения», размышляя о разных типах образования, от корней, от народа и от государства, тоже точно описывает это предсмертное состояние в культуре: «В таких сумерках, когда небо не освещается ни солнцем, ни луной и звёздами, чтобы ни произошло на земле, на ней не будет темнее». Это состояние – ожидания, разрешения ситуации в пользу жизни или смерти.

Так, и образ мглистого сердца у С. А. Есенина – символ вечной поруки жизни и смерти, трансформации, инвертированной действительности, сердца, готового принять по-пушкински («Руслан и Людмила») мировую полночь. Если бы проблема была в мрачном сердце героя, смиренного со своей участью гуляки и шарлатана, отречься от людей, то в конце стихотворения нас бы ожидал другой итог, но этот образ не исчез, с помощью его создается кольцевая композиция и выход из болезни:

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омут в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

Как же найти верный путь во тьме? Как не заблудиться в сумерках? А быть может, надо именно пьяно, бешено заблудиться, надо колесить по лесам и полям, рассекав шумно-безумные улицы городов-монстров, вдыхать до дна лёгких ядовитые миазмы пороков и извращений? А потом каяться грешнику и очищаться. Дотла. До дна. Путник, видящий Бога, чист. Его не поколеблют вопли толпы. Ещё Пушкин учил художника всецело сосредоточиться лишь на собственном творении, принадлежащем отнюдь не ему, а Богу:

...Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечёт тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Именно в эти трагические годы России, замечает Марианна Дударева, в сознании русского художника кристаллизуется новое ощущение, новое осознание смерти; смерть уже больше не рок, не наказание, не трагедия оборванной жизни, не ждущее за гробом воздаяние или Райская награда, а нечто иное, гораздо более объёмное и величественное:

Однако если совершить послание в смерть, о чем пишет С. А. Есенин в 1918 году в «Ключах Марии», как бы пристально взглянуть в нее, принять, то она

станет откровением: «Ничто не даётся без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть».

Сердце мгlistое – амбивалентный образ сердца, которое готово к принятию посылов, знаков «того мира», сердце, озаряемое божественным лучом, ведущим к прояснению, просветлению.

У Рихарда Штрауса, немецкого композитора рубежа веков (XIX и XX), есть симфоническая поэма с удивительным названием: *Tod und Verklärung*, «Смерть и просветление». В переломные, чреватые большой кровью, вихревые эпохи человек обращается к феноменологии смерти – вполне ожидаемый парадокс, закономерный, ибо точка нравственной опоры в жизни исчезает, и приходится искать её не в бытии, а в небытии! – как к спасению; катарсис вследствие осмысления или созерцания смерти, а в конце концов – и собственного, личного её переживания и проживания (смертного часа, последней минуты...) углубляет личностные позиции человека не только в предельно обескураженном обществе, но и в тысячелетия назад потерянной им Природе. Струю «светлей лазури» и «луч солнца золотой» можно любовно осмыслить и интенсивно почувствовать только потому, что они не вечны, обречённо-конечны, даны в нашем восприятии ярчайшей вспышкой здесь и сейчас.

Время революций, время войн повернуло человека, и тем более поэта, лицом к жестокому мировому зеркалу: в нём он увидел и самого себя – иного, незнакомого, и современников, растерянных и мечущихся или, напротив, по-военному жёстко-собранных и зрело-мужественных; увидел там, в туманных зеркальных глубинах, абрис Нового Мира, который только с виду напоминал всё тот же видимый во снах, утраченный Эдем; в нём поэт узрел собственное сумасшествие и всеобщее юродство; и, главное, он увидел всё тот же Зимний Путь – всё ту же русскую дорогу, ведущую от вечной зимы и зимней земли в упованные, обетованные небеса, и Марианна Дударева показывает нам путь, в море снега, подчас без лощи, на ощупь, на звезду дерзкой интуиции, этого нашего родного русского Корабля:

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными – кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

И когда от земли (даже из недровых глубин, где начинаются корни Мирового древа) до неба, в котором сверкает на крыше крестьянской избы петушок, ты окинешь созерцательно родину, то увидишь иную землю, корабельную Русь, плывущую в небо, то почувствуешь себя на корабле (Земля – корабль!). Неслу-

чайно Г. Свиридов один из своих главных циклов, написанных на ранние стихи С. Есенина, назвал «Отчалившая Русь» – парящая Русь, поднимающаяся к звездам и над ними...

Так зимний путь уходит в небеса, и так сливаются в символике Руси-России небо, море и земля, поминутно маняще меняясь местами, переливаясь радугой речной перловицы, тонкой песней дудочки-жалейки и деревенской самодельной скрипки, что призвана сыграть занебесную Музыку...

* * *

А Александр Блок, с его загадочной, вот уж подлинно апофатической поэтикой, корнями уходящей в промёрзлую почву, в вечную зимнюю мерзлоту таёжной, лесостепной, тундровой Руси, а вершиною достигающей раскидисто-вихревых, необъятных звёздных рукавов Галактики (Галактика машет этими гигантскими звёздными руками, их золотым шитьём в пространстве-Времени, как махала сказочная Царевна-Лягушка рукавами в буйном пиру-похмелье, выпуская из рукава, вместо птичьих косточек-объедков, чудесных, царственных гусей-лебедей), – этот поэт рубежа времён, Александр Блок, надменный, страстный, скорбный, ранимый, явился одновременно и финальной концентрацией мелодий двухсотлетнего Зимнего Русского Пути (считая с календаря Михайлы Ломоносова), и точкой отсчёта, началом новой сияющей Звёздной Русской Дороги (сквозь кровь и смерть – а тем неистовее стремление...) в высокий Большой Космос.

Творчество Блока наслонилось на творческую мысль русских философов-космистов. Начав с параллелей, задействованных ещё в Средневековье, у Данте и Петрарки, с гармонизации эйдосов Прекрасной Дамы, воспеваемой Владимиром Соловьёвым (и из Мадонны, *Mater Dei* пушкинского «Рыцаря бедного»), она незаметно и неуклонно превращалась в Софию Премудрость Небесную, и эта софийность Космоса, его вечно-женственное начало, его славянское *Ewig Weibliche* постепенно стали основной нотой философского русского оркестра...), Блок переходит к открытому и откровенному изображению Руси-России, олицетворяя её, накидывая ей на живые плечи живой, расшитый переливчатой златою нитью, расписной парчовый плат, заставляя нас на полустанке, на ямщицкой ли смене лошадей, на ступенях ли гудящего всеми колоколами собора заглянуть ей, вечной Руси, в прекрасное молчаливое лицо... Она то лежит, мёртвая, сбита поездом, «под насыпью, во рву некошеном» (всё в том же «цветном платке, на косы брошенном»!), то встаёт перед глазами святым любовным воспоминанием («Неужели и жизнь отшумела, / Отшумела, как платье твоё?...»), то глядит поэту в лицо целою страной, целою землёй, чьи песни жарко бьются сердцу – «Как слёзы первые любви...».

Марианна Дударева ещё плотнее, ещё крепче связывает проговорённые, пропетые в блоковском стихе архетипы исконной русской жизни – жалость и разбой, удал и тихую поступь, покорность и жестокость, чародейство, что изначально считалось метой дьявола, и благословенное сияние страдального Креста:

Первая любовь, безусловно, жертвенная, когда человек готов отдать всё сердце, преодолеть свою самость, эгоистичность, и понятно, почему в третьей строфе возникает это чувство жертвенности:

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Здесь «тебя» читай как «себя»: если Россия-Русь страдает, то и её герой страдает, но продолжает нести на плечах этот крест. Эта символика креста ещё раз наводит на мысль о значении серого как одного из высших цветов, сопровождающих Христа (одеяния Спасителя серые). Однако в этой смиренной песне странника, лицезрящего такую Россию, вдруг возникает и другой её лик. Разбойная краса ассоциируется с эротическими силами, с притягательностью, которая привлекает на себя беду. В этом контексте снова возникает пушкинский голос уже из поэмы-сказки «Руслан и Людмила», где прекрасную княжну ворует чародей Черномор. Но после своего иномирного путешествия, испытания смертью Людмила взрослеет, тоже проходит свой инициационный путь, как и Руслан. И итог блоковский, как и пушкинский:

Пускай заманит и обманет, –
Не пропадёшь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Это и есть воссоединение диаметрально противоположных начал – ярчайших признаков Русского Духа на широкой арене мировой культуры! Горизонты раздвигаются. Культурные гигантские плиты обнаруживают тектонические сдвиги. Мир со страхом, с восторгом и ужасом, с любовью и ненавистью оглядывается на Великую Русь: что ещё такого она тут нам отколет, что отмочит, какое безумное коленце в пляске выкинет, какую сумасшедше-разбойничью песню споёт нам всем?! И – поёт! И – пляшет! Ибо её, Русь, не остановить! Это и есть национальный характер во всей красе – одновременно скомошоший и монаший, молитвенно-высокий и торжищно-площадной, тот характер, когда на синем ослепительном льду застылой на крещенском морозе широченной реки пляшут мужики в тулупах, бешено скользят розвальни, стремительнее небесных кораблей, когда оранжевое, медное солнце звенит всеми лучами в зените, как ослепительный бубен, оповещающая звоном-дрожью о Последнем, быть может, Дне, – а мы-то его как раз и празднуем, ибо мы к нему всегда готовы, ибо в нас он, далёко в небе над нами, как туманный звёздный нимб, и одновременно глубоко внутри, из сердца не добыть, никакой острогой не выковырять, никаким мечом не рассечь и не вынуть. Лучше мы – врага – мечом – рассечём!

Мы же помним: «О Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь. / Наш путь – стрелой татарской древней воли / Пронзил нам грудь...». Да, и это Блок. Вечное Куликово поле маячит в новом зимнем дыму новых сражений. Блок – такой же русский поэт войны, как и поэт любви. Сквозь снега он идёт-бредёт, сам – голодный, революционный, молчащий, как викинг, как Чёрный Ярл – превращаясь в слепящую Музыку. «Слушайте музыку Революции!..»

А ведь и Революция – женщина. И война – женщина. И земля – женщина. И Родина, и Русь, и любовь – все они – женщины: вбирающие, принимающие, зачинающие, родящие. «...Обычная русская женщина несёт в себе отсвет великой Софии», – говорит нам Марианна Дударева, и мы – слышим – её.

Александр Блок из конца в конец прошёл свой путь. Ему суждён путь. И прошёл он его со своей Родиной. К своей Родине. Для своей Родины. Россия выбрала его, а он выбрал Россию. И, что самое сакральное и неизъяснимое, путь поэта продолжается. Времени для истинного путника нет; с уходом странника с земли он рождается на Родине в Духе; с каждым прочтением и осмыслением его строк, его молитв и бормотаний, его ночных песнопений и дневных торжественных, залитых солнцем любви симфоний его путь каждодневно возобновляется, пусть он зимний навсегда; да, мы живём в зимней стране, наша горячая, огненная сила – друг в друге.

Обнимемся. Прижмёмся. Простим. Простимся. Поцелуемся. Друг друга на путь и битву – благословим.

* * *

...И правда, мифологема пути всегда лишь начинается. Никогда не заканчивается. Таков феномен символа-знака пути. Дорога может быть какою угодно: стрелой, круговращением, захлёстывающей петлей, арканом, лабиринтом, набегающими на берег ритмичными волнами, разверзающейся под ногами и перед душою бездной. Пройти над бездной босыми ступнями! Что может быть величественней и притягательнее? Чем ещё можно искупить ошибки и утешить в горе, и утереть слёзы? Христос Бог прошёл по воде, и знал Он тогда, что Ему суждено. «Се, Агнец Божий, вземляй грехи Мира».

А русская поэзия, лучшие, ярчайшие её образы в превосходном герменевтическом рассмотрении Марианны Дударевой – вот наш радостный путь босиком по воде, по льду, по снегу, по небу.

Да, пройти по небу! Завет поэта.

И – идём. И шепчем себе неслышно: вперёд.

И слёзы любви – по лицу.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. А. Рябов

ШЕФ-РЕДАКТОР

Андрей Иудин

МАКЕТ

Арсения Костромина

ДИЗАЙНЕР ОБЛОЖКИ

Анатолий Гришин

КОРРЕКТОР

Лев Зелексон

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Павел Басинский (Москва)

Владимир Безденежных

Валерия Белоногова

Николай Бенедиктов

Дмитрий Бирман

Диана Кан (Новокуйбышевск)

Елена Крюкова

Захар Прилепин

Андрей Рудалёв (Северодвинск)

Роман Сенчин (Екатеринбург)

Евгений Эрастов

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Олег Беркович

Сергей Горин

Олег Захаров

Людмила Калинина

Владимир Седов

Наталья Суханова

Надежда Шевелилова

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ

ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя:
603057, Нижний Новгород,
ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги»
Тел. (831) 412-16-04

Рукописи принимаются в редакции
или по электронной почте:
jurnalnn@yandex.ru

Сайт журнала: www.jurnalnn.ru

Тексты для публикации присылаются отдельным файлом Word с указанием авторства, наименования произведения и библиографической справкой.

Неоткорректированные рукописи с большим количеством ошибок не рассматриваются. Редакция не вступает в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за достоверность фактов несут авторы материалов. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Нижний Новгород» обязательна.

Выпуск издания осуществлен
по заказу
правительства
Нижегородской области

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-60285
от 19 декабря 2014 г.

Подписано к печати 06.12.2023.
Выпущено в свет 27.12.2023.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 21.
Тираж 800 экз. Заказ
Свободная цена.

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,
428019, Чувашская Республика,
Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13